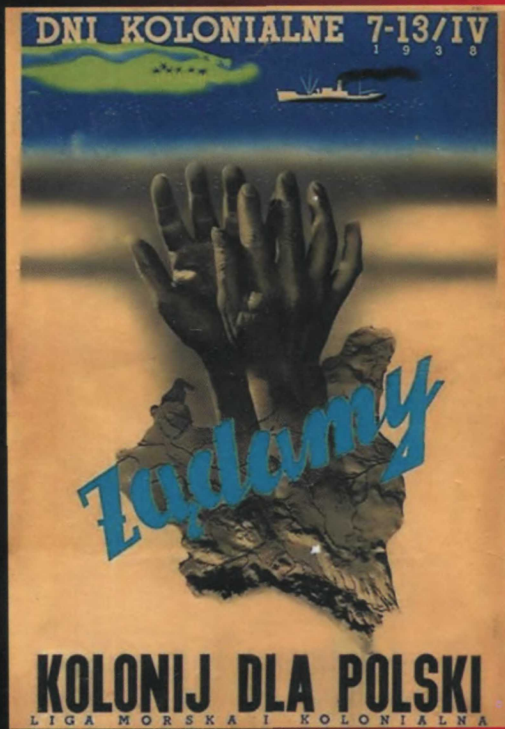

Сергей Лозунько

Уроудливое

детище

Версаля

из-за
которого
произошла
Вторая
мировая
война

Сергей ЛОЗУНЬКО

**«Уроdlливое
детище
Версаля»**

**из-за которого произошла
Вторая мировая война**

Киев
Еженедельник «2000»
Издательство «Довіра»
2011

Вторая мировая война — как принято считать — началась с агрессии Гитлера против Польши. В сентябре 1939-го Польское государство фактически перестало существовать, а его территория была «переустроена»-перераспределена между Германией, СССР и Литвой. Одним из результатов войны стали миллионы жертв среди поляков. Однако то, что Польша пострадала, не снимает с нее значительной доли вины за произошедшее, в частности — за Вторую мировую войну, стоившую человечеству 60 миллионов жизней. Ибо война — продолжение политики иными средствами. Мировая война — продолжение мировой политики. Предпосылки к войне были заложены гораздо раньше, при самом непосредственном и активном участии Польши...

- © Лозунько С. В., 2011
- © Еженедельник «2000», 2011
- © Марыняк В. П., художественное оформление, дизайн, 2011
- © Издательство «Довіра». Оригинал-макет, 2011

ОБ АВТОРЕ

Сергей Лозунько — один из наиболее известных авторов «2000», чьи журналистские расследования и аналитические материалы, касающиеся злободневных политических тем, неизменно вызывают повышенный читательский интерес.

Ведущий аналитик еженедельника снижал славу блестящего исторического эссеиста, имеющего мужественную гражданскую позицию, острое перо и умеющего вести аргументированную полемику.

В основном его внимание как публициста-историка обращено на события украинской истории прошлого века, которые неоднозначно воспринимаются в современном обществе. Пожалуй, из всех исследователей деятельности ОУН-УПА именно Лозунько удалось собрать полный арсенал фактов и убедительных аргументов, изобличающих преступную деятельность бандеровцев. Не случайно в 2008 г. за цикл статей на эту тему ему была присуждена премия им. Ярослава Галана — писателя-героя, погибшего от рук националистов.

Горячие споры, которые ведутся и в виртуальном пространстве, и на страницах «2000», вызывают его неконформистские взгляды, например на сталинский период Украины. Автор нашумевших статей пытается понять условия и мотивы действий Сталина, проявляя точность, педантичность и строго следуя логике фактов. Это еще одна сильная сторона авторского почерка.

Портрет принципиального журналиста был бы неполон без упоминания об аналитических работах, посвященных «оранжевой»

истории современной Украины, в которых Сергей, действительно приравняв перо к штыку, вел решительный, бескомпромиссный бой с «антинародным режимом», разбивая в пух и прах его губительную для государства идеологию. Напомним, его разоблачительные материалы о якобы отравлении Виктора Ющенко публиковались в «2000» в 2006—2008 г. и вошли в книгу «Загадки семьи Ющенко», изданную издательством «Довіра» в 2008-м.

Безусловный дар Сергея Лозунько — это его умение разглядеть и показать самую суть вещей. Многие признаются, что, читая Лозунько, по-новому воспринимают и прошлое, и настоящее.

Можно не сомневаться: новая книга самобытного журналиста, в которой Польша выступает государством, принимавшим активное участие в подготовке Второй мировой войны, — еще один переворот в нашем сознании.

Редакция «2000»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Без двойных стандартов

«Уродливое детище Версаля», из-за которого произошла Вторая мировая война» — так называлась моя статья, опубликованная в еженедельнике «2000» (№37 (381), 14—20.09.2007), которая в общих чертах содержала все то, о чем более подробно я пишу в этой книге.

Польское посольство на Украине отреагировало моментально. На имя главного редактора «2000» С. А. Кичигина поступило полное праведного гнева послание (см. приложения), в котором польские дипломаты выражали «решительное несогласие» с моими «оскорбительными для Республики Польша» размышлениями.

При этом факты, изложенные в статье, и на которых, собственно, была выстроена моя версия событий 20—30 гг. XX в. (в частности, вины и ответственности Польши за Вторую мировую войну) — не оспаривались. Ни один!

Дать свои трактовки упомянутым мною событиям и явлениям польские дипломаты тоже поостереглись. Скажем, как следует относиться к польским территориальным захватам? А ведь Польша ограбила всех без исключения соседей, с которыми имела границы — Германию, Россию (СССР), Литву, Чехословакию. Или: как следует относиться к поддержке Польшей действий Гитлера по уничтожению Чехословацкого государства? Как расценивать претензии Польши на заморские колонии? Как понимать планы тогдашней Польши по восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 года, желание построить «Великую Польшу» «от можа до можа» («от моря до моря» — от Балтийского до Черного), ее «виды» на Украину и Литву?..

Польские дипломаты ушли от исторических оценок. Зато высказали претензии насчет «языковой стилистики и терминов», которые «неуважительно описывают страну, которая в 20—30 гг. XX ст.

возрождала свою государственность после более чем столетнего порабощения». Дескать, войдите в положение (той Польши) и отнеситесь с пониманием, а еще лучше — руководствуйтесь принципом «время было такое» и «восстановление государственности все спишет».

Видите ли, оказались задеты польские национальные чувства!

Как будто многие годы порабощения могут служить оправданием для какой угодно политики страны, восстанавливающей свою государственность. По польской логике, можно и Гитлера оправдать — тоже ведь занимался своего рода возрождением германской государственности после унижительных ограничений Версаля.

Но главное даже не в этом. В Польше написаны горы трудов по истории Российской империи, СССР (включая период 20—30 гг. XX в.). И в выражениях никто особо не стесняется, авторы весьма «неуважительно описывают страну». Какие только эпитеты не сопровождают описание советского режима — и «преступный», и «агрессивный», и «кровавый». Какие только словечки не отпускаются по адресу советских руководителей — и «преступники», и «убийцы», и «палачи».

Однако попробуйте предъявить претензии полякам в стиле письма Польского посольства — мол, оскорбляете наши (потомков тех, кто жил в том государстве) национальные чувства. В ответ услышите нечто вроде: да что вы, мы же не к русскому (украинскому и т.д.) народам претензии высказываем, а к политическому режиму и его руководству!

Так почему можно критиковать, развенчивать, диффамировать советское прошлое — не ограничивая себя в подборе слов для негативных формулировок и не утруждая себя поиском политкорректных характеристик, а польское — нельзя? Почему резкие и жесткие оценки политики Сталина и курса Советского государства тех же 20—30 гг. XX в. мои национальные чувства оскорблять не должны, а вот писать о Польше того времени, о ее лидерах, например Пилсудском, я должен с оглядкой на польские национальные чувства? Что за двойные стандарты?

Нет, Польша — не «жена Цезаря». Поэтому в книге я не стану играть в политкорректность и, что называется, выбирать выражения по поводу Польского государства 20—30 гг. XX в. и его руководителей.

Войну за историю — на территорию противника!

Есть такой фронт — исторический. Победы на этом фронте ничуть не менее важны, чем победы в реальных военных баталиях. За свою историю необходимо сражаться так же, как и за свою территорию, ибо это отнюдь не меньшая ценность. А возможно, и большая. Территорию можно со временем вернуть, отбить у врага — надо только помнить, что это твоя земля. Проиграв или добровольно сдав противнику свою историю — сдаешь и свои права, подписываешь историческую капитуляцию, разоружаешься цивилизационно, лишаясь мобилизационной базы — и назад уже не вернешь ничего!

Своя история — это историческая правота народа. А историческая правота — это внутренняя сила народа, смысл его существования, это настоящее и будущее народа, обращенное в его прошлое. В 1991-м Советский Союз был развален и отброшен на задворки мировой политики прежде всего из-за отказа от своей исторической правоты (и признания исторической правоты Запада). Однако перед Западом капитулировало высшее руководство страны. Но не народ, историческое самосознание которого оказалось куда более крепким, чем устойчивость его предательской элиты перед долларом.

Почему столь модное в последние годы «переосмысление истории» неизменно выливается в диффамацию русского (советского) прошлого, развенчание и ниспровержение русских (советских) лидеров, военачальников, просто известных и авторитетных в народе фигур? Почему Запад не спешит «переосмыслить» в подобном ключе свою историю? Ведь если даже согласиться, что советская историография не всегда была честна, что в пропагандистских целях допускались искажения фактов, извращенные интерпретации событий — то разве того же самого не было на Западе? Разве одним из элементов «холодной войны» со стороны Запада не была психологическая война, прямо нацеленная на историческую память русского и других народов бывшего СССР?

Но Запад как стоял на своей (выгодной ему, Западу) версии истории, так и стоит. «Переосмысляем» только мы. Уподобившись унтер-офицерской вдове, «сечем» свою историю — а по сути самих себя, предков и своих потомков. «Сечем» батогами, вложенными в наши руки тем же самым Западом. Ведь едва ли не все из т.н. «исторической правды», открытой с конца 80-х гг. прошлого столетия, — это из давно озвученного пропагандистского багажа д-ра Геббельса, лабораторий ЦРУ и Ми-6.

Потому что работает принцип «победителей не судят» (этот постулат очень хорошо усвоили на Западе). Наоборот — победители всегда судят побежденных. Иначе победа не только неполная и неочувствительная, но и не до конца обоснованная в качестве справедливого и законного акта. Победителю во что бы то ни стало требуется доказать, что побежденный — не прав, а еще лучше — преступник. Соответственно победа над ним есть акт справедливый. Полагая себя (и, к сожалению, не без оснований) победителями в «холодной войне», западные деятели считают себя вправе раздавать такие исторические оценки всему и вся — по праву победителя. И очень раздражаются, если с ними спорят.

Победители во все времена писали историю, которая служила обоснованием их действий, оправдывала справедливость и законность их приобретений — территориальных, политических, экономических и т. д.: у поверженного врага следует отбить всякую охоту к ревизионизму, сломить волю к продолжению сопротивления, отбить саму мысль о борьбе за восстановление своих позиций и возврат утраченного.

Ибо недостаточно одержать победу — ее еще надо удержать, закрепить и зафиксировать. Все вокруг должны признать эту победу, согласиться с ней как с естественным и справедливым актом.

Для этого проигравшего следует выставить в неприглядном свете — как «агрессора», «империю зла», «исчадие ада», «средоточие пороков» и прочий «источник всех бед» для окружающих стран и народов. А победитель, естественно, должен предстать не хищником, боровшимся за те или иные выгоды, а поборником самых что ни на есть благородных идей и целей.

Осознание своей (навязанной победителем) исторической неправоты (а еще лучше — вины) ставит побежденного в зависимое положение вечно оправдывающегося, кающегося. В таком положении — о каком сопротивлении речь? О каких исторических правах? О каких естественных интересах?

Если же противостояние носило еще и идеологический, ценностно-мировоззренческий характер, то проигравший должен признать «тупиковость» того пути, по которому он ранее развивался и который предлагал другим. Тогда ему ничего не остается, как быть ведомым у «прогрессивного» победителя, следовательно — быть идеологически и цивилизационно зависимым от него.

Пока на постсоветском пространстве на рубеже 80—90-х гг. XX в. впадали в эйфорию по случаю окончания «холодной войны», завершения двухполюсного противостояния и прочей «победы демокра-

тии и свободы», — осуществляли т. с. разоружение и демобилизацию — Запад и не думал сворачивать военные действия. Последние продолжились с новым размахом, но были перенесены в иную плоскость — историческую. Для окончательного закрепления победы в «холодной войне». Ибо, переписав и фальсифицировав историю на свой лад, Запад мог рассчитывать на закрепление выгодного ему статус-кво, сложившегося по итогам «холодной войны», в т.ч. своего цивилизационного лидерства.

В ход пошло «историческое оружие», таящее в себе ту же разрушительную силу, что и танки, пушки, самолеты и ракеты. А возможно, и более опасное — потому что коварное. «Историческое оружие» как радиация — поражает скрытно и незаметно. Оно не убивает физически, но уничтожает нравственно, разрушая мировоззренческие и культурные установки. «Артобстрелы» и «авианалеты» посредством «исторического оружия» бьют по самосознанию, на что не способны обычные вооружения. Человек, которому изменили самосознание, «перекодировали», — это уже другой человек. Прежний погиб. Условно говоря, «был бойцом Красной Армии — стал эсэсовцем». Или полицаем на службе у врага. Молодое поколение, чьи мозги особенно активно «бомбят» «историческим оружием», воспитывают в качестве шуцманов, которые будут готовы стрелять в спину своим дедам и прадедам.

Нельзя не отметить, что мы сами во многом виноваты в нынешней ситуации — разоружились перед лицом наступающего неприятеля, допустили его на свою территорию, недостаточно активно защищались, а от наступления отказались вовсе. Опомнились — а «фон Бок под Москвой», «фон Лееб окружает Ленинград», «фон Рунштедт берет Киев».

«Историческая война», являясь, как и «горячие» войны, продолжением политики другими средствами, в самом разгаре. Ее масштабы увеличиваются. В нее вовлекается все большее и большее число участников — от рядовых обывателей до журналистов, экспертов и даже президентов.

Важно, однако, то, что наступило осознание самого факта: в отношении России, Русского мира ведется «историческая война» — «историческим оружием». Российские власти даже инициировали создание структур, призванных бороться с фальсификацией истории. Все верно, на войне как на войне: нельзя молча взирать, когда в тебя палят из всех стволов — надо как минимум отстреливаться.

Однако и нынешняя защитная позиция «отстреливающегося» ущербна. Это пассивная позиция. Это позиция обвиняемого, сидя-

шего на исторической «скамье подсудимых», которому самозванные «судьи» выдвигают все новые и новые обвинения — успевай отбиваться и обеляться там, где мы и так не замазаны. Мы если не оправдываемся за пакт Молотова—Риббентропа или Катынь, то объясняемся, почему нацизм нельзя приравнять к коммунизму.. Таким путем войну за историю не выиграешь.

Как известно, лучшая оборона — нападение. Справедливо и следующее: сильные государства защищают свои интересы на чужой территории, слабые — на своей. Эти истины в полной мере применимы и к истории. До тех пор, пока война за историю будет проходить на нашей территории, пока исторические баталии будут разворачиваться вокруг событий нашей истории, пока «судить» будут нас — мы априори будем слабее, наши шансы на победу изначально будут ниже.

Поэтому необходимо переходить в историческое контрнаступление. Переносить «боевые действия» на территорию противника — Запада. Пусть они защищаются! Пусть они отбиваются! Пусть они объясняются! Пусть они оправдываются! Им есть за что!

Юзеф Пилсудский
с легионерами
на Волыни. 1916 г.

На «большой дороге» независимости

«Бей большевика».
Польский плакат.
1920 г.

Польского джина выпускают из бутылки

Одним из итогов Первой мировой войны стало возрождение Польского государства на руинах Германской, Австро-Венгерской и Российской империй.

Своему воссозданию Польша была обязана исключительно благоприятному стечению обстоятельств, исторической удаче, о которой поляки вряд ли могли даже мечтать.

Действительно, перед Первой мировой держателями «польских акций» были державы, находившиеся в противоборствующих блоках (Австро-Венгрия и Германия с одной стороны, Россия — с другой). Победа любой из сторон — Центральных держав или Антанты — не сулила никаких особых перспектив для полноценной польской государственности. На что могли рассчитывать поляки, так это на получение некоторых более-менее широких прав автономного развития в рамках той или иной империи. Максимум — на создание вассального государства, весьма ограниченного территориально.

Но полякам крупно повезло: Австро-Венгрия и Германия потерпели поражение, а в России произошла революция и гражданская война. И все это в один исторический момент. Все три империи, когда-то разделившие между собой польские земли, не имели никакой возможности удержать их за собой. Поляки предоставленный историей шанс не упустили.

В Первую мировую наряду с пушками и пулеметами, танками и аэропланами, линкорами, подводными лодками и удушающими газами широкое, доселе невиданное применение получило такое оружие, как пропаганда. Удар этим средством массового поражения наносился по наиболее уязвимым местам противника. Одним из них стала национальная разнородность противоборствующих держав.

Национальная карта масштабно разыгрывалась в Первой мировой войне. И со стороны Антанты, и со стороны Центральных держав в войне участвовали империи, имевшие под своей властью народы, стремящиеся к независимости. Вполне естественно, что этот фактор использовался с целью внутреннего разложения и ослабления противника. Кроме того, «борьба за права угнетенных народов» стала пропагандистской фишкой, с помощью которой стороны пытались придать благородную окраску своим устремлениям в войне.

Военная пропаганда — это обычно бутафория, нечто вроде театральных декораций. Но, как это нередко бывает в условиях реальной жизни (в отличие от театральной сцены), декорации начинают жить собственной жизнью, а инициированные в качестве декоративных (и декларативных в своей сути) процессы обретают саморазвивающийся характер, неподконтрольный их инициаторам.

Особо преуспели в деле военной пропаганды англичане. Но и немцы достигли успеха, особенно на «русском направлении». А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» отмечал: «Работа велась в трех направлениях — политическом, военном и социальном. В первом необходимо отметить совершенно ясно и определенно поставленную и последовательно проводимую немецким правительством, идею расчленения России. Осуществление ее вылилось в провозглашение 5 ноября 1916 г. польского королевства, с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении «как можно далее»; в создании «независимых», но находящихся в унии с Германией — Курляндии и Литвы; в разделе Белорусских губерний между Литвой и Польшей, и наконец в длительной и весьма настойчивой, подготовке отпадения Малороссии, осуществленно-го позднее, в 1918 г.» (1).

Однако, как отмечал Людендорф, «Россия творила свое несчастье сама, и работа, которую мы вели там, не была слишком трудным делом» (2). И в этой фразе речь не только об идеях революционеров на предмет «освобождения народов» и «права наций на самоопределение» (звучавших в полную силу со второй половины войны), но и той подпиткой, которую получала немецкая пропаганда непосредственно от царского правительства, своими официальными заявлениями возбуждавших сепаратистские надежды окраин.

Сразу после начала Первой мировой, принимая во внимание, что польские земли оказались в прифронтовой зоне и желая завоевать симпатии и лояльность поляков в войне с Германией и Австро-Венгрией, российский император Николай II обнародовал

Высочайший Манифест, в котором пообещал предоставить Польше автономию.

14 августа с «Возвращением к полякам» обратился Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Документ провозглашал одной из целей России в войне — воссоединение всех частей Польши (разделенных в конце XVIII в. между Россией, Австрией и Пруссией) под властью русского царя: «Поляки, пробились часть, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться. Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея... Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да воссоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русского Царя. Подъ скипетромъ этимъ воссоединится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправлении.

Одного ждетъ отъ васъ Россія: такого же уваженія къ правамъ тѣхъ національностей, съ которыми связала васъ исторія. Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ къ вамъ великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣль мечъ, разившей врага при Грюнвальдѣ. Отъ береговъ Тихого океана до сѣверныхъ морей движутся русскія рати. Заря новой жизни занимается для васъ...» (3).

Таким образом опять взболтнули бутылку с «польским джинном», закупоренным в 1863—1864 гг. во время последнего польского мятежа. Понятны желанія царя заручиться поддержкой поляков. Однако вряд ли можно было рассчитывать, чтоб поляки прильнули к руке дающего. Любые шаги навстречу только разжигали в поляках пламя национализма, устремления к великодержавности и бредовые в силу своей неадекватности мечты о воссоздании Речи Посполитой в границах 1772 г.

Ведь и прежде в истории — чем больше царь даровал свобод Царству Польскому, чем лучше Россия пыталась относиться к полякам — тем наглее и вызывающе они себя вели. Упомянутый мятеж 1863—1864 гг. случился в условиях как раз целой массы ослабленных, дарованных полякам.

Со вступлением на престол Александра II был значительно либерализован режим военной диктатуры, установленный после польского бунта 1830—1831 гг., амнистированы свыше 9 тысяч его участников. Были разрешены к изданию сочинения А. Мицкевича и других ранее запрещенных цензурой авторов. Католическая церковь получила полную самостоятельность (вступил в силу конкордат, заключенный между Россией и Ватиканом в 1847 г.). Получила свободу оппозиция, в частности, Общество землевладельцев во гла-

ве с графом А. Замойским. В марте 1861-го царским указом Царству Польскому была дарована автономия, создан Государственный совет Царства — высший совещательный и контрольный орган, сформирована польская гражданская администрация и выборное местное самоуправление (губернские, уездные и городские советы).

А в благодарность — мятеж! Причем направленный не просто на отделение от Российской империи Царства Польского, но (безграничная польская наглость!) и на отторжение от России собственно русских земель Белоруссии и Правобережной Украины, когда-то находившихся во владении Речи Посполитой. Это весьма по-польски: взывать к праву поляков на свободу и тут же пытаться набросить польское ярмо на шею другим народам. Именно такой *modus operandi* продемонстрируют поляки в ходе и по окончании Первой мировой войны.

Центральные державы с целью ослабления Российской империи, само собой, активно разыгрывали «польскую карту». В целях провоцирования сепаратизма российских окраин германский и австро-венгерский генеральные штабы изобретали независимые Украину, Латвию, Литву, Эстонию, Финляндию... и, конечно, Польшу.

В 1916-м Центральные державы озвучили идею возрождения независимой Польши. Точнее — «независимой». Ибо в Берлине и Вене никто всерьез не помышлял о полноценном воскрешении Польши из исторического небытия.

5 ноября 1916-го германский генерал-губернатор в Варшаве (к тому времени занятой войсками кайзера) и австрийский генерал-губернатор в Люблине опубликовали от имени своих монархов манифест о создании «независимого польского государства» — «Королевства Польши». В декабре 1916 г. был создан Временный государственный совет как орган управления Польшей.

Однако согласно австро-германскому тайному соглашению, которое станет известным лишь по окончании войны, в состав этого «государства» должны были быть включены только некоторые территории Царства Польского. При этом Германия и Австро-Венгрия планировали прирасти на Западе новыми польскими землями («польское государство», правда, получало некоторые компенсации за счет Украины и Белоруссии) (4). Само собой, «возрожденная Польша» под германо-австро-венгерским омофором должна была быть вассальным, марионеточным государством Центральных держав.

В ответ на указанный манифест Центральных держав царское правительство 15 ноября 1916 года опубликовало свою декларацию

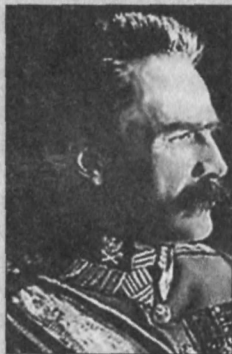
о будущем устройстве Польши на автономных началах в составе Российской империи (декларация во многом повторяла царский манифест и воззвание к полякам 1914-го).

В Германии одним из главных проводников идеи «независимой Польши» являлся тогдашний германский канцлер фон Бетман-Гольвег. Бетман стал и крестным отцом Юзефа Пилсудского как государственного деятеля.

Уроженец Литвы, являвшейся тогда частью Российской империи, Пилсудский со студенческих лет включился в революционное движение, надеясь использовать его для восстановления независимости Польши. Он и его старший брат имели отношение к покушению на Александра III (по этому процессу были казнены пятеро народовольцев, включая Александра Ульянова). А молодой Юзеф Пилсудский получил пять лет ссылки в Сибири (его брат — пятнадцать лет каторги). Тщетными оказались его надежды использовать во имя независимости Польши события революции 1905—1907 гг. Наконец, подоспела Первая мировая война. Пилсудский решил использовать противоречия между державами, когда-то разделившими польские земли. Если немцы рассматривали Пилсудского в качестве инструмента борьбы с Россией, то он их — в качестве тарана против Российской империи.

Учитывая определенную популярность Пилсудского среди поляков, Бетман-Гольвег позволил ему сформировать «польское правительство». Взамен Пилсудский от имени «независимой Польши»

Пилсудский (Piłsudski) Юзеф (05.12.1867 — 12.05.1935), польский государственный, политический и военный деятель. Родился в шляхетской семье. Учился на медицинском факультете Харьковского университета, из которого был исключен в 1885 г. за участие в студенческих волнениях. В 1887 г. был арестован по обвинению в подготовке покушения на Александра III. В 1888—1892 гг. в ссылке. В 1892 г. примкнул к Польской социалистической партии (ППС). В 1904-м, после начала русско-японской войны, посетил Токио с целью установления сотрудничества с японской разведкой, заинтересованной в ослаблении русского тыла. В 1905—1907 гг., выступая против совместной борьбы польских и русских рабочих, создавал террористические «боевые группы». В 1906 г. один из создателей националистической ППС-революционной фракции. Рассчитывая на восстановление независимости Польши в результате военной победы Австро-

поддержал Центральные державы и с польскими легионами выступил на их стороне.

Мудрость этого шага постоянно ставилась под сомнение влиятельными политическими кругами в Германии и Австрии. «Был сделан вывод, что... поляки никогда не смиряются со своей зависимостью от центральных держав, что и случилось», — пишет в своих мемуарах известный немецкий дипломат Герберт фон Дирксен. «Вопрос, почему эксперимент Бетмана с польским государством... провалился, слишком сложен, чтобы рассматривать его... Вероятно, он был бы неудачным, даже если бы им занимались и более опытные государственные деятели и ловкачи с обеих сторон», — разводит руками Дирксен (5).

Действительно, эксперимент оказался крайне неудачным для самих экспериментаторов, изначально будучи обречен на провал (с точки зрения ставившихся ими целей). И это относится не только к деятелям Центральных держав, но и ко всем остальным, содействовавшим разжиганию польских националистических страстей. Этот «эксперимент доктора Моро»* вышел из-под контроля, зажил своей собственной жизнью и завершился тем, что пострадали те, кто его инициировал.

---

* Имеется в виду фантастический роман Г. Уэллса «Остров доктора Моро», повествующий о событиях на острове в Тихом океане, населенном животными — жертвами опытов по вивисекции, и, вследствие этих опытов, принявшими получеловеческий облик. Великий ученый и вивисектор д-р Моро выводит звероподобных людей, и одно из творений убивает своего создателя.

Венгрии и Германии над Россией, установил связь с австро-венгерским генштабом, при поддержке которого организовал разведывательную работу и создал в Галиции диверсионно-террористическую организацию «Стрелец». Во время Первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. В конце 1916 г. назначен начальником военного департамента в «правительстве» «независимого польского государства», созданного австро-германскими оккупантами. В июле 1917-го в результате конфликта с оккупационными властями был арестован. После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии освобожден. При поддержке правых руководителей ППС, созданной сторонниками Пилсудского Польской военной организации (ПОВ), легионеров и единомышленников в др. партиях был провозглашен в 1918 г. «начальником (диктатором) государства», каковым оставался до конца 1922-го. Сыграл значительную роль в организации нападения Польши на Советскую Россию (1920). В мае 1926 г. совершил военный переворот, установил в Польше «санационный» режим и был вплоть до своей смерти фактическим диктатором Польши.

Конечно, поляки не собирались удовлетворяться культурной автономией или даже урезанным видом вассального (по отношению к кому бы то ни было) государства. Пилсудский с легкостью «кинул» немцев при первом же случае. Отношения между «польским правительством», в котором Пилсудский играл роль начальника военного департамента, и его крестными отцами в Берлине и Вене становились все более натянутыми по мере того, как те переставали соответствовать его планам создания «Великой Польши». Разрыв был неизбежен. И он последовал вскоре после Февральской революции 1917-го в России. Поскольку новая российская власть признала за поляками право на независимость (Пилсудский даже подумывал о переходе со своими легионами на сторону России), Германия и Австро-Венгрия стали ему не нужны.

В июле 1917-го Пилсудский был арестован и заключен в тюрьму крепости Магдебург — «мера, которая, как с юмором заметил позднее Пилсудский, дала ему возможность стать главой нового польского государства, поскольку тем самым было смыто пятно на его репутации, — сотрудничество с центральными державами» (6)... В истории такое нередко случалось. История Пилсудского чем-то напоминает судьбу Бандеры, который поначалу тоже ставил на Германию, а затем как бы «смыл пятно на репутации», посидев в немецком концлагере, далее перешел в услужение к новым хозяевам — американцам и англичанам (с той лишь разницей, что Бандере не довелось возглавить государство).

Дирксен (Dirksen) Герберт фон (02.04.1882 — 09.12.1955), немецкий дипломат. В 1910—1914 гг. служил по линии Министерства торговли в колониальных владениях в Африке. Участник Первой мировой войны, лейтенант. За боевые отличия награжден Железным крестом II степени. С 1918 г. на дипломатической службе, состоял в составе германской миссии в Киеве. С 1919 г. референт МИД по вопросам стран Балтии. С 1920 г. советник посольства в Варшаве. С 1921-го руководитель польской референтуры в министерстве. В 1923—1925 гг. генеральный консул в свободном городе Данциге. В 1928-м — управляющий Восточного департамента МИД. С 1929 г. посол Германии в СССР. С сентября 1933-го посол Германии в Японии. В 1938-м сменил назначенного министром иностранных дел И. Риббентропа на посту посла в Лондоне. Был противником внешнеполитической линии, проводившейся Риббентропом. После вступления Великобритании в сентябре 1939 г. в войну покинул эту страну и, вернувшись в Германию, вышел в отставку.

В сентябре 1917-го Германия и Австро-Венгрия приходят к решению об упразднении польского Временного государственного совета и создании Регентского совета. Последний был учрежден 12 сентября 1917 приказом германского генерал-губернатора в Варшаве Безелера и состоял из трех членов польской национальности, назначенных германским и австро-венгерским императорами. Естественно, никакой самостоятельной власти этот совет не имел и был полностью подконтролен оккупационным властям. 18 декабря 1917 г. на совещании кайзера Вильгельма II с рейхсканцлером Г. Гертлингом и статс-секретарем МИД Р. Кюльманом было решено вообще прекратить игры в «польскую государственность», в связи с чем была принята программа присоединения Прибалтики к Германии и расчленения Польши.

Польские воинские части формировались не только немцами. Были они и в русской армии (в качестве ответа на создание легионов Пилсудского Центральными державами). К примеру, знаменитая (скорее в современном значении — «раскрученная») польская кавалерия, ставшая впоследствии объектом как для героических легенд, так и уничижительных насмешек, была создана в 1917-м по приказу русского генерала Брусилова, командующего Юго-Западным фронтом — 1-й польский уланский полк был сформирован в Чугуеве (недалеко от Харькова).

О формировании польских национальных частей на Западном фронте летом 1917-го вспоминает А. И. Деникин (командовавший в то время Западным фронтом). В «Очерках русской смуты» он пишет, что поляки уже считали себя «иностранцами». И хотя их части отличались дисциплиной и порядком, тем не менее «польские формирования для нас оказались совершенно бесполезными». Поляки с готовностью брали русское оружие, но вовсе не для того, чтобы воевать за Российскую империю: «Еще на июньском (1917 г. — С. Л.) войсковом съезде поляков, довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали речи, определявшие цели формирований. Их синтез был выражен одним из участников: «ни для кого не секрет, что война уже кончается, и польская армия нам нужна не для войны, не для борьбы — она нам необходима, чтобы на будущей международной мирной конференции с нами считались, чтобы мы имели за собою силу» (7).

Т. о. Россия формировала за свой счет враждебную ей и ее интересам польскую армию.

Во Франции была сформирована «Голубая армия» (по цвету формы) генерала Галлера (Халлера). Первые части этой армии были

созданы в 1917-м из числа поляков, состоявших на службе во французской армии, военнопленных германской и австро-венгерской армий и американских поляков. До февраля 1918 г. армия находилась под французским контролем, далее политический контроль перешел к Польскому национальному комитету.

В планах союзников, в частности Великобритании, Франции, США, независимая Польша, естественно, тоже фигурировала. Тем более что они ничего не теряли — в их составе польских территорий не было, и восстановление польского государства им представлялось только в виде геополитических выгод, получаемых как в ущерб противникам (Центральным державам), так и за счет союзника в войне (но тем не менее исторического конкурента в Европе) — России. Благо последняя дала к этому повод своими официальными заявлениями о намерениях воссоздать польскую государственность.

Позиция союзников относительно воссоздания независимой Польши представляет наибольший интерес, потому что — в свете известных обстоятельств (поражения Центральных держав и революции в России) — именно им предстояло решать этот вопрос, благословлять польскую государственность.

Поначалу, вспоминал впоследствии бывший британский премьер Ллойд Джордж, «вопрос о Польше представлял особую трудность для союзных государственных деятелей, когда им пришлось определить цели войны... Россия была союзником. Публичные заявления, которые означали раздел Российской империи как одну из целей ее союзников, никак не могли способствовать сотрудничеству» (8).

Но еще осенью 1916 г. по поручению премьера Герберта Асквита британский МИД подготовил меморандум об основах территори-

Ллойд Джордж Дэвид (Lloyd George) (17.01.1863—26.03.1945), государствен-

ный деятель Великобритании, лидер Либеральной партии. В 1905—1908 гг. министр торговли, в 1908—1915 гг. министр финансов. Во время 1-й мировой войны 1914—1918 гг. выступал за ведение борьбы до полной и решительной победы над Центральными державами. В конце 1916 г. возглавил коалиционное правительство (занимал пост премьер-министр до октября 1922 г.). Одна из ключевых фигур Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. и один из творцов Версальского мирного договора 1919 г.

ального переустройства Европы в послевоенный период (документ подготавливался исходя из двух вариантов завершения военных действий: победы союзников или окончания войны вничью), с которым были ознакомлены члены правительства. Кроме прочего, это был первый официальный документ (хотя и неопубликованный), положивший в основу территориального переустройства т.н. принцип самоопределения народов.

Говорилось в меморандуме и о Польше. Очень интересно, каким представлялось Лондону будущее этого государства еще тогда (до революции в России). «Это королевство должно быть связано с Россией только личностью его государя, но во всех остальных отношениях должно пользоваться полной независимостью», — говорилось в документе. Предоставление независимости на таких условиях, полагали в британском МИД, вполне удовлетворит национальные стремления польского народа, «а если сверх того удалось бы добиться для Польши выхода ее торговли к Балтийскому морю, то создалось бы государство, которое с точки зрения национальных устремлений и экономических интересов обещает быть устойчивым».

Обращали внимание британские стратеги на глубокий германо-польский антагонизм. Кроме того, Польша уже тогда (на момент, когда Российская империя еще являлась их союзником, а русские солдаты проливали кровь на полях Первой мировой войны) виделась им как буферное государство между Германией и Россией. И хотя англичане отмечали, что это должна быть дружественная России Польша, но при одном неременном условии — пока действия России отвечают интересам союзников: «есть все основания полагать, что будущее польское государство станет буферным государством между Россией и Германией в лучшем смысле этого слова, то есть Россия будет иметь своим соседом такую Польшу, которая вряд ли при каких-либо обстоятельствах присоединится к союзу против России, пока последняя останется верна программе союзников», — сказано в меморандуме. Иными словами, уже тогда в Лондоне видели Польшу, ориентированную на союзников и зависимую от союзников.

«Это новое польское государство будет одним из самых могущественных независимых государств, которые, как мы думаем, возникнут после распада Австро-Венгрии. С точки зрения Англии и Франции, этот конгломерат государств окажется надежным барьером против господства России в Европе и против германского продвижения на Ближний Восток, ибо эти государства будут удовлетворены тем, что их национальные стремления осуществляются и

они станут сильными в экономическом отношении, которое будет достигнуто путем предоставления им естественных выходов к морю для торговли», — говорилось в документе. Что до последнего — то уже тогда англичане рассматривали создание не просто независимой Польши, но экономически независимой (прежде всего от своих соседей, России и Германии). Достичь этого планировалось в т.ч. посредством предоставления Польше выхода к Балтийскому морю за счет отторжения от Германии Данцига — что позволило бы полякам вести активную внешнеэкономическую деятельность.

Любопытен и тезис о Польше как о «барьере против господства России в Европе». Как видим, Польшу в Лондоне рассматривали не только как «буфер» между Россией и Германией, но и как «барьер» против России. Так что когда впоследствии о Польше станут рассуждать как о «бастионе против большевиков» (поляки и сами себя станут позиционировать в данной «великой роли») — это не более чем игра слов, прикрывающая геополитическую суть.

Конечно же, англичане отдавали себе отчет в том, «какое сопротивление может встретить такое предложение в Петрограде». Еще бы! Ведь получалось, что Россия воюет, чтобы выйти из войны в худшем геополитическом положении в Европе, чем то, которое она имела в 1914-м. России предлагалось своими руками сотворить «польский рычаг», с помощью которого союзники имели бы возможность воздействовать на российскую политику в Европе.

Поэтому, чтобы достичь своей цели, британские союзники рассчитывали воспользоваться военными проблемами России: «мы знаем также, что вряд ли удастся его (сопротивление России столь «заманчивому» предложению. — С. Л.) преодолеть, если военная ситуация не заставит Россию потребовать англо-французского содействия, чтобы обеспечить освобождение своей территории, находящейся сейчас в руках неприятеля».

«Мы ни на минуту не берем на себя смелости делать какие-либо предложения относительно того, как сможем преодолеть такое сопротивление (России. — С. Л.), но мы хотели бы указать, что решение, предложенное нами, — наилучшее с точки зрения союзников», — говорилось в меморандуме (9). А что до точки зрения России — это дело такое.

Подобные взгляды на Польшу — как антигерманского и антироссийского зеркала в Восточной Европе — впоследствии привели к фатальным последствиям.

В рождественские дни 1916-го намерение воссоздать независимую Польшу было подтверждено в ходе совещания премьеров

Англии, Франции и Италии, проходившего в Лондоне. 10 января 1917 г. (нота стран Антанты президенту США Вильсону) были озвучены требования союзников, являвшиеся по их мнению обязательным условием «любого мирного урегулирования», среди прочего: «проведение в жизнь царского манифеста об освобождении Польши» (10). Хотя, как мы знаем, уже тогда союзники вынашивали куда более далеко идущие планы относительно Польши, чем те, что были изложены в царском манифесте.

22 января 1917 г., за три месяца до вступления в войну США, Вильсон сделал заявление, что Польша должна быть «единой, самостоятельной и автономной» (11).

И тут подспела Февральская революция в России. Союзники не упустили возможности, чтобы усилить свои требования: «Польша должна быть не просто восстановлена, но восстановлена в условиях, которые дадут свободу ее угнетенному населению. События последних нескольких дней в России (имеется в виду революция и отречение Николая II. — С. Л.) сделали эту возможность более близкой к осуществлению, чем когда-либо прежде», — заявил в марте 1917-го Ллойд Джордж по итогам заседания имперского военного кабинета (12).

27 (14) марта 1917 г. Петроградский совет принимает воззвание к народам всего мира заключить мир без аннексий, провозглашается право наций на самоопределение, которым могут воспользоваться и поляки. 29 (16) марта российский Временное правительство князя Львова официально признает право Польши на самоопределение, оговаривая реализацию этого права созывом Учредительного собрания. В ответ Польский временный государственный совет заявляет,

Вильсон (Wilson) Томас Вудро (28.12.1856 — 03.02.1924), государственный

деятель США. В 1910—1912 гг. губернатор штата Нью-Джерси. В 1912—1921 гг. президент США от Демократической партии. 6 апреля 1917 г. правительство Вильсона объявило войну Германии. В январе 1918 г. выдвинул т.н. программу мира — известную как «14 пунктов». Один из активных участников Парижской мирной конференции. Инициатор создания Лиги Наций. Однако американский сенат отказался ратифицировать Версальский мирный договор 1919 г., вследствие чего сами США в Лигу Наций не вступили. После окончания второго срока президентства в 1921 г. отошел от активной политической деятельности.

что, в целом одобряя декларацию российского Временного правительства от 29 (16) марта, возражает против того, чтобы решение вопроса было односторонним (только российским Учредительным собранием), настаивая на переводе этого вопроса в плоскость двусторонних польско-российских отношений.

В августе 1917-го в Париже начинает работу Польский национальный комитет (ПНК) во главе с Р. Дмовским. До того организация с тем же названием и с тем же Дмовским во главе действовала в Петрограде (с ноября 1914). По сути это был акт официальной переориентации польских национальных кругов, ранее удовлетворявшихся идеями автономии Польши в составе Российской империи (согласно царскому манифесту 1914-го) на союзников — от которых поляки, и небезосновательно, ожидали куда большего, чем от России. В сентябре—ноябре 1917 года правительства Франции, Великобритании, Италии и США признали ПНК официальным представителем польского народа.

Таким образом, запущенный в начале Первой мировой войны маховик под названием «Освобождение Польши» было не остановить. И вскоре поляки докажут правоту древнегреческого историка Фукидида: «Быть тираном несправедливо, но перестать им быть — крайне опасно».

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. — Париж, 1921, с. 139.
2. Там же.
3. http://www.hrono.ru/dokum/k_polyakam.html.
4. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 624.
5. Дирксен. Москва, Токио, Лондон: Двадцать лет германской внешней политики. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с. 32—33.
6. Дирксен. Указ. соч., с. 32.
7. Деникин. Указ. соч., с. 178—179.
8. ПМД, т. 2, с. 175.
9. ПМД, т. 1, с. 38; 40—41.
10. ПМД, т. 1, с. 58—59.
11. ПМД, т. 2, с. 175.
12. ПМД, т. 1, с. 61.

Советская Россия мечет бисер перед Пилсудским

7 ноября (25 октября) 1917-го власть в России берут большевики. Спустя неделю, 15 (2) ноября, принимается «Декларация прав народов России», провозглашающая равенство и суверенность народов Российской империи, их право на самоопределение — «вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Декларация стала юридическим основанием для выхода Польши из состава России.

Этой позиции — права поляков на самоопределение — советское правительство придерживалось неукоснительно. На определенном этапе (до восстановления независимой Польши в ноябре 1918-го) Советская Россия выступала даже лоббистом польской государственности — причем реальной, а не бутафорской — перед другими державами.

Например, в заявлении, сделанном советской делегацией на переговорах о мире в Брест-Литовске 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.), говорилось, что «из факта принадлежности оккупированных областей к составу бывшей Российской империи Российское Правительство не делает никаких выводов, которые налагали бы на население этих областей какие-либо государственно-правовые обязательства по отношению к Российской Республике. Старые границы бывшей Российской империи, границы, созданные насилем и преступлениями против народов и, в частности, против народа польского, пали вместе с царизмом». В то же время: «Русская делегация... не может почитать выражением воли населения оккупированных областей... заявлений, сделанных теми или другими общественными группами и учреждениями, поскольку эти заявления последовали при режиме чужеземной оккупации». В связи с чем советские представители предлагали Центральным державам следующий вариант: «Российское Правительство по собственной инициативе предоставляет возможность одновременно воспользоваться правом на самоопределение и тем частям указанных наций, которые оказались вне оккупированной (Центральными державами. — С. Л.) зоны. Россия обязуется не принуждать эти области ни прямо, ни косвенно к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народностей.

Правительства Германии и Австро-Венгрии, в свою очередь, категорически подтверждают отсутствие у них каких бы то ни было притязаний на включение в германскую или австро-венгерскую территорию областей бывшей Российской империи, ныне оккупированных германскими или австро-венгерскими войсками, или на так называемое «исправление границ» за счет этих областей, а равным образом обязуются не принуждать эти области ни прямо, ни косвенно к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народностей...

Решение вопроса о будущей судьбе самоопределяющихся областей должно происходить в условиях полной политической свободы и отсутствия какого-либо внешнего давления. Поэтому голосование должно производиться после вывода из этих областей чужеземных войск и возвращения на родину беженцев и высленцев» (1).

Однако, как уже говорилось, Берлин и Вена не собирались создавать независимые государства на оккупированных ими территориях, в т.ч. не нужна была им и Польша. И советская делегация вынуждена была подписать Брестский мир (по выражению Чичерина, договор, «который нас заставили подписать, приставив ко лбу пистолет») на условиях Центральных держав. Среди прочего, в нем затрагивался и вопрос польских территорий: «...Курляндия и наибольшая часть Лифляндии, Литва и Польша. Эта территория окончательно отходит от верховенства России, причем ее будущее устройство будет определено германским и австро-венгерским правительствами в согласии с их населением. Эта крайне неопределенная фраза есть единственное, что осталось от фикции самоопределения, под флагом которой при первых брестских переговорах эти области отнимались», — заявил замнаркома по иностранным делам Чичерин в докладе о Брест-Литовском мирном договоре на IV Чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов 14 марта 1918-го (2).

Но РСФСР от ранее заявленной линии не отступала. Декретом Совнаркома от 29 августа 1918 г. были аннулированы все договоры о разделе Польши: «...Ст. 3. Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право

на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесспоротно» (3).

В то же время даже под «приставленным ко лбу пистолетом» Советская Россия не признавала в качестве «представителей польского народа» органы власти, назначенные оккупантами. К примеру, 22 июня 1918-го в письме наркома индел Чичерина представителю Польского регентского совета (созданной немецкими оккупационными властями марионеточной структуры) говорилось: «Стоя на почве Брест-Литовского договора, оторвавшего Польшу от России, Народный Комиссариат признает в то же время, что Брест-Литовский договор не предоставил польским народным массам права на самоопределение. Поставленная в необходимость признать факт насильственного отторжения Польши от России, Советская Россия в то же время не может признать существующего в Польше так называемого Регентского Совета представителем воли польского народа. Именно потому, что Рабоче-Крестьянское Советское Правительство признает за польским народом право на самоопределение, оно не может считать Регентский Совет чем-нибудь иным, как только органом германской оккупации» (4).

Но вот в ходе ноябрьской революции 1918-го в Германии была свергнута кайзеровская монархия. 13 ноября ВЦИК аннулировал Брестский мир, заявив, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уступки территории и областей, объявля-

Чичерин Георгий Васильевич (12.11.1872 — 07.07.1936), советский государственный деятель, дипломат. С 1918 г. заместитель наркома иностранных дел. 3 марта 1918 г. в составе советской делегации подписал Брестский мир с Германией. С 13 марта 1918 г. исполнял обязанности наркома, с 30 мая — нарком иностранных дел РСФСР, в 1923—1930 гг. нарком иностранных дел СССР. В 1921 г. подписал советско-иранский, советско-афганский, советско-турецкий договоры о дружбе. Руководитель советской делегации на Генуэзской конференции 1922 г. и Лозаннской конференции 1922—1923 гг.; подписал Рапалльский договор 1922 г. с Германией, в 1925-м — договоры о нейтралитете с Турцией, в 1927-м — с Ираном. На XIV-м и XV съездах ВКП(б) избирался в члены ЦК. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. в отставке.

ются недействительными». Того же 13 ноября 1918-го новосформированное польское правительство объявляет Регентский Совет вне закона и провозглашает Польшу независимой. И советское правительство практически сразу признает Польшу.

Признание де-факто вытекает из ноты наркома индел Чичерина на имя министра иностранных дел Польши Василевского от 28 ноября 1918-го. Среди прочего, Чичерин предлагает как можно быстрее установить дипломатические отношения: «Нельзя не сожалеть о том, что до сих пор мы не получили ответа на наше извещение о том, что Советское Правительство назначило своим Представителем в Польше доктора Юлиана Мархлевского. Мы просим Министерство Иностранных Дел ответить нам, согласно ли оно принять гражданина Мархлевского в качестве Советского Представителя, причем мы охотно согласимся на присылку в Москву Представителя Польского государства. Мы будем также очень благодарны, если Польское Правительство установит с нами постоянное сообщение по радио и обмен известиями о положении дел, что будет содействовать разъяснению и мирному улажению всяких, могущих возникнуть между обоими государствами конфликтов» (5).

Поляки, правда, устанавливали дипломатические отношения не спешили. Но об этом мы поговорим позже.

В качестве демонстрации того, насколько благожелательно относилось советское правительство к Польше и польскому народу, приведу выдержки из двух документов:

**Декрет Совета Народных Комиссаров
об охране предметов старины и искусства,
принадлежащих польскому народу**

19 января (1 февраля) 1918 г.

Принимая во внимание, что в западных и северо-западных губерниях Российской Республики, во многих городах и усадьбах лиц польской национальности находятся предметы, имеющие исключительную художественную или историческую ценность для польского народа, причем большинство этих предметов было вывезено из Польши во время отступления русских войск и раньше, Совет Народных Комиссаров для возвращения этих предметов в полной сохранности всему польскому народу постановляет и для руководства подлежащих революционных властей объявляет следующее: 1. Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились,

принимаются, как национальная собственность польского народа, под охрану власти Рабочего и Крестьянского Правительства в лице Комиссариата по Польским Делах и «Общества охранения древностей» до передачи их польским народным музеем. 2. О принятии под охрану вышеназванных предметов составляется акт, причем акт о добровольной передаче польским музеям предметов, находящихся в польских усадьбах, подписывает собственноручно владелец усадьбы или им на то уполномоченное лицо. Акт составляется в двух экземплярах: один из них хранится в Польском Комиссариате при Совете Народных Комиссаров, другой в Петроградском отделе Польского «Общества охранения древностей» — официального представителя в России польских художественных и исторических обществ. 3. Кроме актов составляется точная опись передаваемых предметов в 4 экземплярах, причем один экземпляр остается у владельца, другой — в Комиссариате по Польским Делах, третий — в районном Комиссариате по охране памятников старины или в бюро ближайшего исполнительного органа союза военнослужащих поляков, четвертый — в правлении «Общества охранения древностей» в Петрограде...

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)
Народный Комиссар по Просвещению А. В. Луначарский
Комиссар по Польским Национальным Делах Ю. Лещинский
Народный Комиссар по Внутренним Делах Г. Петровский
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич (6).

**Постановление Народного Комиссариата Просвещения
о возвращении польскому трудовому народу
эвакуированного из Польши культурного, художественного,
научного и исторического достояния**

20 июня 1918 г.

1) Все предметы старины, искусства и науки, как-то: коллекции, картины, исторические документы, архивы, церковные колокола и утварь, старинная мебель и проч., эвакуированные *во время войны*, из Польши, подлежат немедленно возврату польскому трудовому народу и переходят со дня опубликования настоящего постановления в ведение Комиссариата по Польским Делах.

2) Все правительственные учреждения и все частные лица, в ведении которых находятся в настоящее время предметы, поименованные в пункте 1, должны немедленно заявить Комиссариату по

Польским Делама количество предметов, их подробные списки и имеющуюся налицо опись.

3) Всякое укравательство будет преследоваться по всей строгости революционных законов.

4) Местным Советским властям вменяется в обязанность уведомлять Комиссариат по Польским Делама об известных им имеющихся на местах предметах старины, искусства и науки, эвакуированных из Польши, и до времени приема названным Комиссариатом охранять их от всяких злоупотреблений.

Народный Комиссар Просвещения А. Луначарский (7).

Немыслимо, чтобы подобное благородство явила какая бы то ни было иная страна того времени. Можно ли, к примеру, представить, чтоб англичане вдруг озаботились сохранением культурного наследия народа, подчиненного Британской империей, скажем, египтян? Лондон и в наше время не торопится возвращать награбленные в ходе империалистических завоеваний предметы культуры и искусства.

С другой стороны, в России разруха, голод, разворачивается гражданская война — до польского ли культурного наследия в такое время? А вот поди ж ты.

Казалось бы — полякам благоговеть перед большевиками и Советской Россией! Но межвоенная Польша, как мы знаем, это чрезвычайно агрессивное в своем антисоветизме и антикоммунизме государство, «бастион Европы против большевизма» — как позиционировали себя сами поляки.

Антисоветские фобии, которые поляки культивировали у себя в стране и делали все возможное, чтобы распространить их в Европе, впоследствии сыграли крайне негативную роль в предотвращении гитлеровской агрессии, будучи одной из главных причин срыва системы коллективной безопасности. В межвоенный период польские правящие круги будут так усиленно прививать себе и своему народу комплекс советофобии, столь настойчиво зомбировать самих себя антисоветскими стереотипами, что окажутся не в состоянии переступить через них даже в момент, когда над гоноровой шляхетской выей Гитлер занесет топор.

Русофобия и великодержавные мечты о Польше «од можа до можа» — глубинная причина польского антисоветизма и антибольшевизма (собственно, антисоветизм и антибольшевизм здесь выступают скорей как эвфемизмы). Иначе говоря, **враждебное отношение независимой Польши к Советской России было предопределено ее**

историческими комплексами и далекоидущими планами воссоздания Речи Посполитой в границах 1772 г. В первую очередь это была враждебность к России, и совершенно второстепенное значение имел характер режима, в ней (России) установленного. Установившись в России другая власть — Польша, вне всякого сомнения, вступила бы в конфликт и с ней, объявила бы себя «бастионом против российского варварства» и т.п.

В этом плане весьма показательным поведением поляков во время гражданской войны в России. Например, когда осенью 1919-го у армии Деникина наметились успехи в боях с Красной Армией (сентябрь и начало октября 1919-го были временем наибольшего успеха белых), Пилсудский резко снизил военную активность Польши на востоке. Это позволило перебросить значительные силы Красной Армии с западного на юго-западное и южное направления.

26 ноября 1919 г. А. И. Деникин в письме на имя Пилсудского с возмущением писал: «Встретив некогда с чувством полного удовлетворения поворот русской политики в сторону признания национальных прав польского народа, я верил, что этот поворот знаменует собою забвение прошлых исторических ошибок и союз двух родственных народов (к слову, мать Деникина, Елизавета Федоровна Вжесинская, была полячкой, сам Антон Иванович с детства свободно говорил на польском языке. — С. Л.). Но я ошибся.

В эти тяжелые для России дни вы, поляки, повторяете наши ошибки едва ли не в большей степени. Я разумею стремление к занятию русских земель, не оправдываемое стратегической обстановкой, вводимое в них управление, отрицающее русскую государственность и имеющее характер колонизации; наконец, тяжелое положение Русской Православной Церкви как в Польше, так и в оккупированных ею русских землях.

Для меня совершенно ясно, что именно теперь создаются те основы, на которых будут построены на долгие годы международные отношения. И нынешние ошибки наши будут оплачены в будущем обильной кровью и народным обнищанием на радость врагам Славянства.

Мне нет надобности доказывать Вам, что непонятная для русского общества политика польского правительства может дать весьма серьезную опору германофильскому течению, которое ранее у нас не имело почвы. Я несколько не сомневаюсь, что, если бы когда-либо такое течение возобладало, оно имело бы роковое значение для Польской республики. Этого допустить нельзя.

Между тем восточная польская армия, успешно наступавшая

против большевиков и петлюровцев, в дни, наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трех месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на Киевском и Черниговском направлениях они совершенно спокойно выступают тылом к нему...» (8).

Позднее поляки шантажировали генерала Врангеля, страшая того заключением мира с большевиками. В частности, представитель Пилсудского в Париже некто Вендзягольский в феврале 1920 г. блефовал на встрече с руководством русской эмиграции: мол, Пилсудский предложил большевистской Москве заключить мир на условиях признания восточных границ Польши 1772 г., а также признания независимости новых государств, образовавшихся в пределах бывшей Российской империи, причем не только Украины, Литвы, Эстонии, но и тех, что появились на исконно русских землях (Дон, Кубань, Терек). И что если белые пойдут на аналогичные условия мира с Польшей, то Пилсудский согласится на создание общего фронта против красных (9).

Пилсудский незадолго до агрессии 1920-го предельно откровенно сформулировал цели польской политики применительно к России (неважно — советская она или антисоветская) в информационном документе, предназначенном для командования Волынского фронта: **«глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного ослабления России... В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины является создание барьера между Польшей и Россией и переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экспансии Польши как экономической — для создания себе рынка сбыта, так и политической»** (10). Таким образом, «независимая Украина», согласно польским планам, должна была представлять собой не более чем марионетку Польши в роли антироссийского «буфера».

Этот курс на «безусловное ослабление России», являвшийся неотъемлемой частью плана создания «великой Польши», будет определять всю восточную политику Пилсудского. В свою очередь «большевистская угроза» стала удобным жупелом, которым можно было размахивать всякий раз, когда требовалось оправдать свои неблагоприятные поступки.

Ширма «борьбы с большевизмом» нужна была полякам для захвата территорий в момент становления своей государственности, обострения актов своей агрессии и нарушения провозглашенного союзниками права наций на самоопределение, вымогательства у стран Антанты военной помощи (так, по официальным американским данным, с 1 декабря 1918 г. по 31 августа 1919 г. только из США было направлено в Польшу различных американских поставок на сумму свыше 122 млн. долл. (11)). В ходе Парижской мирной конференции «большевистской угрозой» поляки аргументировали перед союзниками необходимость создания как можно более сильной Польши.

«Большевистскую угрозу» поляки извлекали из рукава всякий раз, когда им требовалось оправдать свою агрессию. По поводу одного из таких случаев Ллойд Джордж, описывавший перипетии Парижской мирной конференции, с раздражением заметит: «Галицийская проблема причиняла нам бесконечные неприятности. Но виновниками этого постоянного беспокойства были не большевики, а польская агрессия» (12).

Представители союзников, более чем благожелательно относившихся к Польше, неоднократно отмечали полнейшую лживость польских страхов о «большевистской угрозе», которой поляки прикрывали свои хищнические планы. Например, в донесении американскому президенту Вильсону представитель миссии Антанты в Польше генерал-майор Дж. Кернан (разбиравшийся в сути происходившего на месте событий) информировал: хотя «во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков», но «я не мог заметить ничего подобного». Наоборот, писал Кернан, «даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно дальше» (13).

Одной из самых первых «благодарностей» Советской России от поляков за последовательную позицию в поддержку свободной и независимой Польши стало омерзительное преступление: расстрел миссии Российского Красного Креста. Причем совершили это гнусное во всех отношениях действие представители польской власти — жандармы.

Делегация Российского Красного Креста находилась в Варшаве для оказания помощи военнослужащим, возвращавшимся на родину из германского плена. 20 декабря 1918 г. новые польские власти арестовали пятерых членов миссии и заключили их в крепости

(при этом на запросы советской стороны неизменно отвечали, что о месте нахождения сотрудников Российского Красного Креста «не имеют информации»).

30 декабря членов миссии увезли в сопровождении жандармов и солдат к границе Гродненской губернии, в район близ Бельска. 2 января Бронислав Веселовский, Людвиг Клоцман, Мария Альтер и Айвазова (ее имя, к сожалению, неизвестно) были застрелены. Пятого, раненого Леона Альтера, поляки приняли за мертвого, и ему удалось бежать. Именно благодаря Альтеру и стало известно об этом диком преступлении, т. е. фактически только по чистой случайности, по недосмотру польских палачей, не добивших одну из жертв до конца (и мы можем только догадываться, сколько аналогичных преступлений так и остались неизвестными). Впоследствии тела убитых были перевезены в город Высоко-Мазовецк и погребены на еврейском кладбище.

Поскольку дело касалось сотрудников Красного Креста, история получила широкую огласку и международный резонанс. Ввиду того, что имелись свидетели зверской расправы, включая указанного Леона Альтера, польские власти вынуждены были признать факт преступления и, желая сохранить лицо перед международной общественностью, принесли извинения. Наконец, советские власти сопроводили требование обязательного расследования данного преступления взятием в заложники представителей Регентского совета (находившихся в Москве еще со времени заключения Брестского мира).

При рассмотрении событий конца 10-х — начала 20-х гг. XX в., когда происходило воссоздание Польского государства, мы широко воспользуемся работой бывшего британского премьера Дэвида Ллойд Джорджа «Правда о мирных договорах». Чем примечателен этот труд и почему именно воспоминаниям Ллойд Джорджа по польскому вопросу на указанном временном отрезке истории я отдал предпочтение?

Во-первых, двухтомник на две третьих состоит из документов, большинство которых имеют прямое отношение к нашей теме — телеграммы, заявления, меморандумы, стенограммы заседаний Парижской мирной конференции, договора и т. д.

Во-вторых, фигура самого мемуариста. Ллойд Джордж занимал пост британского премьера с середины Первой мировой и до ее победного для союзников завершения. Послевоенное урегулирование, разработка мирных договоров, всего того, что принято именовать Версальской системой, происходило не просто у него на глазах, но проходило через его руки. Он был не просто очевидцем, а не-

«Это преступление было совершено по отношению к представителям Красного Креста, который во всех странах пользуется особой гарантией при исполнении своих гуманитарных обязанностей и который в данном случае преследовал в Польше цель спасения тысяч военнопленных от ужасных бедствий, жертвами которых они были во время своего возвращения на родину. После ужасных погромов, учиненных вашими войсками над еврейским населением, это новое преступление кладет несмываемое пятно на контрреволюционное Правительство, находящееся в настоящее время у власти в Польше, — говорилось в ноте советского наркома индел Чичерина на имя главы МИД Польши Василевского от 8 января 1919 г. — Правительство Советской Республики категорически требует немедленного расследования этого непростительного преступления и строгого наказания прямых и косвенных его виновников. Члены бывшей делегации Регентского совета и Комиссии по делам военнопленных, делегированные [этим] Советом, арестованы, и Российское Советское Правительство вынуждено считать их своими заложниками, тем более, что после настоящего события мы не можем считать жизнь граждан Российской Советской Республики в Польше находящейся вне опасности» (14).

Вынужденные реагировать, к марту 1919-го поляки сподобятся составить записку председателя Чрезвычайной следственной комиссии по делу о расстреле миссии Российского Общества Красного Креста, которую пришлют на имя Чичерина. В ней польская сторона попытается убедить РСФСР, что власти Польши-де

посредственным участником событий, вершителем судеб Европы и мира того времени — тем ценней его свидетельства.

При этом оценки и прогнозы Ллойд Джорджа выдержали проверку временем. Он точно предсказал как саму Вторую мировую войну, так и причины ее возникновения. Здравым политиком и экспертом показал себя Ллойд Джордж и накануне Второй мировой, опять-таки оказавшись правым. Тем ценнее его комментарии и наблюдения.

Наконец, Ллойд Джордж — та фигура, которую нельзя заподозрить ни в прогерманских (являлся поборником полного разгрома Германии), ни в антипольских (выступал как большой сторонник восстановления независимой Польши), ни тем более в пробольшевистских/прокоммунистических симпатиях (один из авторов и вдохновителей идеи интервенции против Советской России, в которой принимала активное участие Великобритания в его бытность главой кабинета). Таким образом, меня нельзя упрекнуть в том, что себе в подмогу я привлек пристрастного и ангажированного политического деятеля.

развили бурную деятельность для расследования всех обстоятельств совершенного преступления и поиска виновных.

Документ гласил: «Деятельность Комиссии вкратце выражается в следующих действиях: 1) Допрошены все известные Комиссии члены семей делегации Российского Красного Креста, проживающие в пределах Королевства Польского, среди них тетка Леона Альтера, родная сестра Марии Альтер, София Гезундгейт, для выяснения вопроса, кто именно подозревается ими в совершении преступления. 2) Подробно осмотрены и описаны все предметы, документы и деньги, оказавшиеся при убитых, и приняты меры охранения их до суда. 3) Допрошены начальник конвоя подпрапорщик Мэриан Лясоцкий и конвой, сопровождавший делегацию от Варшавы до Лап и Цехановца. 4) Комиссия выяснила вопрос об отношении делегации к другой делегации Красного Креста, с г. Гессе во главе, равно как и дело о передаче последнему Веселовским одного миллиона рублей из числа находившихся при нем денег. 5) Для ускорения своей деятельности Комиссия сносилась с подлежащими властями при посредстве специального курьера или по телеграфу и неоднократно выезжала на места: а) около двух недель пробыла в Лапах для допроса на месте ряда свидетелей, местных жандармов, командного состава местного военного отряда и проверки на месте документов; б) ездила в город Высоко-Мазовецк, где допросила более 20-ти свидетелей, частью из числа лиц, находившихся на месте преступления непосредственно после совершения последнего, либо видевших проезжающими виновников его, не зная еще об его совершении; это по преимуществу лесники, соседние жители и лесничий Дашкевич; другую группу допрошенных Комиссией свидетелей составляют все извозчики, везшие членов делегации от Чижева в Цехановец, Луново и обратно; в) в город Цехановец — для точного установления места, до которого были доставлены Лясоцким члены делегации, снятия ситуационного плана местности и допроса на месте свидетелей.

Считая существенно важным для дела показания лиц, могущих сообщить достоверные сведения, полученные ими от Леона Альтера, Комиссия, несмотря на громадные трудности переезда, допросила в Браньске Гродненской губ. Бельского уезда врача Бориса Фертмана, который 2-го января подавал первую медицинскую помощь раненому Альтеру, и извозчика, везшего его от места, расположенного поблизости места преступления, в Браньск к врачу. С этой же целью Комиссия подробно допрашивала присяжного поверенного Георгия Берлянда, видевшего Альтера в Москве и узнавшего от него подробности совершенного преступления.

Комиссия допросила всех лиц, к которым обращалась делегация в Варшаве по делу о военнопленных, а также и других, с которыми вообще члены делегации имели дело до и после своего ареста» (15).

Польская сторона не удосужилась ответить на ряд важных вопросов. А именно: как вообще могло получиться, что миссия Красного Креста была арестована? И главное: кто виновники преступления (пофамильно), арестованы ли они (ибо только это могло являться доказательством того, что польская сторона проводит реальное расследование, а не изображает его видимость)? На этот «пробел» и было обращено внимание чрезвычайного представителя правительства Польши в Москве пана Венцковского.

Последний ответил письмом от 24 марта 1919-го на имя Чичерина: «В представленной Вам при письме от 21 сего марта записке Председателя Чрезвычайной следственной комиссии умалчивается о принятых в отношении предполагаемых виновников преступления мерах пресечения. Ввиду Вашего указания на этот пробел я имею честь заявить Вам, что на самом деле такие меры приняты, и благодаря им возможность уклонения предполагаемых убийц от суда и наказания исключена. Этим заявлением я хочу лишний раз подчеркнуть, что Правительство Польской Республики приняло решительно все меры к обнаружению и наказанию виновников преступления, и малейшие сомнения в этом отношении с чьей-либо стороны считаю безусловно недопустимыми. Полагая, что объяснения, представленные мной по сему делу Правительству Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, являются исчерпывающими, я решаюсь теперь, во исполнение данного мне Правительством Польской Республики поручения, просить Вас, гражданин Комиссар, передать Русскому Обществу Красного Креста, что Правительство Польской Республики считает своим долгом принести ему свое искреннее и глубокое сожаление по поводу гнусного убийства членов его Миссии на польской территории, тем более, что, по-видимому, это кошмарное преступление произошло не без вины агентов нашей жандармерии» (16).

Ну, то, что это гнусное преступление произошло не без вины (а судя по объективным данным — при прямом соучастии) польских жандармов (конвоировавших членов миссии Красного Креста вплоть до места расстрела) — это и без Венцковского было понятно. Но, заявив «о принятых в отношении предполагаемых виновников преступления мерах пресечения», он не удосужился назвать самих предполагаемых виновников — ни по фамилии, ни по должности.

Не получила Россия внятных разъяснений на данный счет и в

дальнейшем. К примеру, в ноте правительства РСФСР правительству Польши (копии были направлены правительствам стран Антанты) от 3 июня 1919 г. отмечалось, что «до сих пор никак не удовлетворение за исключительно варварский акт убийства членов Миссии Красного Креста не дано ни Русскому Правительству, ни семьям убитых» (17).

По существу это преступление так и остается по сей день нераскрытым.

В отличие от польских офицеров и жандармов, расстрелянных в Катыни (не будем в данном случае углубляться в вопрос — кто им там загонял немецкие пули в затылок, предварительно связав руки немецким бумажным шпагатом), сотрудники миссии Российского Красного Креста никогда не носили военную форму, не брали в руки оружие, а посвятили себя одному из самых гуманных занятий, какие только можно представить.

Но на месте их казни не стоят пышные мемориалы. В память об их трагической гибели не собирают многотысячные митинги-реквиемы. Не произносят проникновенные речи. О них не снимают фильмы, не пишут книги, не сочиняют стихи, и даже в исторических работах не всегда упоминают фамилии этих невинных жертв «великой Польши». За их смерть не каются руководители Польши. О них никогда не вспоминает публика из т.н. «общечеловечества», которая никогда не преминет пустить слезу о «мучениках Катыни» (сугубо теоретически среди расстрелянных в Катынском лесу вполне могли быть и палачи миссии Российского Красного Креста).

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), Москва, Государственное издательство политической литературы, 1959, т. 1, с. 76—78.
2. ДВП СССР, т. 1, с. 667.
3. ДВП СССР, т. 1, с. 460.
4. ДВП СССР, т. 1, с. 371—372.
5. ДВП СССР, т. 1, с. 580—581.
6. ДВП СССР, т. 1, с. 95—96.
7. ДВП СССР, т. 1, с. 370.
8. Иванов Ю. Очерки истории советско-польских отношений в документах 1917—1945 гг. // Наш современник. — 2003. — №10.
9. Там же.
10. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг., М.: «Вече», 2001, с. 28—29.
11. ДВП СССР, т. 2, с. 736.
12. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 296.
13. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 2, с. 205.
14. ДВП СССР, т. 2, с. 17—18.
15. ДВП СССР, т. 2, с. 108—109.
16. ДВП СССР, т. 2, с. 109.
17. ДВП СССР, т. 2, с. 182.

Польша выходит на большую дорогу

Вышеупомянутая трагедия миссии Российского Красного Креста явилась естественным следствием той шовинистической истерии, которой были охвачены вырвавшиеся на свободу поляки. Свободу тогдашняя Польша восприняла как большую дорогу, на которую можно выйти с топором и кистенем.

Ллойд Джордж, наблюдая, как сходят с ума от алчности «малые освобожденные народы», которые, не успев «сами вкусить сладость свободы, уже стараются подчинить себе других», отмечал: «Эти народы — верьте мне — большие империалисты, чем Англия или Франция, и, уж конечно, большие, чем Соединенные Штаты» (1). Как не поверить!

Движимые идеями «Великой Польши», подпитываемые легендами о героическом историческом прошлом несколькосотлетней давности, поляки решили, что настало их время похозяничать в Центральной и Восточной Европе. С окончанием Первой мировой войны Польша, еще даже не успев как следует оформить государственность, начала собственную войну — за воссоздание своей мини-империи — Речи Посполитой в границах 1772 г.

Первоочередной задачей Пилсудского было захватить как можно больше территорий, чтобы затем поставить перед свершившимся фактом союзников, на благосклонность которых он имел основания рассчитывать.

«Установление границ, связанное с аннексией территорий, по всем принципам справедливости принадлежавших другим нациям, становилось свершившимся фактом раньше, чем державы получили возможность вынести решение о справедливости этих границ», — будет разводиться руками Ллойд Джордж (2). И особенно преуспели в этом поляки.

Принцип самоопределения народов ни в коей мере не соответствовал польским домогательствам. Польша требовала значительных немецких территорий, «Галицию, Украину, Литву и некоторые части Белоруссии, чье население при проведении голосования категорически отказалось бы от польского господства». Поэтому право народов самим определять свою национальную принадлежность «было немедленно отвергнуто польскими лидерами». Они настаивали, «что эти различные национальности принадлежат полякам по праву завоевания, осуществленного их предками. Подобно старому нормандскому барону, обнажившему меч, когда его просили предъ-

явить доказательства своих прав на поместье, Польша размахивала мечом своих воинственных королей, который уже столетия ржавел в их гробницах», — таковы были польские принципы строительства «свободной Польши» (3).

Желая прекратить вакханалию с «замозахватом земель», 24 января 1919 г. американский президент Вильсон даже составил специальное обращение, которое он зачитал на заседании мирной конференции и которое, как он потребовал, необходимо было передать «во все концы света». Суть обращения сводилась к тому, что только мирная конференция вправе определять будущие границы государств.

Насильственные захваты, подчеркивал Вильсон, создают предположение, что «те, кто применяет силу, не уверен в справедливости и бесспорности своих претензий, пытается заменить доказательства своей правоты фактическим владением». Такие возрожденные государства, указывал он, «бросают таким образом тень на всякое доказательство своих прав, которое они потом будут предъявлять мирной конференции» (4). Взывал Вильсон к благоразумию, предупреждал о пагубных последствиях и т.д.

Причиной появления этого обращения послужили многочисленные конфликты, которые развязывали на просторах рухнувших империй «освобожденные народы» — по выражению Ллойд Джорджа, «голодные и прожорливые», как «после долгого поста в подземных казематах» (5).

Ну, а самыми «голодными» и «прожорливыми», конечно же, были поляки — «ели» все подряд. «Никто не причинял нам столько неприятностей, как поляки», — вспоминал в этой связи Ллойд Джордж. И, кстати, «свободную Польшу» воззвания Вильсона трогали меньше всего.

Полякам, не способным, по мнению Ллойд Джорджа, не то что к управлению другими народами, но даже к «стабильному самоуправлению», простого восстановления своей государственности было мало. Не удовлетворялась Польша и куда как щедрыми презентами Антанты. Для Польши было заготовлено немало «версальских подарков», которые, как покажет время, сами по себе закладывали предпосылки к новой мировой войне. Но поляки со своей безграничной алчностью, вылившейся в разбойничьи захваты территорий сопредельных стран и народов, еще более усугубили эти предпосылки.

Польша всю использовала послевоенную неразбериху для захвата новых земель.

Уже в ноябре 1918-го Варшава организовала ряд польских на-

циональных восстаний в Галиции. Далее были захвачены восточная Холмщина и Подляшье. К лету 1919-го Польша практически полностью взяла под контроль Восточную Галицию. Поставленные перед свершившимся фактом союзники 25 июня 1919-го (решением Совета четырех) узаконили этот захват: уполномочили Польшу оккупировать Восточную Галицию до р. Збруч (якобы для поддержания порядка). Однако окончательно вопрос о принадлежности Галиции должен был решаться на плебисците. Против чего, естественно, выступили поляки.

Какой-токой плебисцит? «Польское население в этих местах весьма многочисленно — около трети всего населения исконные поляки, их примерно 37 процентов», — возмущался на Совете четырех представитель Польши Падеревский. Действительно, разве мало — аж 37% поляков — чтобы отписать Польше эту волость?!

«Мы требуем всю Галицию. На том простом основании, что совершенно невозможно этнографически определить эту область, ибо, как ни странно — и мы гордимся этим, — в центре Галиции украинского населения больше, чем у ее границ; самые отдаленные районы Галиции являются более польскими, чем, например, окрестности Львова», — блистал польской простотой (это как раз тот случай, когда она хуже воровства) Падеревский (6).

В общем, долго спорили союзники с поляками насчет Галиции, и 21 ноября 1919 г. решили предоставить Польше мандат на 25 лет

Падеревский Игнацы Ян (18.11.1860 — 29.6.1941), польский пианист, композитор, политический деятель.

Учился до 1878 г. в Варшавском музыкальном институте (фортепьяно), затем в Берлине у Ф. Кия (композиция), в 1884—1886 гг. у Т. Лешетицкого (фортепьяно) в Вене. В 27 лет дебютировал в Вене, сразу завоевав славу одного из выдающихся пианистов. В годы Первой мировой войны выступил как политический деятель, используя свою известность и популярность для проведения в жизнь идеи восстановления независимой Польши. В 1914—1918 гг. входил в ориентированный на Антанту Польский национальный комитет; с 1917-го был его представителем в США. В январе — ноябре 1919 г. премьер-министр и министр иностранных дел польского правительства.

Представлял Польшу (вместе с Р. Дмовским) на Парижской мирной конференции. В 1930-е находился в оппозиции к «санационному» режиму в Польше. С 1940-го председатель Национального совета в эмиграции.

на управление Восточной Галицией. Поляки обиделись, выразили протест, да и решили не усложнять проблему: аннексировали указанную территорию.

Сохранился ряд свидетельств того, каким образом происходило завоевание Галиции поляками. Из радиотелеграммы председателя ЦК Российского Общества Красного Креста в адрес Международного Комитета Красного Креста в Женеве, всем Центральным Комитетам Красного Креста и Комитету защиты еврейского населения в Париже от 28 апреля 1919-го: «На западных и южных границах бывшей Российской империи происходили и продолжают происходить трагические события: продвижение войск польского правительства и украинской Директории сопровождается, несмотря на присутствие военных советников Антанты, резней евреев, которая принимает неслыханные размеры, а находящиеся там части не только не делают ничего для прекращения резни, но покрывают себя позором, принимая участие в ней.

Превращаются в руины цветущие города и села. Истребляются сотни и тысячи граждан, единственной виной которых является их национальная принадлежность. Преступная рука не щадит ни возраста, ни пола. Первыми жертвами озверевших банд становятся старики, женщины и дети. Убивают жен на глазах мужей, умерщвляют детей на руках родителей. Эти преступления, превосходящие по своей бессмысленной жестокости подобные эксцессы в самую мрачную пору при царизме, творятся не в пылу боя и не по отношению к вооруженному противнику, а над мирным и беззащитным населением и чаще всего над самой бедной частью этого населения. Они творятся при попустительстве, а иногда при прямом участии регулярных войск тех самых правительств, которые провозглашают свое благорасположение ко всем национальностям России и претендуют на восстановление порядка и свободы среди них» (7).

Будущий министр иностранных дел Польши Юзеф Бек хвастал о своих «ратных подвигах» перед отцом, вице-министром внутренних дел в правительстве Падеревского, рассказав, как в конце 1918 г. после разведывательного задания в Румынии, Москве и Киеве он с товарищами по организации пробирался через «большевизированную Украину»: «В деревнях мы убивали всех поголовно и все сжигали при малейшем подозрении в неискренности. Я собственноручно работал прикладом». (8).

На белорусских и литовских землях с конца 1918-го начинает действовать т. н. «Комитет защиты восточных окраин» (КЗВО), формирующий для «самозащиты» вооруженные отряды, а попросту

говоря — банды. Пилсудский, конечно же, не остается безучастным к этому «умоляющему о защите» польскому населению и отправляет ему на помощь войска, попутно объявив в декабре 1918-го формирование КЗВО частью Войска Польского.

В своих шовинистических устремлениях Пилсудский не брезговал никакими методами, в т.ч. без всяких сомнений и прочих угрызений совести обрекал на тяготы и лишения рядовых поляков — если это диктовалось интересами экспансии. Так, советская дипломатия неоднократно поднимала проблему польских беженцев, которых упорно не желали принимать власти Польши, создавая искусственные препятствия для возвращения указанных лиц на родину.

Например, 23 декабря 1918 г. в ноте главы советской дипломатии Чичерина на имя его польского коллеги говорилось, «что своим упорным нежеланием вести переговоры с Русским Правительством... Правительство Польской Республики создает безвыходное положение для польских беженцев, несколько сот тысяч которых находятся в России и громадные массы которых скопились близ границ в самых тяжелых условиях, ожидая заключения между Россией и Польшей соглашения, которое, однако, эта последняя упорно отвергает, осуждая тем самым польских граждан та дальнейшее пребывание в том же безвыходно тяжелом положении» (9).

О том же самом в ноте от 10 февраля 1919 г. нарком индел РСФСР обосновывал главе МИД Польши Падеревскому необходимость возможно более скорого установления советско-польских дипломатических отношений следующим: «Установление нормальных отношений между обеими Республиками тем более настоятельно необходимо в интересах самих польских народных масс, что несколько сот тысяч польских беженцев еще ожидают на территории Советской России желанного момента, когда перед ними откроется путь, чтобы вернуться домой» (10).

Но Пилсудского-то это как раз и не устраивало — чтобы эти сотни тысяч поляков перебрались в Польшу. Ему нужно было прямо противоположное: чтобы эти лица находились на украинских, белорусских, литовских землях, давая Польше обоснование для военного вторжения под соусом «защиты» этих самых обездоленных.

Или вот из ноты наркома индел РСФСР в адрес МИД Польши от 2 июля 1919 г.: «К сожалению, именно Польское Правительство, то самое Правительство, которое, казалось бы, должно было бы быть защитником интересов польских беженцев в России, наоборот, все время создавало препятствия организации их возвращения домой. И теперь, когда сотни тысяч поляков, проводших долгие

годы вдали от родного края, скопились у демаркационной линии, тщетно ожидая желанного момента, когда им будет дана возможность возвратиться домой, опять-таки Польское Правительство отказывается организовать по соглашению с нами дальнейшее путешествие этих беженцев. **Но самое непостижимое есть то, что, когда некоторые из этих беженцев сами переходят демаркационную линию и продолжают свое путешествие по территории, находящейся во власти Польского Правительства, то агенты и солдаты последнего предаются по отношению к ним наихудшим эксцессам, фактам грабежа, насилия и даже убийств и по большей части заставляют их идти обратно и возвращаться под юрисдикцию советских властей.** Многочисленные доходящие до нас сведения характеризуют положение, созданное возвращающимся домой беженцам агентами и солдатами Польского Правительства, как не поддающееся никакому описанию» (11).

То, что представлялось «непостижимым» для советского правительства, объяснялось более чем просто: при территориальном переустройстве в ходе Парижской мирной конференции неизменно звучал аргумент об этническом составе территорий, на которые претендовали те или иные государства. Пилсудский и создавал Польше этот «аргумент», отказываясь принимать польских беженцев...

По условиям Компьенского перемирия немцы должны были немедленно покинуть оккупированные ими территории на западе, но на востоке, на землях бывшей Российской империи, германские войска должны были оставаться до прибытия войск Антанты. Однако сразу после ноябрьской революции в Германии советское правительство денонсировало Брестский мир и Красная Армия начала продвижение в западном направлении, занимая территории, ранее удерживаемые немцами (лишь в некоторых местах, например в Одессе и Севастополе, германские войска были заменены войсками Антанты).

В то же время частям РККА предписывалось остановить свое продвижение по достижении границ бывшего Царства Польского. Об этом, в частности, говорится в директиве СНК от 12 декабря 1918 г. на имя главнокомандующего Вооруженными силами республики И. Вацетиса (занимал этот пост с 6 сентября 1918-го по 8 июля 1919 г.). О том, что в намерения Советской России не входило занятие областей с польским составом населения, свидетельствует и доклад главкома Вацетиса Ленину «О стратегическом положении республики и качестве резервов», представленный в январе 1919 года. Вацетис докладывал: «Общей целью нашего продвижения на этом фронте является достижение наших границ с Польшей, в силу чего фронту поставлена задача достигнуть линии р. Немана с кре-

постями Ковно, Гродно, рек Шары, Ясельды и Припяти, продолжая разведку на Белосток, Брест-Литовск, Ковель и Ровно» (12).

Первый контакт между РККА и польскими частями произошел в начале января 1919-го в Литве (Вильнюс несколько раз переходил из рук в руки) и Белоруссии (16 января части РККА вошли в соприкосновение с польскими войсками западнее г. Лида).

1 января 1919-го провозглашается создание Белорусской ССР (27 февраля в состав республики была включена Литва, и она была переименована в Литовско-Белорусскую ССР), представители которой предложили Польше урегулировать вопрос границ. 16 февраля правительства Литвы и Белоруссии направили соответствующую радиотелеграмму правительству Польши с предложением назначить смешанную комиссию для установления политической границы между Литвой и Белоруссией, с одной стороны, и Польской Республикой — с другой (13).

Поляки оставили предложение без ответа, продолжив свою прежнюю практику силового разрешения территориальных споров. По этому поводу 18 февраля 1919-го правительство РСФСР обратилось с нотой к правительствам стран Антанты, спецпредставители которых в тот момент как раз находились в Варшаве. В ноте Советское правительство еще раз подтверждало готовность сесть за стол переговоров по вопросу границ, обращало внимание, что «польские отряды продолжают свои попытки нарушения границ (Литвы и Белоруссии. — С. Л.)», что происходит концентрация польских войск — «вооруженные силы Польской Республики продолжают стягиваться к восточной границе, угрожая Советским Республикам Литвы и Белоруссии и Русской Советской Республике, связанной с ними неизменной сердечной дружбой». Наконец, высказывало претензии ввиду того, что «это продвижение польских войск происходит как раз в то время, когда чрезвычайные представители держав Антанты только что прибыли в Варшаву, и внимание Правительства Русской Советской Республики не может не быть обращено на радиотелеграммы правительственных станций различных стран, извещающих, что Союзные и Объединившиеся державы потребовали от Германии пропуска польских отрядов, направленных против большевиков, т. е. против Советских Республик, расположенных на территории бывшей Российской империи» (14).

Действительно, еще в начале февраля державы Антанты — под сурдинку польских басен о «большевистской угрозе» — в ультимативном порядке потребовали от Германии пропускать польские части в восточном направлении.

Благодаря такому содействию Антанты, 9 февраля поляки заняли Брест, 19 февраля вошли в оставленный немцами Белосток. К середине февраля польские части контролировали территорию западнее линии р. Неман (до Скиделя) — р. Зельвянка — р. Ружанка — Пружаны — Кобрин. С восточной стороны от этой линии подошли части Западного фронта Красной Армии. Таким образом, образовался польско-советский фронт на территории Литвы и Белоруссии.

В конце февраля польские войска форсировали Неман и начали наступление в Белоруссии (находившейся с 3 февраля в федерации с РСФСР), атаковав части РККА. 1 марта поляки заняли Слоним, 2 марта — Пинск (Мельгухов, указ.соч., с. 19—20). Советские части вынуждены были отступать ввиду проблем на востоке (в начале марта 1919-го началось наступление Колчака, и части РККА перебрасывались с Западного на Восточный фронт). К середине апреля поляками были заняты Лида, Новогрудок и Барановичи.

15 апреля Польша предложила Литве восстановить польско-литовскую унию, но получила отказ. 19 апреля части польских войск «переодевшись в русские красноармейские мундиры» (15), захватывают Вильно. «Изменнический прием, к которому прибегли польские легионеры при нападении на Вильно, переодевшись в форму русских солдат, показывает, что Польское Правительство не признает самых элементарных принципов, регулирующих сношения различных стран, когда оно действует по отношению к Советским Республикам», — заявил советская дипломатия (16). 21 апреля туда прибывает Пилсудский и произносит речь о восстановлении польско-литовской унии времен Речи Посполитой. «Уния» вылилась в установление на литовских землях польской власти военно-оккупационного толка (17).

Везде, где ступала нога польского солдата, тут же разворачивалась кровавая оргия. Производились массовые расстрелы без суда и следствия, при предварительной экзекуции жертв. Не менее двух тысяч человек (включая тяжелораненых) в первые же дни хозяйничания польских легионов в Вильно были арестованы и направлены в Белостокский концентрационный лагерь, где массово подвергались побоям и истязаниям. В послевоенной Европе (имеется в виду после Первой мировой войны; до этого концлагеря практиковала Австро-Венгрия) поляки стали первыми, кто создал концлагеря — Гитлеру было у кого учиться.

Офицеров Красной Армии поляки ставили перед выбором: либо смерть, либо согласие поступить «добровольцами» в денкинскую армию. Рядовых попросту расстреливали либо истязали до смерти.

Убить или замучить большевика не считалось грехом — расска-

зывал представитель польской администрации на оккупированных территориях — Гражданского управления Восточных земель (ГУВЗ) М. Коссаковский. Так, некий офицер «десятками стрелял людей только за то, что были бедно одеты и выглядели, как большевики... были убиты около 20 изгнанников, прибывших из-за линии фронта... этих людей грабили, секли плетьюми из колючей проволоки, прижигали раскаленным железом для получения ложных признаний». В присутствии генерала Листовского (командующего оперативной группой в Полесье) застрелили мальчика — «за то, что якобы недобро улыбался». Коссаковский лично был очевидцем следующего «эксперимента», который поставили пытолюбные поляки на военнопленных: «кому-то в распоротый живот зашили живого кота и побились об заклад, кто первый подойдет, человек или кот».

Поляки могли арестовать медицинский персонал госпиталя и расстрелять санитаров. Факты получали широкую огласку, но преступления оправдывались «нервным напряжением офицеров в боях с большевиками». Именно с такой формулировкой был оправдан польский офицер, чья солдатня расправилась с медперсоналом госпиталя. И не только оправдан, но переведен на другое место службы с повышением (18).

Обычным «репертуаром» поляков были еврейские погромы. Вильно (как и другие города и села Литвы и Белоруссии) не стало исключением. Город был буквально отдан солдатам на разграбление. Приказ о прекращении грабежей и погромов был опубликован только 24 апреля — тогда как польские войска вступили в город 19-го. Фактически же грабежи продолжались до середины мая. Не довольствуясь грабежом, легионеры подвергли евреев и тех, кто пытался за них заступаться, всякого рода истязаниям, самым диким и изысканно жестоким. Так, в ночь с 12-го на 13 мая в деревне Кашкевнче (Виленского уезда) кузнеца Исаака Данишевского зарубили за то, что у него была обнаружена членская карточка Минского профессионального союза металлистов. Аптекаря Таубе после грабежа выбросили в окно на улицу и убили. Стащили с постели больного тифом часовщика Хонеса — и расстреляли.

В ноте правительства РСФСР правительству Польши и правительствам стран Антанты от 3 июня 1919 г. приводился список 55 убитых лиц гражданского населения — и это только тех, о которых имелись сведения в печати, в том числе женщин и детей (Гдаль Колянский, 12 лет, Сарра Шарат, 15 лет, Бер Касутский, 8 лет, убитый вместе с отцом; Мордух Левит, 67 лет, Даниил Тракунский, 63 лет, Яков Жифран, 68 лет, Элипер Гальпернштейн, 58 лет и др.).

Иллюстрацией положения, в котором очутилось в Вильно еврейское население с 19 апреля, может служить следующая выдержка из газеты «Белорусская думка» (органа белорусских националистов, непримиримых противников большевиков — газеты, прежде закрытой советскими властями и возобновившейся только с приходом поляков) от 7 мая: «Уже далеки от нас пушечные выстрелы, уже не слышно пулеметной перестрелки, пора уже немного успокоиться нервам, хоть немного улечься злобе, ненависти и жажде мести. Прямо скажем, пора уже, чтобы еврей мог выйти на улицу, не боясь, что за длину его носа выпотрошат ему кишки, снимут с пальцев копыта, отнимут деньги...» (19).

Как справедливо констатирует Москва в указанной ноте, в своих зверствах поляки превзошли едва ли не все армии, которые в то время успели «отметиться» на территории бывшей Российской империи: «несмотря на весь вопиющий характер многочисленных актов произвола, совершенных иностранными отрядами и армиями в разных частях России, все же ни одна из этих армий не опустилась до того уровня дикости, до той практики систематических и грандиозных еврейских погромов и массовых убийств политических противников, какая возведена в систему польскими властями...

...если, таким образом, Польское Правительство, опираясь на великие державы, решилось во что бы то ни стало продолжить войну против Советских Республик, то Правительство РСФСР, заявляя самый решительный протест против неприменения в этой войне даже тех элементарнейших гарантий, которые считаются общепризнанными в практике капиталистических стран, по меньшей мере требует, чтобы польские власти прекратили, наконец, бесконечно позорную практику систематических погромов невинного населения и массовых убийств социалистических деятелей» (20). Таким образом, не Гитлер, а поляки первыми установили систему расстрела евреев и комиссаров на оккупированных территориях.

Поляки вовсю использовали ту ситуацию, что Красная Армия была занята на фронтах гражданской войны и не могла оказать достойное сопротивление на Западе. Кроме того, в 1919 г. победа красных в гражданской войне была совсем не очевидной. И перспектива, что верх возьмут белые — поддерживаемые Антантой (белые признавали независимость Польши, но отвергали ее территориальные притязания на Украину, Белоруссию и Литву) — также гнала поляков вперед, чтобы захватить как можно больше территорий и поставить всех перед фактом.

На Волыни 9 августа 1919-го захватили Дубно и Кременец,

13 августа — Ровно. В Белоруссии в июле 1919-го польские войска взяли Молодечно и Лунинец. 8 августа — Минск (что вынудило командование Западного фронта отвести войска Красной Армии за Березину). 29 августа поляки заняли Бобруйск, 10 сентября — Борисов. В октябре, после неудачной попытки советских войск отбить Бобруйск, было заключено перемирие.

В декабре 1919-го, воспользовавшись отводом отступающих под ударами Красной Армии войск Деникина, польские войска вышли на рубеж р. Уботь—Олевск—Новоград-Волынский—Проскуров—Каменец-Подольский. 3 января 1920 г. польско-латвийские части заняли Двинск (Даугавпилс).

1. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 2. с. 196.
2. ПМД, т. 1, с. 273.
3. ПМД, т. 1, с. 269.
4. ПМД, т. 1, с. 268.
5. ПМД, т. 1, с. 267.
6. ПМД, т. 2, с. 192—193.
7. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Госполитиздат, 1958, т. 2, с. 145—146.
8. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. — М.: «Вече», 2001, с. 23.
9. Документы внешней политики СССР. — М.: Госполитиздат, 1959, т. 1, с. 625—626.
10. ДВП СССР, т. 2, с. 69.
11. ДВП СССР, т. 2, с. 201.
12. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). — М.: Воениздат, 1969, с. 157.
13. ДВП СССР, т. 2, с. 78.
14. ДВП СССР, т. 2, с. 78—79.
15. ДВП СССР, т. 2, с. 143.
16. ДВП СССР, т. 2, с. 151.
17. ДВП СССР, т. 2, с. 184—185.
18. Мельтюхов, указ. соч., с. 23—24.
19. ДВП СССР, т. 2, с. 181—184.
20. ДВП СССР, т. 2, с. 184—185.

Советская Россия мечет бисер перед Варшавой

Несмотря на регулярные польские провокации и прямые акты агрессии, Москва постоянно выступала с предложениями о подписании мирного договора с Польшей и установлении дипломатических отношений с Варшавой. Едва ли не каждая советская нота, обращенная к Польше или к странам Антанты (в которой затрагивались вопросы советско-польской тематики), сопровождалась соответствующими призывами.

Поляки все эти предложения упорно игнорировали. Это и понятно: установление дипотношений и заключение мирного договора означало признание границ. А вот этого-то строителям «великой

Польши» хотелось меньше всего. Варшава не желала связывать себе руки. «Совершенно очевидно, что польские правящие круги не стремятся ни к чему другому, как только к явным аннексиям», — отмечалось в одном из обращений Москвы к странам Антанты (1).

Выступив с инициативой (с подачи Антанты) определения восточных границ Польши посредством плебисцита в областях со смешанным этническим составом населения и получив согласие советской стороны (2), Варшава сама же от нее отказалась.

Максимум, к чему оказались готовыми поляки, это посылка в феврале 1919-го в Советскую Россию специального делегата Александра Венцковского, которому было поручено «вступить в соглашение с Советским Правительством по поводу различных вопросов, возбужденных последним, которые в обоюдных интересах обоих Правительств настоятельно необходимо возможно скорее разрешить» (3). Контакты, осуществлявшиеся через Венцковского, к особым успехам в нормализации советско-польских отношений не привели (о боевых столкновениях на протяжении 1919 года говорилось выше), да и не могли привести, ибо Польша была настроена на удовлетворение своих немалых территориальных притязаний на востоке.

Стандартным иезуитским приемом польской дипломатии было скрывать от общественности советские обращения, в т.ч. предложения о заключении мирного договора. Причем скрывали данную информацию в Варшаве не только от своего населения, но нередко и от Антанты — из-за чего Москва на каком-то этапе взяла за правило дублировать свои ноты, направляя их не только в Варшаву, но и правительствам стран Согласия.

Например, в ноте правительства РСФСР правительству Польши и правительствам стран Согласия от 3 июня 1919-го читаем: «Советское Правительство не питает никаких иллюзий насчет подлинных намерений Правительства господ Пилсудского и Падеревского. Тогда как нота Советского Правительства от 24-го марта с. г., в которой выражалась полная готовность к мирным переговорам с одновременным очищением от войск спорных областей, осталась без ответа и самый текст ноты оказался первоначально скрытым от польского общества, Польское Правительство и послушный ему Сейм высказались определенно за необходимость расширения границ Польского государства до побережья Двины и Днепра» (4). То, что планы Польши были именно такими (а порой и более амбициозными) подтверждается и материалами Парижской мирной конференции.

История, аналогичная описанной выше, произошла и в ноябре 1919-го, когда помощник министра иностранных дел Польши Скржинский публично заявил, что Москва отказывается подписывать мирный договор, угрожает Польше вторжением и не желает удовлетворить «законные польские требования».

«Еще в апреле этого года (1919. — С. Л.) Российское Советское Правительство давало делегату Польской Республики гражданину Венцковскому повторные заверения о своем неизменном желании положить конец кровопролитию между народами России и Польши, и без того столь измученными бедствиями пяти лет войны, полагая в то же время, как и всегда, что легко осуществить соглашение между Россией и Польшей, — говорилось в ноте правительства РСФСР правительству Польши от 22 декабря 1919 г. — Наши мирные предложения оставались, тем не менее, без ответа, и польские войска продолжали в течение следующих месяцев продвигаться вперед на территории Советских Республик, дружественных Советской России.

Советское Правительство с тем большим изумлением узнало, что 28-го ноября Помощник Статс-Секретаря Скржинский в ответ на запрос в польском сейме заявил, что якобы Российская Республика никогда не предлагала Польше мир и что она якобы угрожала Польше вторжением и не была нисколько склонна к соглашению, отвечающему желаниям польского народа. Желая устранить всякие недоразумения, могущие затруднить скорое установление мирных и дружественных отношений между обоими народами, Советское Правительство снова подтверждает данные им ранее заверения о своем твердом желании положить конец всякому конфликту с Польшей. Советское Правительство обращается к Польскому Правительству с формальным предложением немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира между обеими странами» (5).

Здесь мы видим не только очередное опровержение обычной для того времени лжи польской дипломатии, но и очередное предложение о немедленном начале мирных переговоров. Но и это, декабрьское 1919 г., предложение осталось без ответа из Варшавы.

К тому времени Польша уже всю готовилась к масштабной агрессии на восток. Благо свои дела в иных местах (Галиции, на немецких землях и др.) поляки в основном «уладили», Версальский договор (28.06.1919 г.) был подписан (соответственно отпала надобность даже в имитации своей вменяемости перед лицом внешнего мира, сильные которого, к тому же к полякам благоволили).

Наконец, поляки имели на руках т. н. Варшавский акт от 2 декабря 1919 г., втайне подписанный представителем Петлюры А. Левицким, согласно которому эти самозваные «украинские власти» отдавали Польше Галичину, Холмщину, Волинь и Полесье — территории, на которых проживало более 10 млн. украинцев.

Один из петлюровских «атаманов» Г. Тютюнник (в ноябре 1921 г. он предпримет дерзкий рейд на Украину), сдавшийся в середине 1923 г. советским властям, напишет по этому поводу: «В липні 1919 року Петлюра мовчки погоджується на захоплення поляками Галичини, Холмщини та Волині... Тим часом поляки ґрунтовно готовилися до походу на Україну. Їм навіть серед білого дня ввижались кордони 1772 року, велика Польща «від моря до моря та аж до Дніпра»...

...у Варшаві події йшли своїм шляхом — У. Н. Р. разом з Петлюрою котилася вниз у прірву повного морального розкладу. Треба було втратити почуття національної гідності та відповідальності, щоб не затіпалася рука, підписуючи умови, що їх підсунули поляки Петлюриній делегації. Вже 2-го грудня 1919 року Петлюрина делегація подала польському правительству свою декларацію, в якій між іншим пише, що територія України обмежується «починаючи від Чорного моря по річці Дністру і від Дністра між Польщею та Україною по р. Збручу... Політичне становище Східньої Галичини буде розв'язано Польським правительством.

«Національні герої» типу Петлюри та Лівичького торгували землями Української нації, душами мільйонів українських робітників та селян, торгували, ховаючись, як злодії, від народного ока й нікого не питалися. Вони ж бо себе вважали покликаними визволяти український нарід. Отож і «визволяли», віддаючи Галичину та Волинь з Холмщиною під панування польського магната» (6).

Имея в рукаве указанный акт купли-продажи Украины Петлюрой Польше, Пилсудский и приступил к подготовке агрессии.

Спустя неделю после подписания секретного Варшавского акта — 8 декабря 1919 г. — была опубликована Декларация о временных восточных границах Польши, принятая Верховным советом Антанты. В этом документе хотя и указывалось, что границей должна стать линия этнографического преобладания польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге — но в то же время ничего не говорилось о том, как быть с территориями восточнее этой линии, к тому времени оккупированными Польшей (7).

Т. е. акты польской агрессии и «самозахваты земель» не осужда-

лись, и никакими последствиями за подобный произвол Варшаве не грозили. А по сути союзники развязывали Польше руки для самостоятельного «решения» данного вопроса с другими государствами (прежде всего — Советской Россией и Литвой).

А как тогдашняя Польша умела «решать» такие проблемы — все отдавали себе отчет. С начала 1920 г. в Москве все чаще звучат опасения на предмет возможной польской агрессии.

18 февраля 1920 г. В. И. Ленин в интервью корреспонденту американской газеты *New York Evening-Journal* сетует: «К сожалению, французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас» (8). Он же 21 февраля в интервью американской *The World*, отвечая на вопрос «считает ли он серьезной возможность польского наступления?», говорит: «Вне всякого сомнения... Единственные признаки дальнейшей военной агрессии против нас имеют место только со стороны Польши... Если Польша пойдет на такую авантюру, то это приведет к новым страданиям для обеих сторон и к ненужной гибели новых человеческих жизней. Но даже Фош (данное интервью Ленин давал накануне поездки маршала Фоша в столицу Польши. — С. Л.) не сможет обеспечить полякам победу. Они не смогли бы победить нашу Красную Армию, даже если бы сам Черчилль воевал вместе с ними» (9).

Или вот из телеграммы Ленина Троцкому 27 февраля: «Все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта... Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей» (10).

Пытаясь предотвратить военный конфликт, советские власти выдают одно за другим обращения с предложением приступить к переговорам о заключении мирного договора. Причем в своих предложениях полякам советская сторона сулила больше (в территориальном аспекте), чем Антанта (если руководствоваться официальными заявлениями союзников о желаемых восточных границах Польши), и даже больше, чем впоследствии получит Польша по условиям Рижского договора, заключенного после советско-польской войны!

Так, 28 января 1920-го Совнарком обратился с заявлением об основах советской политики в отношении Польши, подтвердив выщелитированное мирное предложение от 22 декабря 1919 г., и указав, что нет таких вопросов между Советской Россией и Польшей, которые не могли бы быть разрешены путем мирных переговоров: «Польша стоит перед решением, которое может иметь тяжчайшие последствия на долгий ряд лет для жизни обоих народов. Все данные

свидетельствуют о том, что крайние империалисты Соглашения, сторонники и агенты Черчилля — Клемансо, напрягают в настоящий момент все усилия к тому, чтобы ввергнуть Польшу в беспричинную, бессмысленную и преступную войну с Советской Россией».

СНК заявлял, что политика РСФСР в отношении Польши основывается на незыблемости принципа национального самоопределения, что Москва «безусловно и безоговорочно признавала и признает независимость и суверенность Польской Республики, и это признание с первого момента образования независимого Польского государства кладет в основу всех своих отношений к Польше».

«Сохраняя во всей силе последнее мирное предложение Народного Комиссариата по Иностранным Делах от 22 декабря, Совет Народных Комиссаров, чуждый каких бы то ни было агрессивных намерений, заявляет, что красные войска не переступят нынешней линии Белорусского фронта, проходящей вблизи следующих пунктов: г. Дрисса, г. Диена, г. Полоцк, г. Борисов, м. Паричи, ст. Птичь, ст. Белокоровичи. В отношении Украинского фронта Совет Народных Комиссаров от своего имени и от имени Временного Правительства Украины заявляет, что советские войска Федеративной Республики не будут совершать военных действий к западу от занимаемой ныне линии, проходящей вблизи м. Чуднова, м. Пиливы, м. Дерафни и г. Бара... (т. е. Польше должны были отойти нынешние Хмельницкая и около двух третьих Житомирской областей, плюс почти вся нынешняя Минская область Белоруссии. — С. Л.)

...Совет Народных Комиссаров заявляет, что, поскольку речь идет о действительных интересах Польши и России, не существует ни одного вопроса: территориального, экономического или иного, который не мог бы быть разрешен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений, как это имеет место сейчас в переговорах с Эстонией», — говорилось в заявлении (11).

2 февраля ВЦИК РСФСР принял обращение к польскому народу, повторявшее вышесцитированное заявление Совнаркома.

4 февраля министр иностранных дел Польши Патека пообещал Москве предоставить ответ на заявление Совнаркома от 28 января. Однако этого не произошло, и 6 марта Москва по-новой запрашивала Варшаву о согласии начать мирные переговоры. При этом на тот момент польские войска, готовившиеся к масштабной агрессии, начали «прошупывать» оборону красных боевых порядков, возобновив по сути военные действия на Украине. Поэтому в советской ноте на имя главы польского МИД Патека отмечалось, что по соображениям стратегического порядка РККА более не мо-

жет придерживаться разграничительной линии, ранее обещанной Варшаве: «Мы с сожалением должны констатировать, что Польское Правительство не только не решилось начать еще предложенные нами мирные переговоры, но вопреки тому, на что мы были вправе рассчитывать, начало широкую военную офензиву против украинской территории, создавая этими новыми агрессивными действиями угрозу для независимой Украинской Республики.

Российское и Украинское союзные Правительства вынуждены, в результате этих наступательных действий, защищать украинскую территорию против этого ничем не оправдываемого нападения, и поэтому лишены возможности на Украинском фронте по стратегическим соображениям, вытекающим из необходимости обороны, держаться линии, указанной в заявлении 28-го января» (12). При этом Москва вновь призвала начать мирные переговоры.

Только под конец марта (27-го) Польша откликнулась, но выдвинула совершенно неадекватное предложение — начать переговоры 10 апреля в г. Борисове, фактически непосредственно в районе соприкосновения польских и советских частей. Собственно, это польское предложение представляло собой дипломатический маневр, прикрывающий подготовку к наступлению. В реальности никаких переговоров Варшава вести не собиралась. Что станет очевидно из дальнейшего обмена дипломатическими нотами.

28 марта Москва выдвинула контрпредложение — заключить общее перемирие (т. е. по всей протяженности фронта — поляки предлагали заключить локальное, непосредственно в месте, прилегающем к переговорному пункту) и выбрать для переговоров более спокойное место — в нейтральном государстве, например в Эстонии.

1 апреля глава польского МИД Патек отверг советское предложение. Польша соглашалась вести переговоры лишь в Борисове, находящемся в военной зоне, и по-прежнему настаивала лишь на местном перемирии.

2 апреля Москва прямо обвинила Польшу в ведении двойной игры: «Совершенно неясно, какую цель Польское Правительство может преследовать, настаивая на продолжении военных действий, если его намерения действительно миролюбивы, и поэтому в этом отношении неизбежно должны возникнуть сомнения ввиду его упорного нежелания, прекратив кровопролитие, создать благоприятные условия для мирных переговоров. Российское Советское Правительство при таких условиях не понимает, каким образом Польское Правительство находит возможным настаивать на Борисове как на месте переговоров, так как он находится непосред-

ственно в зоне военных действий и так как там, даже в случае заключения местного перемирия, совершенно отсутствуют самые элементарные условия, необходимые для обеспечения спокойствия и свободы совещаний конференции. Кроме того, предложение заключить чисто местное перемирие на Борисовском участке на все время мирных переговоров, между тем как война продолжалась бы на всей остальной линии фронта, настолько странно, что Российскому Советскому Правительству приходится подозревать существование у Польского Правительства задней мысли стратегического характера» (13).

Если, отмечало советское правительство в своей ноте, Польша не желает вести переговоры в нейтральной Эстонии, то, предлагала Москва, давайте назначим местом переговоров Варшаву! Как говорилось в документе, советское правительство «считает возможным в качестве последней уступки, на которую оно может пойти, согласиться, если Польское Правительство того пожелает, вести переговоры в Варшаве, где станция радиотелеграфа была бы в распоряжении русской делегации и где близость грохота орудий не мешала бы спокойному и обдуманному ходу переговоров» (14). На всякий случай в этом же документе советское правительство упомянуло также о Москве и Петрограде, где гарантировало создание всех необходимых для переговоров условий.

Но и собственная столица в качестве места переговоров поляков не устроила! Официальная версия отказа — «по внутривнутриполитическим причинам». Дескать, приезд советской делегации в польскую столицу привел бы к внутривнутриполитическим осложнениям.

7 апреля Патек опять ультимативно выставил требование вести переговоры непременно в Борисове и только в условиях местного перемирия.

8 апреля Москва обращается со специальным заявлением к державам Антанты: «Российское Правительство готово принять в качестве места переговоров любой город нейтрального государства или Антанты, даже Лондон или Париж» (15). 9 апреля копия этого обращения была направлена также и польскому правительству.

Державы Антанты не ответили. А поляков и этот вариант не устроил!

Наконец 23 апреля Москва выразила готовность вести переговоры в Гродно или Белостоке (контролировавшихся поляками): «Советское Правительство, со своей стороны, по-прежнему готово продолжать переговоры, прерванные предыдущим ультимативным заявлением поляков, и его мирные намерения не изменились... готово было бы вести переговоры, например, в Гродно или Белостоке,

поскольку в этих местах делегациям могли бы быть обеспечены все необходимые и общепринятые технические возможности». При этом Москва не преминула выразить свое удивление: «Советское Правительство считает невероятным отказ воюющей стороны от переговоров на ее же территории в пунктах, не могущих возбуждать сомнений с точки зрения каких бы то ни было якобы внутреннеполитических соображений» (16). Но теперь, зная как на самом деле развивались события, мы понимаем, что удивляться было нечему — в Польше давно было принято решение о войне с Советской Россией, все остальное — маневры, уловки и хитрости.

Ну, а 25 апреля Пилсудский начал вторжение (хотя еще 19-го польский аэроплан сбросил на Киев несколько бомб, от которых 10 человек погибли и 14 были ранены — (17). Перед этим (21 апреля) с Петлюрой было подписано соглашение, вошедшее в историю как Варшавский договор, развивавшее идеи Варшавского акта от 2 декабря 1919-го. За Польшей закреплялись украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой до 1772 г., а сама «независимая Украина», согласно этой бумаге, замышлялась как польский вассал.

Собственно, нет смысла анализировать этот опереточный «договор» (в котором, к примеру, имелось положение о незыблемых гарантиях польским землевладельцам в «суверенной УНР» и проч.), как и подписанное в его развитие военное соглашение от 24 апреля — для Пилсудского эти бутафорские акты были не более чем пропагандистской ширмой для обоснования агрессии. Тем более что приказ о наступлении (с датой нападения 25 апреля) Пилсудский отдал своим войскам еще 17 апреля.

Своими действиями Пилсудский по сути копировал трюк Гогенцоллернов, несколькими годами перед тем привезшими в своем обозе Центральную Раду (которая затем была разогнана теми же немцами, посадившими в Киеве Скоропадского — перестал бы Петлюра устраивать Пилсудского, последний легко сменил бы и этого «независимого правителя»).

Все прекрасно понимали, что «война за независимость Украины» есть полнейший маскарад. Польская пресса сопровождала поход Пилсудского пропагандистской кампанией в шовинистическом духе, требуя «захвата всех тех земель, которые принадлежали Польше 150 лет тому назад — почти до Смоленска» (18).

Первоначальные успехи польских войск, усиленных бандами Петлюры, объясняются превосходством в силах и средствах над частями РККА. Только поляки к началу нападения имели 738 тыс., при этом хорошо вооруженных и экипированных с помощью Антанты.

Ударная группировка, состоящая из пяти армий, сведенных в два фронта (Северо-Восточный в Белоруссии и Юго-Восточный на Украине), насчитывала 148,5 тыс. штыков и сабель, 4157 пулеметов, 894 орудия, 302 миномета и 51 самолет. Им противостояли силы советских Западного и Юго-Западного фронтов, имевших 96,4 тыс. штыков, 7,5 тыс. сабель, 2988 пулеметов, 674 орудия, 34 бронепоезда, 67 бронеавтомобилей.

Главный удар наносился на Украине в направлении Киева, здесь Пилсудский и сосредоточил основные силы, сумев создать решающее превосходство над советскими частями. В его планах было разгромить сначала войска Юго-Западного фронта, что обеспечивало ему захват Правобережной Украины. Далее предполагался поворот на север и удар во фланг и тыл Западному фронту с дальнейшим овладением Белоруссией.

В нашу задачу не входит подробный разбор перипетий советско-польской войны, поэтому назовем только основные этапы. В первые же дни боев разрезав части 12-й советской армии (на фронте которой наносился главный удар), 26 апреля польские войска захватили Житомир, Коростень и Радомышль. 27 апреля польская кавалерия ворвалась в Малин и Казатин. 7 мая 1920 г. войска Пилсудского заняли Киев, и даже успели провести «парад победы». Но радость была недолгой.

Со второй половины мая началась Киевская наступательная операция Красной Армии. 10 июня, опасаясь попасть в окружение, польское войско оставило Киев, который 12 июня был занят частями РККА. Перегруппированная и усиленная новыми частями и подразделениями (включая элитные части вроде 1-й Конной армии и 25-й Чапаевской дивизии) Красная Армия в короткие сроки изгнала поляков с оккупированных ими территорий.

Ранее мы уже отмечали недостойные методы ведения войны и обращения с гражданским населением, которые в массовом порядке практиковала Польша. И на этот раз поляки остались верны себе. В оккупированных районах войско Пилсудского грабило население, выжигало целые деревни, расстреливало и вешало ни в чем не повинных граждан. Пленных красноармейцев подвергали пыткам и издевательствам. В городе Ровно оккупанты расстреляли более 3 тыс. мирных жителей. Грабеж Украины прикрывался ссылками на договор с Петлюрой о снабжении польских войск и сопровождался террором и насилием: телесные наказания крестьян при реквизициях, аресты и расстрелы советских служащих в городах, конфискации имущества и еврейские погромы. В частности,

за отказ населения снабжать оккупантов продовольствием были полностью сожжены деревни Ивановцы, Куча, Собачи, Яблунька, Новая Гребля, Мельнички, Кирилловка и др. Жителей этих деревень расстреляли из пулеметов. В местечке Тетиево во время еврейского погрома было вырезано 4 тыс. человек (19).

«Отличились» поляки в проведении акций возмездия за свои военные неудачи. Например, 25 мая красными частями был занят белорусский город Борисов. В ответ поляки развернули артиллерийские батареи на правом берегу р. Березина и приступили к систематическому уничтожению городских кварталов с мирным населением — в т. ч. с применением химических и зажигательных снарядов. Было выпущено около 800 шести- и восьмидюймовых снарядов, что вызвало в городе пожар. Пытаясь воспрепятствовать его тушению, поляки перенесли огонь на тушивших пожар людей. Жертвами этого варварства стали более 500 мирных жителей — мужчин, женщин и детей. Более ста тяжелораненых погибли в пламени. Борисов был обращен в груды дымящихся развалин. Десять тысяч жителей остались без крыши над головой и без какого-либо имущества.

«Таким образом, на взятие Борисова, благодаря военному превосходству наших войск, раздосадованный, мстительный противник ответил уничтожением целого города и убийством сотен и тысяч мирных жителей, женщин и детей», — говорилось в ноте советского наркома индел от 2 июня 1920 г. на имя министров иностранных дел Великобритании, Франции, Италии и госсекретаря США (20).

Войско «свободной Польши» показало себя отвратительным сборищем мародеров и вандалов, повсеместно занимаясь насилием и грабежом. Те ценности, которые нельзя было унести с собой, поляки попросту уничтожали, не обращая внимания на их культурное и историческое значение.

О том, что оставляли после себя поляки, покидая Киев, засвидетельствовано в ноте правительств РСФСР и УССР правительствам Великобритании, Франции, Италии и США от 11 июня 1920 г.: «Варварское поведение польских военных властей превзошло самые страшные акты вандализма, совершенные во время мировой империалистической войны. После бесчисленных притеснений и надругательств, после непрестанных насилий, массовых казней, грабежей и всякого рода бесчеловечных жестокостей, совершенных по отношению к крестьянскому населению захваченных территорий, польские власти доходят теперь в своей жажде уничтожения до того, что обрушиваются на ценнейшие объекты цивилизации.

...сама столица Украины Киев становится теперь объектом не-

вероятного, беспримерного вандализма польских панов. Так как доблестные украинские и русские армии вынудили легионеров оставить свою добычу, раздосадованное польское военное командование задумало увековечить свою память в Киеве по примеру Герострата. Ни разу за всю мировую империалистическую войну не было ничего подобного тем гнусностям и преступлениям против цивилизации, которые совершили поляки в Киеве перед своей эвакуацией. **Прекрасный собор святого Владимира, эта не имеющая себе равных жемчужина русского религиозного зодчества и уникальный памятник с бесценными фресками Васнецова, был уничтожен поляками при отступлении только потому, что они желали выместить свою злобу хотя бы на неодушевленных предметах. Таким образом, общая сокровищница человеческой цивилизации лишилась уникального произведения искусства в результате отвратительного вандализма охваченных отчаянием поляков.**

Городская канализация в Киеве методически разрушалась, что равносильно обречению более чем полумиллионного населения на неопишуемые лишения и смертоносные эпидемии. Электростанция, пассажирский и товарный вокзалы подверглись той же участи, став жертвой бессмысленной мании разрушения» (21).

Это творили те, кто вопил о себе как о «европейском бастионе против большевистского варварства». Цивилизационный контраст становится тем отчетливее, если мы вспомним о вышецитированных декретах Совнаркома об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу.

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Госполитиздат, 1958, т. 2, с. 184.	10. Ленин В. И. ПСС, т. 51, с. 146—147.
2. ДВП СССР, т. 2, с. 105—16.	11. ДВП СССР, т. 2, с. 331—332.
3. ДВП СССР, т. 2, с. 70.	12. ДВП СССР, т. 2, с. 398.
4. ДВП СССР, т. 2, с. 184.	13. ДВП СССР, т. 2, с. 436.
5. ДВП СССР, т. 2, с. 312.	14. ДВП СССР, т. 2, с. 437.
6. Тютюнник Ю. З поляками проти України (Репр. изд.), 1990, с. 12—14.	15. ДВП СССР, т. 2, с. 447.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 2, с. 431—432.	16. ДВП СССР, т. 2, с. 481—482.
8. ДВП СССР, т. 2, с. 372.	17. ДВП СССР, т. 2, с. 484.
9. ДВП СССР, т. 2, с. 378—382.	18. ДВП СССР, т. 2, с. 492.
	19. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. — М.: «Вече», 2001, с. 38.
	20. ДВП СССР, т. 2, с. 552—553.
	21. ДВП СССР, т. 2, с. 565—566.

К мифу о «большевистской угрозе»

Одним из широко раскрученных поляками пропагандистских тезисов, с помощью которого они обосновывали свою антисоветскую политику в межвоенный период, являлось утверждение, что Советская Россия, дескать, намеревалась уничтожить польскую государственность в рамках реализации идеи о мировой революции.

На этом вопросе важно остановиться, поскольку он имеет прямое отношение к дальнейшим нашим рассуждениям (о польских «заслугах» по части погружения мира в пучину Второй мировой войны). Кроме того, и до сей поры в ходе рассуждений о том, почему сорвалось выстраивание единого коллективного фронта против гитлеровской агрессии в Европе, почему в 1939-м Польша уперлась шляхетским рогом и ни за что не желала вступать в военные коалиции с СССР, почему Варшава категорически отказывалась пропустить советские войска через свою территорию для борьбы с агрессором, иные находят для такой неадекватной позиции Польши «смягчающие обстоятельства» в виде отмеченного мифа, уходящего корнями в 1920-й.

В качестве доказательства приводились (и приводятся поныне) цитаты из листовок, обращенных к красноармейцам, воззваний вроде «через труп панской Польши — к мировой революции». Можно добавить к этому формирование большевиками Временного революционного комитета Польши — Польревкома (создан в Смоленске 23 июля 1920 г.) во главе с Юлианом Мархлевским. И т. д. и т. п. Эти наработки польской пропаганды впоследствии использовались (и используются по сей день) отечественными антисоветчиками всех мастей для дискредитации СССР, советской внешней политики и коммунистической идеи как таковой (вне зависимости от намерений авторов подобного толка они льют воду на польскую антиросийскую мельницу).

Однако если обратиться к фактам и здравому смыслу, то картина предстает, мягко говоря, иной. А именно: революционная риторика, сопровождавшая боевые действия Красной Армии против польских агрессоров, создание Польревкома и попытки установления советской власти в Польше диктовались не столько идеями мировой революции, сколько необходимостью отвечать на вызов, брошенный Пилсудским (а это он начал войну), военно-политическими и военно-стратегическими задачами. Революционный идеализм советских властей конца 1917-го — начала 1918-го довольно быстро сменился государственно-

ским реализмом, подвигавшим к традиционным методам ведения внешней политики, защите государственных границ и геополитических интересов.

Достигнув в августе 1920 г. в ходе успешного контрнаступления польской границы, командование РККА отнюдь не ринулось слома голову дальше. Наоборот, возникли колебания — идти ли на Варшаву или же ограничиться изгнанием противника с собственной территории?

Решение вступить на польские земли далось с трудом, и прева-лировали опять-таки военные расчеты, но никак не идеи «мировой революции». Главком С. Каменев спустя два года вспоминал: «Рассматриваемый период борьбы во всем ходе событий оказал-ся краеугольным. По достижении вышеуказанных успехов перед Красной Армией сама собою, очевидно, стала последняя задача овладеть Варшавой, а одновременно с этой задачей самой обжа-новкой был поставлен и срок ее выполнения «немедленно»... судя по трофеям, пленным и их показаниям, армия противника, несом-ненно, понесла большой разгром, следовательно, медлить нельзя: недорубленный лес скоро вырастает. Скоро вырасти этот лес мог и потому, что мы знали о той помощи, которую спешила оказать Франция своему побитому детищу. Имели мы и недвусмысленные предостережения со стороны Англии, что если перейдем такую-то линию, то Польше будет оказана реальная помощь. Линию эту мы перешли, следовательно, надо было кончать, пока эта «реальная по-мощь» не будет оказана. Перечисленные мотивы достаточно вески, чтобы определить, насколько бывший в нашем распоряжении срок был невелик.

Перед нашим командованием, естественно, встал вопрос: по-сильно ли немедленное решение предстоящей задачи для Красной Армии в том ее составе и состоянии, в котором она подошла к Бугу, и справится ли тыл. И теперь, как и тогда, на это приходится отве-тить: и да, и нет. Если мы были правы в учете политического момен-та, если не переоценивали глубины разгрома белопольской армии и если утомление Красной Армии было не чрезмерным, то к задаче надо было приступить немедленно. В противном случае от опера-ции, весьма возможно, нужно было бы отказаться совсем, так как было бы уже поздно подать руку помощи пролетариату Польши и окончательно обезвредить ту силу, которая совершила на нас пре-дательское нападение. Неоднократно проверив все перечисленные сведения, было принято решение безостановочно продолжать опе-рацию» (1).

«Недорубленный лес скоро вырастает» — в этих словах сформулирован замысел «похода за Вислу». Кроме того, фактор времени гнал Красную Армию на Варшаву — не дать полякам опомниться, не позволить получить помощь извне.

Но этого похода могло и не быть — если бы Польша села за стол переговоров. Ведь даже тогда, когда Красная Армия была на пике своих успехов, Москва предлагала Варшаве мирное урегулирование, причем в территориальном смысле — на лучших условиях, чем заявляла Антанта!

11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Керзон направил Москве свою знаменитую ноту. Он предлагал немедленно остановить военные действия и заключить между Польшей и Советской Россией перемирие. В условия перемирия должно было быть включено, с одной стороны, отступление польской армии на линию, намеченную Антантой в декабре 1919-го (об этом было выше) в качестве восточной польской границы. «Линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Валовка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; севернее Гродно граница с литовцами идет вдоль железной дороги Гродно—Вильно и затем на Двинск», — писал Керзон.

Советская Россия со своей стороны должна была отвести свои войска на 50 км к востоку от указанной линии. В Восточной Галиции обе стороны должны были оставаться на линии, занятой ими ко дню подписания перемирия.

Далее Керзон предлагал созвать в Лондоне конференцию, действовавшую бы под эгидой Парижской мирной конференции, в которой приняли бы участие представители Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии для переговоров об окончательном мире между Россией и ее соседями.

А далее пошли условия, совершенно неприемлемые для советского руководства: Керзон от имени британского правительства потребовал, «чтобы было также подписано перемирие между армиями Советской России и генерала Врангеля при условии немедленного отступления сил Врангеля в Крым, с тем чтобы на время перемирия перешеек был нейтральной зоной». Кроме того, Врангель, по мысли Керзона, должен был принять участие в вышеуказанной конференции в Лондоне.

Уже этого условия о перемирии с Врангелем было достаточно, чтобы Москва отвергла предложение Керзона (если бы Москва его приняла, то могла получиться примерно та же ситуация, что у Китая

с Тайванем; соответственно Врангель выступал в ипостаси русского Чан Кайши).

Наконец, завершалась нота фактически ультиматумом: «Британское Правительство было бы радо получить немедленный ответ на эту телеграмму, ибо польское правительство просило о вмешательстве союзников, и если время будет потеряно, может образоваться ситуация, которая сделает заключение длительного мира гораздо более трудным в Восточной Европе. Между тем как Британское Правительство обязалось не помогать Польше для целей, враждебных России, и не совершать каких-либо действий, враждебных России, оно также обязалось по договору Лиги Наций защищать неприкосновенность и независимость Польши в пределах ее законных этнографических границ (запомним эту апелляцию Керзона к Лиге Наций! — С. Л.).

Поэтому, если Советская Россия, несмотря на повторные заявления о признании независимости Польши, не удовлетворится отходом польских армий с российской территории под условием взаимного перемирия, но пожелает перенести враждебные действия на территорию Польши, Британское Правительство и его союзники сочтут себя обязанными помочь польской нации защищать свое существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении.

Польское правительство заявило о своей готовности заключить мир с Советской Россией и начать переговоры о перемирии на основе вышеозначенных условий, как только оно будет уведомлено о согласии Советской России» (2).

Но дело в том, что польское правительство никогда не обращалось к Москве с официальным предложением о готовности начать переговоры о перемирии, тем более на основании условий, изложенных Керзоном. Более того, сам факт польской агрессии — после неоднократных советских предложений признать за Польшей территории, не просто лежащие западнее «линии Керзона», но даже добавить к ним ряд дополнительных земель («окончательная граница независимого Польского государства в основном идентична линии, указанной в ноте лорда Керзона,.. однако Польше предоставляется дополнительная территория на востоке в районах Белостока и Холма» (3) — вовсе не свидетельствовал о польских намерениях, как их сформулировал глава британского МИД.

В ответной ноте от 17 июля, направленной советскими властями правительству Великобритании, вполне ожидаемо были отвергнуты всякие призывы о перемирии с Врангелем. В то же время Москва выразила свою полную готовность сесть за стол переговоров с

Варшавой, в т.ч. при посредничестве Парижской мирной конференции. Но при условии, что Польша сама официально обратится к таким предложением к советскому правительству.

Такое требование было вполне логичным и естественным. Тем более с учетом того, что далеко не все в Варшаве «на ура» восприняли предложения Керзона. Москва обратила внимание на «крайне резко выраженное неблагоприятное отношение к политическому шагу Британского Правительства в этом вопросе» со стороны ряда политических сил. Кроме того, советское руководство отметило и решение «польского сейма отвергнуть предложение о перемирии с Советской Россией».

Не преминули в Москве напомнить, что им уже достигнуто, причем без всякого постороннего участия, «полное примирение с тремя соседними государствами» (4).

Тем не менее 22 июля советско-польские контакты начались. 30 июля в Барановичах состоялась встреча между советскими делегатами и польскими парламентарями. Но... у польских делегатов не имелось соответствующих мандатов для ведения переговоров.

С советской стороны им были изложены требования, чтобы переговоры должны вестись одновременно и о перемирии, и о предварительных условиях мира. Кроме того, Москва, опасаясь, что Польша хочет использовать данные переговоры лишь в качестве передышки, настаивала на таких условиях перемирия, которые бы исключали повторение польской агрессии (в частности, советские требования включали в себя сокращение польской армии).

Выслушав советские предложения, польские парламентарии отправились в Варшаву для консультаций со своим правительством. После этого имели место «радиоигры». То 5 августа поляки заявят, будто бы Варшавская радиостанция отправила Москве сообщение, которое московская радиостанция не принимала. К 7 августа это послание дойдет до Москвы, та тут же даст ответ, но уже польская радиостанция не сможет его принять. Потом искали «исчезнувшую» делегацию польских парламентарей — их обнаружили в местечке Седлец, взятом Красной Армией, но у делегации опять не оказалось полномочий (5).

Словом, поляки тянули время. «Переговоры» с их стороны были военной хитростью. Польше ввиду стремительного наступления советских войск срочно требовалась передышка — перегруппировать силы, дожидаться помощи от Антанты и попытаться перехватить инициативу в войне.

И на этот момент советская сторона неоднократно указывала в своих обращениях к странам Антанты, подчеркивая, что пока Москва не получит твердых гарантий безопасности, она не может остановить военные действия на польской границе. К примеру, в ноте председателя делегации советского правительства в Лондоне на имя Ллойд Джорджа от 5 августа говорилось: «У Российского Правительства, конечно, нет и не было желания связать переговоры о перемирии с переговорами об условиях окончательного мирного договора между Польшей и Россией. Тем не менее при переговорах о перемирии не могли быть обойдены некоторые условия и гарантии, которые выходят за пределы узко военных переговоров. История польского нападения на Россию, очевидные факты непрекращающейся и систематической помощи Польше со стороны Франции и наличие на правом фланге польской армии войск генерала Врангеля, равным образом поддерживаемого французским правительством, делают неизбежным для Российского Советского Правительства требование, чтобы в самые условия перемирия с Польшей были внесены те разумные гарантии, которые предотвратили бы попытки Польши превратить перемирие в передышку для нового возобновления военных действий против России».

Кроме того: «Международное право и обычаи войны не знают случая, когда бы армия одной из воюющих сторон приостанавливала свои военные операции до подписания перемирия, и русская Советская Армия, естественно, принуждена была продолжать начатые операции. **Это продвижение, являясь чисто военной операцией**, не предрешает ни в малейшей степени вопроса о характере мирного договора и не представляет никакого покушения на независимость и целостность польского государства в его этнографических границах.

...Отсутствие в данный момент польских уполномоченных представляет единственное препятствие возобновления переговоров о приостановке военных действий. Уполномоченные Российского Правительства на ведение переговоров ждут их, готовые немедленно открыть эти переговоры. Между тем поведение польских делегатов... **внушает основательные подозрения, что польское правительство действует в расчете на иностранную поддержку, затягивая в ожидании ее мирные переговоры»** (6).

О том же в ноте правительству Великобритании от 12 августа: «Совершенно очевидно, что поляки пытаются затянуть подготовку к переговорам и отсрочить их» (7).

Эти систематические оттяжки реальных переговоров о заключении перемирия и о предварительных условиях мира, имевшие место со стороны Польши, и подвигли к походу на Варшаву. Ну а то, что Польша действительно выигрывала время, готовя удар, подтвердили события второй половины августа.

Показательно и то, что в момент наибольшего успеха Красной Армии, когда в победе над Польшей мало кто сомневался, Москва — в случае установления в Варшаве власти Польреврома — соглашалась признать восточные границы Германии состоянием на 1914 год. Так, 12 августа 1920-го германскому правительству по поручению Троцкого было передано сообщение, что если **«будет образовано польское большевистское правительство, то это правительство добровольно передаст Германии прежние немецкие территории, если они этнографически являются немецкими»** (8).

Иными словами, Красная Армия не собиралась переходить границы Польши (и «зажигать пожар революции», к примеру, в Германии). А территориальные приобретения в Польше рассматривались не как база для мировой революции, а как переговорная позиция (если угодно — можно сказать и «разменная монета») для налаживания тесных отношений с веймарской Германией.

Пропагандистская риторика — это риторика, а реальная внешняя политика — это реальная внешняя политика. Если Советская Россия вынашивала планы мировой революции, то как расценить Тартуский мирный договор с Эстонией, заключенный 2 февраля 1920 г. (незадолго до нападения Пилсудского в апреле того же года)? Как понимать мирные договоры с Литвой от 12 июля 1920-го и Латвией от 11 августа 1920 г.? А ведь дипломатические переговоры и непосредственное заключение данных договоров происходило в момент наибольшего успеха Красной Армии в войне с Польшей (4 июля Западный фронт перешел в общее наступление, 10 июля был взят Бобруйск, 11 июля — Минск, 14 июля — Вильно. 26 июля в районе Белостока РККА вступила непосредственно на польскую территорию).

Казалось бы, если Советская Россия имела планы «разжигать пожар мировой революции» в Европе, то зачем ей эти договора с «буржуазными правительствами» стран Прибалтики? Наоборот, логичнее было поднимать восстания в этих молодых государствах и направлять туда («на помощь восставшему пролетариату») революционные войска.

Но почему-то Красной Армии нужен только «труп панской Польши». Очевидно, потому, что именно Польша напала на Советскую Россию.

Не пыталось советское правительство «раздуть пожар» и в других пограничных государствах. В тот момент шли активные переговоры о заключении мирного договора с Румынией — при условии, если та выведет войска из Бессарабии. К 14 октября 1920 г. удалось договориться о заключении мирного договора с Финляндией. В феврале 1921 г. РСФСР заключила договор о дружбе с Ираном, параллельно аннулировав все международные договоренности царского правительства, в которых ущемлялись права и суверенитет Персии. Тогда же, в феврале 1921-го, был заключен договор о дружбе с Афганистаном, независимость которого РСФСР признала первой. В марте 1921-го последовал договор о дружбе с Турцией, в ноябре — соглашение с Монголией.

Вот на этом фоне — отнюдь не свидетельствующем о «разжигании пожара мировой революции» со стороны Советской России — и протекала советско-польская война с той самой чистой воды пропагандистской (но без претензий на внешнеполитическую доктринальность) риторикой о «через труп панской Польши...»

Советская военная пропаганда того времени мало чем отличалась от военной пропаганды, которую вели воюющие стороны в Первой мировой войне. С той лишь поправкой, что Антанта и центральные державы пытались разложить противника изнутри, делая акцент на национальных факторах, а Советы — на классовых.

То же с формированием Польревкома во главе с Мархлевским — чем это, собственно, хуже какого-нибудь Регентского совета и «правительства Пилсудского», создававшегося немцами, или «независимой Украины» Петлюры (использовавшейся в целях польской внешней политики уже Пилсудским)?

Естественно, Советская Россия хотела иметь у своих границ дружественные государства, в т.ч. Польшу. И если последняя совершает акты агрессии (а не будь агрессии Пилсудского, не было бы и «похода за Вислу»), если территория этой страны может использоваться как плацдарм для нападения (ниже мы поговорим о подобных планах, развивавшихся, в частности, французским маршалом Фошем), то что неразумного в том, чтобы сменить в этой стране власть на лояльную Советскому государству? Все логично и отнюдь не экстраординарно. Так пыталось бы действовать любое государство!

И в свете той крайне негативной роли, которую сыграла в межвоенный период «Польша Пилсудского», можно только сожалеть, что «поход за Вислу» не удался.

А во второй половине произошла известная катастрофа под Варшавой.

21 сентября 1920-го в Риге началась мирная конференция. 23 сентября ВЦИК обратился к Варшаве с предложением — в целях скорейшего заключения мира — отставить различное толкование принципов самоопределения народов и ограничиться установлением восточной границы Польши значительно восточнее той, которую зафиксировал в декабре 1919 г. Верховный совет союзников. Москва предложила Польше территориальные приращения в обмен на отказ от политики создания буферных государств, устанавливающих польское господство на Украине и в Белоруссии. 12 октября 1920-го был подписан Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой (9).

А завершилось все Рижским мирным договором между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой (10). Москва была вынуждена пойти на заключение грабительского Рижского договора, по которому поляки, воспользовавшиеся временной слабостью России, оттяпали в свою пользу ряд украинских и белорусских земель.

Пройдет менее двух десятилетий и мы вернем — свое (!), заграбстанное Польшей в тяжелый для России период. И сколько бы ни вопили поляки о «преступном пакте Молотова—Риббентропа», он «преступен» ровно настолько, насколько «преступно» отобрать у грабителя свое имущество.

«Обвиняемые убивали и жестоко обращались с военнопленными, лишая их необходимой пищи, жилья, одежды, медицинского ухода, заставляя их работать в нечеловеческих условиях, пытая их, подвергая их нечеловеческим унижениям... Эти убийства и жестокое обращение производились вопреки международным конвенциям, в особенности статьям 4, 5, 6 и 7 Гаагских Правил 1907 г.,... законам и обычаям войны, общим принципам уголовного права, как они вытекают из уголовных законов всех цивилизованных наций...»

К сожалению, данная выдержка — не из обвинительного акта Международного трибунала по обвинению руководства Польши за совершенные преступления в отношении пленных красноармейцев в 1919—1922 гг. Вышецитированное — из обвинительного акта Нюрнбергского трибунала (11).

Однако все обвинения, которые после Второй мировой войны были выдвинуты гитлеровскому руководству, вполне могли быть предъявлены Пилсудскому со товарищи. От 60 до 85 тыс. красноармейцев погибли в польском плену из-за нечеловеческих условий со-

держания, изошренных пыток и издевательств. В этом смысле пребывание в польском плену мало чем отличалось от того, с чем через два десятилетия придется столкнуться советским военнопленным в гитлеровских лагерях.

Собственно, много и не могло быть в той шовинистической, русофобской Польше, в которой «убить или замучить большевика не считалось грехом».

Еще до подписания Рижского договора советская делегация неоднократно обращала внимание польских властей на совершенно недопустимые условия содержания военнопленных красноармейцев в концлагерях Польши. Поляки в ходе переговоров на эту тему неоднократно давали обещания предпринять меры к улучшению положения военнопленных, но на практике поступали прямо противоположным образом.

9 января 1921-го в письме Иоффе, председателя советской делегации на мирных переговорах, на имя председателя польской делегации Домбского приводились примеры «средневековых ужасов», творящихся в польских тюрьмах и лагерях, в т.ч. фиксировавшиеся представителями Антанты. Так, в отчете Американского союза христианской молодежи (отдел помощи военнопленным в Польше) от 20 октября 1920 г. отмечалось, что военнопленные размещены в помещениях, «абсолютно не приспособленных для жилья»: отсутствие всякой мебели, отсутствие спальных приспособлений, так что спать приходится на полу без матрацев и одеял, в бараках на окнах нет стекол, в стенах дыры. При этом «у военнопленных наблюдается почти полное отсутствие обуви и белья и крайний недостаток одежды».

Было отмечено, что лагерях в Стржалкове, Тухоле и Домбе «пленные не меняют белье в течение трех месяцев», причем большинство имеют лишь по одной смене, а многие совсем без белья. «В Домбе большинство пленных босые, а в лагере при штабе 18-й дивизии большая часть совершенно не имеет никакой одежды», — зафиксировали американцы.

Не лучше были условия жизни и в рабочих командах. Например, американская миссия указывала на 112-ю и 222-ю рабочие команды. В последней «90% пленных совсем без одежды». В варшавских рабочих командах «60% пленных не имеют никакого белья и 40% — одежды, обуви и шинелей». У военнопленных систематически отнимались одежда и обувь. Установленный для пленных продовольственный рацион «остается только на бумаге», ибо практически получавшаяся пленными пища никогда

не отвечала «по своей скудости» предписанному рациону. «Это явление наблюдается во всех лагерях и командах», — указывалось в отчете.

Лагерные лазареты и больницы таковыми были только по названию, а по сути ничем не отличались от обычных бараков: «нет матрацев, одеял, часто нет и кроватей». Наблюдался острый недостаток медицинского персонала. Пленные врачи и медперсонал были поставлены в такие условия существования, которые делали для них невозможным оказание медицинской помощи собратям по несчастью. Катастрофически не хватало медикаментов и перевязочного материала: «В Тухоле... раненые лежали без перевязки в течение двух недель, и в ранах завелись черви».

Такие нечеловеческие условия содержания военнопленных, конечно, имели самые пагубные последствия и приводили к быстрому вымиранию военнопленных. Неудивительно, что имело место чрезвычайное распространение эпидемий, в частности тифа. В лагерях отмечался огромный процент больных и высокий уровень смертности: «По произведенным подсчетам оказывается, что, если принять за норму смертность среди пленных в лагере в Тухоле за октябрь месяц минувшего года, то в течение 5—6 месяцев в этом лагере должно вымереть все его население. Эти цифры подтверждены официально польскими военными врачами».

Львовская газета «Вперед» от 22 декабря 1920 г. писала о смерти 45 военнопленных в Тухоле только в течение дня!

Тяжелейшие условия содержания военнопленных красноармейцев в Польше отягчались их систематическими избиениями и варварскими издевательствами, производимыми при попустительстве польских властей. Имела место сегрегация военнопленных: «официальным распоряжением в Польше военнопленные разделены на четыре категории, причем коммунисты содержатся в самых тяжелых условиях тюремного режима: им не дают возможности двигаться в пределах лагеря, их оставляют без одежды и обуви. В таких же условиях, как коммунисты, содержатся все пленные красноармейцы-евреи».

Сведения, полученные от сбежавших из польского плена красноармейцев, подтверждали установленную в лагерях систему побоев и издевательства: «в Злочеве пленных бьют плетками из железной проволоки от электрических проводов»; «инструкторша Мышкина, взятая в плен под Варшавой, показала, что она была изнасилована двумя офицерами, которые избили ее и отняли у нее одежду»; «артистка полевого театра Красной Армии

Топольницкая, взятая в плен под Варшавой, показывает, что ее допрашивали пьяные офицеры; она утверждает, что ее избивали резиновыми жгутами и подвешивали за ноги к потолку; сейчас она находится в Домбе...» (12).

До сих пор точно не установлено, сколько красноармейцев погибли в польском плену.

В ноте наркома индел Чичерина от 9 сентября 1921 г. на имя поверенного в делах Польши в РСФСР Филиповича будет озвучена цифра в **60 тысяч** жертв: «На ответственности Польского Правительства всецело остаются неопишуемые ужасы, которые до сих пор безнаказанно творятся в таких местах, как лагерь Стржалково. Достаточно сказать, что в течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерли 60 тысяч» (13).

В 1998 году генпрокуратура России обращалась к коллегам из Польши с письмом, в котором просила провести расследование причин смерти в польском плену **82,5 тысячи** красноармейцев.

Правда, поляки проводят расследование категорически отказываясь, о чем и уведомила российскую сторону генпрокурор Польши и министр юстиции Ханна Сухоцкая: «следствия по делу о якобы истреблении пленных большевиков в войне 1919—1920 гг., которого требует от Польши Генеральный прокурор России, не будет». Кроме того, Сухоцкая ссылалась на данные... польских историков (!), которые-де «достоверно установили» смерть 16—18 тыс. военнопленных по причине «общих послевоенных условий» (14).

Поляки в самом кошмарном сне не могут себе представить, что бы Польшу кто-либо судил за преступления против человечности. Даже расследование проводить не желают! Интересно было бы наблюдать за польской реакцией, если бы из Москвы в Варшаву при-

1. Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. — М.: Воениздат, 1963, с. 164—165.

2. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. 3. — М.: Госполитиздат, 1959, с. 54—55.

3. ДВП СССР, т. 3, с. 101.

4. ДВП СССР, т. 3, с. 48—50.

5. ДВП СССР, т. 2, с. 706—707.

6. ДВП СССР, т. 3, с. 83—85.

7. ДВП СССР, т. 3, с. 122.

8. Горлов С. А. Совершенно секретно. Альянс Москва—Берлин 1920—1933 гг. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 43.

9. ДВП СССР, т. 3, с. 245—252.

10. ДВП СССР, т. 3, с. 618—657.

11. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., изд. Юрид. лит., 1987, т. 1, с. 303.

12. ДВП СССР, т. 3, с. 464—467.

13. ДВП СССР, т. 4. — 1960, с. 319.

14. Швед В. Н., Тайна Катыни. — М.: Алгоритм, 2007, с. 235.

шел официальный ответ, основанный на данных не следователей, а российских историков, — например, о событиях в Катыни.

Как бы то ни было, у поляков нет ни малейшего морального права требовать покаяний и извинений за Катынь, тем более от России. Для начала неплохо бы свои, польские, грехи замолить.

Польский топор в спину Лиги Наций

В любом историческом труде, посвященном событиям Второй мировой войны, обязательно содержится указание на беспомощность Лиги Наций, этого «старшего брата» нынешней ООН, замышлявшегося как коллективное средство предотвращения войн и конфликтов.

По сути функциональные возможности Лиги Наций были подорваны еще в ходе работы Парижской мирной конференции, выступившей своего рода ее (Лиги) прообразом — когда отдельные государства отказывались исполнять предписания мирной конференции. А нарушителем № 1 по этой части, как об этом прямо и недвусмысленно пишет Ллойд Джордж (и с чем никто не спорит), была Польша!

Формальной датой основания Лиги Наций считается 10 января 1920 г. Спустя несколько месяцев Польша будет первым из числа государств — членом Лиги Наций, кто развяжет агрессию. Сначала против Советской России, затем против Литвы. Польша будет первой, кто проигнорирует требования Лиги Наций.

Бывший британский премьер Ллойд Джордж в мемуарах отметит: «Затруднения, создаваемые ничем не сдерживаемой алчностью наций, получивших свободу в результате победы, которая стоила огромных усилий и жертв великим державам, чьи руководители теперь пытались осуществить справедливое урегулирование во всем мире, не были хорошим предзнаменованием Лиги Наций. Установление границ, связанное с аннексией территорий, по всем принципам справедливости принадлежавших другим нациям, становилось свершившимся фактом раньше, чем державы получили возможность вынести решения о справедливости этих границ».

Заметим, что Польша — если не успевала поставить Парижскую мирную конференцию перед фактом — не гнушалась и игнорированием решений конференции.

«Решения Совета, который до учреждения Лиги Наций представлял интересы объединившихся народов всего мира, — продолжает Ллойд Джордж, — неизменно попирались, как только они вступали в противоречие с притязаниями той или другой нации. Самым зло-

вещим был тот факт, что одна из великих держав неизменно потворствовала такому нарушению постановлений, которые выносились с ее участием, если только считала, что оно выгодно ей по политическим соображениям» (1). Под «одной из великих держав» Ллойд Джордж подразумевает Францию, «потворствовавшую» прежде всего Польше.

Когда в 30-е гг. Япония развяжет агрессию в Китае, а Италия — в Эфиопии, Лига Наций окажется беспомощной что-либо сделать. Но японцы и итальянцы всего лишь возьмут пример с Польши 20-х гг.

Ничего не сможет противопоставить Лига Наций тому территориальному переделу в Европе, который во второй половине 30-х гг. устроит Гитлер. И уж совсем бессильной окажется в вопросе предотвращения Второй мировой войны.

Хроническая неспособность Лиги Наций на всем протяжении ее существования выступить эффективным инструментом против агрессии, вооруженных конфликтов и территориальных аннексий была заложена едва ли не с первых дней ее существования.

Именно в 20-е гг. были созданы прецеденты, когда принципы, провозглашаемые Лигой Наций, не действовали, когда закрывались глаза на нарушения устава организации, когда действия государств — членов Лиги Наций не соответствовали тем благородным целям и задачам, которые были заявлены при ее учреждении и грубо им противоречили.

Это не только подрывало авторитет Лиги Наций, но делало ее неэффективной и недееспособной в главном предназначении этой организации — поддержании мира и предотвращении войн и конфликтов.

И первыми, кто вогнал топор в спину Лиги Наций, были поляки!

Конечно, виноваты и те, при чьем попустительстве все это происходило, — Франция, Великобритания, США, Италия и другие, которые вовремя не дали по рукам польским агрессорам, даже когда они грубо попирали ими же, странами Согласия, установленные правила и предписания (вспомним требования Антанты к полякам по поводу Галиции, их декларацию о восточных границах Польши — т.н. «линию Керзона» и т.д.).

Москва неоднократно поднимала перед Лигой Наций вопрос об агрессии Польши. Например, послание ВЦИК Лиге Наций от 7 мая 1920 г.: «ВЦИК констатирует, что правительство Польши, входящей в состав Лиги Наций, навязало русскому народу войну, отклонив мирные переговоры на нейтральной или даже союзной территории... польское правительство пытается захватить земли, принадлежащие Советской России и Украине... в этой своей преступной политике польское правительство не только не встретило никаких

препятствий со стороны Лиги Наций, но даже нашло активную поддержку со стороны некоторых держав, входящих в ее состав» (2).

Нота правительств РСФСР и УССР правительствам Великобритании, Франции, Италии, США от 19 мая 1920 г.: «Советские Правительства России и Украины находят себя вынужденными напомнить, что Польша является членом Антанты и одним из членов политического объединения, именуемого Лигой Наций, и что влияние этих двух группировок на одного из своих членов, Польшу, не может не быть решающим» (3).

Письмо советского наркома индел Чичерина от 23 мая 1920 г. на имя генсека Лиги Наций Дрюммонда: «приходится сожалеть, что эта Лига, целью которой, по Вашим словам, является установление справедливости и мира, предоставила полную свободу одному из своих членов, а именно Польше, выступить нарушителем мира в ее нападении на Россию и Украину» (4).

Обращение Совнаркома от 20 июля 1920 г. по поводу ноты Керзона: «Если бы Лига Наций имела своей задачей содействовать делу мира, она должна бы помешать Польше начинать войну» (5).

Не успев закончить агрессивную войну с Россией, Польша еще раз вытерла ноги о Лигу Наций, на этот раз в Литве.

5 сентября 1920 г. было заключено перемирие между Польшей и Литвой, согласно которому Вильно и Виленская область признавались за последней (Вильно и Виленский край были переданы Литве Советской Россией по уже упоминавшемуся нами договору от 12 июля 1920 г.). Но всего через два дня (!) поляки нарушили перемирие и опять вторглись в Вильно.

В ситуацию вмешалась Лига Наций. При ее содействии 7 октября 1920 г. в Сувалках подписывается польско-литовский договор, по которому Вильно передается в состав Литвы.

Проходит всего два дня(!), и поляки нарушают и Сувалкский договор — 9 октября в Вильно входят войска генерала Желиговского. Литва, что вполне логично, разорвала дипломатические отношения с Польшей, между ними было объявлено состояние войны.

Со всех сторон протесты, в т. ч. из Лиги Наций. И что Польша? А Польша заявила, что генерал Желиговский (заявивший об образовании «государства» Срединная Литва) вышел из-под контроля и ни за что не желает подчиняться официальным властям. Хотя к тому времени это уже был, как говорится, «бородатый» польский трюк — такой же, как «самоуправство» генерала Галлера в Восточной Галиции (тот тоже действовал вопреки решениям Парижской мирной конференции и якобы без ведома польских властей).

Польша ломала дешевую комедию, и всем это было очевидно. Ведь «взбунтовавшийся» Желиговский оставался генералом Войска Польского, его отряды оставались польскими регулярными частями (получали довольствие, им платили зарплату и т.д.) — и преступниками не объявлялись. Варшава не предпринимала против «неуправляемых» отрядов Желиговского никаких действий. При этом совершенно ясно, что вести боевые действия без соответствующего снабжения с «большой земли» Желиговский не мог.

Сей фарс с «неподчинением» Желиговского тем более очевиден, когда обращаешься к польско-советской дипломатической переписке. Москва регулярно поднимала вопрос об оккупации поляками Вильно, в т. ч. высказывала опасения, что такого рода «вышедшие из-под контроля» войска могут представлять угрозу для Советской России. Что отвечали поляки? Они успокаивали: «Польское Правительство подчеркивает, что территория, занятая в настоящее время войсками генерала Желиговского, нигде не граничит с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой. Пограничная территория находится целиком во владении Польши, и **Польское Правительство берет на себя полную ответственность за положение на вышеуказанной территории.** Поэтому исключается, чтобы с этой стороны Российской Социалистической Федеративной Советской Республике грозила какая-либо опасность», — говорилось в ноте председателя польской делегации на мирных переговорах Домбского от 14 декабря 1920 г. (6).

Желиговский (Żeligowski) Люциан (17.10.1865 — 09.07.1947), польский генерал и политический деятель, близкий друг Юзефа Пилсудского. По окончании военного училища с 1885 г. служил в российской армии. Участвовал в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Во время Первой мировой войны в звании полковника командовал пехотным полком. После февральской революции стал одним из организаторов польских национальных частей в России. Командовал бригадой в 1-м Польском корпусе, в 1918 г. создал польские части на Кубани. В апреле 1919-го через Одессу и Бессарабию вернулся в Польшу во главе 4-й дивизии польских стрелков. В польской армии стал сначала командующим Литовско-белорусским фронтом, затем —

оперативной группировки и командиром 10-й пехотной дивизии (1919 г.) во время советско-польской войны. С октября 1920 г. командир 1-й Литовско-

Желиговский Варшаве не подчиняется, но... Варшава «берет на себя полную ответственность за положение» на территории, контролируемой Желиговским!

Завершилась эта история следующим. 8 января 1922 г. в Срединной Литве были проведены «выборы», по итогам которых был сформирован марионеточный Виленский сейм.

13 января 1922 г. Лига Наций — от греха подальше — отказалась от роли посредника между Польшей и Литвой. По сути она расписалась в собственном бессилии применительно к Польше, осознав, что никакие апелляции к международному праву, к принципам самоопределения народов на поляков не подействуют — те все равно сделают по-своему.

20 февраля 1922-го сейм Срединной Литвы принял резолюцию о включении Виленского края в состав Польши. Варшава великодушно удовлетворила эту просьбу: 22 марта 1922-го в Варшаве состоялся учредительный сейм, принявший «Акт воссоединения Виленского края с Польской Республикой». В апреле 1922 г. Виленский край (около 7000 кв. км с населением почти 500 тыс. чел.) вошел в состав Польши.

Лига Наций с этим фарсом согласилась. 15 марта 1923 г. конференция послов Англии, Франции, Италии и Японии признала право Польши на столицу Литвы Вильно и Виленский край (Вильнюс и Вильнюсский край). Только Советская Россия заявила тогда о праве Литвы на Вильно.

Конечно, если решения Лиги Наций были в пользу Польши — Варшава была самым ярким поборником этой организации!

белорусской дивизии. С негласной санкции Ю. Пилсудского по приказу Л. Желиговского формально вышедшие из повиновения польскому командованию войска 1-й Литовско-белорусской дивизии заняли Вильну (9 октября 1920 г.) и часть юго-восточной Литвы. На занятых территориях было образовано самостоятельное государство, формально независимое от Польши — Срединная Литва. После включения Срединной Литвы в состав Польши (1922 г.) инспектор армии в Варшаве (1921—1925 гг.), затем военный министр (1925—1926 гг.). Обеспечил осуществление майского переворота 1926 г. в Польше, установившего авторитарный режим Пилсудского. В 1927-м вышел в отставку. В 1930 г. издал книгу «Wojna w roku 1920. Wspomnienia i rozważania» («Война в 1920 г. Воспоминания и размышления»). В 1935-м был избран в Сейм и оставался членом польского парламента до 1939 г. С началом Второй мировой войны выехал во Францию, в 1940-м — в Великобританию. Был членом польского правительства в изгнании. После Второй мировой войны заявил о намерении вернуться в Польшу. При подготовке к отъезду умер в Лондоне.

Скажем, когда указанные литовские земли в 1923-м были утверждены за Польшей, председатель Совмина Польши, он же и.о. польского главы МИД пан Сикорский прислал в Москву прошибающую слезу телеграмму (от 30 марта 1923 г.): «Отношение Польского Правительства к Лиге Наций хорошо известно Советскому Правительству.. Лига Наций является объединением почти всех стран мира. Поэтому Лига Наций является самой подходящей инстанцией для беспристрастного разрешения споров международного характера, каковую задачу Лига многократно выполняла способом, достойным величайшей признательности. В польско-литовском споре равным образом обнаружился мирный и беспристрастный характер Лиги, которая оказалась гораздо более призванной для разрешения вопроса, чем отдельные государства, тем более те, беспристрастность которых в польско-литовском споре не может быть в достаточной степени доказана» (7).

Советскому наркому индел Чичерину ничего не оставалось, как направить в ответ полную сарказма ноту: «Когда Лига Наций постановляла удаление из Виленщины польских войск генерала Желиговского, Польское Правительство оставляло это постановление без внимания, а когда Лига Наций принимает решение о передаче Польше железной дороги Гродно — Вильно, Польское Правительство признает ее самой подходящей для беспристрастного разрешения споров инстанцией» (8).

Говоря о недобрых для Лиги Наций предзнаменованиях уже в самом начале ее существования, Ллойд Джордж вспомнит именно о том, как Польша разбойничала в Литве: «Вильно, захваченное у литовцев вопреки приказу Лиги одним из ее членов... как бы в насмешку над ее торжественными решениями». И добавит (а его мемуары были изданы в 1938 г.): «Весьма возможно, что нации, которые были тогда виновны, должны будут сейчас расплачиваться за цинизм, своекорыстие и бесчестье своих руководителей в первые годы после великой победы» (9).

Сто раз прав был Ллойд Джордж! Всего через год «нации, которые были тогда виновны», начнут платить по счетам истории!

1. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 273.
2. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Госполитиздат, 1958, т. 2, с. 506.
3. ДВП СССР, т. 2, с. 531.

4. ДВП СССР, т. 2, с. 544.
5. ДВП СССР, 1959, т. 3, с. 56.
6. ДВП СССР, т. 3, с. 387.
7. ДВП СССР, 1962, т. 6, с. 242.
8. Там же, с. 241.
9. ПМД, т. 1, с. 273.

Французские эмоции и американская благосклонность на пользу польской алчности

Папой Карло, выстрогавшим геополитическим топором (и, прямо скажем, весьма топорно) этого Пиноккио — «великую Польшу», с полным основанием можно считать тогдашнего французского премьера Жоржа Клемансо. Не будь на то его воли, которую он смог навязать и союзникам, не было бы и Польши в том виде, в котором она просуществовала в межвоенный период. Как можно большее ослабление Германии было альфой и омегой политики Клемансо, проводившейся в т.ч. через решения Парижской мирной конференции, где создавалась печальной памяти Версальская система.

Французские политики того времени просто не могли не быть германофобами. Они должны были быть германофобами — если хотели оставаться политиками. Ибо таковы были общественные

Клемансо (Clemenceau) Жорж (28.09.1841 — 24.11.1929), французский политический и государственный деятель. В период Второй империи участвовал в радикально-республиканском движении. После ряда поражений Франции в войне с Пруссией (1870—1871 гг.) выступал за ее продолжение; как депутат Национального собрания голосовал против Франкфуртского мирного договора 1871 г. В дни Парижской Коммуны 1871 г. пытался примирить коммунаров с версальцами. Убежденный сторонник реваншистской войны против Германии, выступал с резким осуждением французской политики колониальной экспансии, ослаблявшей, по его мнению, положение Франции в Европе. За темпераментные и резкие выступления в парламенте получил прозвище «Тигр». В 1902-м и 1909 г. избирался в сенат. В марте—октябре 1906 г. занимал пост министра внутренних дел. В октябре 1906-го — июле 1909 г. председатель Совета Министров. Накануне Первой мировой войны проводил интенсивную шовинистическую и милитаристскую пропаганду, отстаивал жесткий курс во внутренней и внешней политике. С начала войны требовал ее продолжения до полного разгрома Германии, не считаясь ни с какими жертвами. В ноябре 1917 г. стал председателем Совета Министров и одновременно военным министром. Председательствовал на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., являлся главой французской делегации на конференции, один из авторов Версальского мирного договора 1919 г. На конференции добивался установления военно-политической гегемонии Франции в Европе. Потерпев поражение на президентских выборах 1920-го, отошел от активной политической жизни.

настроения в послевоенной Франции, причины которых, полагаю, объяснять не надо.

Германофобия Клемансо подстегивалась и усиливалась убеждениями французского президента Пуанкаре, о котором Ллойд Джордж скажет, что антигерманизм был «его страстью». Это добавляло Пуанкаре авторитета среди обывателей во Франции, но отрицательно сказывалось на его качествах стратега, способного заглянуть в будущее, ибо эмоции, как известно, — плохой советчик в таких делах. «В условиях, требовавших от государственного деятеля понимания того, что плодами победы следует пользоваться разумно, проявляя снисходительность, Пуанкаре сделал все, чтобы любой французский премьер не имел возможности проявить эти качества. Он не признавал ни компромисса, ни уступок, ни примирения. Он был склонен считать, что поверженная Германия всегда должна оставаться такой», — отметит бывший британский премьер (1).

Понять французов можно — миллионы сынов Франции погибли на фронтах только что завершившейся Первой мировой войны, целые области Франции лежали в разорении после нескольких лет немецкой оккупации и разворачивавшихся на их территории сражений. Добавим к этому исторические обиды и предубеждения (далеко не безосновательные), издревле имевшиеся у французов по отношению к немцам. Но ослепление от ненависти, жажда мести и желание любой ценой ослабить традиционного противника сыграли с представителями Франции злую шутку. С их подачи был

Пуанкаре (Poincaré) Раймон (20.08.1860 — 15.10.1934), французский политический и государственный деятель. В 1887—1903 гг. депутат парламента, в 1903—1913 гг. и с 1920-го сенатор. В 1893-м, 1895 г. министр просвещения, в 1894—1895 гг., 1906 г. — министр финансов. В 1912 г. — январе 1913-го премьер-министр и министр иностранных дел. В 1913-м — январе 1920 г. президент республики. Форсировал подготовку войны, добился принятия закона об увеличении срока военной службы до 3 лет. Выступал за укрепление Антанты, союза с царской Россией. В годы Первой мировой войны являлся сторонником ведения ее до победного конца. Стремился использовать результаты войны для установления французской гегемонии в Европе. В 1922—1924 гг. премьер-министр и министр иностранных дел. В 1923 г. направил французские войска для оккупации Рура. В 1926—1929 гг. премьер-министр. После отставки по болезни отошел от политической деятельности.

заключен несправедливый мир, создана столь же несправедливая Версальская система. Наконец, это же ослепление не позволило французам здраво оценить, какого монстра они создают в виде «великой Польши» — на свою же голову. Пройдет полтора десятилетия, и это рожденное во грехе несправедливости «геополитическое дитя» выйдет из-под контроля и доставит Франции массу хлопот.

Но тогда «французы были одержимы навязчивой идеей, которая отравляла и притупляла их чувство справедливости при разработке мирного договора. Они старались всячески использовать положение, чтобы ослабить потенциальную мощь Германии» (2).

Поствоенные эмоции вкупе с историческими фобиями Франции диктовали вполне определенную военную стратегию этой страны, нацеленную на будущую войну с Германией. А в том, что Германия может быть — единственно и только — врагом Франции, в этом у французских политиков и военных деятелей сомнений не было. «На то, что Германия и Франция когда-нибудь могут стать друзьями, ни один из французских политиков, с которыми я встречался, не рассчитывал», — вспоминал Ллойд Джордж (3). Получался своего рода замкнутый круг, когда французы, движимые целью отомстить немцам за прошлые исторические обиды, закладывали своими действиями основу для новых, запуская таким образом европейский конфликт на следующий исторический виток.

Мощная Польша, как тогда виделось Франции, соответствует ее военно-стратегическим интересам, ее рассматривали как своего рода «восточный фронт» против Германии.

Франция опасалась превосходства Германии в численности населения, что позволяло немцам в случае войны выставить большее число солдат (в Первую мировую Франция вступила, имея 39,6 млн. чел., Германия — 65 млн., и это без австрийских немцев). Поэтому французские политики всячески содействовали отрыву от Германии территорий, населенных немцами, рассматривая последних с точки зрения мобилизационного ресурса. Чем больше немцев будет оторвано от Германии, рассуждали французы, тем лучше — тем меньшее число германских дивизий появится на фронтах будущей войны.

Опасались французы экономической мощи Германии. Поэтому всячески содействовали — везде, где это было возможно, — передаче немецких территорий со значительным ресурсным и промышленным потенциалом под власть других государств, прежде всего Польши и Чехословакии.

Интересы военной стратегии, как их тогда понимали французы, доминировали над заявленными союзниками принципами мирного урегулирования. Так, маршал Фош требовал, чтобы стратегические соображения предопределяли все решения Мирной конференции по вопросу об установлении границы Германии как на востоке, так и на западе. «Вся Силезия и город Данциг, — настаивал Фош, — должны были быть переданы полякам независимо от желания населения» (4).

Не испытывали французы никаких сомнений и тогда, когда вставал вопрос о включении в состав Польши территорий на востоке — с украинским, белорусским, литовским населением. Ведь это тоже укрепляло их протезе.

Что до расширения Польши на восток, то в те годы вынашивались планы интервенции против Советской России. Например, маршал Фош выдвигал «план широкого наступления на Советскую Россию финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов, русских, то есть всех народов, живущих на окраинах России, под военным руководством союзников. Польша должна была стать основной базой этих сил» (5).

Польшу, таким образом, во Франции рассматривали как антисоветский плацдарм, и, соответственно, способствовали расширению этого плацдарма и продвижению его вглубь бывшей российской, а на тот момент — советской территории. Все, что могла оторвать Польша от Советской России, усиливало (военно-стратегически, экономически, демографически) первую и ослабляло вторую.

Наконец, «великую Польшу» рассматривали в качестве мощного «буфера» между Германией и Россией — опасаясь возможного

Фош (Foch) Фердинанд (02.10.1851 — 20.03.1929), маршал Франции (1918 г.),

фельдмаршал Великобритании (1919 г.), маршал Польши (1923 г.), член Французской академии (1918 г.). Окончил Высшую военную академию Франции (1887 г.), где был профессором в 1895—1900 гг., в 1908-м — начальником академии. В Первую мировую командовал корпусом, затем 9-й армией, в 1915—1916 гг. — группой армий «Север». С мая 1917-го — начальник Генштаба, а с апреля 1918 г. — верховный главнокомандующий союзными войсками. Сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав. В 1918—1920 гг. — один из активных организаторов военной интервенции против Советской России.

сближения этих стран и образования ими военно-политического континентального альянса. Польша становилась важнейшим звеном санитарного кордона (франц. *cordon sanitaire*) союзников, даже двух — антигерманского и антисоветского.

Как отметил Ллойд Джордж, воочию наблюдавший усилия французов на указанный счет, «Франция пыталась создать могущественные государства на восточных и южных границах Германии, которые были бы обязаны своим возникновением и своей безопасностью только покровительству Франции. Поэтому создание великой Польши было одним из основных стремлений французской военной стратегии» (6).

Последний тезис следует отметить особо, ибо к нему придется вернуться, когда будем вести речь о 30-х гг. и переходу Польши на прогерманские позиции. Своим образованием — в том виде, в каком она получилась по итогам территориального переустройства на руинах павших империй, Польша действительно была обязана покровительству Франции. Но главное — попадала в зависимость от французской военно-политической поддержки в будущем. Ибо самостоятельно поляки не могли удержать территории, оторванные в их пользу от Германии и России. Польша, таким образом, самой своей природой должна была в дальнейшем проводить профранцузскую внешнеполитическую линию, нацеленную на усиление позиций Франции на континенте, и прежде всего — в отношении Германии как наиболее пострадавшей в ходе передела и более всех движимой идеями реваншизма (в которых имманентно были заложены и территориальные претензии к Польше).

Французы пребывали в уверенности, что движимая чувством благодарности Польша всегда и во всем будет верным и преданным союзником Франции. «Считалось, что на Польшу, Бельгию, Чехословакию и Румынию Франция при всех затруднениях в будущем может положиться как на верных союзников. Поэтому, как формулировал Жюль Камбон (генеральный секретарь МИД Франции. — С. Л.), «всякое сомнение должно решаться в пользу этих дружественных государств против фактического и потенциального врага» (ПМД-2, с. 190). «Цинизм французской дипломатии, — указывает Ллойд Джордж, — никогда не проявлялся так ярко, как в отношении французов к польской развязности» (7). Ну а последние, как говорится, и рады стараться.

Исходя из подобного толка представлений о Польше как о верном союзнике, представители Франции на конференции при всяком удобном случае решали вопросы в ее пользу, не считаясь

ни со справедливостью, ни с прочими вильсоновскими принципами: «французы упорно, хотя и не всегда дальновидно, старались учитывать возможную группировку держав в будущей войне; в каждом отдельном случае они непременно хотели усилить своих возможных друзей и ослабить своих вероятных врагов» (8). Подобный подход не особо и скрывался. Для иллюстрации такой позиции Ллойд Джордж процитировал одно из заявлений французского представителя в межсоюзной комиссии: «когда приходится выбирать между союзной и враждебной страной, комиссия, как бы сильно она ни стремилась к законной справедливости и беспристрастию, должна без колебаний решать дело в пользу союзника» (9).

Расчеты французов на польскую верность союзническому долгу, на признательность Франции за не просто возрождение Польши, но в усиленном виде за счет чужих территорий, оказались тщетны. Впоследствии мощная Польша сменит внешнеполитическую ориентацию и на несколько лет превратится в союзника Гитлера. Польша, используя всю ту мощь, которой ее наделили французы, станет прикрывать восточный тыл третьему рейху, ломавшему систему европейской безопасности, которую выстраивала Франция.

Собственно, неблагодарные поляки, полагавшие, что весь мир им должен, уже тогда демонстрировали свою настоящее лицо, в котором не было и капли благодарности кому бы то ни было. Свое возрождение поляки воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Показателен в этом плане эпизод пикировки на мирной конференции между представителем Польши Падеревским и Ллойд Джорджем.

Падеревский выдвинул претензии союзникам на тот счет, что полякам, во-первых, дают куда меньше, чем они рассчитывали (аппетиты-то у Варшавы были большие!) а во-вторых, ставят под сомнение принадлежность к Польше тех территорий (с непольским населением), которые они к тому времени захватили силой (о тактике «свершившихся фактов», широко использовавшейся поляками, мы поговорим ниже). Поляки считали себя «равнее» среди всех остальных народов и категорически не воспринимали ситуаций, когда принцип самоопределения народов вступал в противоречие с польскими территориальными притязаниями. В этом контексте Падеревский пристыдил союзников за подобное «ущемление» Польши — дескать, поляки, которых он представляет на конференции, «потеряют веру в вас (т. е. лидеров союзных государств. — С. Л.) как руководителей человечества».

Возмущенный Ллойд Джордж напомнил полякам, кому обязана возвращением из исторического небытия польская государственность и чьими миллионами жизней оплачена на свободная Польша: «Перед нами Польша, которая еще пять лет не забыла разорванной на части и находилась под властью трех великих держав, не имея ни малейшей надежды вновь завоевать свою свободу, по крайней мере собственными силами. Почему в течение четырех или пяти лет войны поляки, если они вообще служили в войсках, сражались против собственной свободы? К нам в плен попадали поляки и на Западном, и на Итальянском фронтах. Вот как обстоят дела. Теперь же, по самому скромному подсчету, даже если исключить спорные районы, вы получаете 20 миллионов свободных от ига поляков и абсолютно единую Польшу, то есть то, о чем ни один поляк не мог мечтать пять лет назад. Но вы, кроме того, хотите получить население, которое не является польским. Поляки требуют присоединения 3,5 миллиона жителей Галиции. Против этого можно возразить только одно: Польша не должна поглощать население, которое не является и не хочет быть польским... У поляков не было ни малейшей надежды получить свободу, но они получили ее благодаря тому, что за нее отдали жизни полтора миллиона французов, около миллиона англичан, полмиллиона итальянцев и я забыл, сколько именно американцев. Вот что дало свободу полякам. А они говорят, что потеряют веру в руководителей, которые дали им свободу ценой миллионов жизней людей других наций, погибших за их освобождение. Если поляки таковы, то должны сказать, что это не та Польша, о которой я всегда слышал. Она добилась свободы, но не ценой собственных усилий, а ценой чужой крови, и вместо благодарности Польша говорит теперь, что теряет веру в тех, кто добыл для нее свободу» (10).

Ллойд Джордж, безусловно, был прав в своем гневе по польскому адресу. Другое дело, что читать полякам лекции о благодарности — безнадежное занятие. То же самое — призывы уважать стремления к свободе других народов.

Но не только благодаря французам Польша вела себя бесцеремонно и нагло. Тому способствовала благосклонность к полякам Соединенных Штатов и лично американского президента Вильсона. Последний провозглашал привлекательные принципы, но забывал о них, когда дело касалось поляков.

А причина проста: в США были миллионы избирателей польского происхождения. Польские эмигранты организовывали масштабные кампании с целью оказать давление на президента и дру-

ни со справедливостью, ни с прочими вильсоновскими принципами: «французы упорно, хотя и не всегда дальновидно, старались учитывать возможную группировку держав в будущей войне; в каждом отдельном случае они непременно хотели усилить своих возможных друзей и ослабить своих вероятных врагов» (8). Подобный подход не особо и скрывался. Для иллюстрации такой позиции Ллойд Джордж процитировал одно из заявлений французского представителя в межсоюзной комиссии: «когда приходится выбирать между союзной и враждебной страной, комиссия, как бы сильно она ни стремилась к законной справедливости и беспристрастию, должна без колебаний решать дело в пользу союзника» (9).

Расчеты французов на польскую верность союзническому долгу, на признательность Франции за не просто возрождение Польши, но в усиленном виде за счет чужих территорий, оказались тщетны. Впоследствии мощная Польша сменит внешнеполитическую ориентацию и на несколько лет превратится в союзника Гитлера. Польша, используя всю ту мощь, которой ее наделили французы, станет прикрывать восточный тыл третьему рейху, ломавшему систему европейской безопасности, которую выстраивала Франция.

Собственно, неблагодарные поляки, полагавшие, что весь мир им должен, уже тогда демонстрировали свою настоящее лицо, в котором не было и капли благодарности кому бы то ни было. Свое возрождение поляки воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Показателен в этом плане эпизод пикировки на мирной конференции между представителем Польши Падеревским и Ллойд Джорджем.

Падеревский выдвинул претензии союзникам на тот счет, что полякам, во-первых, дают куда меньше, чем они рассчитывали (аппетиты-то у Варшавы были большие!) а во-вторых, ставят под сомнение принадлежность к Польше тех территорий (с непольским населением), которые они к тому времени захватили силой (о тактике «свершившихся фактов», широко использовавшейся поляками, мы поговорим ниже). Поляки считали себя «равнее» среди всех остальных народов и категорически не воспринимали ситуаций, когда принцип самоопределения народов вступал в противоречие с польскими территориальными притязаниями. В этом контексте Падеревский пристыдил союзников за подобное «ущемление» Польши — дескать, поляки, которых он представляет на конференции, «потеряют веру в вас (т. е. лидеров союзных государств. — С. Л.) как руководителей человечества».

Возмущенный Ллойд Джордж напомнил полякам, кому обязана возвращением из исторического небытия польская государственность и чьими миллионами жизней оплачена свободная Польша: «Перед нами Польша, которая еще пять лет назад была разорванной на части и находилась под властью трех великих держав, не имея ни малейшей надежды вновь завоевать свою свободу, по крайней мере собственными силами. Почему в течение четырех или пяти лет войны поляки, если они вообще служили в войсках, сражались против собственной свободы? К нам в плен попадали поляки и на Западном, и на Итальянском фронтах. Вот как обстоят дела. Теперь же, по самому скромному подсчету, даже если исключить спорные районы, вы получаете 20 миллионов свободных от ига поляков и абсолютно единую Польшу, то есть то, о чем ни один поляк не мог мечтать пять лет назад. Но вы, кроме того, хотите получить население, которое не является польским. Поляки требуют присоединения 3,5 миллиона жителей Галиции. Против этого можно возразить только одно: Польша не должна поглощать население, которое не является и не хочет быть польским... У поляков не было ни малейшей надежды получить свободу, но они получили ее благодаря тому, что за нее отдали жизни полтора миллиона французов, около миллиона англичан, полмиллиона итальянцев и я забыл, сколько именно американцев. Вот что дало свободу полякам. А они говорят, что потеряют веру в руководителей, которые дали им свободу ценой миллионов жизней людей других наций, погибших за их освобождение. Если поляки таковы, то должен сказать, что это не та Польша, о которой я всегда слышал. Она добилась свободы, но не ценой собственных усилий, а ценой чужой крови, и вместо благодарности Польша говорит теперь, что теряет веру в тех, кто добыл для нее свободу» (10).

Ллойд Джордж, безусловно, был прав в своем гневе по польскому адресу. Другое дело, что читать полякам лекции о благодарности — безнадежное занятие. То же самое — призывы уважать стремления к свободе других народов.

Но не только благодаря французам Польша вела себя бесцеремонно и нагло. Тому способствовала благосклонность к полякам Соединенных Штатов и лично американского президента Вильсона. Последний провозглашал привлекательные принципы, но забывал о них, когда дело касалось поляков.

А причина проста: в США были миллионы избирателей польского происхождения. Польские эмигранты организовывали масштабные кампании с целью оказать давление на президента и дру-

гих представителей власти с тем, чтобы они заняли лояльную по отношению к возрождающейся Польше позицию.

«Президент, — писал о Вильсоне Ллойд Джордж, — приехал в Европу горячим сторонником Польши. Ему не нравилось, конечно, что поляки бесцеремонно попирают его принципы, и он мягко возражал против этого (ну просто очень мягко! — С. Л.), но Пилсудский, поддерживаемый французами, не обращал никакого внимания на эти увещевания и неизменно добивался победы» (11).

И чем дольше продолжалась работа мирной конференции, тем «пристрастность американцев стала проявляться сильнее», в свою очередь «дружественные или враждебные чувства к различным народам, плохо скрывавшиеся начальством, от всего сердца разделяли чиновники, подготавливавшие доклады, и агенты, собиравшие информацию на местах» (12).

«Американские эксперты по польскому вопросу были фанатичными сторонниками поляков, и их суждения в любом споре о Польше отличались явным пристрастием», — констатирует Ллойд Джордж (13).

Естественно, Пилсудский знал об американских пристрастиях к Польше и в полную силу использовал это обстоятельство. А чего не использовать, если польская наглость раз за разом сходила с рук?

Поляки говорят, что «боятся большевистского вторжения»? Срочно послать оружие и снаряжение через Данциг! Не хватает войск? Немедленно перебросить армию Галлера, снабдив ее «в необходимом количестве артиллерией», в Варшаву! Поляки уверяют, что необходимо занять Галицию, «будто бы для того, чтобы изгнать оттуда большевиков»? Как не поверить полякам и не благословить их на такое святое дело!

Потом, правда, разобрались, в чем дело: «Армия Галлера, которая была готова для военных действий, была немедленно направлена в Галицию будто бы для того, чтобы изгнать оттуда большевиков, но на самом деле она должна была завоевать эту страну и присоединить ее к Польше», — отмечает Ллойд Джордж. Верховный совет послал генералу Галлеру требование «немедленно уйти из Галиции». Галлер на это требование плюнул и растер. А впоследствии, сделав невинное выражение лица, рассказал союзникам басню о том, что «не получил вовремя телеграммы и не мог поэтому поступить согласно содержащимся в ней инструкциям» (14).

И что Вильсон? А ничего: «Президент Вильсон, чтобы не обидеть своих польских друзей, не слишком настаивал на том, чтобы расследовать все это дело до конца» (15).

Казалось бы, ну ладно, не успел Галлер «вовремя» исполнить инструкции союзников — телеграмму не получил. Но почему не исполнил позже? Да вот, «пытался пустить пыль в глаза Совету четырех» (выражение Ллойд Джорджа) представитель Польши Падеревский: население Галиции едва не с цветами встретило бравых польских ребят! «Как мы ни старались, мы не в силах были удержать этих двадцатилетних юношей. Они рвались вперед. Они мчались, как вихрь, делая тридцать пять — сорок километров в день и не встречая сопротивления. Да, они отобрали назад эту территорию, но, если хотите знать, там не было никакого кровопролития. Я могу сообщить вам, что все наступление в Галиции стоило нам не более сотни убитыми и ранеными. Никаких сражений не было. Во многих местах население, подбодренное известиями о приближении польских войск, само брало власть в свои руки», — на голубом глазу врал Падеревский (16). Союзники сделали вид, что поверили.

Имея за спиной мощных покровителей в лице Франции и США, поляки, как говорят, ни в чем себе не отказывали.

1. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 221—222.	8. ПМД, т. 2, с. 134—135.
2. ПМД, т. 2, с. 190.	9. ПМД, т. 2, с. 135.
3. ПМД, т. 2, с. 191.	10. ПМД, т. 2, с. 195—196.
4. ПМД, т. 1, с. 337.	11. ПМД, т. 1, с. 271.
5. ПМД, т. 1, с. 319.	12. ПМД, т. 2, с. 136.
6. ПМД, т. 1, с. 270.	13. ПМД, т. 2, с. 191.
7. ПМД, т. 1, с. 271.	14. ПМД, т. 1, с. 272.
	15. ПМД, т. 1, с. 272.
	16. ПМД, т. 2, с. 192.

Польские корни германского реваншизма

В 1919 г. немцев жестоко обманули. Германия вынуждена была пойти на признание своего поражения из-за внутривойсковых проблем (революция) и ввиду острого недостатка ресурсов для продолжения войны. При том что германские войска не только не были разгромлены, но и на западе, и на востоке находились на территориях противника. Берлин пошел на подписание перемирия, основываясь на 14 пунктах американского президента Вудро Вильсона (мир без аннексий, свобода народов на самоопределе-

ние и т. д.) — именно они, вильсоновские принципы, как обещали немцам, и должны были составить основу послевоенного мироустройства. Но в реальности 14 пунктов Вильсона оказались приранкой в ловушке.

Компьенскому перемирию 11 ноября 1918 г. предшествовала переписка немцев с президентом США Вильсоном. Последний к тому времени перебрал в свои руки ведение переговоров с немцами об условиях мира и выступал от имени союзников. Ни Англию, ни Францию, ни Италию в цельном виде вильсоновские принципы не устраивали. И тогда были изобретены т.н. комментарии к 14 пунктам, своего рода разъяснения — как их надо понимать. Как отмечает Черчилль, «это был чрезвычайно удобный документ, которым можно было пользоваться при всех случаях» (1). Удобный, конечно же, для победителей, у которых появились «лазейки», позволяющие обойти ими же провозглашавшиеся благородные цели войны и справедливые условия мира.

В конце октября 1918-го в Париже состоялось совещание представителей Франции, Великобритании, Италии и США, на котором обсуждались принципы, на которых союзники готовы говорить о мире с немцами. По итогам этого совещания «президент Вильсон 5 ноября отправил немцам меморандум союзников, в котором четырнадцать пунктов принимались с известными оговорками в качестве основы для мирных переговоров». «Поэтому немцы имели право утверждать, что они сдались и разоружились на условиях, изложенных в четырнадцати пунктах президента Вильсона и других его речах, поскольку пункты эти не были видоизменены формальными оговорками союзников», — констатирует Черчилль (2). О том же свидетельствует и тогдашний британский премьер Ллойд Джордж: «Внимательное рассмотрение нот, которыми обменялись президент Вильсон и Германия, показывает, что перемирие было предложено исходя из того, что мир будет заключен на условиях, изложенных в речах президента Вильсона» (3).

Ключевой вильсоновский принцип — это принцип самоопределения народов, зафиксированный как в 14 пунктах, так и в многочисленных выступлениях Вильсона, в которых он обращался к воюющим сторонам с воззваниями о прекращении войны и установлении справедливого мира. Черчилль напоминает: «В своих речах президент заявлял: «Нужно уважать национальные стремления. Управлять народами теперь можно лишь с их согласия. Самоопределение не только пустая фраза»... «Народы и области нельзя передавать то одной державе, то другой»...

«Каждый передел государственной территории должен совершаться в интересах и для блага народов... Все ясно выраженные национальные стремления должны быть удовлетворены в той мере, в какой это только возможно; следует не допускать возникновения новых или воскресения старых элементов несогласия и антагонизма» (4).

«Союзники совершенно серьезно подчинили свои военные цели этому заявлению», — пишет Черчилль, а «германцы сопроводили свою просьбу о перемирии условием, чтобы мирный договор был основан на *четырнадцати пунктах* президента Вильсона и на других его речах». Таким образом, подчеркивает он, «принцип самоопределения оказался одновременно и тем самым, за что сражались победители и чего требовали побежденные» (там же).

Казалось бы — идиллия! Все хотят одного и того же! Садись за стол — и зафиксируй эти общие желания на бумаге, в мирном договоре. «Главным и настоятельным долгом мирной конференции, добивавшейся мира между воюющими нациями, и было именно проведение этого принципа в жизнь; я позволю себе процитировать вновь этот принцип: «Освобождение закрепощенных национальностей — соединение в одну семью ее членов, разъединенных долгие годы произволом, и проведение новых границ в более или менее полном соответствии с национальными признаками». Поскольку все соглашались с этим основным принципом, оставалось только применить его на деле», — пишет Черчилль (5).

И еще одно: «Тринадцатый из пунктов Вильсона гласил: «Должно быть образовано независимое Польское государство, в которое должны войти территории, занятые неоспоримо польским населением; ему должен быть обеспечен свободный и безопасный доступ к морю». Германия это условие приняла. Ее собственное требование национального единства было основано на том самом принципе, на основании которого совершилось возрождение древнего Польского государства» (6).

Но на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. — 21 января 1920 г.), в ходе которой выработывались основы послевоенного мироустройства, разрабатывались и подписывались мирные договора, вильсоновские принципы применялись постольку, поскольку соответствовали целям и задачам победителей. Принципами жонглировали все кому не лень (а желающих поупражняться в красноречии хватало), но в целом торжествовало «право победителя». Пригодились те самые вышеупомянутые «комментарии» и «оговорки».

Вильсоновские принципы, в частности право наций на самоопределение, охотно применяли, когда речь шла об освобождении народов из-под власти империй, потерпевших поражение в войне. И, прямо скажем, победители видели в таком акте не столько торжество принципов, сколько ослабление противника (бывшего в недавнем прошлом, и, как они не исключали, вероятного в будущем) — ввиду потери им территорий, населения, экономического потенциала. Но те же принципы раз за разом откладывались в сторону, когда речь заходила о самоопределении немцев.

Видимо, не совсем удачным был выбор места проведения конференции — Париж (на этом настоял Клемансо). Неудачным с точки зрения установления справедливого мира — такого, который легитимизировали бы и победители, и побежденные, мира долгосрочного, основанного не на силе, а на праве. Вклад французов в победу над Центральными державами был огромен, они понесли большие жертвы, велики были их издержки в войне (тем более с учетом разоренных боевыми действиями провинций). Но это же подвигало их к необъективности, предвзятости, пристрастности, а в конечном итоге — к несправедливости по отношению к побежденным народам, к которым французы испытывали чувство мести. Как справедливо заметит Ллойд Джордж, сама атмосфера Парижа не способствовала «тому спокойствию и беспристрастности, которые так необходимы для устойчивого соглашения по ряду в высшей степени спорных вопросов» (7).

Французской жадой мести, предубеждениями в отношении немцев, опасениями повторений тех ужасов войны, которые пережила Франция в 1914—1918 гг., и желанием застраховаться от них на будущее сполна воспользовались поляки. И даже намного превзошли в германофобии самих французов. Не говоря уж, что вели себя так, будто внесли решающий вклад в поражение Центральных держав. Глядя на поведение поляков, можно было вообще решить, что это Польша вынесла на своих плечах основное бремя войны и теперь по праву победителя вершит судьбы побежденных немцев (а заодно и других народов, имевших несчастье проживать на землях, «приглянувшихся» полякам).

Вторая Речь Посполитая (польск. II Rzeczpospolita) формально считалась восстановленной 11 ноября 1918-го, когда военную власть из рук регентского совета принял Юзеф Пилсудский. 14 ноября он стал начальником государства (польск. Naczelnik Państwa), перебрав на себя и гражданскую власть, а фактически Пилсудский предстал как военный диктатор. Воссоздание государственности

под флагом второй Речи Посполитой, хотя официально Польша именовалась республикой (польск. Rzeczpospolita Polska), потребовалось, чтобы подчеркнуть связь с I Речью Посполитой (1569—1795 гг.). Это, по мысли поляков, создавало предпосылки для предъявления «исторических прав» на территории с непольским населением.

Польша с ее непомерными аппетитами и амбициями, без сомнения, главный виновник того, что вильсоновские принципы, и самый основополагающий среди них — право наций на самоопределение, не восторжествовали. Конечно, это произошло при попустительстве и даже при прямом содействии союзников, но тем не менее займи поляки более ответственную и благоразумную позицию, загляни они чуть дальше своего шляхетского носа, и мир мог получиться намного более справедливым.

Но поляки чрезмерной адекватностью никогда не страдали. Они напоминали грабителя из анекдота — награбившего столько, что был не в состоянии передвигаться с непомерной ношей. Польская элита того времени вполне подпадает под характеристику, данную Ллойд Джорджем одному из деятелей, представлявших новые государства: «Не такой прозорливый и дальновидный политик, который не понимает, что чем больше он захватит, тем меньше ему удастся сохранить» (8). Сей диагноз можно было заносить в историю болезни любого польского политика того времени.

Никто более поляков не доставил столько хлопот мирной конференции. Никто более поляков не бредил идеями великодержавного шовинизма (в этом они переплюнули даже представителей колониальных империй того времени). Никто более поляков не поставил под сомнение принцип самоопределения: «Применить в данном (польском. — С. Л.) случае национальный принцип было тем труднее, что границы «исторической Польши» менялись из поколения в поколение и часто охватывали обширные районы, население которых отнюдь не было польским ни по языку, ни по происхождению. Воспоминания о «Великой Польше» доставили немало хлопот тем, кто хотел разрешить вопрос о национальных границах на основе этнического принципа и исторических традиций. Когда поляки излагали свою программу на конференции, их требования с точки зрения всех канонов принципа самоопределения должны были казаться непомерными и недопустимыми» (9).

Но это другим требования поляков могли казаться непомерными и недопустимыми — но только не самим полякам.

18 января 1919 г. конференция пригласила польских предста-

вителей в Париж (тем самым формально признав новую Польшу). 29 января на конференции с длинной и демагогической речью выступил Дмовский. Его бред (иначе не назовешь) более чем наглядно характеризует представления о польской государственности, которыми были проникнуты руководящие круги тогдашней Польши.

Отбросив в сторону вильсоновские принципы, Дмовский сразу взял быка за рога, предложив «для определения территории Польши обратиться к 1772 г., к периоду до первого раздела». Но это только должно было «послужить отправной точкой». А вообще-то, без обиняков заявил Дмовский, «устанавливая границы Польши, никак нельзя исходить из включения в ее состав только тех территорий, где поляки имеют значительное большинство». Этого мало! Собственно, и границы 1772-го полякам чересчур узки. Если на востоке — еще куда ни шло (а это означало передачу Польше Правобережной Украины, значительной части Белоруссии, Литвы), то на западе немцев следовало бы существенно потеснить: «На западе Польша не удовлетворилась бы историческими границами 1772 г.». Действительно, чего скромничать? Разве история ограничивается только 1772-м?

Дмовский копнул глубже: «Так, например, Силезия была потеряна ею (т. е. Польшей. — С. Л.) в XIV ст.». Так не подать ли ее обратно? Тем более, отметил представитель Польши, «географически Силезия тяготеет к Польше». Все шло в ход! Как не национальный

Дмовский Роман (Dmowski) (09.08.1864 — 02.01.1939), польский политический деятель.

В 1893-м выступил одним из организаторов Лиги народной — национального движения, в 1897 г. преобразованного в Национал-демократическую партию. Начиная с программы консолидации национальных сил, оппозиции русификаторской политике царских властей. Стоял на позициях противодействия социалистическим течениям. В 1905—1907 гг. призывал к подавлению революции и предлагал сотрудничество с царизмом. Во время Первой мировой войны 1914—1918 гг. выступал на стороне Антанты, возглавлял Польский национальный комитет, созданный 25 ноября 1914 г. в Петербурге, а затем одноименный комитет (создан в 1917-м) в Париже.

В 1919 г. делегат Польши на Парижской мирной конференции. Основал «Лагерь великой Польши» (1926—1933 гг.) — профашистскую политическую группировку.

состав, то «исторические права» (само собой, поляки сами определяют точку исторического отсчета)! Если не исторические права — то «географическое тяготение»!

К слову о Силезии. По данным Тацита, Птолемея и других древнеримских историков, в поздней античности Силезию населяли германские племена лигиев, квадов, вандалов. В конце X в. эта территория вошла в состав Польши. С 1146 г. Силезия под властью Священной Римской империи, в 1163-м германский король Фридрих I Барбаросса занимает эту землю и сажает там своих сыновей. В 1335-м чешский король Иоанн заставил польского монарха Казимира III Великого отречься от верховных прав на Силезию. В 1526 г. Силезия (вместе со всем Чешским Королевством) отошла к австрийским Габсбургам. А от австрийской короны, согласно Бреславльскому миру 1742 г., почти вся Силезия перешла к Пруссии. За ней и оставалась до конца Первой мировой войны. Но короткое польское владычество в Силезии времен раннего Средневековья (последний год владения Польши Силезией — аж 1335-й!), по мнению поляков, вполне давало Польше право называть эту землю своей «исконной территорией» и заявлять претензии на включение этой территории в свой состав.

Но что XIV век! А во времена Карла Великого, в IX в. пожаловать не хотите? Почему нет, если полякам захотелось восточных земель Германии! Дмовский заявил: «Вся территория Восточной Германии не была первоначально немецкой, но подверглась германизации». В доказательство польский представитель процитировал одного из немецких политиков, который-де когда-то сказал следующее: «В результате распада империи Карла Великого Германия потеряла на Западе, но зато выиграла на Востоке». Вот этот германский выигрыш «на Востоке» Дмовский и отнес на польский счет, призвав к восстановлению исторической справедливости. Поляки требовали всю Восточную Пруссию, за исключением небольшого «островка» со столицей в Кенигсберге! (10).

Как ни маразматично выглядят эти польские аргументы, официально представленные Дмовским на мирной конференции в Париже, но именно ими руководствовались поляки в своих помыслах и конкретных действиях, именно на этих исторических обидах, обращенных в XVIII, XIV и даже в IX века(!) воссоздавалась польская государственность на рубеже второго и третьего десятилетия XX в.

Но нередко эти идеи, не укладывающиеся в рамки здравого смысла (чтоб не сказать — идиотские), от которых за версту разило мра-

кобесием Средневековья, получали практическое воплощение, закладывали предпосылки к будущей большой войне. Реваншистские настроения в Германии межвоенного периода, основанные на провяленной к немцам несправедливости, впоследствии окажутся питательной средой для германского нацизма. Под влиянием идей реваншизма немцы приведут к власти Гитлера. «Заслуга» поляков в этом деле, без преувеличения, очень весомая.

Большая четверка (Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Клемансо, Вудро Вильсон, Витторио Орландо; последний — итальянский представитель на конференции) «неоднократно» отклоняла требования «об аннексии территорий с немецким населением, основанные на том, что эти районы важны для обороны границы или составляют часть экономического целого, которое не может быть разделено по обе стороны границы без ущерба для торговли населения или транспорта» (11) (поляки умели изобретать основания для захватов!), однако миллионы немцев в итоге оказались под властью Польши.

По условиям Компьенского перемирия, на которое немцы пошли в расчете на заключение справедливого мира согласно вильсоновским принципам, Германия была обязана вывести войска из Бельгии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии и Франции, сдать 2500 тяжелых артиллерийских орудий, 25 000 пулеметов, 5000 грузовиков, 5000 самолетов, 1700 военных самолетов, все свои подводные лодки и 150 000 ж/д вагонов.

Поэтому к моменту, когда Парижская мирная конференция стала навязывать немцам условия совсем не того мира, на который они рассчитывали, возможностей к силовому сопротивлению у Германии уже не было. Это осознавали и союзники. Скажем, меморандум маршала Фоша от 18 февраля 1919-го с того и начинался — с заявления, что «сейчас уже нет германской армии, которая могла бы оказать сопротивление коалиции держав... поэтому германское правительство не может отклонить какое бы то ни было из предъявленных ему категорических требований» (12).

Немцам ничего не оставалось, как предоставить свою судьбу в руки победителей и с покорностью обреченного принимать навязываемые несправедливые, часто дискриминационные (к немцам как к народу) условия.

Усугублялись германские позиции тем обстоятельством, что в Германии царил голод, а союзники не спешили пропускать транспорты и составы с продовольствием. Более того, и эта ситуация была использована для давления на германских делегатов с тем, чтобы

они соглашались с любыми требованиями победителей, какими бы тяжелыми они ни были для Германии.

Маршал Фош прямо требовал задействовать «продовольственный» аргумент с тем, чтобы добиться большей сговорчивости немцев, чем привел британского премьера Ллойд Джорджа в «потрясение» (13). Тем не менее Германии были предъявлены «ультимативные требования», в зависимость от исполнения которых ставилось выполнение союзниками своих обязательств «о снабжении Германии продовольствием» (14). И продовольственная проблема (наряду с угрозой применения военной силы) на протяжении всей конференции висела над Германией дамокловым мечом — союзники в любой момент могли перекрыть снабжение.

Немцам оставалось только апеллировать к «Справедливости». «Мы стоим теперь перед конференцией в полном одиночестве: у нас нет союзников, а противники наши очень многочисленны, — провозглашал граф Брокдорф-Ранцау в Париже. — И все же мы не беззащитны. Вы сами дали нам союзника — «Справедливость». Вы гарантировали нам этого союзника в соглашении об основах мира. Между 5 октября и 5 ноября 1918 г. союзные и объединившиеся державы отказались от идеи насильственного мира и написали на своих знаменах «Справедливый мир». 5 октября 1918 г. германское правительство предложило принять принципы президента Соединенных Штатов Америки в качестве основы мира; 5 ноября государственный секретарь Лансинг известил нас, что союзные и объединившиеся державы приняли эту основу мира с двумя оговорками. **Принципы** президента Вильсона стали, таким образом, обязательными для обеих воюющих сторон — для вас в такой же мере, как и для нас...» (15).

Брокдорф-Ранцау Ульрих (Brockdorff-Rantzau) (29.05.1869 — 08.09.1928),

граф, германский дипломат. В 1912—1918 гг. посланник в Дании. После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии статс-секретарь иностранных дел. В феврале—июне 1919 г. министр иностранных дел в правительстве Ф. Шейдемана. В июне 1919-го, будучи председателем германской делегации на Парижской мирной конференции, возражал против принятия Германией условий Версальского мирного договора. После решения Веймарского учредительного собрания о подписании договора вышел в отставку. В 1922—1928 гг. посол в СССР.

Германия в полной мере соглашалась с выделением из своего состава областей с польским населением и дальнейшим присоединением этих территорий к Польше, в частности: «Германия... отдает большую часть провинции Познань, округа с чисто польским населением вместе со столицей провинции». Германия соглашалась «предоставить Польше на основе международных гарантий свободный и обеспеченный доступ к морю путем уступки вольных гаваней в Данциге, Кенигсберге и Мемеле и путем специального соглашения, регулирующего навигацию по Висле, и особых конвенций по железнодорожному сообщению».

(К слову, именно такой вариант обеспечения Польше выхода к морю (через навигацию по Висле и ж/д сообщение с балтийскими портами) считал наиболее разумным и Ллойд Джордж, ибо в таком случае не возникала бы проблема «польского коридора» (многочисленное немецкое население, не желающее жить под властью Польши и разрыв в сухопутном сообщении между Германией и Восточной Пруссией).)

Но немцы отказывались передавать Польше Верхнюю Силезию — как по причине национального состава (значительной доли немецкого населения), так и ввиду промышленного значения этого района, увязывая вопрос с необходимостью платить репарации: «Что касается Верхней Силезии, то Германия заявляет, что не может уступить эту область, если от нее требуют уплаты долгов», — заявлял Брокдорф-Ранцау (16). И т.д.

Но «Справедливость» оказалась слабым союзником немцев. Их призывов к справедливости никто и слышать не хотел. Немцы это хорошо запомнят и впоследствии ответят Гитлером.

А тогда беспомощностью германского льва в полной мере воспользовалась Польша, в межвоенный период не раз выступавшая в качестве гиены.

1. Черчилль Уинстон. Мировой кризис. — М.: Л.: Госвоениздат, 1932, с. 61.	8. ПМД, т. 2, с. 154.
2. Черчилль, указ. соч., с. 66.	9. ПМД, т. 2, с. 176.
3. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 73.	10. ПМД, т. 2, с. 177—178.
4. Черчилль, указ. соч., с. 133.	11. ПМД, т. 2, с. 139.
5. Черчилль, указ. соч., с. 134.	12. ПМД, т. 1, с. 335.
6. Черчилль, указ. соч., с. 136.	13. ПМД, т. 1, с. 256.
7. ПМД, т. 1, с. 132.	14. ПМД, т. 1, с. 260.
	15. ПМД, т. 1, с. 576.
	16. ПМД, т. 1, с. 578—579.

Аппетит приходит во время еды

Если бы полякам дали волю, они, очевидно, всю Германию включили бы в свой состав. Польские фанатерики того времени доходили до гротеска. Так, одно время на полном серьезе рассматривалась идея о передаче Польше Восточной Пруссии.

Наслушавшийся поляков о стратегических преимуществах, которые можно получить при таком раскладе, маршал Фош на одном из заседаний союзников в узком кругу предложил установление «польской границы по линии Данциг-Торн, что означало бы включение в состав Польской республики всей Восточной Пруссии».

Американцы предложили сделать из Восточной Пруссии отдельное государство либо интернационализировать эту территорию, т. е. поставить под международный контроль, что, учитывая географическую близость Польши, превратило бы эту территорию в нечто, чем впоследствии стал «вольный город Данциг»: «Полковник Хауз (представитель Вильсона. — С. Л.) сообщил, что американские делегаты пришли к заключению, что Данциг следует включить в состав Польши... Затем мы подошли к карте и обнаружили, что если Данциг будет включен в состав Польши, Восточная Пруссия окажется географически в очень трудном положении. Полковник Хауз сказал тогда, что можно либо интернационализировать Восточную Пруссию, либо превратить ее в отдельную республику». Клемансо не возражал, заметив, что «чем больше будет в Германии отдельных и независимых республик, тем больше удовольствия это ему доставит» (1).

Нельзя всю Восточную Пруссию — дайте хотя бы ее южную часть. Поляки раскопали в исторических анналах, что мазуры, проживающие на этих землях, — родственные полякам племена. Но Парижская мирная конференция — к неудовольствию Варшавы — приняла решение провести в южных восточнопруссских провинциях плебисцит, который и состоялся 11 июня 1920-го в округах Мариэнвердер, Алленштайн и Остероде. 95% «родственных полякам» мазуров подали свои голоса за то, чтобы остаться в составе Германии.

Было бы это другое время, не сомневаюсь, поляки научили бы мазуров «родину любить» — прибыл бы какой-нибудь Желиговский и силой оружия обосновал исторические права Польши. Но этот плебисцит пришелся как раз на период катастрофы польской армии в войне с Советской Россией, так что было не до южных земель Восточной Пруссии — опасались, как бы всю Польшу не потерять.

Но и в этом случае, несмотря на более чем убедительные результаты плебисцита в пользу Германии, поляки — волевым решением союзников — получили восемь деревень в округах Алленштайн и Остероде, также к Польше был присоединен речной порт в Коженеве и железнодорожный мост на линии Квидзын-Опалене.

А вот Данциг и «польский коридор» («данцигский коридор») поляки получили — союзники позаботились, чтобы Польша имела выход к морю (развивала бы таким образом торговлю с западными державами) и была бы экономически независимой от соседних Германии и России. Оный коридор (от Польши к Балтийскому морю) шириной под сто километров отрезал от Германии Восточную Пруссию и, как отмечает фон Дирксен, «глубоко уязвил германское общественное мнение, даже несмотря на период переживаемого страной глубочайшего упадка, Германия всегда была едина в своем решении справедливого решения проблемы «коридора» (2).

Германскую ненависть, вызванную притязаниями Польши на немецкие земли, весьма образно сформулировал тогдашний главнокомандующий райхсвером генерал Х. фон Зект, заявивший в Гамбурге 20 февраля 1920-го: «Ни один немец не должен пошевелить и рукой ради спасения от большевизма Польши, этого смертельного врага Германии, творения и союзника Франции, разрушителя немецкой культуры, и если бы черт побрал Польшу, нам бы следовало ему помочь» (3).

Данциг, древний германский город, — тема особенно болезненная на протяжении всего межвоенного периода. Герберт фон Дирксен, занимавший пост генерального консула Германии в Данциге в 1923—1925 гг., в своих мемуарах достаточно живо описывает обстановку вокруг и внутри «вольного города»: «горе путешественнику, который отправился в вольный город и захотел выйти из поезда на одной из станций «коридора»! Требовалось несколько часов, чтобы миновать самые разные таможи... Чтобы не слишком упрощать дело и не дать новым границам пройти по течению Вислы, создатели мирного договора вырезали на другом берегу реки пять деревень из прусской территории. Эти деревни оказались абсолютно изолированы одна от другой... Едва ли можно было придумать более эффективное средство для пропаганды глупости и нелепости «коридора», чем эти пять деревень... Административные привилегии, дарованные Польше, только мешали повседневной жизни немецких меньшинств. Железные дороги, почта и администрация гавани поставляли бесконечные предлоги для мелких

стычек. Даже книжный магазин на станции был поделен на немецкий и польский отделы» (4).

Вопросы Данцига, «коридора» и этнических немцев, проживающих на этих землях, решение которых спустя два десятилетия поставит в европейскую повестку дня третий рейх, не были искусственно созданы Гитлером, а тем более придуманы им. Другое дело, что к концу 30-х гг. мощь Германии возросла достаточно, чтобы Берлин имел возможность использовать более широкий арсенал средств для решения указанных проблем вплоть до применения военной силы. Но и без Гитлера Германия, оправившаяся от поражения в Первой мировой войне и времени формирования Версальской системы, неизбежно актуализировала бы эти проблемные темы.

В конце 20-х британский исследователь Фоллик (Follick M., Facing Facts: A Political Survey for the Average Man) писал, что выбор у Польши простой: или вернуть «коридор» и Данциг Германии — или готовиться к войне со своим грозным соседом, как только тот встанет на ноги. Фоллика процитирует в своем фундаментальном труде о Второй мировой войне знаменитый английский историк Фуллер: «Создание польского коридора в тысячу раз более тяжкое преступление, чем создание Германией в случае ее победы в войне коридора, допустим, через нынешний Каледонский канал (система каналов, пересекающих всю Англию от восточного до западного побережья у границы Шотландии. — С. Л.) и передача Голландии этой полосы в 10 миль шириной с единственной целью ослабить Британию. Примерно так поступила Франция, предоставив Польше коридор, разрезавший одну из наиболее плодородных областей Германии. Согласившись на этот преступный акт, союзники Франции совершили одно из самых тяжких известных... преступлений против цивилизации... Чтобы дать Польше морской порт, было совершено другое преступление против Германии: у нее отобрали Данциг и провозгласили его вольным городом. Но из всего наиболее немецкого в Германии Данциг является самым немецким... Ране или поздно польский коридор стал бы причиной будущей войны».

Если Польша не вернет коридор Германии, писал Фоллик в 1929 г., «она [Польша] должна быть готова к самой губительной войне с Германией, к анархии и, возможно, к возвращению в состояние рабства, из которого только недавно освободилась» (5).

Еще одна область польских притязаний — Верхняя Силезия. Еще 1919-м и 1920 г. поляки организовывали на этой территории «национальные восстания». И не безрезультатно: в мае 1919-го по-

лякам был передан верхнесилезский округ Оппельн. Но этого же мало! Подавай все! Едва не дошло до германо-польской войны. Ввиду недовольства Антанты (все-таки Верхняя Силезия — центр Европы) и действий немецких добровольческих отрядов и полиции (раз за разом очищавших верхнесилезские земли от польских банд) поляки были вынуждены согласиться на посредничество: во второй половине 1919-го на территорию Верхней Силезии были введены французские, итальянские и английские войска, созданы польский и германский плебисцитные комитеты (что, впрочем, не помешало полякам через год устроить очередную заварушку под носом у союзников — 17 августа 1920 г. В Корфанти, видимо, вдохновленный победой под Варшавой, вторгся в Верхнюю Силезию).

«Я был убежден, — пишет Ллойд Джордж, — что передача Верхней Силезии Польше — большая несправедливость, что она поставит под угрозу мир во всей Европе, так как создаст в Центральной Европе новую Эльзас-Лотарингию». Бывший британский премьер здесь имеет в виду земли, отторгнутые у Франции в результате франко-прусской войны 1870—1871 гг., на которых проживало значительное количество французов, 400 тысяч из них в 1872—1882 гг. были вынуждены эмигрировать (фактически — бежать) во Францию. В конце XIX — начале XX в. восстановление контроля над Эльзас-Лотарингией было одним из символов французского реваншизма и, соответственно, очагом военной опасности для всей Европы.

Поэтому Ллойд Джордж был среди тех, кто настаивал на плебисците в Верхней Силезии, ссылаясь на принцип самоопределения, провозглашенный президентом США Вильсоном: «Верхняя Силезия не была польской в течение восьмисот лет и, по моим сведениям, не имела никакого желания стать теперь польской... Президент (Вильсон. — С. Л.) утверждал, что большинство населения Верхней Силезии — поляки, а не немцы, и поэтому Верхняя Силезия должна быть передана Польше. Так говорили ему его эксперты. Я ответил, что в данном случае важно не то, чего желает Лорд (советник президента, фанатичный защитник Польши), а то, чего желает население Верхней Силезии» (6).

Поляки, которые никогда не проявляли уважения у принципу самоопределения, конечно же, против плебисцита возражали. Их представитель на мирной конференции Падеревский «аргументировал», почему не нужно проводить плебисцит в Верхней Силезии, тем обстоятельством, что, дескать, имеется «плохое» влияние «неправильных» представителей католической церкви: «Западная часть Силезии находится под влиянием католической

церкви. Архиепископ Бреславльский воспитал католическое духовенство в немецком духе. Его влияние представляет для поляков очень большую опасность, потому что население слушается священников; в случае плебисцита, несмотря на наше большинство... жители будут, безусловно, следовать приказам немецкого католического духовенства. По этой причине плебисцит абсолютно неприемлем».

И вообще, указывал Падеревский, решение о плебисците zelo оскорбит гордых поляков, не оправдает их надежд и ввергнет в «ужасное разочарование». «Кроме того, — сетовал поляк, — страна в связи с плебисцитом будет ввергнута в хаотическое состояние, и понадобится от трех до шести месяцев мирного времени, чтобы ее успокоить. Возбуждение в Польше усилится... Люди будут деморализованы... Вот почему для польского народа неприемлема идея плебисцита» (7).

Но как ни давил слезу из союзников Падеревский, плебисцит все-таки был назначен. 20 марта 1921 г. в Верхней Силезии состоялся плебисцит, в ходе которого 63% жителей высказались в пользу сохранения данной территории за Германией.

Этот результат вызвал глубокое разочарование в Варшаве, и она решила вновь обратиться «к своей старой тактике шоковой терапии, то есть набегам, использованию вооруженных сил для того, чтобы поставить всех перед свершившимся фактом. Эта схема неплохо сработала в момент нападения генерала Желиговского на Вильно, и было решено повторить ее в более широком масштабе в Верхней Силезии», — описывает Дирксен (указ.соч., с. 38) уже хорошо знакомые нам методы Варшавы.

Для нежелавших мириться с «каким-то там» народным волеизъявлением в Верхней Силезии поляков удобный случай подвернулся спустя несколько месяцев после указанного плебисцита — в Германии произошел правительственный кризис.

В апреле 1921-го межсоюзническая репарационная комиссия выставила Германии требование уплатить 132 млрд. марок. Далее последовал т.н. «Лондонский ультиматум», которым Германию поставили перед выбором — или уплата данной суммы, или оккупация Рура. Ультиматум привел к отставке правого правительства Ференбаха и образованию нового во главе с лидером левого крыла католической партии Центра Виртом (принявшим условия ультиматума).

Под шумок этой правительственной неразберихи в Германии поляки и начали в первых числах мая 1920-го очередной захват Верхней Силезии военным путем. Сначала была спровоцирована

забастовка польских рабочих на промышленных объектах, а 3 мая в дело вступила верхнесилезская военизированная организация «Соколы», которая совместно с частями регулярной армии и при активном участии польского комиссара плембисцита Корфанти в течение трех дней захватила большую часть Верхней Силезии.

Антанта опять возмутилась, тем более что в результате устроенных поляками беспорядков погибли военнослужащие из частей союзников. «На этот раз, — вспоминал Дирксен, — самовольное нарушение поляками мира на глазах у союзных властей и их оккупационных войск было слишком вопиющим, чтобы оно могло пройти незамеченным и молчаливо одобренным, подобно тому, как это произошло с захватом Вильно и нападением на Киев. Поднялась мировая общественность и последовала сильная реакция, особенно в Италии, солдаты которой погибли в Силезии. В этот период необъявленной войны мне в Варшаве пришлось пережить тревожное время. Я вынужден был заявить польскому правительству о его ответственности за восстание Корфанти ввиду явного и активного сотрудничества с ним военных и полуофициальных департаментов» (8).

Но официальная Варшава опять была «ни при чем» — заявив, что к этой «самодеятельности» Корфанти никакого отношения не имеет. Никто в это не верил, но 9 мая 1921-го французский посланник в Берлине заявил, что посылка рейхсвера в Верхнюю Силезию будет воспринята как нарушение Версальского договора и Франция ответит на этот шаг оккупацией Рурской области. Т. е. Польше опять все сошло с рук.

И только ввиду того, что немецкие силы самообороны к началу июня стали брать верх над отрядами Корфанти, Антанта потребовала вывода всех немецких и польских военных формирований из Верхней Силезии. В октябре 1921-го четыре верхнесилезских округа (Катовице, Кенигсхютте, Плес, Рыбник), а с ними 80% всей промышленности и основная часть угольных копей Верхней Силезии международная комиссия утвердила за Польшей (9).

Дирксен описывал, как было произведено разграничение территорий: «Международная комиссия отличилась в принятии решений, которые превратили повседневную жизнь населения в тяжкое бремя, посеяв семена недовольства. В городах оказались разделены водопроводные сооружения, а рабочим по пути на работу приходилось по два-три раза в день пересекать границу, поскольку они повсеместно жили не там, где располагались их заводы и фабрики. Но главное, в чем полякам удалось добиться

успеха, — это в присвоении объектов, которые они жаждали заполучить: заводов, больниц и шахт. Вот в соответствии с этим принципом и проводилась граница» (10).

15 мая 1922-го под давлением обстоятельств (не имея возможности изгнать поляков с занятых ими территорий, давления Антанты, внутренних проблем в стране) Германия официально отказалась от своей части Верхней Силезии в пользу Польши.

1. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 251.
2. Дирксен. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. — М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 35.
3. Горлов С. А. Совершенно секретно. Альянс Москва—Берлин, 1920—1933 гг., М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 39—40.
4. Дирксен, указ. соч., с. 53.
5. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956, с. 36—37.
6. ПМД, т. 1, с. 609.
7. ПМД, т. 2, с. 193—194; 197.
8. Дирксен, указ. соч., с. 39.
9. Горлов, указ. соч., с. 50.
10. Дирксен, указ. соч., с. 41.

«Чудовище Франкенштейна»

«Уродливое детище Версаля» — так впоследствии охарактеризует Польшу советский нарком индел Молотов. Однако автором этого образа является Юзеф Пилсудский, который в подобной манере выскажется об «искусственно и уродливо созданной Чехословацкой Республике» (1).

В какой-то мере Пилсудский прав. Чехословакию действительно «лепили» (прежде всего французы) не столько как жизнестойкое и способное к самосохранению (без поддержки внешних центров силы) государство, сколько как стратегический антигерманский плацдарм. Как и в случае с Польшей, вильсоновские принципы самоопределения народов применялись более чем условно.

Но была и существенная разница между «версальским» строительством Польши и Чехословакии. Прежде всего чехи отдавали себе отчет в том, что ЧСР — «французский клиент», что без Франции сохранение государственности в «версальских» границах невозможно. Прага осознавала свое зависимое положение и признавала себя ведомой в отношениях с великими державами, прежде всего с Францией.

Разительно отличалось поведение чешских и польских пред-

ставителей на Парижской мирной конференции. Если чехи (тот же глава делегации ЧСР Бенеш) каждое свое действие согласовывали с представителями Антанты (скажем проще — испрашивали разрешения), то поляки вели себя с французами, англичанами, итальянцами и т.д. как с равными. Польша, бредившая историческими мифами о своем «величии», уже тогда вела себя как «великая держава», полагая себя равновеликой с той же, к примеру, Францией.

Британский генерал Смэтс напишет Ллойд Джорджу письмо, в котором обратит внимание на данный нюанс — мол, неадекватный «клиент» выходит из-под контроля уже на начальном этапе: «Даже сейчас, во время работы конференции, поляки сопротивляются великим державам, а что будет в будущем, если произойдет раскол держав, или если они столкнутся друг с другом?.. Можно с большой долей уверенности полагать, что как Германия, так и Россия вновь станут великими державами и что зажатая между ними новая Польша может процветать только при их доброй воле» (2).

Иными словами, как только Польша утратит покровительство стран Антанты, либо же они сами по тем или иным причинам откажут ей в покровительстве (будут не в состоянии ее поддержать вследствие тех или иных обстоятельств), Польша тут же окажется один на один, точнее одна против двоих — России и Германии, попадет в зависимость от их политики. А с учетом того, что Польша своими силовыми захватами территорий ограбила обеих мощных соседей, немудрено было спрогнозировать, как они отнесутся к лишенной поддержки Польше.

Но этого не понимали только сами поляки, полагавшие, что чем больше земель (с непольским населением) они прихватят — тем лучше. В Варшаве не заглядывали за горизонт, не задумывались — как затем эти земли удерживать? В свою очередь как будущие претензии соседних с Польшей стран на земли, которые они с полным на то основанием считали своими (а то, что такие претензии возникнут, мало кто сомневался уже тогда), так и польские попытки удержания чужих земель, которыми Польша овладела под шумок царившего в Европе послевоенного хаоса и неопределенности, — все это несло в себе угрозу очередного большого военного конфликта.

Лидер австрийских социалистов Бауэр 7 июня 1919 г. в учредительном собрании немецкой Австрии заявил, что бывшая Австро-Венгрия «неминуемо должна была зажечь мировой пожар». По той

причине, что «самое ее существование противоречило стремлениям народов к политической независимости».

«Лоскутная империя», появившись, пояснил он, «построенная на порабощении наций и из осколков наций», просто ради своего сохранения вынуждена была отказываться населявшим ее народам «в праве на самоопределение, в праве на единство и свободу». Кроме того, Австро-Венгрия по своей природе была обречена «в целях самосохранения» вступить в постоянный конфликт с соседними странами, «с Сербией и Румынией, а также с Италией и Польшей». В свою очередь «непрекращающийся конфликт между старым многоязычным государством и национальным принципом, воплощенным в лице молодых возрождающихся народов, боровшихся против самого существования этого государства, превратил весь мир в груды развалин» (3).

Хотя «Австро-Венгрия в миниатюре» тогда именовали Чехословакию, но и к Польше — треть населения которой составляли неполяки — это определение тоже вполне подходило. Более того, тогдашняя Польша была не только мини-империей по пестрому национальному составу, но (в отличие от Чехословакии) — империалистической по духу. Она и действовала соответствующе — захватив добрую часть территорий с непольским населением силой оружия, покоряя и подчиняя другие народы. В том своем состоянии Польша была обречена на конфликты с соседями, на порабощение и силовое подавление любых устремлений к свободе народов, находящихся в ее составе — немцев, украинцев, белорусов и др. Рано или поздно она «неминуемо должна была зажечь мировой пожар».

Уже тогда трезвые головы предупреждали, во что выльется создание этого «чудовища Франкенштейна» — «великой Польши». В частности, британский премьер Ллойд Джордж 25 марта 1919-го направил участникам Парижской мирной конференции меморандум, вошедший в историю как «документ из Фонтенбло», — «Некоторые сообщения к сведению участников конференции, перед тем как будут выработаны окончательные условия».

Ллойд Джордж писал: «Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень флота пятистепенной державы, однако если в конце концов Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 г., она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Поддержание мира будет... зависеть от устранения

всех причин для раздражения, которое постоянно поднимает дух патриотизма; оно будет зависеть от справедливости, от сознания того, что люди действуют честно в своем стремлении компенсировать потери... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты или прощены».

Особую же опасность Ллойд Джордж видел в следующем: «По этим соображениям я решительно выступаю против передачи большого количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно. Я не могу не усмотреть главную причину будущей войны в том, что германский народ, который достаточно проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, а теперь в каждое из этих государств попадет масса немцев, требующих воссоединения со своей родиной».

Наконец, в отношении «возрожденной Польши» Ллойд Джордж не сомневался: «Предложение комиссии по польским делам о передаче 2100 тыс. немцев под власть народа иной религии, народа, который на протяжении всей своей истории не смог доказать, что он способен к стабильному самоуправлению, на мой взгляд, должно рано или поздно привести к новой войне на востоке Европы» (4)... Как в воду смотрел! Так оно впоследствии и вышло.

Глава британского МИД Бальфур, в целом более чем лояльно настроенный к Польше, признавал в ходе мирной конференции, что «Польша совершала позорные поступки и плохо вела свои дела». Но «питал надежду», что этот озорник-позорник одумается и окажется в состоянии «вести себя как разумное, цивилизованное государство» (5). Зря надеялся.

Генерал Смэтс, представлявший на мирной конференции британские доминионы, предупреждал: «Польша в продолжение всей своей истории была неудачницей и всегда будет неудачницей, а мы в нашем договоре пытаемся отменить этот приговор истории». Поэтому Смэтс призывал союзников «серьезно подумать, прежде чем они гарантируют Польше те границы, которые ныне намечаются. Эти границы требуют самого тщательного пересмотра» (6).

Даже активно протежировавший полякам президент США Вильсон и тот вынужден был признавать: «союзники создают новое и еще слабое государство, слабое не только потому, что оно оказалось в прошлом неспособно к самоуправлению, но и потому, что в

будущем его, несомненно, будут раздирать распри, особенно на почве религиозных разногласий». Вильсон отмечал, что разделяет тревоги Ллойд Джорджа: «У немцев может возникнуть стремление освободить своих соотечественников из-под власти Польши, и этому желанию трудно будет воспротивиться» (ПМД-2, с. 189). И, дополним, не только у немцев.

Еще бы у немцев не возникло такого желания после бесцеремонного ограбления, которое учинили им поляки, пользуясь временной слабостью Германии! Герберт фон Дирксен, бывший временным поверенным в делах Германии в Польше в самый начальный период после Версаля, так описывает установившийся характер взаимоотношений между двумя странами: «создание союзниками польского государства после поражения Германии воздвигло непреодолимую пропасть между двумя государствами. Чувство угрозы со стороны злопамятного, обиженного соседа, находившегося в пределах досягаемости — около 60 миль — от Берлина, с самого начала породило атмосферу недоверия к Польше» (7).

Окажется прав и Сталин, который в отчетном докладе XVII съезду партии в январе 1934 г. укажет: «...во время первой империалистической войны тоже хотели уничтожить одну из великих держав — Германию и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили» (8).

Предпосылки к разделу Польши 1939-го были заложены в 1919—1921 гг. Пользуясь моментом, Польша ограбила двух своих великих соседей — Германию и Россию: «сцена была готова для создания одной из самых опасных коалиций — германо-русской дружбы, в основе которой лежала общая нелюбовь к своему общему соседу — Польше» (9).

Но разве только Германия и Россия? Были же еще Литва и Чехословакия. Выше мы опустили польско-чешский конфликт из-за Тешинской области (о нем поговорим в ходе рассмотрения событий 1938 г.). Поляки наверняка отобрали бы Тешинскую область у чехов силой еще в 1919—1920 гг., если бы не Антанта, которая благоволила к ЧСР не меньше, чем к Польше (союзники 28 июля 1920 г. приняли решение о разграничении территории бывшего Тешинского княжества, и Польша подчинилась). Но своих планов на этот счет Варшава не оставила. Как и притязаний на территории остальных соседей.

С самого начала своего возрождения Речь Посполита предстала как государство, конфликтующее с соседями на западе, юге и востоке (исключение — Румыния и Латвия, с которыми поляки имели небольшую по протяженности границу), — Германией, Советской Россией, Литвой и Чехословакией. Причем во всех перечисленных случаях именно Польша была провокатором и источником конфликта из-за ее великодержавных устремлений.

К началу 20-х, таким образом, сложилась следующая картина.

Во-первых, Польша успела повоевать (за редким исключением) со всеми соседями.

Во-вторых, она силой захватила земли Германии, Советской России и Литвы — поправ принципы самоопределения народов, неоднократно нарушив решения Парижской мирной конференции, а часто своей тактикой «свершившихся фактов» предопределив несправедливый характер ее (упомянутой конференции) решений. Все это создало основу для территориальных претензий к Польше (вполне обоснованных) со стороны указанных государств.

В-третьих, Польша даже в этих обстоятельствах осталась неудовлетворенной! Ведь, как мы помним, ее территориальные претензии простирались гораздо дальше, чем ей удалось достичь на рубеже 10—20-х годов XX в., — по отношению и к Германии, и к Советской России, и к Литве (которую поляки вообще хотели включить в состав державы целиком), и к Чехословакии. И исходя из неудовлетворенности своих аппетитов Варшава будет строить свою внешнюю политику в течение всего межвоенного периода.

Польша была готовым очагом военного конфликта в Европе. До поры до времени «замороженным».

1. Гришин Я. Я. Путь к катастрофе.

Польско-чехословацкие отношения 1932—1939 гг. Казань, 1999, с. 118.

2. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały, t. 1, Warszawa, 1965, s. 186.

3. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 2, с. 156.

4. ПМД, т. 1, с. 347—349.

5. ПМД, т. 1, с. 590.

6. ПМД, т. 1, с. 587.

7. Дирксен. Москва, Токио, Лондон.

Двадцать лет германской внешней политики. — М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 34.

8. Сталин. Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952, с. 467.

9. Дирксен, указ. соч., с. 36.

Польша — хозяйин своего слова: хочет — дает, хочет — забирает обратно

Польша, как мы уже отмечали, воссоздавалась в качестве «восточного фронта» против Германии, геополитической «прокладки» между Германией и Россией. Кроме того, союзники исходили из необходимости сделать Польшу экономически состоятельным государством (ради чего ей передавались территории с развитой промышленностью, богатые сырьем), имеющим выход к морю как залог независимости (от германо-российского контроля) ее внешней торговли.

Поскольку отмеченные соображения часто превалировали над всем остальным, Польше были прирезаны значительные территории, населенные неполяками. И это уже тогда адекватными политиками и экспертами расценивалось как проблема, могущая вызвать новый европейский конфликт. Поляки эту проблему дополнительно усугубили своими территориальными захватами, произведенными в разбойничий способ, вопреки решениям Мирной конференции а затем и Лиги Наций.

Эта мини-империя в центре Европы была образована не как добровольный союз народов, но как тюрьма народов, в которую немцы, украинцы, белорусы, литовцы были загнаны силой оружия.

Тот бандитский способ, с помощью которого поляки расширяли свою территорию в 1918—1921 гг., обусловил и характер польской политики по отношению к национальным меньшинствам — жесткого подавления, ополячивания, окатоличивания.

В совокупности «нетитульные» народы составляли треть населения Польши. Самыми многочисленными из нацменьшинств были украинцы (14,3%), евреи (7,0%), белорусы (5,9%) и немцы (4,7%). Оказавшись под польским владычеством против своей воли и вопреки всем принципам справедливости, в том числе столь широко декларировавшемуся в то время принципу самоопределения, непольские народы не могли не быть в оппозиции к польской государственности. Тяга нацменьшинств к освобождению из-под польского ярма, в которое Польша загнала их посредством огня и меча, была объективно предрешена.

Добавим к этому, что такие крупные меньшинства, как украинцы, белорусы и немцы, имели свои государства, граничившие с Польшей. Это, естественно, порождало в них дополнительные надежды на то, что рано или поздно соплеменники придут на помощь. Так, британский премьер Ллойд Джордж еще в 1919 г. задавался во-

просом: «Нам говорят, что районы, колонизированные немцами в XVIII веке и позже, должны быть возвращены Польше... районы, которые я имею в виду, это, так сказать, *Germania Irredenta* и залог будущей войны. Если население этих районов восстанет против поляков, а его соотечественники пожелают прийти на помощь, то станут ли Франция, Великобритания и Соединенные Штаты воевать, чтобы сохранить там польское господство?» (1).

Неестественное польское господство на присоединенных к Польше территориях с непольским населением могло удерживаться только на штыках и только в условиях уродливой версальской системы. Разрушение последней неизбежно влекло за собой и развал тогдашней Польши.

Теоретически можно было допустить, что мудрое управление захваченными территориями, их экономическое и социально-экономическое развитие, уважение официальной Варшавы к национальным, культурным, языковым, религиозным особенностям проживающего на них населения сделает непольские народы союзником Польского государства.

Но ничего подобного не происходило за два десятилетия существования межвоенной Польши. Собственно, сам режим военной диктатуры фашистского по сути толка, установленный в Польше с 1926-го (после переворота, осуществленного Пилсудским), не мог не сказаться и на обращении с нацменьшинствами.

Как отметит по этому поводу Герберт фон Дирксен, «все могло бы сложиться много проще, если бы новорожденное польское государство было здоровой, сильной, хорошо управляемой структурой, каковой, к примеру, вскоре стала Чехословакия... То, что население Польши на 33% состояло из иностранцев — немцев, русских, украинцев, евреев, литовцев, не прибавляло силы новорожденному государству, но усиливало его подозрительность и стремление притеснять нацменьшинства. Если бы Польша смогла выдвинуть в качестве лидера настоящего государственного мужа с ясным видением перспективы и умеренностью во взгляде — типа Масарика или Кемаль-паши, дела могли бы принять другой оборот. Но у маршала Пилсудского такие качества отсутствовали... он был романтичным авантюристом, искателем приключений, и сама его натура не позволила ему превратиться в твердого и умеренного национально-го лидера» (2).

Добавим, что Пилсудский был не просто авантюрист, но откровенный польский шовинист. Ллойд Джордж по адресу польского диктатора высказался словами Джона Морлея (английского учено-

го и политического деятеля): «нет худшего шовиниста, чем якобинец, ставший шовинистом» (3).

«Поляки, — указывает бывший британский премьер, — нашли себе вождя, который очень хорошо подходил для предъявления требований, основанных не на справедливости, а на силе, и для которого патриотизм был единственным критерием права... вплоть до самой своей смерти этот могущественный человек — был ли он или не был у власти — фактически руководил всей политикой своей страны... С момента, когда он достиг власти, он отдавал все силы своего ума и воли политике территориальной экспансии при помощи оружия» (4).

На таком же «правовом» фундаменте — шовинизме, силе оружия и несправедливости — Польша и защищала результаты своей экспансии.

Впоследствии немецкие нацисты шли к власти на уничижительной критике версальской системы, на призывах к объединению германских земель и разделенного немецкого народа, на лозунгах освобождения немцев, оказавшихся вне Германии и подвергаемых преследованиям по национальному признаку. Это были альфа и омега их пропаганды. И ведь в большинстве случаев — совершенно справедливые! Другое дело, что за ширмой этой пропаганды скрывались не менее (а то и более) неприглядные намерения, чем у той же Польши Пилсудского. Но сути дела это не меняет: основа для нацистской пропаганды в стиле «германский реванш» во многом была создана в т.ч. и Польшей.

Если судить по тенденциям развития межвоенной Польши, то она шаг за шагом шла к введению нацистского режима того же образца, что был установлен Гитлером в третьем рейхе. Поляки просто по времени не успели довести это дело до логического завершения — из-за германского нападения осенью 1939-го. Хотя многое в этом плане им удалось. И только большие жертвы, понесенные Польшей в ходе Второй мировой войны, да тот факт, что поляки оказались на стороне союзников, впоследствии затушевывали собственно польский фашизм 20—30-х гг. Потому эта тема и не получила широкого освещения в советской и западной историографии. Обстоятельства «холодной войны», когда и СССР, и Запад боролись за симпатии Польши, способствовали тому, что поляки ушли от ответственности — хотя бы моральной, политической и исторической — за совершенное ими в межвоенный период.

Участники Парижской мирной конференции вполне отдавали себе отчет, какое будущее ожидает национальные меньшинства в

«свободной Польше». И союзники пытались предусмотреть нечто вроде «смирительной рубахи» на указанный счет. Но в итоге так и не создали действенного механизма — положились на «честное шляхетское слово». И, конечно, зря. Ибо это было то же самое, что снять смирительную рубаху с сумасшедшего в обмен на его подписку о хорошем поведении.

Начиная работу по выработке условий послевоенного мирного урегулирования, Антанта обязалась принять на себя ответственность за защиту национальных меньшинств, которые при создании новых государств и масштабном перераспределении территорий Центральной и Восточной Европы оказывались в пределах иноэтничных государств.

Принцип самоопределения народов, нашедший свое логичное продолжение в попытках (хотя и крайне неудачных) создания национальных государств, ведь не просто так (по чистому благородству тогдашней мировой политической элиты) был поставлен в повестку дня как в ходе, так и после Первой мировой войны. Его рассматривали как залог предотвращения будущих войн. Ибо национальные меньшинства, находящиеся под властью других народов да еще и испытывающие национальный (языковой, религиозный и т.д.) гнет, — это потенциальный источник конфликта. Вся мировая история была тому свидетельством, включая и Первую мировую, развязыванию которой в т.ч. послужили и проблемы ряда угнетавшихся национальностей. Поэтому эффективная система защиты нацменьшинств должна была стать одним из краеугольных камней всей системы послевоенного мироустройства.

Достичь этнической однородности в новых государствах по ряду причин, в т.ч. объективных, не удавалось. От идеи массового переселения народов (ради достижения этнической однородности) тоже отказались. Остановились на концепции обеспечения гарантий свободному развитию национальных меньшинств.

«Еще на ранней стадии работы Мирная конференция признала, что вопрос о защите национальных меньшинств в новых государствах имеет первостепенное значение. Все заинтересованные стороны соглашались, что обеспечение защиты этих национальных меньшинств — одно из главнейших условий мирного урегулирования. Независимо от требований простой справедливости мы предвидели еще больше неприятностей в будущем, если бы какое-нибудь из национальных меньшинств стали притеснять», — подчеркивает Ллойд Джордж (5).

Уже в апреле 1919-го по инициативе экономической секции

британской делегации на Мирной конференции в Париже началось обсуждение вопроса о получении от новых государств гарантий населению (прежде всего нацменьшинствам), которое передается в их состав. «В первую очередь речь шла о Польше, о вновь созданном государстве, в состав которого, кроме большого числа евреев, включались и другие национальности — немцы, русские и т.д.», — отмечает бывший британский премьер.

Поскольку договоры с Польшей и с Германией предполагалось подписать одновременно, то предлагалось, чтобы Варшава приняла на себя обязательство «включить в договор с главными союзниками и объединившимися державами такие условия, какие упомянутые державы сочтут необходимыми для защиты интересов жителей Польши, отличающихся от большинства населения по расе, языку или религии. Далее Польша признает и соглашается включить в договор с упомянутыми державами такие условия, какие они считают необходимыми для обеспечения свободного транзита и равного отношения к торговым правам других наций» (6).

Однако не успели союзники даже заикнуться о том, чтобы гарантии нацменьшинствам со стороны Польши (и других новых государств) были не просто декларативными, но при этом обеспеченными гарантийными механизмами, в т.ч. принудительного характера, как поляки и прочие «освобожденные нации», получавшие право на свою государственность, подняли вселенский хай с упором на то, что недопустимо — де попирают их суверенитет, самостоятельность и национальное достоинство. Дескать, они сами в состоянии разобраться со своими внутренними вопросами.

Ллойд Джордж вспоминал: «когда впервые был поставлен вопрос о принудительных гарантиях, которые могут быть принудительно осуществлены великими державами, это предложение встретило серьезную оппозицию со стороны малых государств... бунт, как говорили, против самовластного и недопустимого вмешательства великих держав во внутренние дела малых стран» (7). Странно, что союзников не насторожил этот бунт. А может, и насторожил, да верх взяли иные соображения, о которых мы говорили выше. Ведь было совершенно очевидно, что оные возражения против действенных международных гарантийных механизмов защиты прав меньшинств — с прицелом на будущее попрание этих самых прав.

К сожалению, на мерах принудительного характера относительно гарантий нацменьшинствам, в частности в Польше, так никто и не настоял. Как покажет время — это оказалось большой ошибкой, в т.ч. с точки зрения сохранения мира в Европе.

Но на конференции поляки, конечно, были щедры на решительные обещания относительно предоставления самых широких прав и возможностей для самореализации непольских народов в Польском государстве.

Соответствующие заверения Польши относительно прав меньшинств на конференции изложил Падеревский: «От имени польского правительства я заявляю, что Польша предоставит всем национальным, языковым и религиозным меньшинствам те же права, что и другим своим гражданам. Она обеспечит этим меньшинствам все свободы, которые были и будут предоставлены им великими нациями и государствами Запада, и готова расширить эти права в тех пределах, в каких Лига Наций признает это желательным для входящих в нее государств.

Я убежден, что когда эти гарантии будут включены в основные законы Польши ее Учредительным собранием, они окажутся в полной гармонии с благородным и возвышенным духом, пронизывающим великие труды Мирной конференции» (8).

Сколько высоко пафосно, столь и насквозь лживо! Ни одна из польских гарантий меньшинствам не будет реализована на практике. Вместо равных с поляками прав представители непольского населения подвергнутся масштабной дискриминации по национальному, языковому, религиозному признакам.

Договор с Польшей о гарантиях национальным меньшинствам на Парижской мирной конференции был подписан 28 июня 1919-го (он был первым среди аналогичных договоров с новыми государствами и впоследствии выступил в качестве образца для соответствующих договоров с Чехословакией, Румынией, Югославией, Грецией и Турцией).

Есть смысл подробно остановиться на этом документе, чтобы иметь более полное представление как о лживой и циничной польской политике, так и о собственно ответственности межвоенной Польши, грубо нарушившей одну из фундаментальных основ тогдашней архитектуры безопасности, коей, как мы уже отмечали, являлась защита прав меньшинств, — за последующее возникновение Второй мировой войны.

Как говорилось в договоре, Польша должна была «сообразовать свои институты с принципами свободы и справедливости и дать надежную гарантию населению территории, на которую она получила суверенитет».

Договор (если бы, конечно, поляки держали слово и выполняли подписанное ими) гарантировал всем без исключения жителям

Польша «всестороннюю защиту жизни и свободы... без различия происхождения, национальности языка, расы или религии».

Согласно документу, всему населению «на территориях, которые признаны или могут быть признаны входящими в состав Польши», гарантировались права польской национальности и гражданства. Иначе говоря, «все немцы, австрийцы, венгры, русские, украинцы и евреи, населявшие новую Польшу, имели право стать польскими гражданами и пользоваться защитой жизни и свободы в качестве таковых» (9).

В реальности сотни тысяч немцев, украинцев и белорусов в первые же месяцы польского владычества на территориях проживания лиц указанных национальностей стали беженцами вследствие созданных им невыносимых условий жизни.

Не менее важными были следующие статьи договора: «Все польские граждане будут равны перед законом и будут пользоваться одинаковыми гражданскими и политическими правами без различия расы, языка или религии».

Различия в религии, убеждениях и вероисповедании не должны вредить ни одному польскому гражданину во всем, что касается пользования гражданскими или политическими правами, например при предоставлении общественных должностей, назначениях или награждении или при занятии профессиями и ремеслами.

Не будет подвергаться никаким ограничениям право каждого польского гражданина свободно пользоваться любым языком в частной жизни, в торговле, в отправлении религиозных обрядов, в печати или публикациях любого рода или на общественных собраниях.

В случае введения польским правительством официального языка польским гражданам непольского происхождения будут предоставлены надлежащие возможности устно и письменно пользоваться своим языком в судах.

Польские граждане, принадлежащие к расовым, религиозным или языковым меньшинствам, будут пользоваться и по закону, и на деле таким же отношением к себе и такой же безопасностью, как и все остальные польские граждане. В частности, они будут иметь равное со всеми право учреждать за свой счет и брать под свое управление и контроль благотворительные, религиозные и общественные организации, школы и другие учебные заведения с правом преподавания на родном языке и свободного отправления религиозных обрядов».

По договору польское правительство обязывалось также «организовать в начальных школах обучение всех детей на *их родном языке*» (10).

Из-за большого количества евреев, проживавших на отходивших к Польше территориях, в договор с ней были включены особые статьи относительно защиты еврейского населения (11).

А вот контроль над выполнением договоров о национальных меньшинствах, подписанных Польшей и другими новыми государствами, возлагался на Лигу Наций. В препроводительном письме к договору с Польшей Клемансо дал такие пояснения: «При старой системе гарантирование подобных положений возлагалось на великие державы. Опыт показал, что такой способ на практике не пригоден, и его можно было критиковать за то, что он дает великим державам, совместно или в одиночку, право вмешиваться во внутреннее устройство соответствующих государств, чем можно было пользоваться в политических целях. При новой системе гарантии возлагаются на Лигу Наций. Статьи, касающиеся этой гарантии, составлены с большой осторожностью, дабы было ясно, что Польша не будет находиться под опекой держав, подписавших договор» (12).

Но какой «гарант» из Лиги Наций — мы уже писали. Точно так же, как и о том, какой из Польши исполнитель ее (Лиги) решений. Союзники, опасаясь задеть национальные чувства поляков, устраивавших истерики по каждому поводу, когда им виделись «ущемления» их суверенитета, что называется, передули на воду. А точнее сказать — спутали, на какую воду следует дуть.

Ведь именно поляки неоднократно демонстрировали Мирной конференции свою необязательность в отношении принятых ею решений. Именно поляки неоднократно являли примеры неуважения к другим народам, бесцеремонно захватывая их территории и не желая придерживаться принципа самоопределения наций. Клемансо прибег к «большой осторожности» там, где следовало придерживаться прямо противоположного — за Польшей как ни за кем иным нужен был, как говорят, глаз да глаз! Не Польша, но национальные меньшинства в Польше более чем нуждались в пристальной опеке великих держав — если те хотели установления справедливого миропорядка на Европейском континенте, заглушения чувства национальной обиды и национального реваншизма народов, оказавшихся под властью Польши.

Но «гарантом» стала Лига Наций. При этом договор о правах нацменьшинств, подписанный Польшей, не предоставлял Лиге Наций ни малейших полномочий относительно мониторинга внутренних процессов, имеющих отношение к жизни лиц непольской национальности. Сами представители этих народов тоже не могли

обращаться в Лигу Наций с жалобами на притеснения. Лига Наций могла вмешаться только тогда, «когда государство, являющееся членом Лиги, выдвигало жалобу на то, что условия, установленные в договорах о национальных меньшинствах при передаче территорий новым государствам, не соблюдаются» (13).

Но что такое право подачи жалобы со стороны другого государства? Это зависимость от политических и экономических факторов. Т. е. даже при наличии оснований для постановки вопроса о притеснениях нацменьшинств (а Польша неизменно давала массу таких оснований!) часто превалировали соображения политического или торгово-экономического характера. И чтобы не портить отношений с Варшавой (а поляки неизменно реагировали крайне болезненно на любой «антипольский» выпад на внешней арене), эта тема преимущественно замалчивалась — с поляками предпочитали не связываться.

А, к примеру, Германия и Советская Россия в Лиге Наций вообще не состояли (Германия разрешат присоединиться только 8 сентября 1926-го; СССР примут в Лигу Наций лишь 18 сентября 1934 г.) — соответственно, не могли поднять вопрос о притеснениях своих соотечественников, немцев, украинцев, белорусов.

Наконец, а что представляло собой «вмешательство Лиги Наций»? Да простое заявление. Т. е. сотрясение воздуха, не больше. Поляки на подобные предостережения и ухом не вели. Не говоря уж, чтоб предпринимать какие-либо меры в сторону коррекции своей внутренней политики.

Как с сожалением будет отмечать Ллойд Джордж в конце 30-х гг. (его «Правда о мирных договорах» впервые опубликована в 1938-м), «один известный знаток Центральной Европы недавно сказал по поводу договоров о национальных меньшинствах: «К сожалению, надо признать, что эти договоры выполнялись очень несовершенно». К стыду обязавшихся честью наций и к несчастью для мира в Европе, эти слова лишь очень слабо рисуют действительную картину прискорбного вероломства» (14). Да уж, очень и очень слабо.

С позиций второй половины 30-х Ллойд Джордж даст следующую оценку того, как реально «обеспечивались» гарантии национальным меньшинствам: «Повсюду были вопиющие прямые, грубые нарушения гарантий по отношению к некоторым, а то и ко всем национальным меньшинствам. Всюду было также косвенное преследование, принимавшее широкие масштабы и выражавшееся в искусно прикрытой дискриминации иногда в законодательстве, а чаще в административной практике».

Дискриминация охватывала практически все сферы общественной, политической и экономической жизни: «эта система распространялась на государственную службу, давала о себе знать при налоговом обложении, при проведении земельной реформы, в школах и других культурных организациях, и наконец, были некоторые вопиющие случаи лишения меньшинств религиозного равноправия и свободы. Основная тенденция... была направлена в сторону централизации и денационализации меньшинств; она находилась в резком противоречии с обязательствами предоставить этим меньшинствам ту или иную степень автономии, предусмотренную договорами или помимо них, но в связи с разработкой их главными союзными и объединившимися державами и Лигой Наций» (15).

Лига Наций оказалась совершенно неэффективной в вопросах защиты прав нацменьшинств. Когда Ллойд Джордж при написании мемуаров обратится за соответствующими материалами, то выяснит, что таковые попросту отсутствуют: «Как ни странно, но у Лиги — блюстителя прав национальных меньшинств — нет никаких достаточно полных и систематических материалов, а есть только отрывочные протокольные записи и другие документы». При этом и имеющиеся документы никогда не обнародовались, т. к. с первых лет своей работы «Совет Лиги усвоил по отношению к петициям национальных меньшинств политику полного замалчивания». А если и было несколько совсем уж вопиющих случаев, на которые Совет Лиги Наций просто не мог не отреагировать, то «ни в одном из них не довел разбирательства до конца».

Свои обязательства нарушали все новые государства. Но лидером, конечно же, были поляки! «Польша — один из злейших правонарушителей», — первым делом пригвоздит ее к позорному столбу Ллойд Джордж (16).

1. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 2, с. 187.	7. Там же, с. 471.
2. Дирксен. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. — М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 35.	8. Там же, с. 476—477.
3. ПМД, т. 1, с. 270.	9. Там же, с. 484.
4. Там же, с. 269—270.	10. Там же, с. 485.
5. ПМД, т. 2, с. 469—470.	11. Там же, с. 486.
6. Там же, с. 470.	12. Там же, с. 487.
	13. Там же, с. 487.
	14. Там же, с. 489.
	15. Там же, с. 491.
	16. Там же, с. 491—492.

Предтеча третьего рейха

Презрев взятые на себя обязательства в отношении гарантий национальным меньшинствам, Польша пошла по пути строительства национального государства. При имевшей место этнической дифференциации это было невозможно. Но Польша избрала самый простой способ: ассимиляции непольского населения. Нежелавшие ополячиваться автоматически становились объектом дискриминации.

В первые месяцы своего существования Польша фактически развязала этнические чистки. «Более двух миллионов немцев, — пишет Дирксен, — оказались под польским управлением, которое они нашли невыносимым. Половина их — почти миллион — вернулась на историческую родину и пополнила ряды недовольного населения; оставшиеся же стали объектом грубого и дискриминационного обращения со стороны польского правительства, которое решило отплатить немцам за грубость прусского правления» (1).

Надо отметить: огромная цифра в два миллиона немцев, пострадавших от польской национальной политики, практически каждый из которых имел многочисленных родственников в Германии, говорит о том, что ненависть к Польше испытывали едва ли не все немцы.

Бывший личный помощник адмирала Канариса Оскар Райле, семья которого имела хозяйство в земле Кульмер, отходившей по Версальскому договору Польше, вспоминал в своих мемуарах, как стали беженцами он и его близкие: «Осенью 1920 года однажды я поехал в Кульм, чтобы передать отчет отца, касающийся нашей общины. Меня приняли вежливо. Но после завершения формальностей староста сказал мне:

— Чтобы вам было известно, вы и ваш отец оба находитесь в черном списке. Вам лучше покинуть Польшу.

На это я спросил:

— Как это? Почему мы в черном списке?

Староста отвечал:

— Я могу только еще раз посоветовать вам как можно быстрее уехать из Польши».

Поскольку «по-хорошему» семья Райле свой дом не покинула, поляки прибегли к более убедительным аргументам: «Когда однажды мы с младшим братом шли по нашим полям, вдруг рядом с нами просвистели пули... Стреляли с большого расстояния и, по всей видимости, лишь в качестве предупреждения. Но теперь нам стало окончательно ясно, откуда дует ветер».

«Многих немцев, — пишет Райле, — таким и подобными способами выживали из отошедших к Польше земель». Он же поведал, как в районе Зольда староста официально уведомил немецких ополтантов (лиц, имеющих право выбирать гражданство), что им следует как можно быстрее покинуть Польшу. А «кто к 1 января 1923 года еще будет оставаться в своих хозяйствах, того силой выселят и вышлют из страны» (2).

Подходы, которыми руководствовались польские власти, хорошо отображает высказывание Станислава Грабского, заявившего на собрании познанской организации своей партии в октябре 1919 года: «Мы хотим основывать наши отношения на любви. Но существует одна любовь к соотечественникам, а другая — к чужакам. Их процентная доля у нас слишком велика. Познань показывает нам путь, каким образом можно снизить количество чужаков с 14 или 20 процентов до полутора процентов. Чуждый элемент должен задуматься, не будет ли ему лучше где-нибудь в другом месте. Польша — только для поляков».

При том что немецкими историками цифры Грабского ставятся под сомнение, по их данным, на рубеже XIX—XX веков в Познани проживало 42% жителей немецкой национальности (3).

Отношение к неполякам как чуждому элементу! Можно себе представить, какую политику проводила Польша в отношении нацменьшинств, если вышецитированное изречение от «а» до «я» нацистского толка принадлежит политику, занимавшему пост министра образования и религии!

По немецким данным, в 1919—1925 годах Познань и Восточную Пруссию покинули около 1,25 миллиона немцев. В это же время

Грабский (Grabski) Станислав (05.04.1871 — 06.05.1949), польский экономист,

политический и государственный деятель. В 1921 году член польской делегации в Риге на переговорах о заключении Рижского мирного договора. В 1923 и 1925—1926 годах — министр образования и религии. Проводил политику полонизации национальных меньшинств. После майского переворота 1926 года отошел от политической деятельности, занимался научной работой. Во время Второй мировой войны был арестован советскими властями и находился в заключении. После заключения договора Сикорского—Майского освобожден и выехал в Лондон, где сотрудничал с польским правительством в изгнании. В 1945 году возвратился в Польшу.

из восточной части Верхней Силезии выехало 100 тысяч немцев. Бежали от польских порядков.

На познанских землях в Шиперно и Стшалкове поляки после Первой мировой войны основали первые концлагеря в Центральной Европе, порядки в которых мало чем отличались от тех, которые впоследствии будут царить в гитлеровских концлагерях. В Шиперно в переполненных бараках содержалось 1500 человек немецкого гражданского населения.

Прусский комиссар по поддержанию общественного порядка так описывал условия существования немецкого меньшинства в сентябре 1920 года: «Современная Польша старается перешеголять ужас «Торуньского кровавого суда», который 200 лет назад вызвал гнев и отвращение тогдашнего мира. (В 1724 году в Торуне отрубили головы немецкому бургомистру и еще 9 жителям города). Ежедневно проявляется страшная жестокость, совершается насилие над немецкими женщинами и девушками, проводятся допросы, которые напоминают ужасные средневековые пытки. В отдельных частях Западной Пруссии немецкое сельское население так напугано польскими отрядами самообороны, что ночует на улице, чтобы иметь возможность быстро убежать от приближающейся польской орды».

Если в Торуне в 1910 году при общей численности населения в 46 227 жителей немцы составляли 30 509 человек, то в 1921 году из общего числа 39 424 жителей немцами были лишь 4923. Немецкий Рейхстаг в ноте, направленной правительству Польши 20 ноября 1920 года, приводя множество конкретных примеров, когда немцев лишали имущества, мучили, пытали, насильовали, убивали, отмечал: «немцы в Польше не пользуются торжественно обещанным равенством. Они практически официально изъяты из-под защиты законов».

Немецкие погромы происходили в Острове, Быдгоще (где вместе с окрестностями в начале XX века проживало 67% немецкого населения), других городах, отошедших к Польше.

11 июля 1921 года староста Осовский заявил на хелмском рынке (недалеко от г. Торунь): «Если какой-то немец или еврей осмелится сказать что-нибудь против государства польского, то свяжите его веревкой и тащите по улицам». Листовки в Познани, распространявшиеся в 1921 году, гласили: «кто тут еще из немецкой голытьбы остался, будут ликвидированы все без исключения... Теперь пришел черед немецких врачей, адвокатов, пасторов, колонистов, владельцев чего бы то ни было, кто является немцами или евреями» (4).

До 1931 года в Польше действовали большинство из дискри-

минационных законов в отношении еврейского населения, существовавших еще со времен Царства Польского (т. е. при царе). Существовала негласная процентная норма в средних и высших учебных заведениях на количество учащихся-евреев. В университетских аудиториях в последних рядах устанавливались специальные «еврейские скамьи». В Варшавском университете в 1920—30 гг. было всего два еврея-профессора. Ограничивался прием евреев на госслужбу. Имела место дискриминация евреев на занятие предпринимательской деятельностью.

В конце концов власти Польши приступили к разработке программы широкой еврейской эмиграции, подготавливались законы, которые бы лишали гражданских прав около полумиллиона польских евреев, разрабатывались планы по введению принципа национальной пропорциональности в отдельных профессиях (5). Опять вмешался фактор времени — Польша не успела реализовать свои антисемитские планы из-за начала Второй мировой войны.

Как пишет Ллойд Джордж, преследования еврейского меньшинства особенно усилились с 1929 года, с началом мирового экономического кризиса, принимая все более отвратительные формы: «если не центральное правительство, то во всяком случае местные власти снисходительно допускали, если не поощряли, травлю евреев, переходившую в открытое насилие. Нельзя также отрицать, что установилась общая дискриминация еврейского меньшинства во всех без исключения сферах, что является грубым нарушением договора о национальных меньшинствах».

Наконец, Варшава открыто на весь мир заявила, что намерена осуществить этническую чистку в отношении евреев: «эти преследования непрерывно усиливались, пока польское правительство не заявило совершенно открыто в Женеве, что оно должно избавиться по крайней мере от 2,5 миллиона из общего числа 3,25 миллиона евреев, живущих на территории Польши» (6). Это как раз тот путь, по которому шел Гитлер. Ведь нацистский фюрер тоже не сразу додумался до газовых камер и крематориев — первоначально планировалась как раз массовая эмиграция евреев из Германии.

Как видим, отнюдь не третий рейх, но межвоенная Польша — пионер в деле «окончательного решения еврейского вопроса».

Этнические чистки и полонизация активно проводились на захваченных Польшей литовских землях. С 1924-го польский язык был объявлен официальным языком Виленского края. В массовом порядке закрывались непольские учебные заведения. К 1937 году, если руководствоваться польскими данными, на этих землях про-

живало только 0,8% литовцев! Хотя еще в 1930-м таковых было 25%. Прямо противоположная картина с поляками — 35% в 1930-м и 66% в 1937-м (большинство среди остальных составили евреи — 28%)! (7).

Особую ненависть Польши вызывало все, что напоминало о России. Здесь доходило до актов вандализма, несвойственного цивилизованным нациям. В 1921 году в Варшаве был взорван построенный перед Первой мировой войной (возводился 16 лет) кафедральный собор Александра Невского — творение рук великого русского зодчего Леонтия Бенуа, имевший в своем собрании более десяти тысяч произведений и предметов мировой художественной ценности.

Газета «Голос Варшавски» по этому поводу писала: «уничтожив храм, тем самым мы доказали свое превосходство над Россией, свою победу над нею» (8).

Расправа над православной церковью продолжилась массовым разрушением храмов или переделкой их в католические соборы. К примеру, только в одном Люблинском воеводстве за период 1918—1938 г. было уничтожено 119 православных церквей, а 141 православный храм преобразован в римско-католические костелы.

Так Польша «исполняла» свое обязательство обеспечить право любого жителя пользоваться религиозной свободой.

Когда в июне 1919-го верховный совет Антанты позволил Польше временную оккупацию Восточной Галиции, то создание там польских органов гражданской власти было обусловлено заключением с союзными и объединившимися странами «соглашения, которое гарантировало бы, насколько возможно, автономию данной территории, равно как и политические, религиозные и личные свободы населения». Кроме того, Антанта оговаривала, что «это соглашение должно основываться на праве свободного волеизъявления, к которому жители Восточной Галиции могут прибегнуть как к последнему средству для разрешения вопроса о своей принадлежности к тому или иному государству» (9).

В начале 1923 г. Польша поставила перед союзниками вопрос о полном признании за собой прав на Восточную Галицию. Правительство УССР в ноте от 13 марта 1923-го на имя правительств Франции, Великобритании и Италии высказало протест. В числе прочего обратив внимание на то, что условия, созданные в Восточной Галиции польскими оккупационными властями, даже хуже, чем были во времена габсбургской монархии: «после победы союзников, объявивших себя сторонниками самоопре-

деления наций, свыше 4 миллионов украинцев, пользовавшихся при реакционно-клерикальной габсбургской монархии политической, административной и культурной автономией, были волей союзников поставлены в худшие политические условия, чем до войны» (10).

Тем не менее 14 марта 1923 г. Конференция аккредитованных в Париже послов Англии, Италии и Японии (посол США присутствовал в качестве наблюдателя) под председательством МИД Франции установила восточную границу Польши, закрепившую за ней Виленскую область, Западную Белоруссию, Западную Волынь и Восточную Галицию.

Однако и это решение сопровождалось оговоркой, в которой было указано: «Польша признала, что Восточная часть Галиции по своим этнографическим условиям требует установления автономии» (11). Кроме того, на тот момент Польша и так была связана условиями договора о национальных меньшинствах, о котором шла речь выше. Но несмотря на все свои обязательства, Польша, как констатирует Ллойд Джордж, «пустила в ход самые жесткие меры угнетения, чтобы ополчить украинцев, распространяя преследования даже на церковь. Большинство украинцев принадлежало к униатской или православной церкви, поляки же были католики. Нечего и говорить, что со стороны Польши не делалось ничего, чтобы выполнить обязательство о предоставлении Восточной Галиции местной автономии, являвшееся условием передачи ей этой провинции» (12).

18 марта 1923-го во Львове прошла 40-тысячная демонстрация протеста под антипольскими лозунгами против решения Парижской конференции.

По отношению к украинцам и белорусам поляки подходили по сути с нацистских позиций «неполноценных народов». Формулировалось это несколько иначе, но суть примерно та же. Достаточно ознакомиться с теориями лидера польских эндэков, уже фигурировавшего в нашем повествовании Романа Дмовского. Например, с его сочинением «Мысли современного поляка» («Myśli nowoczesnego Polaka», Warszawa, 1934), в котором украинцы и белорусы как «цивилизационно отсталые» народы (тем более по сравнению с таким «цивилизационно передовым» народом, как поляки!), а потому полонизация-де — это для них благо, т.к. повышает их культурный уровень.

Польское «окультуривание» вылилось в самые отвратительные формы национального, языкового, религиозного гнета. С 1924

года начал действовать закон о запрещении использовать любые языки, кроме польского, в государственных и муниципальных учреждениях. Массово полонизировались учебные заведения. Если в 1918 г. на Западной Украине было 3600 украинских школ, то за годы польского правления их количество уменьшилось в 8 раз — до 461 (13).

Кампания по полонизации доходила до идиотизма, когда, например, украинцев Галиции заставляли брать новые фамилии (звучавшие на польский манер) — чаще всего в привязке к территории проживания.

Неудивительно, что раз за разом возникали волнения, вызываемые как дискриминацией по национальному признаку, так и полной неспособностью польской администрации наладить хозяйственную жизнь на аннексированных территориях и обеспечить более-менее приличный уровень социально-экономического положения украинцев.

Во второй половине 1930-го, предворяя широкое восстание, неизбежное при том отвратительном отношении, которое Польша позволяла себе к украинцам, Варшава начала акцию «пацификации» (от лат. *pacificatio* — усмирение), сопровождавшуюся принудительным переселением украинцев с мест постоянного проживания. Отряды польской полиции при поддержке военной кавалерии окружали села и проводили то, что теперь называется «зачисткой». В такой способ было «зачищено» около 800 сел. Арестовано в ходе акции около 5000 участников антипольского движения или подозревавшихся в нелояльности. 50 человек убито. 4000 ранено или покалечено. Были сожжены свыше 500 украинских домов.

Министр внутренних дел Польши Славой-Складовский позже признает: «Если б не пацификация, то в Западной Украине мы имели б вооруженное восстание, для подавления которого необходимы были бы пушки и дивизии солдат». Настолько «хорошо» была устроена жизнь украинского 6,5-миллионного меньшинства в Польше!

Зверства поляков в ходе «пацификации» возмутили даже их союзников в Европе. Как отметит Ллойд Джордж, «польские преследования в Восточной Галиции приняли такую жестокую форму, что под давлением английского общественного мнения перед Советом Лиги был поставлен вопрос о так называемом «умиротворении» этой страны. Но докладчик Совета, японец, оттянул рассмотрение вопроса более чем на год (Польша впоследствии отблагодарит Японию, когда в Лиге Наций будут ставиться вопросы о японской агрессии и зверствах в Китае. — С. Л.), после чего была принята

невразумительная резолюция, которая совершенно не меняла положения в Восточной Галиции и даже ухудшала его» (14).

Однако антипольские выступления не могла остановить никакая «пацификация». В июне 1932-го вспыхнуло Лисское восстание на Львовщине, в котором приняло участие 19 сел Лисского, Турковского, Сокальского и Добромильского поветов, всего около 30 000 человек. На подавление восстания польским правительством брошено 4000 солдат (3 пехотных полка, 4 кавэскадрона), 1500 полицейских, бронемашин, авиация.

В июле 1932-го произошло крестьянское восстание на Волыни, охватившее Ковельский, Любомльский, Сарненский и Луцкий поветы, а также южные поветы Полесского воеводства. Только на Ковельщине партизанами разгромлены полицейские участки в селах Нова Руда, Кайдановка, Бахов, Дубов и др. В августе 1932-го — забастовка 2600 рабочих коммунальных предприятий во Львове. В сентябре того же года — всеобщая стачка 16 000 рабочих нефтяной промышленности на Западной Украине.

В январе—феврале 1934-го — забастовка 80 000 крестьян Луцкого, Ковельского, Владимир-Волынского, Ровенского и Дубновского поветов.

Понимая, что ситуация выходит из-под контроля, но упорно не желая отказываться от политики силового подавления нацменьшинств, в 1934 году Польша официально отказалась от договора о национальных меньшинствах. Т.с. окончательно развязала себе руки. Варшава и до этого не особо утруждала себя исполнением взятых на себя обязательств, но время от времени ее «допекали» попреками насчет неисполнения договора, подписанного в 1919-м. Теперь Польша как бы лишала своих критиков формальных оснований для предъявления претензий, касающихся недопустимой политики по отношению к представителям непольских народов.

Денонсировав договор, поляки тут же взялись за организацию концлагеря в Березе-Картузской (ныне г. Береза, Брестская обл.), который и был создан в 1934 году. Концлагерь представлял собой место внесудебного интернирования противников правящего режима. С 1934-го по 1939 годы в нем содержались по обвинению в «антигосударственной деятельности» коммунисты, евреи, украинцы, белорусы, поляки и др.

В Березе-Картузской (а был еще аналогичный концлагерь в Бяла-Подляске) разрешалось содержать людей до 3-х месяцев без суда — исключительно на основании административного решения полиции или главы воеводства. Но ограничение в 3 месяца было

условным — по решению администрации лагеря, заключенному могли дать такой же срок повторно (затем еще и еще), чем нередко и пользовались польские власти. Ныне документы тысяч заключенных, прошедших через этот концлагерь, хранятся в Брестском областном архиве.

С середины 30-х Польша уверенно становилась на откровенно фашистские рельсы (очевидно, сказывалась и тогдашняя дружба с третьим рейхом, о чем поговорим ниже). Неудивительно, что антиправительственные выступления все чаще приобретали характер антифашистских акций. Так, 14 апреля 1936 г. польская полиция разогнала антифашистскую демонстрацию, убив рабочего В. Козака. 16 апреля похороны В. Козака во Львове вылились в демонстрацию под лозунгом «Долой панскую Польшу!», новые столкновения с полицией и даже баррикадные бои, в ходе которых было убито 46 и ранено более 300 человек. 1 мая 1936-го во Львове прошла массовая антифашистская демонстрация, собравшая свыше 60 000 человек...

Польша своими руками создавала собственных палачей. Категорически неприемлю идеологию украинских националистов, абсолютно не разделяю методов, применявшихся ОУН-УПА. Но ведь та же акция 1943 года, известная как Волынская резня, была осуществлена руками простых украинцев. В документальном фильме «Синдром пам'яті», снятом еженедельником «2000», один из интервьюируемых очевидцев событий задается справедливым вопросом: как же надо было постараться, чтобы вызвать у рядовых крестьян такое чувство ненависти к полякам, которое бы подвигло на массовые убийства, на вырезание поляков под корень?!

Межвоенная Польша так расстаралась в культивировании ненависти к себе среди украинцев (а она экстраполировалась на ненависть ко всему польскому), что отголоски тех далеких событий и по сей день дают о себе знать, особенно среди людей старшего поколения. Автор данных строк родился и вырос на Волыни и неоднократно был свидетелем продолжающегося украинско-польского противостояния. Например, когда женился мой товарищ (раньше вместе занимались бизнесом, он крестный моего сына), имеющий польские корни, то свадьба едва не превратилась в побоище 60—70-летних стариков. Родня со стороны жениха всего лишь затянула польскую песню вполне нейтрального содержания (что-то о молодой семье, в русле пословицы «родить сына, построить дом и посадить дерево»). Но польское слово само по себе спровоцировало агрессию...

Таким образом, межвоенная Польша на протяжении двух десятилетий своего существования проводила абсолютно неадекватную политику внутренней дезинтеграции, настраивая проживавшие на ее территории национальные меньшинства против своей государственности. Т. е. по сути уничтожала сама себя изнутри.

Польша давала убедительные аргументы внешним силам ставить под вопрос польскую государственность в имевшихся на тот момент границах — так же, как перед и в ходе Первой мировой войны ставилось под сомнение существование империй (например, Австро-Венгерской), владычествовавших над стремящимися к национальному освобождению народами. Тем более что этими внешними силами выступали не просто соседние с Польшей государства, но набиравшие силу державы немцев, украинцев, белорусов — народов, испытывавших в Польше национальный гнет.

И если обеспечение прав национальных меньшинств в государствах, образовавшихся после Первой мировой войны, самими же странами Запада было определено в качестве одного из ключевых условий предотвращения новой мировой бойни, то Польша сделала все, чтобы его разрушить.

Какую же надо было вести национальную политику, чтобы многие граждане Польши (и не только немецкого происхождения) встретили как освободителя даже такое чудовище, как Гитлер!

1. Дирксен. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. — М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 34.
2. Райле Оскар. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М.: Центрполиграф, 2002, с. 12—13.
3. Slonsk (Германия), перевод ИноСМИ.Ru, 14.03.2008, <http://www.inosmi.ru/world/20080314/240234.html>.
4. Там же.
5. Милякова Л. Б. Польша на пути к межэтническому государству, http://www.hrono.ru/statii/2003/1918_47polon.html.
6. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 2, с. 493.
7. Ишкаускас Ч. А была ли оккупация Вильнюсского края? Delfi, <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/article.php?id=22466568>.
8. Швед В. Н., Тайна Катыни. — М.: Алгоритм, 2007, с. 269.
9. ПМД, т. 2, с. 492.
10. Документы внешней политики СССР. — М., Госполитиздат, 1962, т. 6, с. 225.
11. ПМД, т. 2, с. 492.
12. Там же, с. 492—493.
13. Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж—Нью-Йорк—Львів. Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 1993, с. 34.
14. ПМД, т. 2, с. 492—493.

POD PROTEKTORATEM PANA GENERALA BRONI
KAZIMIERZA SOSNKOWSKIEGO

ODBEDĄ SIĘ NA TERENIE RZECZYPOSPOLITEJ
POLSKIEJ W CZASIE od 7-go do 13-go KWIETNIA r. 1938

»DNI KOLONIALNE«

P O L A C Y !

Polsce brak surowców, niezbędnych dla gospodarczego rozwoju kraju. Płacimy corocznie ogromne sumy obcym, którzy panują nad źródłami surowców kolonialnych i ich handlem.

Dziś Polska walczy na arenie międzynarodowym o wolny dostęp do kolonii zamorskich i o bezpośredni udział w produkcji i eksploatacji surowców. Żądania swe dokumentuje olbrzymim przyrostem ludności i powstającą siłą koniecznością rozbudowy przemysłu krajowego. Do realizacji tych zadań stanąć muszą wszyscy Polacy, zarówno w kraju jak i poza granicami Ojczyzny. Milionowe rzesze wychodźców, które od lat dziesiątków wnoszą olbrzymi wkład do gospodarstwa państw, stanowiących dziś ich drugą Ojczyznę, pragniemy również pozyskać dla współpracy gospodarczej z Polską.

Liga Morska i Kolonialna wysuwa sprawę uzyskania kolonii na czoło zagadnień gospodarczych Polski. Dążenia te winni poprzeć wszyscy obywatele Rzeczypospolitej, dając temu wyraz przez swój masowy udział w „DNIACH KOLONIALNYCH”. W manifestacjach tych — w imię najżywoźniejszych interesów gospodarstwa narodowego Polski — niechaj nikogo nie zbraknie, niechaj wszyscy mocnym głosem zawołają:

Żądamy wolnego dostępu do surowców!
Żądamy kolonij dla Polski!

G Ł Ó W N Y K O M I T E T W Y K O N A W C Z Y

В такие
дни поляки
собирались
помечтать
о своих
заморских
колониях

Плечом
к плечу
с Гитлером

Геринг и Бек с дамами

«Рыбак рыбака видит издалека», или Как Польша спелась с третьим рейхом

Межвоенная Польша — это государство с морем амбиций при минимуме аммуниции. Даже неадекватный человек подобного толка может наворочать много дурного. А что уж говорить, если такого рода неадекватностью страдает целое государство.

Польская государственная и политическая элита, витавшая в облаках «величия Речи Посполитой», имела совершенно ложные представления о роли и месте Польши в европейской политике, о ее реальных возможностях и потенциале. Британский министр иностранных дел Э. Иден после одной из бесед со своим польским коллегой Ю. Беком как-то отметит, что представления последнего о политике «были бы верны для министра державы, равной по весовой категории какому-либо возможному противнику», добавив, что «он (Бек. — С. Л.) должен был лучше осознавать слабость Польши» (1).

Но Польша не только не видела и не желала даже думать о своей слабости, она исходила из прямо противоположных соображений о себе как сильной и могущественной державе!

Бек (Бек) Юзеф (04.10.1894 — 05.06.1944), польский государственный деятель.

В Первую мировую воевал в польском легионе Пилсудского, полковник. Активный участник военного переворота Пилсудского 12—14 мая 1926 года. В 1926—30 гг. шеф кабинета министерства военных дел, в 1930-м вице-премьер, в 1930—32 вице-министр. В 1932—39 гг. — министр иностранных дел. Проводил политику сотрудничества с фашистской Германией. После немецкого вторжения в Польшу в сентябре 1939-го бежал в Румынию, где впоследствии и скончался.

Польские претензии на право вершить судьбы европейской и даже мировой политики наравне с великими державами того времени вроде Франции или Великобритании не были подкреплены ни значимым экономическим, ни существенным военным потенциалом. Но тем не менее Польша мнила себя супердержавой, имея к тому не более оснований, чем гиена может претендовать на роль царя зверей.

Не в последнюю очередь это определялось фигурой Пилсудского, убежденного польского шовиниста и авантюриста по складу характера. И не только его. Вся польская элита того времени исходила из принципа *sacro egoismo* — «священного эгоизма наций» — лозунга итальянских фашистов, выдвигающего на передний план великодержавные националистические интересы.

В мае 1926-го при поддержке верных воинских частей Пилсудский осуществил переворот под лозунгом «моральной санации» (от лат. *sanatio* — оздоровление; польск. *Sanacja*) общественно-политической жизни в Польше. Впоследствии за его режимом так и закрепится это название — санационный. Президент Войцеховский и премьер Витос сложили свои полномочия, а сейм абсолютным большинством голосов избрал президентом Пилсудского. Тот отказался от этого поста (президентом стал Игнаци Мосцицкий, не являвшийся самостоятельной фигурой, во всем подчинявшийся Пилсудскому) и возглавил образованное им управление генерального инспектора вооруженных сил Польши, не подчиненное ни правительству, ни парламенту. Кроме того, Пилсудский являлся начальником генерального штаба. До самой своей смерти в 1935-м он оставался реальным руководителем Польши, точнее сказать — диктатором.

Санация, изначально возникнув под антикоррупционными лозунгами, стала инструментом установления авторитарной власти Пилсудского. Левые всегда определяли его режим как фашистский. Есть те, кто оспаривает этот тезис, отмечая различия между политической системой тогдашней Польши и, скажем, Италии Муссолини. Но, собственно, все фашистские режимы, в какой бы стране они ни устанавливались, имели свои национальные особенности.

В Польше не была установлена однопартийная система, как в Италии или Германии, польская специфика состояла в том, что партийность подвергалась критике как таковая (вкуче с диффамацией «находящейся в кризисе» демократии западного образца). Основой политической санации стал беспартийный блок сотрудничества с правительством (*Bezpartyjny Blok Współpracy z Rządem Józefa Piłsudskiego*). Поправки к конституции, принятые в августе

1926-го, существенно ограничивали власть сейма, усиливая полномочия правительства (деятельность которого направлял лично Пилсудский). Как и все фашистские режимы, санация боролась с коммунистическими организациями. Была введена цензура прессы. Пропагандировались идеи сильной, единой власти и упразднения политической оппозиции.

Главная оппозиционная сила — национал-демократы (эндэки) Романа Дмовского были еще большими сторонниками установления фашистского режима, чем Пилсудский (т. е. не боролись против фашизации Польши, а наоборот, подстегивали ее). Дмовский выступал за создание моноэтнического польского государства через колонизацию немцев, украинцев и белорусов. К середине 30-х эндэки придут к идее депортации евреев из Польши. Исповедуя германофобию, эндэки тем не менее восхищались Гитлером и его фашистским режимом, хотели повторить порядки третьего рейха в Польше. Откровенно фашистским и империалистическим («великая Польша от моря до моря») было молодежное крыло эндэков, копировавшее фашистов даже в мелочах, — коричневая униформа, приветствие в виде вытянутой руки.

Санация после Пилсудского (1935—1939), при «режиме полковников», продолжала его (Пилсудского) политику и уверенно дрейфовала к фашизму. Достаточно отметить, что у главы польского МИД Юзефа Бека, во второй половине 30-х по сути в одиночку определявшего внешнеполитический курс государства, на столе в рабочем кабинете стояли две фотографии с личными автографами изображенных на них лиц — Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини (2).

Не случайно и то, что польские правящие круги в середине 30-х поддерживали, в т.ч. и финансово, создание фашистских движений и партий в других странах — рассчитывая на их приход к власти и чтобы извлечь из этого пользу для самой Польши. В качестве примера можно привести французскую военизированную фашистскую организацию «Огненные кресты» (Les Croix de Feu) полковника де ля Рока.

Так, в конце 1934-го (вскоре после убийства Луи Барту) Юзеф Бек имел длительную конфиденциальную встречу с де ля Роком в резиденции польского посла в Копенгагене. В сборнике документов, рассекреченных в 2009 году службой внешней разведки РФ, приводится докладная начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД Артузова советскому правительству по этому поводу.

Бек и де ля Рок исходили из необходимости создания блока Франция — Германия — Польша, видевшегося в качестве «решаю-

щей силы в Европе». Де ля Рок высказывал резко отрицательное отношение к любому франко-советскому союзу, заверяя Бека, что как только его сторонники возьмут власть, такой союз будет расторгнут, а «внешняя политика Франции получит антисоветский курс».

В отношении СССР взгляды указанных стратегов совпали и в следующем: «Де ля Рок разделяет мнение Бека о том, что СССР должен быть раздроблен на части по национальному признаку. По этому вопросу де ля Рок выразился так: «от России должны быть оторваны и образованы как самостоятельные государства: Украина и Белоруссия, а русское государство должно быть отброшено дальше на восток, за Волгу». В ответ на что глава польского МИД воодушевленно заметил: «важно то, что в лице де ля Рока поляки могут иметь во Франции в нужный момент активных людей, понимающих интересы Польши; другими словами: фашистская Франция станет на польско-гитлеровскую точку зрения необходимости раздела России».

Взаимопонимание Бека и де ля Рока вылилось в то, что польские власти передали де ля Року 1,5 млн. франков (3).

Однако мы забежали несколько вперед. Кризис 1929—1932 гг. несколько поохладил горячие головы в Варшаве и вынудил, в частности, искать общий язык со стремительно развивавшимися экономически (соответственно набиравшими и военную силу) восточными соседями. Тем более что от «крестового похода» против большевизма к тому времени отказались и в других державах, демонстрировавших в начале 30-х стремление к нормализации хозяйственных и политических отношений с СССР.

В июне 1931 г. был заключен польско-советский Договор о дружбе и торговом сотрудничестве.

Де ля Рок (de La Rocque) Франсуа (1885—1946), лидер французских экстре-

мистов фашистского толка. С 1932-го возглавлял организацию «Огненные кресты», созданную как ассоциация бывших фронтовиков, награжденных боевыми орденами. Организация располагала разветвленной организационной структурой военизированного характера, активно участвовала в попытке фашистского путча в феврале 1934-го. «Огненные кресты» были распущены декретом правительства Народного фронта от 18 июня 1936 г. и преобразовались во Французскую социальную партию, просуществовавшую до конца Второй мировой войны. В годы оккупации Франции (1940—1944) был одним из функционеров режима Виши.

26 января 1932 г. был парафирован, а 25 июля подписан трехлетний советско-польский Договор о ненападении.

Стороны обязались воздерживаться от всяких агрессивных действий друг против друга (ст. 1). В случае нападения третьего государства на одну из договаривающихся сторон другая сторона обязывалась не оказывать ни прямой, ни косвенной помощи агрессору. Оговаривалось, что договор может быть денонсирован без предупреждения, если одна из договаривающихся сторон предпримет нападение на третье государство (ст. 2). Стороны обязались не принимать участия в соглашениях, враждебных одной из них (ст. 3). Оговаривалось, что заключаемый договор не противоречит другим обязательствам, взятым на себя обеими сторонами до вступления его в силу (ст. 4). Было условлено, что все спорные вопросы должны передаваться на согласительную процедуру, согласно условиям согласительной конвенции, являющейся составной частью пакта (ст. 5; в ноябре 1932 г. была подписана советско-польская конвенция о согласительной процедуре, предусматривавшая создание согласительной комиссии из 4 членов — по два от каждой стороны). Ст. 6—8 устанавливали порядок ратификации и срок действия договора (3 года) с автоматическим продлением на последующие двухлетия при отсутствии предупреждения о денонсации за 6 месяцев до истечения срока (4).

С приходом Гитлера к власти в повестку дня европейской политики был внесен вопрос тотальной ревизии Версаля. И до нацистов все без исключения немецкие правительства выступали за необходимость пересмотра «цепей Версаля», которыми опутали Германию по окончании Первой мировой войны. Однако никто из более-менее значимых политических сил в Германии не ставил этот вопрос столь жестко и бескомпромиссно, как национал-социалисты, сделавшие отмену версальских ограничений альфой и омегой своей политической платформы. Склонность нацистов к радикальному *modus operandi*, демонстрировавшемуся ими в своей политической практике, приверженность силовым средствам разрешения проблем, заложенным в самой их идеологии, базировавшейся на культе силы и прочего «сверхчеловека», говорило в пользу того, что Гитлер, в отличие от своих предшественников, не ограничится разговорами и призывами к справедливости по отношению к немцам, а начнет действовать.

Поляки не на шутку переполошились. И, конечно, опять «блеснули» адекватностью: предложили своему военному союзнику — Франции атаковать Германию, на тот момент члена Лиги Наций, еще даже не успевшего ничего совершить. Т. е. призвали к агрессии. Но для Польши, как мы уже знаем, это запросто.

Вплоть до апреля 1933-го (когда польский посол во Франции представил французскому правительству меморандум с предложением обсудить возможность превентивной войны) поляки носились с этой авантюрой, последствия реализации которой трудно даже представить. И, судя по всему, со стороны Варшавы это была не просто демонстрация опасений относительно германской политики при Гитлере (все-таки в начале 1933-го Германия еще была не готова к войне, тем более к большой, неизбежной при нападении на Польшу — союзника Франции), но желание замутить европейскую воду, в которой выловить ту рыбку (в виде дополнительных германских земель), которую не удалось загнать в сети на рубеже 10—20 десятилетий.

Поляки даже продемонстрировали серьезность своих намерений, побряцав оружием в Данциге. В марте 1933-го на полуостров Вестерплатте, расположенный при входе в Данцигский порт, был высажен польский десант из 200 чел. «для усиления находившегося там польского гарнизона». Поляки демонстрировали немцам, кто в доме (в вольном городе Данциге) хозяин, хотя, не исключено — хотели спровоцировать немцев на какие-либо силовые действия в ответ, что дало бы Варшаве формальный повод начать превентивную войну с Германией (а поставленная в такой способ перед фактом Франция, союзник Польши, волей-неволей вынуждена была бы в эту войну втянуться).

Но Берлин действовал иначе — вопрос о польской выходке с десантом на Вестерплатте был поставлен в Совете Лиги наций. Под нажимом Англии и Франции Польша вынуждена была эвакуировать свой десант.

Не будучи еще готовым к войне, Гитлер, как говорят, на провокации не поддавался. То же самое в мае 1933-го, когда польский посол в Берлине Высоцкий обсуждал с Гитлером проблему Данцига. Хотя Гитлер и заявил, что не признает никаких особых прав Польши на Данциг и что сами поляки не должны были соглашаться на устройство польского коридора на немецкой земле, тем не менее в совместном германо-польском коммюнике рейхсканцлер подтверждал «намерение германского правительства действовать в строгих рамках существующих договоров».

В Париже идеи превентивной войны — а по сути, как уже отмечено, агрессии, подрывавшей и так хлипкие, но все же существовавшие на тот момент нормы международных приличий и правил поведения на внешней арене — были отвергнуты.

Но в целом у поляков были основания для волнений в связи с приходом к власти нацистов. К Польше ревизия Версаля имела са-

мое непосредственное отношение. Даже правительства веймарской Германии никогда не признавали польских аннексий германских территорий. Что уж было ожидать в этом плане от Гитлера!

С начала 1933 г. в дипломатических салонах все рассуждения сводились не к тому, начнет или не начнет Гитлер пересмотр версальской системы, а с чего именно начнет. Что до территориального устройства, то гадали, в какую сторону Гитлер обратит свой взгляд в первую очередь — к Австрии или Данцигу?

Поляки были не против, чтобы в сторону Австрии. О чем во время обмена мнениями о политическом положении в Европе между советским наркомом Литвиновым и посланником Польши в СССР Лукасевичем 23 марта 1933-го последний прямо заявил: «Польша... не возражает против аншлюса, который на время отвлечет мысли Германии от Востока». Хотя Лукасевич при этом и отметил, что в Варшаве, конечно, отдают себе отчет «что это значительно укрепит Германию».

В чем польские политики никак не могли отдать себе отчета на протяжении 30-х годов, так это в том, что **любое** укрепление Германии — за счет кого бы то ни было — только повышает вероятность того, что Гитлер в конце концов «разберется» и с «польской проблемой». Такой очевидный вариант, как коллективными усилиями обуздать Гитлера, не позволив ему ни с кем «разбираться», Польшей не рассматривался.

А в указанной беседе Лукасевич даже поумничал перед Литвиновым — дескать, австрийцу Гитлеру с уроженца бы Литвы Пилсуд-

Литвинов Максим Максимович (05.07.1876 — 31.12.1951), советский дипломат и государственный деятель. Член ЦИК СССР 2—7 созывов, депутат Верховного Совета СССР 1—2 созывов. Член ЦК ВКП(б) (1934—1941). В 1922 г. входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В декабре 1922-го председательствовал на конференции по разоружению в Москве, куда были приглашены Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. В 1927—1930 гг. являлся главой советской делегации в подготовительной комиссии Лиги Наций по разоружению. В 1930—1939 гг. народный комиссар по иностранным делам СССР. В 1934—1938 гг. представлял СССР в Лиге Наций. В 1941—1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941—1943 гг. посол СССР в США и в 1942—1943-х посланник СССР на Кубе. С 1946 г. в отставке.

ского пример брать: «Сам Гитлер как австриец тоже, вероятно, стремится возможно скорее инкорпорировать Австрию, чтобы таким образом стать рейхсдойче, как в свое время маршал Пилсудский специально интересовался инкорпорированием Виленщины в качестве своей родины» (5).

Всю первую половину 1933 г. Польша демонстративно выказывает намерение сблизиться с СССР. Советская дипломатия раз за разом отмечает этот «новый курс» польской внешней политики.

4 апреля 1933 г. член коллегии НКВД СССР Стомоняков пишет полномочному представителю СССР в Польше Антонову-Овсенко: «Торжество Гитлера в Германии и прогрессирующая офензива (наступление. — С. Л.) ревизионистских элементов в Европе продолжают усиливать настроение за сближение с нами в Польше и вызывают со стороны польского правительства стремление преувеличивать перед внешним миром улучшение отношений с СССР. В этом направлении ведется систематическая пропаганда» (6).

Разыгрывание «советской карты» доходило до распространения польской дипломатией разного рода недостоверных данных вплоть до якобы имеющегося польско-советского соглашения военного характера.

В прессу зарубежных стран вбрасывались «утки» о заключении между Польшей и СССР далекоидущих соглашений и «об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера». Доходило до того, что представители польского правительства и прессы позволяли себе распространять подобную дезинформацию даже при советских дипломатах, «не стесняясь присутствия первого секретаря полпредства т. Толоконского, уверяли английских собеседников в наличии соглашения между Польшей и СССР, позволяющего первой сосредоточить свои силы против Германии» (7).

В том, что Польша имеет военные антигерманские договоренности с СССР, поляки смогли убедить даже французов, о чем и сделал заявление один из «французских депутатов на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов». В прибалтийских стра-

Стомоняков Борис Спиридонович (15.06.1882 — 16.10.1940), советский дипломат. В 1920—1925 гг. торгпред в Берлине. В 1926—1934 гг. — член коллегии НКВД СССР. 5 февраля 1932 г. подписал договор о ненападении между Латвией и СССР, а 4 декабря 1933-го — советско-латвийский торговый договор. С 1934 г. — заместитель наркома иностранных дел СССР, курировал дальневосточные дела. Арестован 17 декабря 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Германии, Великобритании и Польши, приговорен к расстрелу. В 1988-м реабилитирован.

нах распространилось мнение, что Польша и СССР «окончательно договорились» против Германии. Как писал Стомяков, «даже такой политик, как Циеленс (высокопоставленный сотрудник МИД Латвии, в прошлом глава латвийского внешнеполитического ведомства. — С. Л.), заявляет об этом открыто, ссылаясь многозначительно на то, что он имеет абсолютно аутентичную информацию о полной договоренности между Польшей и СССР» (8).

В Москве было принято решение подыграть полякам. Как инструктировала коллегия НКВД советского представителя в Варшаве, «мы не заинтересованы в том, чтобы разоблачать попытки польского правительства преувеличивать перед внешним миром размеры достигнутого соглашения между нашими странами». По мнению Москвы, такая демонстрация должна была оказать влияние на политику германского правительства (9).

19 апреля 1933-го на имя полномочного представителя СССР в Польше Антонова-Овсенко приходит еще одно письмо из НКВД, в котором также проводится тезис о советско-польском сближении, инициатором которого якобы выступает обеспокоенная приходом Гитлера к власти Варшава.

Международное положение Польши, указывалось в документе, «в связи с подъемом националистской волны в Германии... конечно, ухудшилось по сравнению с тем, что было до этого... Приход Гитлера к власти и постановка ревизионистских проектов в повестку дня европейской политики, увеличив шансы вооруженного столкновения между Польшей и Германией, создали в то же время предпосылки для укрепления связей Польши с Францией и Малой Антантой... Все говорит за то, что и Польша со своей стороны будет стремиться к дальнейшему углублению и укреплению своих связей с Францией и Малой Антантой (альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920—1921 гг.; один из альянсов в системе французских военных союзов. — С. Л.)» (10).

Сделанные в Москве выводы — о необходимости укрепления связей Польши в рамках системы французских союзов — были логичны. Но советская дипломатия не учла, во-первых, степень польской неадекватности (которая еще не раз проявится), а во-вторых, истинных планов Варшавы, которой было мало закрепить территориальные приобретения после Первой мировой войны, ей (Варшаве) хотелось еще большего расширения своих владений.

Но на тот момент советской дипломатии польская политика представлялась в розовом цвете. Москва полагала, что поляки искренне протягивают руку дружбы, и спешила ее крепко пожать: «идет все бо-

лее очевидное стремление Польши если не к улучшению, то по крайней мере к манифестированию улучшения отношений с нами. Это отражается буквально на всем... Это стремление Польши целиком отвечает также и нашим интересам. Мы поэтому решили по всем текущим вопросам наших отношений, где это только допускается нашими интересами, идти навстречу польским предложениям и стремиться не только укрепить наши отношения с Польшей, но также манифестировать перед внешним миром их улучшение», — отмечалось в инструкции представителю СССР в Польше (11).

В русле этого посыла — идти навстречу полякам во всем, в чем только возможно, подыгрывать их внешнеполитическому блефу (тайный замысел которого Москве в тот момент был еще непонятен) — было решено послать в Польшу авторитетную хозяйственную делегацию, возглавляемую заместителем народного комиссара внешней торговли Боевым. «Поляки, несомненно, будут раздувать значение этой поездки, и мы, конечно, не должны им в этом мешать», — отмечалось в документе (12).

Кроме того, в первой половине 1933-го были достигнуты договоренности о расширении культурного обмена между СССР и Польшей, что также должно было продемонстрировать всему миру настрой на советско-польское сближение. А по замыслу и искреннему желанию Москвы — не только продемонстрировать, но и воплотить такую политику в жизнь.

Очевидно, со стороны советской дипломатии это было ошибкой — содействовать польским внешнеполитическим игрищам, не заручившись реальными гарантиями Польши на тот счет, что такая политика (совместного советско-польского противодействия Гитлеру) есть долгосрочный курс Варшавы на внешней арене. Москва недооценила степень польского коварства. Ниже мы убедимся, что со стороны Польши «сближение с СССР» было всего лишь инструментом повлиять на Германию, усадив последнюю за стол переговоров. Варшава разыгрывала куда более сложную комбинацию, чем представляли себе в Москве, и поляки вовсе не ставили себе цель охладить наступательный пыл Гитлера — они хотели перенаправить его в другую сторону. Польша блефовала (в первую очередь перед Берлином), поднимая свои внешнеполитические «акции», с тем чтобы в какой-то момент выбросить отыгранный «советский козырь» и договориться с Германией — против интересов СССР.

И если официальные польские круги продолжали лицедействовать в «просоветских» масках, то не связанные с правительством политические силы уже в первые месяцы прихода Гитлера к власти начали пере-

смагивать свои внешнеполитические подходы в сторону польско-германского сближения (а точнее — сближения Польши с нацистами).

Так, уже в апреле советская дипломатия с удивлением обнаружила, что прежде германобствующие эндеки Дмовского вдруг стали переходить на прогерманские позиции: «Нам представляется несколько загадочной позиция эндеков, значительно ослабивших за последнее время свои антигерманские выступления в печати. Получается впечатление, что в лагере эндеков имеется известная разногласия в оценке опасности, угрожающей Польше со стороны Германии. Прошу Вас попытаться выяснить позицию эндеков в отношении Германии», — запрашивали из Москвы советского представителя в Варшаве (13).

Первые нотки настороженности относительно истинной линии Варшавы в советской дипломатической переписке появляются в июне 1933-го. Москва стала подозревать недоброе. И для этого были основания — декларации Польши расходились с делом:

«1) бросающаяся в глаза сдержанность Польши в отношении дальнейшего сближения с нами, несмотря на то что международная обстановка и нынешнее состояние советско-польских отношений как будто толкают Польшу к углублению отношений с нами;

2) еще более бросающееся в глаза за последнее время смягчение отношений между Польшей и Германией и усиление тенденций в Польше договориться с Германией. Не говоря уже о таких фактах, как ратификация транспортного договора, заключенного еще в 1930 г., переговоры по экономическим вопросам и т. п.», — телеграфировал НКВД 19 июня 1933-го советскому полпреду в Варшаве (14). А экономическое сближение, как известно, является индикатором и политического сближения.

Недобросовестная польская игра становилась все более очевидной для Москвы: «Я не буду перечислять всех имевших место за последнее время фактов и обстоятельство, подтверждающих решимость Пилсудского, манифестируя вонне улучшение отношений с нами, в то же время не допускать углубления этих отношений и никоим образом не связывать себе рук в отношении нас. И крупные и мелкие факты — все говорит за то, что польское правительство отнюдь не имеет в виду активизировать отношения с нами... получается совсем ясное впечатление, что Польша в настоящее время совсем не заинтересована в активизации отношений с нами» (15).

К середине 1933-го стало понятно, что не намерена Польша и усиливать свои союзнические отношения с Францией (добавим, что в тот момент обозначились четкие тенденции к советско-француз-

скому сближению, поэтому данный вопрос особо волновал Москву): «сугубого внимания заслуживают франко-польские отношения. Мы имеем аутентичные сведения о чрезвычайном раздражении, вызываемом в Париже поведением польского правительства, и особенно Бека, по отношению к Франции», — отмечали в НКИД (16).

3 июля 1933 г. в Лондоне была подписана Конвенция об определении агрессии. Документ подписали СССР, Польша, Эстония, Латвия, Румыния, Турция, Персия и Афганистан (17). Балагур Бек даже подойдет к своему советскому коллеге Литвинову с вопросом — не достойны ли они разделить пополам Нобелевскую премию мира (18) в связи с подписанием такого значимого и в высшей степени миротворческого документа.

Однако при всей значимости данной конвенции, содержавшей, безусловно, правильные и важные с точки зрения предотвращения агрессии положения, история подписания документа и особо же занятая Польшей более чем странная позиция (подоплека этой «странности» станет понятна позже) наталкивали Москву на нехорошие подозрения относительно замыслов Варшавы. И не только Москву, но и польского союзника — Францию.

Во-первых, Польша в ультимативном порядке потребовала, чтобы среди участников подписания данной конвенции не было Литвы (5 июля 1933 г. СССР подписал с Литвой двустороннюю Конвенцию об определении агрессии (19). При том что Варшава твердо уверяла — на словах — об отсутствии у нее каких бы то ни было агрессивных намерений в отношении этого государства.

Во-вторых, в столь же ультимативном тоне Польша отказывалась подписывать конвенцию «в которой участвовало бы хоть одно государство, не являющееся непосредственным соседом СССР».

В-третьих, Варшава категорически отказалась определить данный документ как открытый для подписания всеми странами, желающими присоединиться к конвенции. Для государства, выступающего против агрессии, не вынашивающего подобных планов, это было nonsensom.

Когда эта польская позиция была изложена членом коллегии НКИД Стомоняковым послу Франции в СССР Альфану в беседе 5 июля 1933-го, француз откровенно заявил, что не доверяет польской политике и подозревает Варшаву в ведении двойной игры.

Так, говоря об отсутствии под конвенцией подписи Литвы, Альфан заметил, что «об этом приходится особенно сожалеть с точки зрения интересов мира, так как польско-литовские отношения представляют один из серьезных элементов беспокойства в Европе. С точки зрения формальной Польша, давшая согласие на участие в

конвенции Персии и Афганистана, не должна была отклонять участие в региональной конвенции Литвы, которая является ее соседом и расположена между Польшей и СССР.. все это очень странно».

Советский дипломат обратил внимание на следующее: «Мне особенно непонятно то, что Польша столь решительно отвергла участие в конвенции Югославии и Чехословакии, причем Чехословакия имеет больше оснований участвовать в региональном соглашении с Польшей, чем, например, Афганистан». Французскому послу оставалось только пожалть плечами в недоумении. «Альфан с чувством сказал, что... позиция Польши требует выяснения, «мы еще не знаем всех фактов», — прибавил он с ударением», — записано в стенограмме беседы (20). Теперь, с позиций сегодняшнего дня, мы знаем, почему поляки были против участия в Конвенции об определении агрессии Чехословакии — потому что сами планировали агрессию против этой страны.

Почти до самого конца осени 1933-го поляки продолжали ломать комедию с этой демонстрацией «советско-польского сближения». 9 сентября глава польского МИД полковник Бек будет по-прежнему убеждать временного поверенного в делах СССР в Польше: «приходится удивляться тому обстоятельству, что некоторые крупные государства Европы еще до сего времени не поняли серьезности политики Польши на прочное сближение с СССР». Нужно, настаивал он, «дать Европе и всему миру максимальное количество доказательств того, что на Востоке все спокойно и прочно. Они должны понять, что мы (СССР и Польша) можем являться лишь наблюдателями тех споров, обострений, которые имеются и будут иметься еще в будущем в Европе. Наши страны участия в этом принимать не будут». Правда,

1. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катинский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. — М.: РОССПЭН, 2001, с. 26—27.	7. Там же.
2. Фест И. Гитлер: биография. — Пермь: Алетейа, 1993, т. 3, с. 7.	8. Там же.
3. Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 22—31.	9. Там же, с. 219.
4. Документы внешней политики СССР. — М.: Политиздат, 1969, т. 15, с. 436—439.	10. Там же, с. 252.
5. Там же, 1970, т. 16, с. 182—183.	11. Там же.
6. Там же, с. 218.	12. Там же, с. 253.
	13. Там же, с. 220.
	14. Там же, с. 355.
	15. Там же.
	16. Там же, с. 356.
	17. Там же, с. 388—392.
	18. Там же, с. 661.
	19. Там же, с. 408—411.
	20. Там же, с. 412.
	21. Там же, с. 500—501.

на вопрос советского дипломата, о каких «непонимающих» странах Бек ведет речь, тот от прямого ответа уклонился (21).

Но польский фарс подходил к завершению. Наступало время сбрасывания масок.

Польша спасает Гитлера от внешнеполитической изоляции

14 октября 1933 г. Гитлер решил бросить первый вызов миру — он объявил, что Германия покидает конференцию по разоружению и выходит из Лиги Наций. В кулуарах последней зазвучало: «C'est la guerre!» (франц. «Это война!»).

Рассматривал ли сам Гитлер возможность такого поворота событий? Рассматривал! Выяснится это в ходе Нюрнбергского процесса — он дал указание вермахту занять круговую оборону вдоль границ Германии и при необходимости оказать сопротивление (1).

Этот шаг Гитлера действительно вызвал шок. Показательно в этом плане, что сразу после его заявления от 14 октября 1933-го Поль-Бонкур (глава французского МИД) сделал Москве предложение заключить пакт о взаимопомощи между СССР и Францией, кроме того — вступить в Лигу Наций (что было принято советской стороной в качестве основы для переговоров).

Поль-Бонкур (Paul-Boncour) Жозеф (04.08.1873 — 28.03.1972), французский

политический и государственный деятель. В 1911 г. министр труда. В 1909—14 и 1919—31 депутат парламента, в 1931—40 сенатор. В 1916—31 и с 1945 г. член Социалистической партии, в 1931—38 один из лидеров социалистов-республиканцев. В 1932-м военный министр, в 1932—33 гг. премьер-министр и министр иностранных дел, в 1933—34 и 1938 г. министр иностранных дел, в 1936-м государственный министр. В 1932—36 постоянный представитель Франции в Лиге Наций. В 30-е гг. выступал за организацию отпора германской агрессии, за сотрудничество с СССР. В 1940-м возражал против перемирия с фашистской Германией и передачи власти Петену.

В 1944-м стал членом Консультативной ассамблеи (в Алжире). Представлял Францию на международной конференции в Сан-Франциско (1945). В 1946—48 гг. сенатор.

Но если даже не война (к чему в Европе тогда были мало готовы), то уж внешнеполитическая изоляция Берлина была обеспечена. В европейских столицах задумались над тем, как ответить на выходку Гитлера и что предпринять в целях обуздания его очевидного курса на германский реванш. Но у Гитлера в рукаве была заготовлена «польская карта», которую он намеревался бросить на игральный стол.

Вслед за объявлением о выходе из Лиги Наций и отказе обсуждать проекты по разоружению Гитлер делает следующий шаг — выносит свое решение на «плебисцит единства». Немцы должны были одобрить его. Параллельно с этим были объявлены досрочные выборы в рейхстаг.

Плебисцит назначается на 12 ноября. И дата была выбрана не случайно, а с подтекстом — на следующий день после 15-й годовщины подписания перемирия в Компьене в 1918 г. Кампания по проведению плебисцита сопровождалась массовой пропагандой против решений Версаля: «Мы хотим чести и равноправия!», «Справедливость на стороне Германии!», «А стала бы Англия терпеть такие унижения?». «Павшие за Германию требуют твоего голоса!» — с такими лозунгами, прикрепленными к инвалидным коляскам, ездили по улицам германских городов искалеченные фронтовики Первой мировой (2).

Хотя многие историки и отмечают, что результаты того плебисцита были частично сфальсифицированы, тем не менее вряд ли можно было ожидать от немцев иного решения, кроме как поддержки политики под условным названием «Долой версальские цепи!». Даже противники нацизма были насквозь проникнуты реваншистскими настроениями (и имели для того основания) и не могли голосовать иначе как за равноправие Германии на внешней арене (то, каким способом Гитлер добивался этого равноправия, не говоря уж — для каких целей оно ему было нужно, в частности «равноправие в вооружениях», — это вопросы отдельные). А тогда, 12 ноября 1933-го, 95% немцев (по официальным данным) полностью одобрили политику Гитлера. Кроме того, нацисты на выборах в рейхстаг получили 39 млн. голосов из 45 млн. общего количества имеющих право голоса (т. е. около 87%).

Настало время выпускать на арену поляков. И Гитлер не преминул воспользоваться этим своим «польским резервом» от внешнеполитической изоляции.

15 ноября 1933 г. агентство Вольфа (информационное агентство печати *Wolffs Telegraphisches Büro*) опубликовало официальное ком-

мюнике по итогам встречи Гитлера с польским послом в Германии Липским. В данном коммюнике отмечалось, что обмен мнениями выявил «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга» (3). По сути это был вербальный пакт о ненападении.

В Москве и Париже шокированы (и не только там, но и в Праге). Так поощрить выходку Гитлера! Почему «данный демарш Польши был обставлен такой таинственностью и от Франции, и от Малой Антанты»? Почему «именно теперь Польше понадобилось искать соглашения с Германией. Ведь это объективно укрепляет Германию, бывшую в изоляции и подготавливавшую почву к переговорам с Францией»? (4).

Да это не Польше понадобилось. Это Гитлеру понадобилось — избежать внешнеполитической изоляции. А поляки и оказали ему эту услугу. Конечно, не просто так, а в обмен на обещания захватывающих перспектив в рамках планов строительства «великой Польши».

Дело в том, что еще с начала 1933-го в дипломатических кругах, да и в европейской прессе всплывали разного рода германские инициативы, суть которых сводилась к тому, чтобы достичь германо-польского соглашения на антисоветской основе. В феврале того же года Геринг в беседе с послом Франции в Берлине Франсуа Понсэ изложил следующий план: Польша заключает военный союз с Германией против СССР, возвращает польский коридор и Данциг, но взамен получает часть Советской Украины с выходом к Черному морю. Франции, как союзнику Польши, предлагалось одобрить такой план, а то и примкнуть к германо-польскому союзу. Париж подобные идеи отверг и известил о предложении Геринга Москву.

В мае Альфред Розенберг (начальник внешнеполитического управления НСДАП) в Лондоне изложил «большой план» Гитлера, заключающийся в урегулировании германо-польских территориальных споров и «удовлетворении» Польши за счет СССР и Литвы («обмен» Литвы на польский коридор и Данциг) (5).

Хотя все эти прожекты высказывались как бы неофициально, через эмиссаров (Геринга и Розенберга в советской прессе заклеямили как «шутов» и «клоунов в роли дипломатов»), к ним относились со всей серьезностью. Ибо это была стандартная для Гитлера дипломатическая метода — «вести переговоры неофициальными или полуофициальными путями». «Удобства для Германии очевидны: ничем себя не связывая и сохраняя за собой возможность отречься

от заявлений и предложений эмиссаров, зондировать официальных представителей других государств», — напишет советский нарком индел полпреду СССР во Франции (6).

Есть все основания предполагать, что такого рода планы тогда же, в начале и середине 1933-го, излагались и полякам (другое дело, что, в отличие от Парижа, они не информировали об этом Москву). Мы можем говорить об этом тем более уверенно, что были непосредственные сообщения Москве от французского руководства, например, 6 июля находившийся в Париже нарком индел Литвинов получил такие данные от Поль-Бонкура и Даладье. «Бонкур и Даладье неодобрительно отзывались о пересмотре политики Польши и намекали на какие-то польско-германские переговоры — причем Даладье говорил еще определеннее о поощрении Германией польских мечтаний, давая этим понять, что речь опять идет об Украине», — телеграфировал он в НКВД (7).

Наконец, и внешнеполитические шаги Польши, следовавшие в конце 1933-го — начале 1934-го, говорят за то, что все время, пока Варшава декларировала на публику намерения сблизиться с СССР, она вела закулисные переговоры с Гитлером. И в какой-то момент Варшава и Берлин договорились. Более того, с **высокой степенью вероятности мы можем заявлять, что именно эта, до поры до времени тайная, польско-германская договоренность, обеспечивавшая Гитлеру восточный тыл и прорыв из внешнеполитической изоляции, и утвердила Гитлера в его решимости бросить столь радикальный вызов версальскому миропорядку.**

Тут стоит отдельно прояснить позицию СССР, долгие годы бывшего одним из главных критиков Версаля. Лучшее всего это сделал И. В. Сталин, выступая с отчетным докладом на XVII съезде ВКП(б): «Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. **Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны.** То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний» (8).

Как раз в тот момент, когда Польша совместно с Гитлером заканчивали последние приготовления к совместному дипломатическому демаршу, СССР посетила представительная польская делегация. Уже постфактум в Москве поняли, что это была своего рода дымовая завеса вышеуказанному польско-германскому сговору.

Так, 7 ноября 1933-го на празднование очередной годовщины Октябрьской революции в Москву была приглашена эскадрилья польских военных летчиков во главе с начальником авиации полковником Райским. «Прилет польской эскадрильи в Минск и приезд ее экипажа в Москву являются доказательством укрепления дружественных отношений между Польшей и СССР», — наивно писала советская пресса (9).

Польские летчики присутствовали 7 ноября на параде на Красной площади, посетили Тушинский аэродром, Военно-воздушную академию РККА, Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Московский автозавод. Райский был принят замнаркома обороны Тухачевским и замнаркома иностранных дел Крестинским.

11 ноября в Большом зале Московской консерватории состоялась симфонический концерт польской музыки, на котором присутствовали члены правительства СССР и польская миссия во главе с Лукасевичем, дипломатический корпус, находившийся в Москве, и польские летчики. 12 ноября в помещении Государственной Третьяковской галереи открылась выставка польского современного искусства, на которой также присутствовали члены правительства и руководящие работники НКВД СССР, посланник Лукасевич и польские летчики. На открытии выставки Лукасевич толкнул высокопарный спич: «после подписания почти год назад политических актов, имевших целью укрепление мира в нашей части Европы и легших в основу отношений между Польшей и Советским Союзом, в Варшаве и в Москве появилось стремление к тому, чтобы закрепить дружественные, добрососедские отношения...». И т.д. и т.п. (10).

Москва стелилась перед поляками, устраивая теплый и радушный прием, от которого «ошеломленный» русским гостеприимством Райский, по его собственным словам, долго не мог отойти (11). А Польша в это время готовилась достать из-за пазухи камень.

Спустя две недели, когда советские дипломаты начнут мало-помалу раскручивать этот польский дипломатический клубок, сразу вспомнят: «Прилет к нам эскадрильи полковника Райского 27-го (октября. — С. Л.), задуманный и решенный задолго до польского демарша в Берлине, был по возвращении Райского из Румынии отменен («едем поездом»), затем вновь решен. И через несколько дней по визите Райского — польский маневр в Берлине. Нет ли здесь «розыгрыша»? Решения о маневре в Берлине были приняты в Варшаве 2 или 3 ноября; полет эскадрильи вновь решен за несколько дней до того (кажется, 28 октября)... скверное впечатление от по-

добного параллелизма («двуколейности», по выражению Швальбе) при наличии выполнения берлинской демонстрации в такой секретности от нас» (12).

Вспомнили и о слухах, которые накануне германо-польского демарша просачивались в европейскую печать, но которым — ввиду их казавшейся невероятности — сразу не поверили: «Переговоры в Берлине вокруг «декларации» были обставлены величайшей тайной. Однако уже за две недели до них французские и чехословацкие корреспонденты в Берлине сообщали о каких-то политических переговорах Польши с Германией. Это, очевидно, связывалось с подчеркнутым польской печатью посещением Липским и Бекком маршала (2—3 ноября). 10 и 11—12 ноября мы имели информацию о подготовке Польшей—Германией какого-то соглашения в духе пакта неагрессии». Но от польского МИД было получено «тройное опровержение указанных слухов». «Были введены в заблуждение и Лярош (посол Франции в Польше. — С. Л.), и Кадере, а Гирсу дезинформировал лично Бек. Это в данном случае характеризует методы дипломатической работы маршала, а не означает серьезности задуманного акта» (13).

Что метод тотальной дезинформации характерен для дипломатии Пилсудского — в этом Москва не ошибалась. А вот то, что к заявлению Гитлера—Липского от 15 ноября 1933-го отнеслись без достаточной серьезности — тут, конечно, опять оплошали.

Впрочем, иного, очевидно, в тот момент и быть не могло. Ведь поляки на голубом глазу уверяли, что никакого продолжения не будет. Как не поверить, если представители высшего руководства дают публичные заверения!

В беседах 20 и 23 ноября советского полпреда в Польше с главой польского МИД Бекком (вторая беседа проходила в присутствии редактора «Газеты польской» Медзинского, журналиста той же газеты Матушевского, редактора газеты «Курьер поранны» Стпичинского) его твердо заверили: **«Не предвидятся и переговоры о пакте неагрессии.** Ни в какой мере не затрагиваются интересы третьих государств» (14).

14 декабря г-н Лукасевич заверит в том же непосредственно советского наркома Литвинова. **«На мой (т. е. Литвинова. — С. Л.) вопрос, предполагается ли превратить декларацию в письменный пакт, Лукасевич ответил отрицательно»,** — говорится в записи их беседы (15).

Сплошная ложь! Пройдет чуть больше месяца, и коммюнике Гитлера—Липского от 15 ноября 1933-го найдет свое продолжение на бумаге в виде польско-германской декларации о неагрессии (декларации по форме, но пакта о ненападении — по сути).

А пока поляки продолжали в своем стиле вершить темные делишки под прикрытием дымовых завес. В конце 1933-го — начале 1934-го в качестве таковой Варшава использовала советско-польскую декларацию относительно совместных гарантий государствам Прибалтики.

14 декабря на указанной встрече Литвинова с Лукасевичем первый предложил следующий советский проект декларации: «СССР и Польша делают общую декларацию об их твердой решимости охранять и защищать мир на Востоке Европы. Необходимым условием этого мира оба государства считают неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость стран новых политических образований, выделившихся из состава бывшей Российской империи, и что эта независимость является предметом забот обоих государств. В случае угрозы независимости Прибалтийских стран СССР и Польша обязуются вступить в немедленный контакт и обсудить создавшееся положение» (16).

19 декабря Лукасевич сообщает Литвинову положительный ответ Бека, дескать, предложенная СССР декларация «соответствует его собственным взглядам и что он считает принципиально возможным сделать эту декларацию при подходящем случае». Единственная загвоздка — как к этому отнесутся сами прибалты: «Так как речь идет фактически о гарантии независимости Прибалтийских стран, то Бек затрудняется выявить свое окончательное отношение до зондирования этих стран» (17).

Нужен зондаж? Не проблема. Советская дипломатия берет эту миссию на себя и в кратчайшие сроки получает одобрение Литвы, Латвии и Эстонии.

22 декабря Бек уверяет советского полпреда в Польше, что в таком случае никаких проблем с подписанием декларации не будет, что польская политика привержена принципу консеквентности (т. е. последовательности) и что он потому и поспешил с положительным ответом Литвинову, переданным через Лукасевича, «что хотел подчеркнуть эту «консеквентность». «Переговоры Польши с Германией, — заверил он, — ни в чем не противоречат политике сближения с Советским Союзом». Бек подчеркнул, что «не намерен тянуть с выработкой декларации, предложенной Литвиновым. Когда передавал, что готов ее подписать «при подходящем случае», то имел в виду личную встречу с Литвиновым».

Советский полпред продолжает прощупывать Бека на «консеквентность»: мол, «сугубая секретность, которой Польша обставила свой демарш в Берлине, продолжает вызывать недоумение в

Москве». Бек делает вид, что не слышит: «не реагирует на мое замечание» (напишет Антонов-Овсеенко в своем докладе в Москву).

Бек уверяет, что Польша, как и другие страны Европы, против довооружения Германии. Советский полпред переспрашивает: «почему же Польша не заявит об этом официально и оставляет слово по этому вопросу «Дню польскому»?». Бек «не отвечает на вопрос».

Он пускается в рассуждения о том, что ходят-де слухи о более тесном сближении Советского Союза с Соединенными Штатами. Антонов-Овсеенко возвращает его к более насущному и актуальному: «говорят и о тройственном союзе — Польша, Франция, Советский Союз». Бек «не реагирует» (18)... Как говорится, что и требовалось доказать.

Что до советско-польской декларации о независимости Прибалтики, то поляки еще месяц водили всех за нос. 5 января 1934-го была достигнута договоренность, что документ будет подписан в середине февраля во время визита Бека в Москву (19). А 3 февраля Лукасевич официально уведомил Литвинова, что ни под какими гарантиями о независимости Прибалтики Польша подписываться не собирается (20). К тому моменту полякам уже незачем было хитрить.

26 января 1934 года Польша и Германия (польский посланник в Берлине Юзеф Липский и министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрат) подписали Декларацию о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией сроком на 10 лет, еще известную в историографии как германо-польский пакт о ненападении.

Из названия документа следует, что стороны обязались не воевать друг с другом, а спорные вопросы разрешать мирным путем. Все бы ничего, но обращало на себя внимание отсутствие в польско-германском пакте обычной для такого рода договоров клаузулы (от

Нейрат Константин фон (Konstantin Freiherr von Neurath) — (02.02.1873 —

14.08.1956), немецкий дипломат, министр иностранных дел Германии в 1932—1938 гг., рейхспротектор Богемии и Моравии 1939—1943. Был в числе обвиняемых на Нюрнбергском процессе, приговорен к 15 годам заключения. В 1953 г. досрочно освобожден по причине слабого здоровья.

лат. *clausula* — особый, отдельный пункт, условие; особое положение международного договора, применяемое для того, чтобы обозначить какое-либо специальное его условие) **об утере пактом силы или о праве одной из сторон отказаться от пакта, если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство, т. е. если участник соглашения выступит в роли агрессора.**

Как отмечали по этому поводу советские дипломаты, «невозможно представить себе, чтобы опущение этой клаузулы не имело специального значения, особенно если учесть ту энергию, с которой Польша настаивала на внесении этой клаузулы в польско-советский пакт ненападения». Посланник СССР в Польше на основании отсутствия указанной клаузулы в польско-германском договоре сделал в своей докладной в Москву от 4 февраля 1934-го вывод о том, что это «фактически обеспечивает Германии нейтралитет Польши в случае германской агрессии». В частности, что «Польша будет соблюдать нейтралитет не только в случае германского вторжения в Австрию, но также и при германской агрессии против Литвы и вообще на Восток. Разногласия, которые могли бы при этом возникнуть между Польшей и Германией, Польша обязана была бы на основании этого договора урегулировать путем переговоров с Германией» (21).

Собственно, о том, что польская политика становится на прогерманские рельсы, можно было сделать вывод еще до подписания указанного пакта — по изменению тона польской пропаганды.

К примеру, в новогоднем номере «Газеты польской» (*Gazeta Polska*, 1 stycznia 1934) была помещена передовая статья главного редактора Медзинского, близкого к правительственным и дипломатическим кругам Варшавы (выше мы упоминали о его присутствии на дипломатических приемах, устраивавшихся Беком) под названием «Планируемая политика». В ней он рассматривал итоги внешней политики Польши за 1933 г. и ее перспективы в году 1934-м.

В разделе, посвященном польско-германским отношениям, Медзинский особо подчеркивал, что в этой области произошли радикальные и при этом положительные перемены. А все это стало возможным, отмечал главред «Газеты польской», ввиду прихода к власти в Германии такого ответственного и реалистически мыслящего политика, как Гитлер. Это вам не какой-нибудь прусский юнкер!

«Когда новый канцлер Германии, — говорилось в статье, — дает в своих публичных выступлениях выражение отличного, чем мы привыкли слышать из уст прусских юнкеров, отношения к Польше, когда он порывает с нелепым представлением о Польше как сезонном

государстве и заявляет, что следует считаться не только с постоянным существованием Польши, но и с ее законным правом играть собственную роль в международной политике, когда, наконец, заявляет, что нет вопросов между Германией и Польшей, которые не удалось бы разрешить мирным путем, это в такой степени разумно и рассудительно, как неразумны и нерассудительны были голоса, которые... доходили до нас с Запада год тому назад». Вот он какой, Гитлер!

А что касается «тех действий и заявлений гитлеровского правительства, которые свидетельствовали об агрессивном характере его внешней политики», то, указывал Медзинский, это-де пережитки прошлого — «в этих голосах не доказательство двойной игры, а просто анахронизм» (22)... Отметим попутно полную неадекватность польских «мыслителей» и «экспертов», принимавших за чистую монету демагогию Гитлера, с помощью которой он выигрывал время для укрепления позиций третьего рейха, не отказываясь при этом от своей программы территориального переустройства в Европе, в т.ч. и на польском направлении. Гитлер мог прибегать к тактическим уловкам (например, сменить порядок территориальных захватов — отложив «съедение» той же Польши на потом, после Австрии и Чехословакии), но ни в ком случае не отказывался от своей стратегии в целом.

Сказать, что сообщение о польско-германском пакте тогда произвело эффект разорвавшейся бомбы — ничего не сказать. Это повергло в шок многие европейские столицы, прежде всего Париж, Москву, Вену, Прагу.

Запаниковали прибалты: «Отказ Польши от прибалтийской акции (имеется в виду отказ от подписания предлагавшейся СССР Декларации о гарантиях Прибалтике. — С. Л.), свидетельствуя о далекоидущем характере польско-германского сближения, создаст совершенно новую и очень интересную ситуацию в Прибалтике», — писал член коллегии НКВД Стомоняков советскому полпреду в Польше.

Новый польско-германский договор, отмечал он, «вызвал в Литве, Латвии и Эстонии нечто вроде паники, и она, конечно, усилится, когда прибалты узнают об отказе Польши от предложенного нами опубликования декларации об их независимости. Латвийский и литовский посланники приходили уже ко мне и, не скрывая вызванного у них волнения в связи с заключением польско-германского договора, запрашивали по поручению своих правительств о нашем отношении к этому событию. Латвийское министерство иностранных дел дало в своей прессе коммюнике, в котором не сочло нужным скрыть своего беспокойства по поводу польско-германского договора» (23).

Для Гитлера польско-германский пакт стал несомненным успехом. Он как будто перевернул шахматную доску, на которой была проигрышная для него позиция, и начал расставлять фигуры по новой, с выгодой для себя.

Одним ударом Гитлер выбил ключевое звено всей системы французских военных союзов на континенте — Польшу. Ту самую Польшу, которую французы когда-то создавали как восточный противовес Германии, как потенциальный антигерманский «второй фронт». Теперь второго фронта Гитлер мог не опасаться. Даже больше! В военно-стратегическом отношении в этой части Европы произошел поворот на 180 градусов: Польша из антигерманского «второго фронта» превратилась в надежный тыл Германии!

Само собой, данным актом Гитлер предотвращал и советско-польское сближение, обозначившееся с начала 1933-го. Ради этого он мог на время отложить решение вопроса с возвратом Данцига и польского коридора.

Гитлер одним махом получил международную индульгенцию на выход Германии из Лиги Наций, как и дополнительно дискредитировал и ослабил этот коллективный международный орган. Ведь Лига Наций в прежние годы не могла разрешить польско-немецкий спор о границах. А в двустороннем порядке — без посредничества Лиги — Берлин и Варшава об этом договорились. Гитлер на время получил аргументы для пропаганды вовне своей мирной политики: дескать, вот же доказательство — соглашение с Польшей, от конфликта с которой Берлин отказывался, даже несмотря на известные чувства немецкого народа в отношении Данцига, польского коридора и других земель, которые немцы считали своими.

Билатеральный характер договора — особый успех Гитлера. Старо как мир: «Разделяй и властвуй!». Одно дело иметь перед собой единый коллективный фронт государств, связанных обязательствами коллективного же характера. И совсем другое — разбираться со всеми поодиночке.

Двусторонние пакты были особо эффективны (с точки зрения агрессивных планов Гитлера) с учетом отсутствия в них оговорки, освобождающей одну сторону от всяких обязательств по пакту, в случае если другая сторона совершит агрессию против третьего государства (создать прецедент Гитлеру помогли именно поляки).

Спустя примерно два года, когда Гитлер в опоре на «польский тыл», обеспечиваемый польско-германским пактом, введет германские войска в Рейнскую зону, Максим Максимович Литвинов на сессии Совета Лиги Наций в Лондоне 17 марта 1936-го заявит

по этому поводу: «Без такой статьи предлагаемая система пактов сводится к проповедуемому г. Гитлером принципу локализации войны — каждое государство, подписавшее такой пакт с Германией, ею имобилизуется в случае нападения Германии на третье государство... мы имеем дело с новой попыткой деления Европы на две или несколько частей, с тем чтобы, гарантировав ненападение на одну часть, получить свободу рук для расправы с другой частью Европы... такая система пактов может лишь увеличить безопасность агрессора, а не безопасность миролюбивых народов» (24).

Впоследствии Гитлер в полную силу задействует политику двусторонних переговоров, добиваясь успеха интригами, блефом и непосредственно угрозами применения силы.

1. Фест И. Гитлер: биография. — Пермь: Алетейа, 1993, т. 2, с. 349.	11. Там же, с. 661.
2. Там же, с. 353.	12. Там же, с. 694.
3. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М., Политиздат, 1970, т. 16, с. 869.	13. Там же, с. 693.
4. Там же, с. 668—669.	14. Там же, с. 671.
5. Там же, с. 356.	15. Там же, с. 746.
6. Там же, 1971, т. 17, с. 663.	16. Там же, с. 747.
7. Там же, т. 16, с. 417.	17. Там же, с. 755.
8. И. Сталин. Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952, с. 472.	18. Там же, с. 762—763.
9. «Известия», 6 ноября 1933 г.	19. Там же, т. 17, с. 27.
10. ДВП СССР, т. 16, с. 867—869.	20. Там же, с. 107.
	21. Там же, с. 108—109.
	22. Там же, с. 764—765.
	23. Там же, с. 107—108.
	24. Там же, 1974, т. 19, с. 159.

Польша предает Францию

«Отныне Польша не нуждается во Франции», — заявил посол Польши в Берлине Липский французской журналистке Женевиэве Табуи после подписания германо-польского пакта. Более того, он выскажет «сожаление», что Польша «в свое время согласилась принять французскую помощь ввиду цены, которую будет вынуждена платить за нее».

Табуи, сопровождавшая французского министра иностранных дел Луи Барту во время визита последнего в Варшаву в апреле 1934-го, передаст ему эти слова Липского. Но Барту вскоре и сам услышит от «благодарных» поляков то же самое. «Мы восхищены нашими первыми соглашениями с Гитлером, и мы убеждены, что на всем протяжении истории французы никогда не испытывали достаточного уважения к польской нации», — заявит ему маршал Пилсудский.

А польский коллега Барту полковник Бек, говоря об отношении Варшавы к возможному франко-советско-польскому альянсу против агрессии в Европе «с безразличным и скучающим видом... медленно... растягивая слова», укажет: **«Вы знаете, франко-польский союз больше не интересует Польшу.** Ведь в конце концов именно Франция особенно нуждается в Польше... Что же касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, какую у нас питают к ней!» (1).

Ну ладно Россия. Не любят поляки — черт с ними, в России, прямо скажем, по Польше тоже не сохнут. Но Франция! Какова наглость! Какая беспримерная неблагодарность! Ведь самым своим существованием Польша была обязана Франции!

Никакая другая страна не сделала столько для возрождения Польши. В том, что Польша получила выход к морю, — заслуга французов. В том, что Польша не была разгромлена Советской Россией в 1920-м, — заслуга французов. В том, что Польше были переданы значительные немецкие территории, в т.ч. вопреки вильсоновскому принципу самоопределения народов и невзирая на британские возражения, — заслуга французов. В том, что Польша смогла утвердить свои захваты в Восточной Галиции, Западной Украине и Белоруссии, в Литве, — заслуга французов. Французы вооружали польскую армию. Французские инструкторы обучали офицеров Войска польского. И т. д. и т. п. А поляки,

Барту (Barthou) Луи (25.08.1862 — 09.10.1934), французский государственный

деятель, дипломат. С 1889-го депутат парламента. С 1894-го неоднократно занимал министерские посты. В марте—декабре 1913 г. премьер-министр, провел закон об увеличении срока военной службы до 3 лет. Выступал за укрепление Антанты. Возглавлял французскую делегацию на Генуэзской конференции 1922-го. В 1922—26 гг. председатель Репарационной комиссии; настаивал на выполнении Германией постановлений Версальского мирного договора 1919-го. В 1922—24, 1926—29 гг. министр юстиции. После установления фашистской диктатуры в Германии (1933) стал активным сторонником

франко-советского сотрудничества. Будучи министром иностранных дел (февраль — октябрь 1934-го), продвигал идею «восточного пакта», был одним из инициаторов приглашения СССР в Лигу Наций. В 1934-м посетил СССР. 9 октября 1934 г. в Марселе Барту и югославский король Александр I были убиты хорватским террористом — агентом германской и итальянской разведок.

вишь, «сожалели» оттого, что когда-то приняли французскую помощь!

Впрочем, удивляться не приходится. Именно этого и следовало ожидать от поляков — вспомним перепалку Ллойд Джорджа с Падеревским на мирной конференции в Париже, в ходе которой британский премьер вынужден был напоминать уже тогда зарывавшимся полякам, кому они обязаны самим существованием польского государства.

В советской историографии было принято пенять Франции за «странную войну» осенью 1939-го. Но разве не Польша в 30-е годы сделала все, чтобы в решающий момент французы не смогли оказать ей необходимую поддержку!

Уже 7 февраля 1934-го, комментируя последствия польско-германского пакта, тогдашний министр Чехословакии Бенеш констатировал: «Гегемония Франции в Европе подорвана Гитлером и его вооружениями, и Франция не может сейчас стоять на старых, уже разрушенных позициях. Она должна быть довольна, если сумеет гарантировать себя и свой собственный статус от германского нажима» (2). Это, подчеркну, всего лишь февраль 1934-го! Еще не было введения всеобщей воинской повинности в Германии, демилитаризации Рейнской зоны, аншлюса Австрии и Судет и много другого, что осуществит Гитлер, имея прочный «польский» тыл! А что уж говорить о 1939-м!

2 сентября 1939-го, когда армии Гитлера будут рвать Польшу, польский посол в Париже Лукасевич будет трясти за плечи главу французского МИД Жоржа Бонне и в недипломатических выражениях требовать начала масштабных военных действий против Германии (3). Бек будет бомбардировать Париж телеграммами в стиле «Караул! Спасайте!». И, конечно, никто из польского руководства тогда не вспомнит, как через губу разговаривали с французами несколькими годами ранее.

Ни в коем случае не желая оправдывать ни политику «умиротворения» по отношению к Гитлеру, ни Мюнхенский сговор и сдачу Чехословакии, надо сказать и о том, что все это в известной мере было вынужденным — вследствие разбалансировки прежней системы французских военных союзов, созданных Парижем в 20-е годы, и противодействия, оказанного созданию новых, актуализированных в начале и середине 30-х (в частности, франко-советского, более широкого коллективного проекта против агрессии — «восточного пакта»).

И польские «заслуги» в деле ослабления Франции более чем значительны! Польская неадекватность в вопросе ослабления своего главного союзника и наиболее реального защитника от гитлеров-

ской агрессии просто поражает. Это как если бы охраняемый объект хотел связать ноги и руки своим телохранителям или пытался подменить патроны на холостые, а то и вовсе испортить пистолет, с помощью которого его же будут охранять. Абсурд? Абсурд! Но именно это демонстрировала Польша во второй половине 30-х.

Внутренне дезинтегрированная, окруженная враждебно настроенными соседями (для чего Варшава, как мы отмечали выше, всю расстаралась с самого первого дня воссоздания второй Речи Посполитой), изначально задуманная как французский геополитический проект, Польша по определению не могла играть самостоятельную роль на внешней арене.

Та Польша, в тех территориальных границах (как мы уже обращали внимание — искусственных, несправедливых) крайне нуждалась во внешнем гаранте. И это, во-первых, должно было быть мощное государство, способное защитить Польшу от притязаний соседей (самостоятельно и/или через систему своих военных союзов). Во-вторых, этот гарант должен был быть заинтересован в существовании польского «версальского уродца» (выражение лорда Керзона в отношении государств, созданных после Первой мировой войны). Таким безусловным гарантом для Польши на тот момент могла быть только Франция, отвечавшая обоим условиям.

Созданная после Первой мировой таким образом, чтоб быть зависимой от Франции, своими захватами усилившая эту зависимость, Польша должна была делать все возможное ради прочных позиций Франции — своей, выражаясь современным языком, «крыши». Но Польша делала все с точностью до наоборот.

Ради своего самосохранения Польша — раз уж соглашалась стать такой, какой она стала после Первой мировой (имеется в виду ее территориальная и этническая структура), раз уж сама предприняла целый ряд агрессивных акций для приращения землями мощных соседей — должна была следовать в фарватере французской политики и уж точно не ввязываться в самостоятельные внешнеполитические игрища, если не сказать, авантюры.

Но поляки были сами с усами. Их тяготило любое покровительство. Их раздражало все, что подчеркивало их зависимое положение. Оттого и раздражение именно в адрес французов — своих покровителей и благодетелей.

Традиционный шляхетский гонор в полной мере давал о себе знать в политике Варшавы на внешней арене, в манерах ее дипломатии. Поляки проводили «политику престижа», над которой потешались и которой возмущались в европейских столицах. Скажем, в

обзоре польско-английских отношений, направленном ИНО ГУГБ НКВД Сталину 1 апреля 1935 года, говорилось: «польское правительство ведет детскую политику престижа, мешающую упрочению мира в Европе и не соответствующую ни политическому, ни военному и ни финансовому значению Польши» (4).

Этот внешнеполитический инфантилизм поляков, сходящих с ума от своих комплексов «недооцененности», регулярно находил отображение в дипломатической переписке. Например, временный поверенный в делах СССР во Франции Розенберг в письме нарком Литвинову от 25 апреля 1934-го обращает внимание на лексику французских газет: «Французские газеты взяли кисло-сладкий тон в отношении «независимой политики» польской «великой державы» (5). Эдакий тонкий французский стеб.

Или Розенберг общается в Париже с министром иностранных дел Румынии Титулеску. 18 апреля 1934-го он сообщает о данной беседе в Москву: «в его (Титулеску. — С. Л.) высказываниях по поводу Польши сквозила ирония; он как-то сказал шутя: «Остерегайтесь нападать на нас, так как будете иметь дело с Польшей» (6).

Т. е. поляков везде считают шутами. Сами поляки, конечно, не понимают — как они смешны в своем мнимом «величии» — и пытаются при каждом случае его демонстрировать.

К 30-м годам у польского руководства обнаружилось прямо-таки маниакальное желание «поставить на место» Францию, показать, что Варшава — ровня Парижу. Возможно, это был своеобразный «синдром Моськи», задирающей слона: «Ай, Моська! знать она сильна, что лает на Слона!»

Франция к началу 30-х — это самое авторитетное в политическом и самое мощное в военном отношении государство Европы. Поэтому фрондирование французам, «осаживание» Франции по поводу и без оно, судя по всему, повышало самооценку польского руководства, добавляло «величия» в собственных глазах.

Вот в конце ноября 1933-го в серии бесед советский полпред в Польше интересуется у Бека, почему Варшава так обошлась со своим ключевым союзником — Францией, не поставив ее в известность о демарше Гитлера—Липского. Бек несколько раз повторяет, что это в отместку: «А Франция столько интересующих нас вопросов разрешала без малейшего сговора с нами, а то и без уведомления» (7); «Францию не извещали, ибо она неоднократно поступала аналогично с Польшей» (8); «Франция меньше всех может удивляться поведению Польши — и в Версале (!!! — С. Л.), и при Локарно, и во всем последующем она весьма мало считалась с жизненными ин-

тересами Польши. **Нынешний шаг польского правительства немного протрезвит самонадеянных французов»** (9).

Как видим, поляки сводили с Францией даже версальские счета! Оказывается, и в Версале — несмотря на все те более чем щедрые дары от Клемансо — Париж недостаточно уважил Варшаву! Своей самодеятельностью поляки «протрезвляли» «самонадеянных французов»! Подумать только!

«Польша стремится обеспечить себе прочное место за столом будущих конференций... Она демонстрирует свою силу и способность к самостоятельной политике. «Пусть во Франции знают, что без Польши нельзя решать вопросов, ее касающихся. Пусть в Берлине, Лондоне, Риме знают, что о Польше надо говорить в Варшаве» (слова Бека мне)», — пишет 27 ноября 1933-го полпред СССР в Польше Стомянкову (10).

Из записи беседы полномочного представителя СССР в Польше с министром иностранных дел Польши Бекком: «Польша своим маневром в Берлине хотела достичь и достигла иного: она отстаивала и отстояла свои международные позиции. Польша, конечно, вовсе не претендует быть «пятым» в пресловутой «директории» (Бек вспоминает, что продиктовал «Газете польской» в свое время насмешливое заявление о «приставном стуле»), Польша хочет, чтобы без нее не решались вопросы, ее касающиеся. Пока еще линия Франции в вопросе разоружений неясна, но Франция как будто считает для себя возможным вести с Германией сепаратные переговоры по вопросам интернационального значения» (11).

Здесь Бек ведет речь о «пакте четырех» («Пакт согласия и сотрудничества»), подписанном 15 июля 1933-го в Риме (он был инициирован Муссолини) представителями Англии, Франции, Германии и Италии в целях урегулирования взаимных разногласий. Это соглашение (к слову, так и не вступившее в силу, ибо не было ратифицировано), как и переговоры в формате «четверки», пытавшейся образовать «директорию» для улаживания и управления европейскими делами, было далеко не безупречным действием. К переговорам не была привлечена Москва. «Директория» фактически противопоставляла себя Лиге Наций. Тем не менее пакт был подписан во французской редакции, исключавшей пересмотр версальских договоров (чего добивалась, в частности, Германия) — что в целом гарантировало в т.ч. интересы Польши (включая ее границы).

Узкий формат участников — только великие державы — обычное дело в таких случаях (даже сейчас ключевые вопросы мировой политики решаются в кругу «тяжеловесов»), дань реальной поли-

тике, определяемой, кто бы что ни декларировал о «равенстве наций», наиболее сильными игроками. И ту же Чехословакию «пакт четырех», принятый без ее участия, почему-то не оскорбил, хотя и у Праги были поначалу предостережения к этим переговорам.

Варшаву возмутило не содержание пакта, а то, что «великую Польшу» не усадили за один стол с Англией, Францией, Германией и Италией!

«Мы не собирались и не собираемся рвать с Францией, но она должна должным образом оценивать нас», — заявил Бек советскому полпреду 5 января 1934 г. (12)

Надо заметить, что у Бека были и личные счеты с Францией. В 1932-м Париж отказался принять его в качестве посла Польши во Франции (в 1920 г., будучи военным атташе при польском посольстве, Бек оказался замешан в скандале с похищением документов французского генштаба (13)). В ответ на это Пилсудский в том же году сделал Бека — неприемлемого партнера для своих как бы главных союзников — главой польского МИД! Т.с. «утер нос» французам!

Гитлер же сделал вид, что оценивает Польшу «должным образом» — как равного! 13 февраля в беседе с Бекем Литвинов попросит главу польского МИД высказаться, какие, по его мнению, причины могли побудить Германию пойти на соглашение с Польшей, учитывая, что даже в веймарские времена, например Штреземана (в августе—ноябре 1923-го глава правительства, с августа 1923-го и до своей смерти в октябре 1929-го — министр иностранных дел Германии), в Берлине не решались на такие договоренности. Не говоря уж о том, что польско-германское урегулирование совершенно идет вразрез с идеологией Гитлера.

Бек ответил, что «до прихода гитлеровцев политику Германии делали Пруссия и пруссаки, которые придавали преувеличенное значение вопросу о коридоре и Восточной Пруссии». А Гитлер, мол, австриец, поэтому с его приходом к власти «Пруссия сейчас перестала существовать, есть только Германия, с которой легче столковаться». Ну, и самое главное: «Германия убедилась, что Польша не является маленьким сезонным государством, каковым его раньше считали, и поэтому чувство реальности подсказывает большее внимание к ней» (14).

При последующих беседах, состоявшихся 14 и 15 февраля 1934-го (дело было в ходе визита Бека в Москву), Литвинов напрасно пытался убедить польского коллегу в том, что Гитлер пришел к власти на вполне конкретной платформе непризнания польского коридора и реванша и что своим нынешним соглашением с Польшей он

входит в противоречие с этой своей платформой — что должно было бы насторожить Польшу.

Советский нарком безуспешно опровергал иллюзии Бека относительно «исчезновения Пруссии» — прусский дух, настаивал он, по-прежнему господствует во всей Германии, а «в смысле идеологии Германия есть теперь сплошная Пруссия»: «Прусские изречения о необходимости найти себе место под солнцем, об избытке населения, которому нужно найти новые территории для колонизации, глорификации военного духа и военных завоеваний, находят себе наиболее яркое выражение в учениях гитлеровцев».

Разница между Германией Гитлера и прежней Пруссией, подчеркивал Литвинов, лишь та, «что раньше Пруссия, упоенная победами, могла говорить лишь о завоевании новых земель, между тем как теперь Германия с суженными границами должна говорить не только о новых завоеваниях, но и об отвоевании земель, потерянных в мировой войне». И вопрос только в очередности — какие земли Гитлер решит отвоевывать/завоевывать в первую очередь.

Что до пацифистской фразеологии Гитлера, то она и вовсе не может никого вводить в заблуждение. Убедившись, что бряцание оружием и пропаганда войны мобилизует против Германии мировое общественное мнение, нацисты «отнюдь не отказываясь от основных принципов своей внешней политики и от подготовки к претворению этих принципов в жизнь, сочли за благо временно убеждать мир в своем миролюбии».

Учитывая данные угрозы, по-прежнему исходящие от Германии, отмечал Литвинов, польско-германское соглашение и вызвало во многих странах значительное беспокойство, «ибо в заключении соглашения с Польшей усматривается тактический маневр, который может позволить гитлеровцам обратить пока свои захватнические взоры в другую сторону». Кроме того, он в очередной раз обращал внимание на отсутствие в соглашении какой-либо статьи о прекращении его действия в случае агрессии Германии — «статьи, которую уже привыкли считать неизменной частью всякого пакта о ненападении».

Бек запротестовал, мол, он «не видит в настоящее время опасности со стороны Германии или вообще опасности войны в Европе». Заявил, что не надо заглядывать вперед «слишком далеко». Беку достаточно судить «с точки зрения сегодняшнего дня». Если, сказал он, Польша может «обеспечить себе безопасность на сегодняшний день, то этого ему достаточно» (15). Вполне в стиле руководства в Варшаве того времени: жить сегодняшним днем, не задумываясь о последствиях. За что в будущем Польша и расплатится осенью 1939-го.

Когда же советский нарком затронул вопрос о вооружении Германии, отметив, что «Польша недооценивает германской опасности», Бек «рассмеялся, ничего не ответив» (16). Веселый был товарищ.

Но что до польской гордыни, то, конечно же, такой известный словоблуд и демагог, как Гитлер, без труда нашел нужные слова и обороты. Этот умел сформулировать с упором на ласкающий польское ухо тезис об их исторической миссии быть форпостом западной цивилизации на востоке Европы. К примеру, в беседе с Липским накануне подписания германо-польского пакта Гитлер произнес длинный монолог об очень серьезной опасности, которая нависла над западной цивилизацией со стороны России. И «с этой точки зрения», отметил Гитлер, он «рассматривает роль Польши как очень важную»: «Польша является последним барьером цивилизации на Востоке». Липский (надо полагать, напустив на себя важный вид) поддакнул: «Польша часто играла роль щита для европейской культуры». И в качестве примера привел сражение под Варшавой 1920 г. — когда-де поляки спасли европейскую цивилизацию (17).

Для поляков это было самое то! Это возвышало их в собственных глазах, создавало иллюзию, что сильные мира сего с надеждой смотрят на Польшу, «бастион цивилизации». Ну, и, конечно, они сами не прочь были нести эту «цивилизацию» — огнем и мечом. На тот же «варварский» Восток, например.

Вот из лекции о международном положении, произнесенной крупным польским землевладельцем князем Сапегой в сентябре 1933-го: «Перед нами встал вопрос — будем ли мы форпостом Европы, расширяющимся в восточном направлении, или станем барьером, преграждающим путь европейской экспансии на Восток. Господа, история уничтожит этот барьер, и наша страна превратится в поле битвы, где будет вестись борьба между Востоком и Западом. Поэтому мы должны стать форпостом Европы, и наша внешнеполитическая задача заключается в том, чтобы подготовиться к такой роли и всячески содействовать европейской солидарности и европейской экспансии» (18).

Тезис о Польше в roli zbawiciela («роли спасителя») западной цивилизации красной нитью проходит через польский политико-публицистический дискурс того времени.

А Франция, вишь, эту историческую миссию Польши в тот момент замечать перестала. И вместо цивилизаторской экспансии на Восток вдруг села с Москвой за стол переговоров. То ли дело «защитник западной цивилизации» Гитлер! Он и мыслит прогрессивно, по-цивилизаторски. И значение Польши оценить в состоянии.

Ослабив Францию уже самым фактом того, что переметнулась

на немецкую сторону, Польша продолжила тем, что содействовала Гитлеру в разрушении профранцузских военных альянсов, — Малой Антанты, альянса Чехословакии, Румынии и Югославии, созданного в 1920—1921 гг. по инициативе французского генштаба, а затем и Балканской Антанты, организованной также по инициативе Франции и при поддержке британской дипломатии. Балканская Антанта (Балканский пакт) была создана в феврале 1934-го — сразу после подписания польско-германского пакта. Договор подписали Греция, Румыния, Турция и Югославия. Как видим, Малая и Балканская Антанты через Румынию и Югославию (участвовавших в обеих) были тесно связаны между собой.

Эти созданные под эгидой Франции коалиции мешали ревизии версальской системы, включая пересмотр границ, блокировали экспансию Германии на Балканы и вообще ее движение в южном направлении (например, затрудняли аншлюс Австрии).

К слову, в какой-то момент эти французские союзы и в Москве стали рассматривать как положительное для СССР явление. В частности, в середине 1934 года посланник Чехословакии в Токио зачитал советскому полпреду в Японии Юреневу телеграмму Бенеша, в которой говорилось, что «в случае советско-японской войны Малая Антанта и Франция примут всевозможные меры против недопущения германо-польского выступления против СССР» (19). О «японских» ставках Польши и ее планах использовать вполне вероятное на тот момент нападение Японии на СССР поговорим чуть ниже.

После достижения договоренностей с Германией поляки усердствовали в разрушении указанных профранцузских альянсов. Уже в 1934 г. была развернута недюжинная совместная германо-польская активность по этой части. И в дипломатических документах того времени регулярно фигурируют сообщения такого рода: «Германия делает отчаянные усилия, чтобы задержать сближение Франции с нами... В то же время она весьма активно в Белграде и Бухаресте старается оторвать и эти две страны от Франции, в чем помогает ей и польская дипломатия» (письмо наркома Литвинова полпреду СССР в Германии Сурицу от 4 ноября 1934-го (20)).

В конечном итоге, как мы знаем, польско-германские усилия по развалу Малой и Балканской Антанты увенчаются успехом. Иное дело, что для Польши это обернется катастрофой 1939-го. А тогда поляки, движимые планами территориальных приращений, действовали исходя из той логики, что агрессия Гитлера пойдет им впрок, и для этого надо развязать ему руки, разрушить профранцузские коалиции — мешавшие, к примеру, Польше оттяпать Тешинскую область у Чехословакии.

В ходе вышеупомянутых советско-чехословацких консультаций 7 февраля 1934-го Бенеш попенял полякам за их жульнические внешнеполитические игры: «Когда в прошлом Чехословакия заговаривала с Польшей о более близких отношениях, то поляки вечно выражали недоверие, подозрения, что Чехословакия заигрывает с Германией и готова согласиться с ней для того, чтобы укрепить германскую экспансию в направлении на Восток. История показала, что Чехословакия играла с открытыми картами, а вот поляки вдруг поразили всех своим сближением с Германией».

Он провидчески объяснил «момент, характеризующий непрочность польско-германских взаимоотношений и намечающий большую угрозу для будущего Польши»: «вопрос о коридоре лишь затушеван и скоро снова выпятится». Бенеш сослался на тот пункт польско-германского договора, в котором говорилось о том, что стороны будут взаимно обсуждать политические, хозяйственные и культурные вопросы. По мнению Бенеша, «этот пункт является германским резервом для того, чтобы в недалеком будущем поставить перед поляками тот же вопрос о коридоре». Бенеш посмеялся над десятилетним сроком пакта, «если поляки серьезно верят в него», выразив убежденность, что рано или поздно «круг замкнется, и поляки с еще большей определенностью станут перед этим вопросом». Как мы теперь знаем, именно так все и произойдет.

А кроме того, Бенеш резонно заметил: «Раньше в Европе говорили, что вопрос польского коридора — это вопрос войны. Сейчас поляки хотят показать, что не этот вопрос будет причиной европейской войны. Во времена Штреземана последовательность острых вопросов между Германией и Европой была такая: 1) коридор, 2) аншлюс. Когда пришел Гитлер, он перевернул эту последовательность: сначала аншлюс, потом коридор. От этого вопрос о коридоре как причине будущей войны вовсе не исчез. Меняя последовательность этих вопросов, Гитлер забыл одно: вопрос аншлюса стал тем временем вовсе не германо-австрийским вопросом, а общеевропейским, и в частности итальянским. В лучшем случае вместо одного появилось два вопроса, которые могут стать причиной европейской войны. Если Германия рассчитывает произвести аншлюс, то это будет обозначать европейскую войну» (21).

Почему Бенеш был так уверен, что попытка аншлюса Австрии вызовет европейскую войну? Потому что к тому моменту в лагере сил, препятствующих германской экспансии на юг и юго-восток, пребывал и Муссолини. Фрукт, конечно, тот еще, и «миротворец» известный (хотя в 30-е были и такие, кто выдвигал Муссолини на Нобелевскую премию мира), но тем не менее.

У СССР с Италией был советско-итальянский пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете от 2 сентября 1933 г. Координировала Италия свои действия с Францией и странами Малой Антанты по противодействию аншлюсу Австрии.

5 декабря 1933-го полпред СССР в Италии телеграфировал в НКВД: «Муссолини в разговоре со мной на вчерашнем приеме в полпредстве коснулся следующих моментов... 2. О Германии Муссолини заявил, что ее внешняя политика, направляемая Розенбергом, враждебна и СССР и Италии... Германия хочет развивать свою экспансию на северо-восток и юго-восток. Италии она великодушно предоставляет Северную Африку. Захватнические вождения Германии угрожают Австрии. Муссолини вспоминает, как Геринг при первом посещении Рима говорил о «проклятом» Дольфусе и предсказывал немедленный приход национал-социалистов к власти в Вене. **Италия окажет решительное сопротивление аншлюсу в любой форме.** Муссолини обращает наше внимание на сближение Германии с Польшей. СССР может грозить война с Японией, Германией и Польшей» (22).

В 1934-м в беседах с европейскими, в т.ч. советскими, дипломатами Муссолини резко критически высказывался о Пилсудском и политике Варшавы, содействующей германским планам аншлюса Австрии. Так, в феврале посланник Чехословакии в Лондоне Ян Масарик сообщил советскому полпреду в Великобритании Майскому реакцию Муссолини на фразу Пилсудского «вопрос об Австрии Польшу не интересует и что Германия, если хочет, может забирать Австрию». Со слов человека, разговаривавшего на эту тему с Муссолини, Масарик передавал, что «Муссолини был взбешен заявлением Пилсудского» (23).

13 июля 1934-го на встрече в палаццо Венеция советского полпреда в Италии Потемкина с Муссолини последний одобрительно высказался о франко-советском сближении на основе противодействия германской агрессии.

Сказал и о Польше. «Что касается Польши, — продолжал Муссолини, — то она и нам внушает самые серьезные сомнения. Соглашение с Германией, разумеется, выгодно для Польши, поскольку формально лет на десять оставляет открытым вопрос о ревизии ее границ с Германией и отдалает решение вопроса о польском коридоре. Однако у нас имеются предположения, что Германия сделала эту уступку Польше недаром».

На замечание полпреда, что польско-германское соглашение, естественно, направляет динамику германской экспансии в другую сторону, Муссолини воскликнул: «Это для нас совершенно ясно.

Польша производит то, что называется диверсией. Она явно толкает Германию на юг, содействуя осуществлению аншлюса. Мы учтываем это прекрасно. Вообще, я считаю, что и вам, и нам надлежит с особым вниманием следить за поведением Польши. Кое-что мы могли вам сообщить о ее планах касательно Украины» (24).

Серьезность своих намерений противодействовать аншлюсу Муссолини докажет спустя две недели после указанной беседы. В конце июля нацисты, вдохновленные усилением своих позиций благодаря пакту с Польшей, устроят в Австрии фашистский путч. 25 июля полторы сотни эсэсовцев из штандарта 89, переодетые в австрийскую военную форму, ворвутся в федеральную канцелярию. Будет убит австрийский канцлер Энгельберт Дольфус. Но правительственным войскам, возглавляемым министром юстиции Куртом фон Шушнигом (будущим канцлером Австрии), удастся подавить попытку фашистского переворота и взять ситуацию под контроль.

А Муссолини в свою очередь в рамках итало-австрийского договора о взаимопомощи экстренно сконцентрирует четыре дивизии на перевале Бреннер — готовые обеспечить независимость Австрии, буде Гитлер решится на аншлюс. Военная акция Италии возымела действие: Берлин отказался от аншлюса. Первая попытка, таким образом, была провалена. В т.ч. не удался и аншлюс в форме «гляйхшалтунга» (Gleichschaltung — нацистская политическая концепция подчинения всех сфер жизни Германии интересам национал-социалистического режима), т. е. установления в Австрии нацистского режима, аналогичного германскому.

В январе 1935-го Муссолини подпишет с Францией договор об «исправлении» франко-итальянской границы в Африке (он как раз готовился к вторжению в Эфиопию). Для Франции же важно было создать общий фронт против нацистской Германии и любыми способами привлечь к нему Италию. 7 января 1935 г. в Риме, кроме общей декларации о франко-итальянском сотрудничестве, была подписана конвенция о взаимном уважении территориальной целостности государств Центральной Европы (25).

В апреле в итальянском городке Стреза на западном берегу озера Лаго-Маджоре состоится итало-франко-британская конференция с участием премьер-министра Великобритании Д. Макдональда, министра иностранных дел Франции П. Лаваля и лидера Италии Б. Муссолини. «Стрезский фронт» станет реакцией на восстановление в Германии всеобщей воинской повинности.

В мае 1935-го будет подписано секретное итало-французское во-

енное соглашение о совместной защите независимости Австрии. Генштабы Италии и Франции будут проводить консультации относительно стратегии войны с Германией (26).

«Стрезкий фронт» просуществует недолго. Он потеряет смысл и вследствие англо-германского морского соглашения (легализовавшего вооружение Германии), и вследствие агрессии Италии в Абиссинии. Сближение Муссолини и Гитлера произойдет и на платформе обоюдных стремлений к территориальным захватам, и ввиду близости идеологий.

Однако решение Муссолини примкнуть к Гитлеру не в последнюю очередь было продиктовано усилением позиций Германии и соответствующим ослаблением позиций Франции. При всей своей напускной агрессивности Муссолини действовал достаточно осторожно. Вспомним, к примеру, что в сентябре 1939-го он не рискнул ввязаться в войну с Францией и Англией на стороне Гитлера. И сделал это лишь 10 июня 1940-го, когда немцы сломили англо-французское сопротивление на континенте.

Германо-польский пакт и такое его прямое следствие, как разрушение системы французских союзов, станет не последним фактором, который подтолкнет в конечном итоге фашистскую Италию к нацистской Германии. Это в свою очередь обеспечит Гитлеру южный тыл и станет ключом к аншлюсу Австрии, а также приблизит расправу над Чехословакией. Ну а далее дойдет очередь и до самой Польши.

1. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960, с. 213—227.
2. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1971, т. 17, с. 124.
3. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. — М.: Политиздат, 1975, с. 370.
4. Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 12.
5. ДВП СССР, т. 17, с. 299.
6. Там же, с. 272.
7. Там же, 1970, т. 16, с. 668.
8. Там же, с. 670.
9. Там же, с. 671—672.
10. Там же, с. 640.
11. Там же, с. 762.
12. Там же, т. 17, с. 28.
13. Овсяный И. Д. Указ. соч., с. 87.
14. ДВП СССР, т. 17, с. 132.
15. Там же, с. 132—134.
16. Там же, с. 137.
17. Овсяный И. Д. Указ. соч., с. 90.
18. Там же, с. 88.
19. ДВП СССР, т. 17, с. 418.
20. Там же, с. 664.
21. Там же, с. 122—124.
22. Там же, т. 16, с. 721.
23. Там же, т. 17, с. 116.
24. Там же, с. 472—476.
25. Там же, 1973, т. 18, с. 26.
26. Смит Д. Муссолини. — М.: Интер Дайджест, 1995, с. 223—224.

Пакт Гитлера—Пилсудского (секретный протокол к германо-польской декларации от 26 января 1934 г.)

Однако вернемся к мотивам Польши, совершившей на рубеже 1933—1934 гг. внешнеполитический кульбит и переметнувшейся в нацистский лагерь.

Советский нарком индел Литвинов по итогам своих бесед с польским коллегой Беком 13, 14 и 15 февраля 1934-го укажет на «серьезный поворот в ориентации политики Польши» и тут же заметит: **«Вряд ли Польша могла бы брезговать нашим сотрудничеством и в то же время отдаляться от Франции, не получив откуда-либо новых гарантий или обещаний гарантий»** (1).

Действительно, с чего вдруг Польша так осмелела после пакта с Гитлером? Настолько, что сломя голову бросилась разрушать имеющиеся механизмы безопасности в Европе. Что такого могли пообещать немцы? Эти вопросы тогда ставили во всех без исключения европейских столицах, подозревая наличие секретных германо-польских договоренностей, прилагавшихся к пакту от 26 января 1934-го. Ибо ничем объяснить поведение Польши в то время, кроме как наличием тайных соглашений с Гитлером, было невозможно.

Почему Варшава категорически отказывается подписать декларацию в защиту независимости стран Балтии? Добивался Литвинов более-менее внятных объяснений на сей счет от Лукасевича, да так ничего и не выяснил, и сделал вывод «о далеко идущем характере польско-германского сближения» (2). Донимал Бека по тому же самому вопросу. Опять безрезультатно: «здесь, по-видимому, либо существует, либо имеется в виду какое-то соглашение с Германией», — отметит Литвинов в своем отчете (3).

Решила Москва прощупать с другой стороны — предложила подписать декларацию немцам. Тоже отказ. «Также конфиденциально я прошу сообщить Барту, — просил Литвинов французского посла в Москве Альфана 20 апреля 1934-го, — что в целях проверки действительной политики Гитлера в отношении Востока мы ему недавно предложили подписать совместно с нами протокол, обязывающий оба государства уважать независимость и неприкосновенность Балтийских стран. Это предложение Германией отклонено» (4).

А то вот, скажем, французы отправляют к своим польским как бы союзникам генерала Дебенея (Debeneu; в 1919—1924 гг. начальник академии французского генштаба, в 1924—1930 гг. начальник генштаба, руководил реорганизацией французской армии) — дого-

вориться о корректировке франко-польского военного соглашения в связи с изменением ситуации в Европе.

Поляки заверили Дебенея, что они «за сохранение союза», но уехал генерал из Варшавы «без результата, не поняв истинных намерений Польши», — сообщал французский посол в Москве замнаркому индел Стомонякову 4 июля 1934-го. Дебенея, по словам Альфана, остался «очень недоволен» переговорами с польским генштабом. И недовольство это, пояснил французский посол, «произошло вследствие неопределенности позиции поляков по вопросу о продлении франко-польского военного договора». Французы «предложили полякам изменить договор 1921 г., применив его к нынешним условиям, а поляки отклонили это предложение, утверждая, что договор 1921 г. целиком применим и в настоящее время» (5).

Французам оставалось только пожать плечами: Гитлер наглет, а поляки спокойны как никогда.

Альфан, зашедший побеседовать со Стомоняковым сразу после своего возвращения из Франции, особо отметил, что «имел много дел в министерстве и массу встреч с политическими деятелями. Он был поражен тем, как радикально изменились настроения по отношению к СССР. По существу, теперь нет сколько-нибудь серьезных противников этого сближения» (6). Франция (в тот момент сильнейшая военная держава на континенте!) в смятении и беспокойстве от Гитлера и его политики, срочно ищет союзников — а Польша пребывает в безмятежном состоянии! С чего бы это?

Польша своим новым прогерманским курсом потеряла доверие везде, по сути загнала себя во внешнеполитическую изоляцию. Французский и советский дипломаты приходят к выводу: «кажется непонятным, чтобы Пилсудский вел политику, подрывающую и подорвавшую доверие к Польше во всех странах, кроме разве Эстонии, без того, чтобы Польша имела за это какую-то серьезную компенсацию со стороны Германии» (7). Какую компенсацию?

В Великобритании, сообщает Альфан, тоже недовольны Варшавой и не понимают ее политики. Англичане не преминули напомнить французам, что они еще в ходе Парижской мирной конференции предупреждали, что с Польшей еще придется помучиться. Вообще же, заметил Альфан, в Англии «никогда не выносили Польши и всегда считали ошибкой образование такого большого польского государства» (8). И ведь были правы англичане! Большое польское государство только усиливало неадекватное представление поляков о себе, толкая на внешнеполитические авантюры. Кроме того, то большое польское государство, когда-то задумывав-

шееся как большой противовес Германии, теперь было большим тылом Гитлера.

Раздражавшее всех «непонятное» поведение Польши вполне хорошо объяснялось, если исходить из того, что имелись тайные германо-польские соглашения, благодаря которым Варшава рассчитывала сорвать хороший куш вследствие поддержки агрессивных действий Гитлера. Т. е. что к польско-германскому пакту от 26 января 1934 г. прилагались секретные статьи, оформленные либо специальным протоколом, либо в виде обмена посланиями Гитлера и Пилсудского.

Подлинных документов на сей счет в архивах пока не обнаружено. Однако существует масса всевозможных данных, свидетельствующих о том, что тайное соглашение имелось. «Существует множество слухов и предположений о тайных польско-германских соглашениях, заключенных вне опубликованных документов, — информировал советский нарком Литвинов французского посла в Москве Альфана 20 апреля 1934 г., — Мы относимся очень осторожно к подобной информации, но мы получили, однако, одно сообщение, которое заслуживает серьезного отношения к себе. Там речь идет о весьма далеком будущем польско-германском соглашении, охватывающем множество международных проблем. Непосредственно Франции касается соглашение о поддержке Польшей аншлюса, равноправия Германии в вооружениях, итало-германских проектов реформы Лиги в духе отделения пакта Лиги от Версальского и, наконец, обещание польского нейтралитета в случае превентивной войны против Германии» (9).

На уточнение Альфана, в каком виде оформлены эти тайные приложения к польско-германскому пакту, Литвинов ответил, что он не уверен в существовании протокола, но что «имеются сведения об обмене личными письмами между Гитлером и Пилсудским» (10).

24 октября 1934-го премьер-министр Франции Гастон Думерг заявит временному поверенному в делах СССР во Франции М. Розенбергу, что «разделяет уверенность Литвинова в наличии польско-германского секретного договора» и что со времени поездки Барту в Варшаву (апрель 1934-го) он «не питает никаких иллюзий на этот счет». Кроме прочего, раздраженный Варшавой глава французского правительства процитирует советскому дипломату «Прудона, который писал, что полякам вредна независимость» (11). Раньше французам надо было штудировать Прудона.

В документах, рассекреченных Службой внешней разведки России в 2009 г., есть немало интересной информации о секретных соглашениях Гитлера—Пилсудского.

1 июня 1935-го в докладе Сталину руководитель ИНО ГУГБ НКВД пишет: «Англичане уверены, что между Польшей и Германией существует какой-то тайный договор, связывающий их в европейской политике и обязывающий их к взаимной помощи» (12).

Профранцузски настроенный небезызвестный генерал Галлер высказывал уверенность: «теперь уже не подлежит никакому сомнению, что между Германией и Польшей имеется секретный военный договор, направленный против СССР». По данным Галлера, этот договор обеспечивал Германии на случай войны с СССР «организацию в приморской области Польши этапных пунктов и особых сил по обслуживанию немецких военных транспортов». Обосновавшись таким образом на польской территории, «немцы с момента окончания военных действий автоматически завладеют всей этой территорией. Пилсудский не придает должного значения западным польским границам и готов отказаться от Поморья в целях осуществления своих фантастических планов в отношении Украины и Литвы» (13).

Военный атташе Польши во Франции полковник Блешинский признавал: «польско-немецкий союз преследует более серьезные цели, чем нормализацию польско-немецких отношений». (14).

Находившийся в то время в эмиграции во Франции, но поддерживавший тесные контакты в кругах польской военной и политической элиты генерал Владислав Сикорский (будущий премьер-министр польского эмиграционного правительства с сентября 1939-го и до своей гибели в 1943-м) не сомневался: «между Германией и Польшей существует секретный военный договор, на основании которого судьба польского Поморья окончательно решена в пользу Германии. По мнению Сикорского, Польша оставит лишь за собой железнодорожную магистраль Катовицы — Гдыня, которая будет связывать Польшу с морем, сам порт Гдыня станет вольным городом. Польша в компенсацию за это получила бы Литву с Мемелем, который станет польским портом в Балтийском море» (15).

Наконец, в агентурном донесении от источника, близкого к польским дипломатическим кругам, переданном ИНО ГУГБ НКВД советскому руководству в середине 1935 г., говорилось: «к известному и официально опубликованному пакту о неагрессии в течение десяти лет между Польшей и Германией, заключенному 26-го января 1934 года, имеется секретное добавление, подписанное того же 26-го января 1934 г. В силу этого добавления взамен за священное обязательство Германии ни в каком случае не выступать против Польши как самостоятельно, так и в коалиции с другими государствами Польша взяла на себя обязательство по отношению к

Германии, которое имеет следующую редакцию (текст этого секретного добавления написан на немецком и польском языках):

«В случае непосредственного или посредственного нападения на Германию — Польша соблюдает строгий нейтралитет даже и в том случае, если бы Германия вследствие провокации была вынуждена по своей инициативе начать войну для защиты своей чести и безопасности» (16).

Согласно данным агента советской разведки германо-польский альянс основывается на следующих базовых положениях: 1) ликвидация со стороны Германии Рапалльского договора СССР; 2) обязательство Германии не поднимать вопроса о ревизии своих восточных границ за счет Польши, «т. е. за счет Коридора, Данцига и Верхней Силезии, иначе как только мирным путем — путем добровольного двустороннего соглашения»; 3) Польша «согласно смысла этого добавления уже год тому назад порвала франко-польский союз, так как этот пункт в польско-немецком протоколе есть не только джентльменское соглашение Гитлер — Пилсудский, — это уже обязательство между государствами».

По мнению агента, «при наличии вышеупомянутого добавления к договору следует считаться с возможностью войны против СССР.. силами Германии и Польши в Европе при участии Японии на Востоке».

Со слов Гонсиоровского (бригадный генерал Войска Польского) советский агент передавал, что когда условием подписания официального пакта о неагрессии Германия поставила принятие вышеизложенного секретного добавления, Пилсудский произнес следующую фразу: «Случается, что как для народа, так и для отдельной личности отсутствие смелости является самым большим несчастьем» (17).

Незадолго до подписания советско-французского договора о взаимопомощи, 18 апреля 1935-го, французская газета *Bourbonnais republicain* публикует непосредственно текст секретного приложения к германо-польскому пакту, предоставленный в ее распоряжение депутатом парламента, бывшим министром в правительствах Шотана Люсьеном Лямуре (был министром колоний в феврале—марте 1930-го и министром труда и социального обеспечения с ноября 1933-го по январь 1934-го).

20 апреля 1935 г. сразу два центральных советских издания — «Правда» и «Известия» — перепечатывают из этой газеты текст секретного соглашения к германо-польскому пакту о ненападении от 26 января 1934 г.:

«1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются договариваться по всем вопросам, могущим повлечь для той и другой сто-

роны международные обязательства, и проводить постоянную политику действенного сотрудничества.

2. Польша в ее внешних отношениях обязуется не принимать никаких решений без согласования с германским правительством, а также соблюдать при всех обстоятельствах интересы этого правительства.

3. В случае возникновения международных событий, угрожающих статус-кво, высокие договаривающиеся стороны обязуются снестись друг с другом, чтобы договориться о мерах, которые они сочтут полезным предпринять.

4. Высокие договаривающиеся стороны обязуются объединить их военные, экономические и финансовые силы, чтобы отразить всякое неспровоцированное нападение и оказывать поддержку в случае, если одна из сторон подвергнется нападению.

5. Польское правительство обязуется обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории в случае, если эти войска будут призваны отразить провокацию с востока или с северо-востока.

6. Германское правительство обязуется гарантировать всеми средствами, которыми оно располагает, нерушимость польских границ против всякой агрессии.

7. Высокие договаривающиеся стороны обязуются принять все меры экономического характера, могущие представить общие и частные интересы и способные усилить эффективность их общих оборонительных средств.

8. Настоящий договор останется в силе в продолжение двух лет, считая со дня обмена ратификационными документами. Он будет рассматриваться как возобновленный на такой же срок в случае, если ни одно из двух правительств не денонсирует его с предупреждением за 6 месяцев до истечения этого периода. Вследствие этого каждое правительство будет иметь право денонсировать его посредством заявления, предшествующего за 6 месяцев истечению полного периода двух лет» (18).

Т.е. согласование внешней политики между Германией и Польшей (что в реальности происходило в середине 30-х). Гарантирование польских границ Берлином в обмен на учет и содействие Варшавы «германским интересам» (читай: действиям Гитлера, направленным на слом Версальской системы). Наконец, совместные военные акции в восточном и северо-восточном направлении (т.е. Прибалтика и СССР). И мы теперь можем только гадать, как далеко могли зайти Германия и Польша в своих союзнических действиях и как скоро они двинули бы войска, чтобы, скажем, «отразить провокацию с

востока или с северо-востока» — если бы 12 мая 1935 г. Господь не забрал Пилсудского. Кроме того, в мае 1935-го был подписан советско-французский договор о взаимопомощи, существенно изменивший архитектуру безопасности в Европе и вынудивший корректировать агрессивные германо-польские планы.

Конечно, и после смерти начальника Польши сотрудничество союзников — гитлеровской Германии и Польши — продолжилось. Но взять некоторую паузу, неизбежную в политике любого авторитарного государства, когда из жизни уходит его многолетний руководитель, все же пришлось. Да и фигур, равных Пилсудскому, среди его сменщиков не оказалось (что, безусловно, не относится к таким категориям, как неадекватность и шляхетский гонор — в этом плане деятели «режима полковников» от Пилсудского не отставали).

Для советских времен, тем более того времени, даже рядовая публикация в таких изданиях, как «Правда» и «Известия», не говоря уж о напечатании документа на первой странице, — это все равно что изложение официальной позиции государства.

Не знаю, считал ли Сталин этот документ аутентичным (хотя его положения совпадали и с данными, полученными по дипломатическим и разведывательным каналам, и с тем, как реально вела себя Польша), но ясно, что его обнародование в центральных изданиях было не просто для пропагандистского сопровождения советско-французского договора. Это был еще и зондаж, провоцирование Варшавы (а, возможно, и Берлина) занять позицию, отреагировать — подтвердить или опровергнуть.

Но реакции не последовало. Никаких протестов от германского и польского посольств, никаких нот из МИД Польши и Германии. И такое молчание было, как говорится, весьма красноречивым — в пользу существования секретного соглашения.

Добавим, что иные данные позволяют сделать вывод, что было не одно, а несколько секретных приложений к польско-германскому пакту. В частности, руководителем германской военной контрразведки, соратник адмирала Канариса Р. Проце заявлял: «Наш фюрер заключил в 1934 г. договор дружбы с Польшей, который исключил Польшу из числа врагов Германии ценой отказа от достижения взаимопонимания с Россией. Он отдалил угрозу раздела Польши на неопределенное время и позволил Гитлеру продолжать играть свою роль истинного врага большевизма. **Секретная статья договора 1934 г. запрещала любой из сторон вести разведывательную деятельность друг против друга и предполагала обмен информацией**» (этой статьи мы не видим в вышецитированном тексте секретного приложения. —

С. Л.). Собрав своих начальников подразделений и ознакомив их с распоряжением генерального штаба, Канарис устно его дополнил: «Само собой разумеется, мы продолжаем вести работу» (19).

Как ни удивительно, но в историографии, относящейся к тому периоду, вопрос секретного протокола (или даже двух) к польско-германскому пакту о ненападении практически не фигурирует. Зато с каким удовольствием мусолится «пакт Молотова—Риббентропа»! Впрочем, чему удивляться, ведь не муссируют же тему польских преступлений в отношении пленных советских красноармейцев или, скажем, расстрела миссии русского Красного Креста — зато как любят заламывать руки, закатывать глаза и биться в падучей насчет Катюши.

На страницах «2000» автору неоднократно приходилось дискутировать на тему «секретного протокола» к советско-германскому договору о ненападении, о пресловутой мифической «речи Сталина на политбюро 19 августа 1939-го», в которой он-де дал старт Второй мировой войне. Когда припираешь оппонентов, что называется, к стенке отсутствием у них каких-либо документальных доказательств либо же показываешь, что приводимые ими «документы» (нередко — откровенные фальшивки) не могут рассматриваться в качестве надежных источников, неизменно звучит следующий «железный» аргумент: так ведь все так и происходило (или почти так), как изложено в «речи Сталина от 19 августа» и «секретном протоколе».

Я, конечно, в таких случаях парирую, что задним числом можно любые события выстроить в ряд и придать им вид «звеньев одной цепи», т. е. целенаправленно реализуемого плана, и все это облечь в форму какого-то тайного заговора/сговора («секретного протокола»).

Но раз уж такой — косвенный — аргумент звучит со стороны обличителей Сталина и Молотова, вообще антисоветчиков и русофобов всех мастей, то почему бы и по отношению к Польше не применить тот же подход. И у нас вполне получится стройная и ясная картина того, почему Польша дистанцировалась от Франции, почему отказывалась от участия в «восточном пакте», почему разрушала систему французских военных союзов, почему (забегая несколько вперед) поддерживала Гитлера во время ремилитаризации Рейнской зоны, аншлюса Австрии, раздела Чехословакии (в котором и сама поучаствовала).

Так что если имевший место событийный ряд после подписания советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939-го признается иными как убедительное доказательство наличия секретного протокола, то они должны признать и то, что цепь событий, произошедших после подписания Польшей и Германией пакта

о ненападении 26 января 1934-го, тоже свидетельствует в пользу секретного протокола, но уже польско-германского.

Хотя... В русле своей приверженности оперировать документами я все же не берусь однозначно утверждать, что секретный протокол к польско-германскому пакту был. Но в том, что существовали закулисные договоренности между Варшавой и Берлином, между Гитлером и Пилсудским — в этом не сомневаюсь ни на йоту. Иной вопрос — в каком виде.

Например, Вячеслав Михайлович Молотов до конца жизни категорически опровергал факт подписания секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении. И в то же время подтверждал наличие советско-германских договоренностей о разграничении сфер интересов.

Поэт Феликс Чуев, долгие годы общавшийся непосредственно с Молотовым, издавший записи своих бесед с ним, неоднократно ставил перед экс-наркомом иностранных дел вопрос о «секретном протоколе». Но каждый раз получал отрицательный ответ. Вот характерный диалог: «Чуев: «На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...» Молотов: «Никакого». Чуев: «Не было?» Молотов: «Не было. Нет, абсурдно». Чуев: «Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить». Молотов: «Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить... ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка» (20).

Одно дело, если бы Молотов, отрицая подписание «секретного протокола», отвергал и факт каких бы то ни было договоренностей между СССР и Германией относительно сфер влияния. Так ведь нет! Молотов не просто подтверждал факт договоренностей с Германией о разграничении сфер интересов, он прямо указывал, что, используя особенности международной обстановки того времени, СССР пытался укрепить свои стратегические позиции и расширить территорию.

Молотов: «*Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию*» (21).

Молотов: — А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

— Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

— Да, да.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

— А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

— *Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились.* Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп... Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были у Австрии, как же вы можете требовать?» — «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» — «Это ж никогда не было у России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» — посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» — «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» — «Надо решать. А украинцы теперь — и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут, что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»... Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются» (22).

А вот Молотов вспоминает о беседах с Гитлером в 1940 г.: «...во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, *когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности*, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи». Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот *с Риббентропом мы и договорились*, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. «Зачем вы их держите?» (23).

Опять о спорах с Гитлером: «...Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «*А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году*, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению» (24).

Мог бы сослаться в споре с Гитлером на «секретный протокол» — но не ссыался. А о «договоренностях», которые были с Риббентропом, Молотов говорит постоянно, ссылается на них. Т. е. были договоренности! Но никакого «секретного протокола», утверждает Вячеслав Михайлович, не было! Хотя какой смысл ему лукавить после таких подробностей-то?

Так что вполне возможно, что и польско-германские секретные договоренности необязательно были оформлены протоколом (хотя и это весьма вероятно). Это мог быть и обмен письмами между Гитлером и Пилсудским (о чем, как говорилось выше, были косвенные данные). Возможно, договоренности носили даже вербальный характер. Не исключено — и первое, и второе, и третье.

В любом случае то, что Варшава и Берлин в те годы тесно координировали свои действия на внешней арене, выступая именно как союзники — сомнению не подлежит, и подтверждается документами (о чем мы еще не раз скажем ниже).

И уж, конечно, обстоятельства заключения польско-германского пакта 1934-го и советско-германского договора 1939-го со всеми их непубличными соглашениями — кардинально между собой разнятся.

СССР пошел на заключение соглашения с Гитлером **вынужденно**, когда не осталось никаких других вариантов действий, после того, как провалились переговоры о военной конвенции с Англией и Францией, в т.ч. из-за позиции Польши (на чем мы еще подробно остановимся). Польша же пошла на союз с Гитлером **осознанно**, имея множество других вариантов обеспечения своей безопасности против агрессии (включая действовавший франко-польский военный союз, советские предложения о военном союзе против гитлеровской агрессии, множество проектов по созданию коллективного фронта против агрессии).

СССР пошел на заключение договора о ненападении, исходя из угрозы войны на два фронта (в августе 1939-го как раз продолжался конфликт с Японией), тогда как для Польши в 1934-м такой опасности не существовало.

СССР пошел на заключение договора перед лицом значительно усилившихся стратегических позиций и военной мощи Германии (к августу 1939-го), тогда как Польша своим пактом с Гитлером создавала предпосылки для этого усиления тогда еще (в январе 1934-го) слабой Германии.

Таким образом, советско-германский пакт о ненападении станет вынужденной реакцией на те последствия, причины которых не в

последнюю очередь заложит Польша своим содействием укреплению могущества третьего рейха.

Если какой пакт и дал старт Второй мировой войне — то это польско-германский от 26 января 1934-го.

1. Документы внешней политики СССР. — М.: Политгиздат, 1971, т. 17, с. 139.
2. Там же, с. 107.
3. Там же, с. 139.
4. Там же, с. 277.
5. Там же, с. 441.
6. Там же, с. 440—441.
7. Там же, с. 441—442.
8. Там же, с. 442.
9. Там же, с. 277.
10. Там же, с. 278.
11. Там же, с. 650.
12. Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 12.
13. Там же, с. 18.
14. Там же, с. 19.
15. Там же, с. 18.
16. Там же, с. 28.
17. Там же, с. 28—29.
18. «Правда», «Известия», 20 апреля 1935 года.
19. Морозов С. В. К вопросу о секретном приложении к польско-германской декларации от 26 января 1934 года. Юрист-международник, 2004, № 4.
20. Чув Ф. Молотов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000, с. 25—26.
21. Там же, с. 19.
22. Там же, с. 22.
23. Там же, с. 33.
24. Там же, с. 36.

Польская ставка на японскую агрессию

СССР, Франция, Чехословакия, ряд других стран пытались в середине 30-х создать механизмы *предотвращения агрессии* Гитлера. Польша, наоборот — проводила политику *содействия агрессии* третьего рейха, полагая, что в ходе большого грабежа кое-что достанется и ей.

Еще одним важным фактором, вдохновлявшим захватнические планы Варшавы и толкавшей ее на союз с Гитлером в Европе, была агрессия Японии в Китае. Она пригласила кстати полякам.

Действуя на основе известного меморандума Танака (главы японского МИД в 1927—1929 гг.), одобренного японским Кабинетом и представленного в середине 1927-го императору, Япония реализовывала программу широкой экспансии в Азии. Захват Маньчжурии рассматривался как первый этап — создание японского форпоста на материке. В ночь с 18 на 19 сентября 1931-го, под предлогом ответа на инсценированную ими же диверсию, японские войска овладели Мукденом и начали захват Южной Маньчжурии.

3 января 1932-го занятием японцами Цзиньчжоу оккупация Маньчжурии была завершена. В марте было создано марионеточное

государство Маньчжоу-Го. Но на этом дело не закончилось. Еще в меморандуме Танака был провозглашен курс на недопущение национального объединения Китая с постепенным превращением его провинций в источник сырья и базу для дальнейшего завоевания Индии, Филиппинского архипелага, Малой и Центральной Азии с созданием т.н. «Великого Пояса Азиатского Процветания» под эгидой Японии. Политико-идеологически эта доктрина оформлялась расистскими («Азия для азиатов») и шовинистическими («Япония во главе Азии») лозунгами.

Для того чтобы реализовать широкую программу региональной, а затем и мировой экспансии, Японии необходимо было гарантировать себя на континенте на севере, т. е. устранить гипотетическую угрозу вмешательства СССР. Такая задача была тем более актуальна, что Москва оказывала помощь Китаю в его национально-освободительной борьбе. Кроме того, Япония не прочь была поживиться и ресурсами советского Дальнего Востока.

К середине 30-х обстановка складывалась таким образом, что была высокая вероятность военного столкновения между Японией и СССР. Это вынуждало Москву ослаблять свою военную группировку на западных границах (соответственно делая их более уязвимыми).

Такое развитие событий — возможную советско-японскую войну — намеревались использовать поляки. Программа минимум — аннексия Литвы. В расчете на то, что увязший в конфликте с Японией СССР окажется не в состоянии противодействовать этой акции. Ну а при благоприятном (с точки зрения польских захватнических планов) развитии ситуации можно было подумать и об Украине с Белоруссией.

С другой стороны, и Япония была заинтересована в угрозе для западных границ СССР, что ослабило бы последний и облегчило для Токио реализацию своих агрессивных планов. В связи с чем японские эмиссары начали активно обрабатывать Берлин и Варшаву в соответствующем русле. Три агрессора — Германия, Япония и Польша, что называется, нашли друг друга на почве совпадения захватнических интересов. Т. е. польско-германский альянс следует рассматривать в более широком контексте — германо-японо-польского союза, пусть и не оформленного в виде документов (по крайней мере публичных).

К середине 30-х возникала ситуация, при которой СССР мог оказаться перед перспективой войны на два фронта — против Германии и Польши на Западе и Японии на Дальнем Востоке. И это осознавали в Москве.

Еще за полгода до подписания польско-германского пакта 19 июня 1933-го в письме из НКВД СССР на имя советского полпреда в Польше Антонова-Овсеенко говорилось, что «тенденция к сближению с Германией питается в Польше», в т.ч. «из стремления авантюристических кругов пилсудчиков **использовать возможную войну Японии с нами и поддержку гитлеровской Германии**». **«Оккупация Польшей Литвы, как Вы правильно отмечаете, возможна в случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке и последующего на нас нападения со стороны Польши»**, — указывалось в документе (1).

В качестве возможного повода для начала агрессии против СССР японцы рассматривали «проблему КВЖД» — Китайско-Восточной железной дороги, построенной Россией в 1897—1903 гг. После русско-японской войны 1904—05 гг. южное направление КВЖД отошло к Японии (ЮМЖД — Южная Маньчжурская железная дорога). С 1924-го КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 20-е годы из-за КВЖД СССР неоднократно конфликтовал с Китаем.

КВЖД имела важное военно-стратегическое значение с точки зрения возможной войны СССР с Японией. Желая избежать конфликта (тем более, он мог вылиться в войну на два фронта), и в качестве стратегической уступки Японии, снимающей ее озабоченность относительно военной угрозы со стороны СССР, глава НКВД Литвинов от имени советского правительства уже 2 мая 1933 г. заявил японскому послу в Москве Ота о готовности Москвы немедленно начать переговоры о продаже КВЖД Маньчжоу-Го (2).

После подписания в январе 1934-го пакта между Германией и Польшей значительно активизируется германо-польско-японское сотрудничество, получившее полное одобрение во влиятельных кругах польского истеблишмента. Так, 22 февраля председатель иностранной комиссии сейма сенатор Януш Радзивилл во время посещения Вильно обрисовал следующие перспективы, открывающиеся перед Польшей: **«на пользу Польши пошли изменение обстановки в Германии и угроза СССР со стороны Японии... Нам помогло то обстоятельство, что наш великий восточный сосед, столь грозный для нас несколько лет тому назад, все более запутывается в дальневосточной политике, результаты которой сегодня трудно предвидеть»**. Размышления этого стратега опубликовала консервативная краковская газета «Час», а далее в массовом порядке, с одобрительными комментариями и умствованиями вроде «внутренней необходимостью каждого небольшевистского государства является защита от большевистской заразы» перепечатали издания третьего рейха (3).

16 марта лондонский еженедельник «Уик» сообщает о суще-

ствующей договоренности между Польшей и Германией напасть на СССР совместно с Японией (4).

В июле посол США в Москве Буллит будет писать госсекретарю Хэллу, что Пилсудский делает ставку на советско-японскую войну в связи со своими планами захватов на Востоке — чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши» (5).

9 июля в Варшаву с трехдневным визитом прибывает брат японского императора принц Коноэ, который привез Пилсудскому письмо от бывшего военного министра Японии генерала Араки (активного сторонника войны с СССР, использующего в качестве повода КВЖД). Данные советской разведки (доклад ИНО ГУГБ НКВД на имя Сталина от 5 сентября 1934 г.) гласили, что в своем письме Араки (жаловавшийся на недостатки японской авиации) предлагал в качестве возможных сроков начала совместных германо-польско-японских военных действий против СССР весну 1935-го: «Если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации» (6).

Что до проблем с авиацией, то Польша взялась оказать Японии посильную помощь, продав лицензии на ряд польских самолетов, в частности на истребитель П-7.

Отдельно следует сказать, что на фоне сближения Польши с Германией и Японией происходит и резкая переориентация системы польских военных закупок. Если прежде главными партнерами Польши были Франция и Чехословакия, то в середине 30-х Варшава начинает сворачивать сотрудничество с французскими и чешскими оборонными предприятиями в пользу других государств.

Так, в письме замнаркома индел Стомонякова от 27 ноября 1934 г. на имя полпреда СССР в Дании Тихменева говорится: «недавно начальник шведского генерального штаба ездил в Польшу. Заинтересованность Польши в Швеции и усиление там польского влияния получили новую базу в крупных военных заказах, которые Польша, после обострения ее отношений с Чехословакией, перенесла в Швецию на заводы Бофорса. Если принять во внимание одновременное обострение отношений Польши с Францией и учесть заинтересованность Польши в шведском рынке, особенно для польского угля, а также географическую близость Швеции, то станет ясно, что Швеция становится постепенно дополнительной военно-промышленной базой для польского империализма» (7). Советская

разведка постоянно фиксировала рост польско-шведского сотрудничества в области вооружений, например докладывала о масштабных польских заказах в Швеции систем ПВО осенью 1934-го (8).

Если до 1933-го польские военные суда строились исключительно на французских верфях, то далее заказы передаются на английские верфи. В Польше имелись заводы, принадлежавшие чехословацкому концерну «Шкода». В свете нового курса Варшава дошла до того, что в 1934-м поляки не пустили даже директора этой фирмы на принадлежавший ей варшавский завод авиамоторов (в начале 1935-го польское правительство выкупит этот завод у «Шкоды» за 20 млн. злотых) (9).

Сворачивание сотрудничества в сфере импорта вооружений с Францией и Чехословакией служит дополнительным важным свидетельством того, какие планы в тот момент вынашивала Варшава. Действительно, планируя агрессию против СССР, с которым в тот момент сближались Франция и Чехословакия (а на ее территории у Польши тоже были виды), было нелепо размещать военные заказы в этих странах — в решающий для Польши момент военные поставки могли бы прекратиться.

Активно развивалось военно-техническое сотрудничество Польши и с Японией. В письме советника полпредства СССР в Польше Б. Подольского от 11 ноября 1934 г. на имя С. Стомонякова о японской активности в Польше напоминалось, что еще «в конце июня 1932 г. состоялся визит в Польшу председателя ассоциации японской спортивной авиации полковника Адати с целью ознакомления с польской авиацией и производством самолетов в Польше». Далее Подольский писал об уже упоминавшемся визите брата японского императора принце Коноэ, имевшего цель «ознакомиться с состоянием ее военной подготовки». О сентябрьском посещении Варшавы японской военной миссией во главе с начальником авиационной школы в Аконо генералом Харута.

Сообщал Подольский о наличии польско-японского соглашения о стажировке пяти японских офицеров в польской армии в 1934 г. «Японский генштаб, — говорилось далее в письме, — осуществляет широкую деятельность наблюдения за СССР из Прибалтийских стран и из Польши, имеются связи японцев с петлюровскими группами, и через эти группы проводится разведка об СССР. Данные группы финансируются японцами. Польское руководство к этим связям относится благосклонно».

Польская военная и металлургическая промышленность, отмечалось в письме, имеет японские заказы: а) ружейно-пулеметные заводы в Варшаве и Радоме получили с 1 января 1934 г. двухгодичный

заказ на 100 тыс. винтовочных стволов. Данный заказ в настоящее время выполняется; б) польская авиапромышленность имеет заказы на отдельные типы польских самолетов. Во второй половине апреля 1934 г. Япония приобрела у Польши лицензии на истребитель П-7; в) металлургические предприятия Польши выполняют японские заказы на трубы, стальной прокат, бронеплиты и турбины (10).

В общем, тесное и плодотворное сотрудничество, как и полагается среди союзников.

27 июля 1934-го Берлин и Варшава достигают договоренностей о противодействии заключению Восточного пакта (на этом проекте, направленном на противодействие гитлеровской агрессии в Европе, лоббировавшемся Францией и СССР, мы подробнее остановимся ниже). А 10 августа польское и германское правительства дают вербальные заверения японскому посланнику в Варшаве и послу Японии в Берлине в том, что они не подпишут Восточный пакт (11).

Для Японии такого рода заверения имели крайне важное значение, ибо означали, что СССР не получит надежного обеспечения своих границ на Западе и соответственно не сможет сконцентрировать свои усилия на противодействии японской агрессии на Дальнем Востоке.

Само собой, Варшава и Берлин попросили от японского союзника и ответной услуги: напрягать ситуацию на Дальнем Востоке. Согласно разведанным, которые в конце 1934-го ложились на стол Сталину, Пилсудский с помощью японской активности рассчитывал побудить к сомнениям Париж, «показать ему, что СССР Франции не союзник» (12).

Берлин и Варшава, с одной стороны, и Токио — с другой разыгрывали комбинации, напоминающие атаку пары лаек на медведя, — когда собаки дружно нападают с разных сторон, раскручивают зверя хватками, заставляя осаживаться для обороны.

В августе британский «Уик», а затем «Нью стэйтсмен энд нэйшн» пишут о готовящемся нападении Японии на российский Дальний Восток, а Германии с Польшей — на ее европейскую часть (13).

То, что этот вопрос активно обсуждается в британской прессе — не удивительно, если принять во внимание интересы Великобритании в Китае, а кроме того, приоритет внешнеполитической активности Лондона того времени — защиту британских заморских владений. Исходя из последнего, Лондон объективно был заинтересован в том, чтобы отвести экспансию Японии и Германии от своих колоний, перенаправив ее в другое русло, например в сторону СССР. Это давало Великобритании как минимум временную отсрочку.

4 ноября 1934 г. замнаркома индел просит полпреда СССР в Польше Давтяна проверить «факты пребывания японских офицеров в Польше и работы одного из них в польском генштабе», а затем «регулярно следить и регистрировать все факты в этой области».

Данное поручение основывалось на распространявшихся многочисленных сведениях, которые «принимают все более серьезный характер», — о «растущей близости между Польшей и Японией, о подготовке заключения союзного договора или даже о состоявшемся заключении такового».

Бросались в глаза дипломатические жесты Варшавы, призванные публично продемонстрировать близкий характер польско-японских отношений. «Характерную деталь, — писал замнаркома Стомоняков, — представляет недавнее посещение президентом Польской Республики японской миссии. По справке 1-го Западного отдела, в прошлом польский президент бывал только во французском посольстве. На этот раз поляков не остановило даже то высокопринципиальное различие, которое они в вопросах этикета делают между посольствами и миссиями».

Наконец, особое внимание советского полпреда обращалось на частые поездки и длительное пребывание японских офицеров в Польше, в частности на то, что «какой-то японский офицер генерального штаба постоянно работает и чуть ли не имеет свой кабинет в польском генштабе» (14).

К концу 1934-го о совместном германо-польско-японском выступлении против СССР западные дипломаты рассуждали как о практически решенном деле. К примеру, 10 декабря американский посол в Берлине Вильям Додд в беседе с британским послом сэром Эриком Фиппсом назвал возможным сроком нападения апрель—май 1935-го (война, по его словам, должна была начаться с атаки Японии на Владивосток) (15).

Параллельно с выступлением против СССР и Литвы в Варшаве активно обсуждалась и тема нападения на Чехословакию. Причем польская элита строила свои планы не особо таясь. Чехословацкий посланник в Варшаве Вацлав Гирсу в донесении от 22 января 1935-го сообщал в Прагу о доминирующих взглядах в польских официальных кругах, свидетельствующих о том, что вооруженный конфликт между Польшей и Чехословакией неизбежен, причем в ближайшее время (16).

Обеспокоенный таким обилием данных о подготавливаемой германо-польско-японской агрессии, которая должна была начаться с выступления Японии, Москва пошла на уступки Токио.

«На протяжении всего этого периода мы проявляли в этих отношениях терпение и должную уступчивость, стремясь к устранению всяких поводов к обострению советско-японских отношений, — докладывал председатель Совнаркома В. Молотов на VII съезде Советов 28 января 1935 г. — Так относились мы к разрешению спорных вопросов в хозяйственной области, когда дело шло о районах и порядке рыболовства в советских водах японских граждан, когда дело шло о японских концессиях на Сахалине и т. п.

Советское правительство сделало предложение о продаже Японии и Маньчжоу-Го Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии, имея в виду этим устранить поводы ко всякого рода конфликтам. Советское правительство заняло в этом вопросе достойную и вместе с тем уступчивую позицию и добилось от другой стороны отказа от их первоначальных неприемлемых предложений. Теперь переговоры о продаже КВЖД подошли, видимо, к близкому завершению. Мы надеемся, что наши усилия к улучшению советско-японских отношений и обеспечению мира на Дальнем Востоке дадут свои положительные результаты.

Но мы не имеем никаких оснований к самоуспокоению. Агрессивные, воинственные элементы в Японии не складывают оружия. О войне против Советского Союза в Японии давно говорят открыто, и до сих пор не видно признаков ослабления этих антисоветских выступлений. В некоторых японских кругах, имеющих влияние в правительственных органах, не только давно и открыто смакуются планы захвата КВЖД, но и захвата нашего Дальнего Востока, в первую очередь Приморья. Не считаться с этими фактами мы не можем, тем более что мы хорошо помним, что японцы в качестве интервентов последними ушли с нашей территории» (17).

15 марта 1935-го, незадолго до подписания соглашения о продаже КВЖД, нарком Литвинов в интервью ряду японских газет пояснил уступчивость СССР: «при изменившемся с 1931 г. положении в Маньчжурии не могло не прийти к убеждению, что КВЖД может стать неисчерпаемым источником конфликтов между СССР и Японией и осложнить его политику сохранения мира со всеми своими соседями... Вот почему я 2 мая 1933 г. от имени своего правительства заявил японскому послу в Москве г. Ота о нашей готовности начать немедленно переговоры о продаже КВЖД Маньчжоу-Го... Видя в продаже КВЖД одно из средств укрепления мира на Дальнем Востоке, Советское правительство в начатых переговорах проявляло максимальную благожелательность и уступчивость,

отойдя в конечном итоге на значительное расстояние от первоначально занятой им позиции» (18).

23 марта 1935-го Соглашение между СССР и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайско-Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги) было подписано (19).

Однако несмотря на многочисленные, часто беспрецедентные уступки Москвы, удовлетворившей практически все требования Токио, последний так и не пошел на заключение советско-японского пакта о ненападении (20). Т. е. ситуация оказалась в подвешенном состоянии.

В дипломатических кругах заговорили о войне во второй половине 1935 г. 7 апреля французская газета «Эхо де Пари» воспроизвела сообщение швейцарской «Националь цайтунг», согласно которому 25 офицеров рейхсвера отправились в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии, при этом ожидалось прибытие в Берлин 70 японских офицеров для координации деятельности с германским командованием (21). Австрийский посланник в Праге Марек направил главе МИД Австрии доклад под названием «Положение и развитие гитлеровской системы (к концу марта 1935-го)», подготовленный на основе данных, полученных через посредника от доктора Отто Штрассера (после прихода Гитлера к власти О. Штрассер бежал в Австрию, а затем в Чехословакию). Среди прочего: «Геринг с Розенбергом утверждают, что имеется твердое согласие Польши, что она добьется падения литовского и русского военного сопротивления. Тогда при активном участии Японии, при посильном участии Германии от России будет отделена Украина; осуществление этой акции обусловит сотрудничество между Польшей и Венгрией против Закарпатской Украины, при благосклонной подстраховке со стороны Германии. Польша заявила, что при взаимном исполнении обязательств она согласна с возвращением Данцига и полосы сочленения с Восточной Пруссией» (22)

Советская разведка 1 апреля 1935-го докладывала Сталину о переговорах Геринга с Бекем, в ходе которых было достигнуто устное «джентльменское соглашение» о том, что Польша поддержит требования Германии о равноправии вооружений и аншлюса Австрии. При этом стороны любезно договорились о «совместном противодействии усилению влияния СССР на европейские дела».

Надо сказать, что Геринг одно время был своего рода «куратором» германо-польских отношений. Частенько наезжал в Польшу поохотиться, особенно любил развлечься в Беловежской пуще. А Бек

в компании генералов Войска Польского нередко его сопровождал. На природе, в непринужденной обстановке друзья-соратники и оттачивали нюансы совместных планов, обсуждали будущий дериван территорий сопредельных государств. К примеру, заместитель Бека граф Шембек зафиксировал в своем дневнике приезд Геринга в Польшу в январе—феврале 1935-го и мысли, которыми тот поделился с польскими друзьями на охоте в Беловежской пуще: «В своих беседах Геринг проявил себя значительно более откровенным, чем принято. Особенно это относится к его беседам с генералами, и в частности с генералом Соснковским. Он зашел настолько далеко, что почти предложил нам антирусский союз и совместный поход на Москву. При этом он высказал мнение, что Украина стала бы зоной влияния Польши, а северо-запад России — зоной Германии» (23).

Так, в указанном докладе ИНО ГУГБ НКВД Сталину относительно возможных сроков начала войны говорилось: «По мнению поляков, срок военного столкновения между СССР и Японией откладывается с весны на осень 1935 года, но они не исключают неожиданной провокации в любой момент со стороны военных кругов Японии. Поляки видят главную причину возможной отсрочки событий на Дальнем Востоке в позиции Англии, которой еще не достигнуто равновесия и политической стабилизации европейских дел» (24).

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1970, т. 16, с. 355—356.
2. ДВП СССР, т. 18, с. 178.
3. Морозов С. В. К вопросу о секретном приложении к польско-германской декларации от 26 января 1934 года // «Юрист-международник». — 2004. — №4.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. ДВП СССР, т. 17, с. 701.
8. Секреты польской политики: Сб. документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 27.
9. Морозов. Указ. соч.
10. ДВП СССР, т. 17, с. 827—828.
11. Морозов. Указ. соч.
12. Там же.
13. Там же.
14. ДВП СССР, т. 17, с. 665.
15. Морозов. Указ. соч.
16. Там же.
17. ДВП СССР, т. 18, с. 48—49.
18. ДВП СССР, т. 18, с. 178—179.
19. ДВП СССР, т. 18, с. 204—213.
20. ДВП СССР, т. 18, с. 180.
21. Морозов. Указ. соч.
22. Там же.
23. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. — М.: Политиздат, 1975, с. 283.
24. Секреты польской политики: Сб. документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 16.
25. Там же, с. 21.

Чуть позже замначальника ИНО ГУГБ НКВД Слуцкий доложит Сталину о заявлении Бека и японского посла в Бухаресте, что «Япония не подпишет договора о ненападении с СССР» (25).

Одним словом, и с дальневосточным агрессором у Польши отношения складывались как нельзя лучше. Но реализации планов, как мы уже писали в предыдущей главе, помешали события мая 1935-го: советско-французский договор о взаимопомощи (а затем и советско-чехословацкий) и смерть Пилсудского. Кроме того, СССР ценой значительных уступок Японии, о которых шла речь выше, лишил Токио повода для нападения.

Тем не менее еще раз зафиксируем, чьим союзником в тот момент являлась Польша. Отметим, что ее участие в описываемых играх способствовало усилению позиций агрессоров — Германии в Европе, Японии — на Дальнем Востоке. Соответственно, внешняя политика Польши всю работала на развязывание мировой войны.

Колонии для «Великой Польши», и за что поляки обещали поставить памятник Гитлеру

«Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями. Италия вспомнила, что ее обделили при дележе добычи после первой империалистической войны и что она должна возместить себя за счет сфер влияния Англии и Франции. Германия, серьезно пострадавшая в результате первой империалистической войны и Версальского мира, присоединилась к Японии и Италии и потребовала расширения своей территории в Европе, возвращения колоний, отнятых у нее победителями в первой империалистической войне.

Так стал складываться блок трех агрессивных государств.

На очереди встал вопрос о новом переделе мира посредством войны.

...После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — до-

говор девяти держав, а в Европе — Версальский и целый ряд других договоров... Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия — Версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги Наций.

Новая империалистическая война стала фактом», — скажет И. В. Сталин 10 марта 1939 г. в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) (1).

Действительно, проблема колоний, включавшая в себя доступ к источникам сырья, рынкам сбыта, «свободным землям» для колонизации как способе разрешения демографических проблем, наконец, являвшаяся еще и вопросом внешнеполитического престижа, была одним из факторов, провоцирующих международные конфликты в 30-е годы, и стала одной из главных причин, приведших в итоге к развязыванию Второй мировой войны.

В середине 30-х и вплоть до 1 сентября 1939-го вопрос о колониях был обязательным в программе абсолютно всех переговоров, которые вела Германия с Англией и Францией. Он же неизменно стоял во внешнеполитической повестке Японии и Италии.

Колониальный вопрос стал той площадкой, на которой сошлись интересы упомянутых крупных международных хищников и Польши, изо всех сил пытавшейся прорваться в высшую лигу агрессоров. Когда Япония, Германия и Италия выйдут из Лиги Наций, мешавшей (если не делом, то раздражавшей словом) их агрессивным захватам, там останется их яростный и надежный адвокат — Польша. Польские представители возьмут на себя эту «благородную миссию» — оправдывать и отстаивать с женевской трибуны (Лига Наций располагалась в Женеве, Швейцария) все захватнические акции агрессоров — будь то захват Италией Эфиопии, нападение Японии на Китай, требования Гитлера о предоставлении колоний Германии (само собой, адвокатские усилия польской дипломатии не ограничивались защитой колониальных претензий Гитлера, но распространялись и на оправдание таких акций, как введение в Германии всеобщей воинской повинности, отмену военных ограничений, вступление гитлеровских войск в демилитаризованную Рейнскую зону в 1936 г., аншлюс Австрии, расчленение Чехословакии и т. д. и т. п.).

Конечно, все это неспроста. Ведь «великая Польша» и себя мнила колониальной державой. «От моря до моря» — это так, программа-минимум. Без лишней скромности поляки полагали, что «от океана до океана» — тоже в самый раз.

Польша еще не успела оформить как следует своей государствен-

ности и даже получить выход к морю (это произойдет в июне 1919-го), а 1 октября 1918-го (т. е. даже до окончания Первой мировой войны) по инициативе контр-адмирала Казимежа Порембского создается *Stowarzyszenie na Polu Rozwoju Żegluga «Bandera Polska»* («Общество на поприще развития судоходства «Польский флаг»). Далее эта организация сменит свое название на *Liga Żegluga Polskiej* («Лига польской навигации»). А в 1924-м переименуется на *Liga Morska i Rzeczna* («Морская и речная лига»). В 1928-м с подачи экс-консула Польши в Куритибе (Бразилия) Казимира Глуховского создается *Zwiazek Pionerow Kolonialnych* («Союз колониальных пионеров»).

В 1930-м *Zwiazek Pionerow Kolonialnych* и *Liga Morska i Rzeczna* сливаются в одну организацию под названием *Liga Morska i Kolonialna* («Морская и Колониальную Лига») во главе с генералом Мариушем Заруским (*Mariusz Zaruski*), которая начинает пропаганду колониальных идей в Польше. Морская и Колониальная Лига вела сбор средств в Фонд морской обороны, умудрившись насобирать даже на строительство подводной лодки «Орел», спущенной на воду в 1939-м. Издавала ежемесячник *Morze* («Море») и ежеквартальный журнал *Sprawy Morskie i Kolonialne* («Морские и колониальные вопросы»).

Только в 1930-х годах Морская и Колониальная Лига состояла из 6 тысяч территориальных групп с количеством более чем 800 тысяч членов! Примечательным для этих союзов было то, что в их правление входили высшие польские офицеры и государственные чиновники (2).

Официальные круги поддерживали деятельность Лиги как рассадника польского шовинизма и «великодержавия». Пропаганда строилась на фальсификации и вольной трактовке истории. В частности, поляков убеждали, что Данциг, вся Западная Пруссия, часть Померании и Восточной Пруссии испокон века принадлежали Польше, и из балтийских портов, расположенных в этих землях, польские мореплаватели отправлялись в дальние заморские походы.

Бывший помощник Канариса Оскар Райле, долгое время занимавшийся разведдеятельностью против Польши, вспоминал: «любому поляку прививалось убеждение, что он принадлежит к великому народу мореплавателей, у которого вот только в последние столетия не было возможности строить корабли и ходить по морям. Тем острее для Польши жизненная необходимость утвердиться на Балтийском море и вернуть себе «старопольские» земли».

Ежегодно поляки с 31 июля по 2 августа отмечали в Гдыне Праздник моря. Во время празднований каждый раз произносились высокопарные (и, естественно, фальшивые) речи о давних традициях польского мореходства. «Каждый поляк, — вспоминал

Райле, неоднократно бывший очевидцем этих сборищ, — приехавший из глубинки, будучи исторически невежественным, из всего этого увозил домой твердое убеждение, будто Польша действительно должна вернуть себе «свой исконный порт Данциг» и возродить могущественный флот. Митингующие ораторы, среди которых нередко были и министры, а иногда даже и президент страны, называли Балтийское море Польским морем» (3).

Если на первых порах деятельность этой лиги и была шутовством «потешных колониальных полков», то по мере возрастания аппетитов великодержавной, шовинистической верхушки в Варшаве идеи обретения Польшей заморских колоний были поставлены в официальную повестку дня государства.

Поначалу необходимость получения колоний официальными кругами Варшавы аргументировали демографическими проблемами — перенаселением Польши. С этой целью государство оказывало лиге помощь в приобретении территорий под осадничество в Бразилии, Перу, Либерии. Например, в 1934-м была куплена земля в бразильской провинции Парана, где польские колонисты основали поселок Морская воля (Morska Wola). Был подписан договор с Либерией о хозяйственном и культурном сотрудничестве и о колонизации ее территории.

А далее все чаще стали звучать т.с. классические колониальные тезисы, в которых колонии рассматриваются как объекты грабежа — в первую очередь Польшу, бедную полезными ископаемыми, интересовали источники сырья.

Ну и опять же: все великие державы имеют колонии, а «великую Польшу» обделили. В Варшаве считали, что это несправедливо.

В октябре 1935-го ежемесячник *Morze* пишет: «Мы, поляки, как и итальянцы, стоим перед большой проблемой размещения и использования быстро увеличивающегося населения. Мы, поляки, как и итальянцы, имеем право требовать, чтобы для нас были открыты рынки экспорта и регионы для поселения, чтобы мы могли получать сырье, необходимое для национальной экономики на условиях, на которых это делают иные колониальные державы» (4).

На страницах *Morze* адепты польского империализма теоретизировали на тему польского *Lebensraum*, т.е. «жизненного пространства» — жгучей потребности в получении колоний. Проводился тезис, что «Польша должна выйти из европейских границ» — если намерена стать действительно великой державой. Размещались разглагольствования с призывами к соответствующего толка государственной пропаганде — надо-де пропитать колониальным духом каждого поляка.

Официальная Варшава регулярно поднимала вопрос о наделении Польши заморскими колониями перед западными державами. От Франции требовали передачи Польше Мадагаскара, от Португалии — Мозамбика. В сентябре 1936-го Юзеф Бек с трибуны Лиги Наций обратился с требованием польского членства в комиссии по вопросам отобранных у Германии и Оттоманской империи колоний. Комитет по иностранным делам польского сейма вышел с идеей передачи в польское владение до 9% бывших германских колоний ввиду того, что Польша, образовавшаяся на обломках разных империй, в т.ч. и Германской, в определенной степени является наследницей последней. Поляки предлагали передать им Того и Камерун, т.к. последние «и так никому не нужны».

«Не менее характерной является, далее, прогерманская кампания, продолжающаяся в консервативной польской прессе, — писал советский нарком Литвинов в письме полпреду СССР в Польше Давтяну 7 февраля 1936-го, — **Имевшее на днях место выступление Бека с заявкой на получение Польшей колоний и появившееся вслед за этим в польской печати статьи о перенаселении Польши, в частности польской деревни, и о вытекающей отсюда необходимости получить колонии имеют также своей целью мобилизовать общественное мнение Польши вокруг империалистических задач, т. е. под знаком прогерманской политики Польши**» (выделено мной. — С. Л.) (5).

Действительно, у Франции и Англии польские колониальные требования поддержки не находили. Зато поляки нашли себе союзников в Берлине. Польские претензии насчет заморских владений Гитлер нашел вполне заслуживающими удовлетворения. Оно и понятно: запросы подобного толка со стороны Варшавы служили дополнительным обоснованием «справедливости» и колониальных притязаний третьего рейха. Мол, не только мы, немцы, японцы и итальянцы требуем колоний, вон и другая «великая нация», «оплот европейской цивилизации» — Польша — тоже поднимает эти вопросы.

12 января 1937 г., выступая в бюджетной комиссии сейма, министр иностранных дел Польши Ю. Бек заявил, что для Польши большое значение имеют вопросы эмиграции населения и получения сырья, ибо Польшу «больше не может удовлетворять прежняя система решения так называемых колониальных вопросов» (6).

Когда в конце 1937 г. глава французского МИД Ивон Дельбос будет посещать Варшаву, одним из ключевых вопросов для обсуждения поляки сделают именно вопрос о предоставлении Польше колоний. С разрешением этой «проблемы» польское руководство будет увязывать и отношение Польши к системе коллективной без-

опасности против агрессии в Европе, обсуждать которую Дельбос и ездил в Варшаву.

«Кампания польской прессы накануне и во время визита Дельбоса в пользу предоставления Польше сарьезой квоты и районов для поселения эмигрантов и разговор Бека с Дельбосом на ту же тему по дороге в Краков также чрезвычайно симптоматичны. **И в этом вопросе польская внешняя политика следует по стопам Гитлера и усиливает общий фронт агрессоров.** (выделено мной. — С. Л.) Дельбос, по-видимому, ожидал худшего (Бек еще пожалел своего французского коллегу, такт и снисхождение проявил! — С. Л.), поскольку польская пресса требовала ни больше ни меньше — предоставления Польше колоний, которые целиком бы принадлежали Польше. Поэтому ему ничего не оставалось, как признать требования Бека умеренными и обещать ему, что в случае постановки вопроса о перераспределении источников сырья и колоний Франция учтет интересы Польши», — сообщал 12 декабря 1937 г. временный поверенный в делах СССР в Польше в НКВД (7).

«Неделя моря» в Польше, организованная Морской и Колониальной Лигой, проходила в 1937 г. под патронатом таких влиятельных лиц, как генерал Казимир Соснковский, который стал Протектором Лиги, президент Польши Игнаци Мосцицкий (стал почетным членом Лиги), маршал Рыдз-Смиглы, примас Польши Август Глонд. Неделя проходила в парадах и выставках под девизом «Нам нужны сильный флот и колонии!» (8).

А с 1938-го уже стали проводиться DNI KOLONIALNE — «Дни Колоний». С помпой, под бой, как говорят, шовинистических барабанов. Руководил этой кампанией по поручению правительства генерал Соснковский.

В листовке 1938-го по случаю «Дней Колоний» (7—13 апреля) говорилось:

«ПОЛЯКИ!

Польше не хватает ресурсов, необходимых для экономического развития страны. Мы ежегодно платим огромные суммы иностранцам, которые контролируют источники колониального сырья и торговлю ими...

...Морская и колониальная лига ставит вопрос ребром — получить колонии ради польских экономических интересов. Эти стремления получают поддержку всех граждан Республики, о чем свидетельствует их массовое участие в «ДНЯХ КОЛОНИЙ». В этих демонстрациях — наиболее жизненно важные интересы во имя поль-

ской национальной экономики — пусть никто не останется равнодушным, пусть голос каждого превратится в сильный крик:

Требуем свободного доступа к ресурсам! Требуем колоний для Польши!»

В костелах отправляли торжественные службы по этому поводу. В кинотеатрах крутили фильмы на колониальную тему. В программу «Дней Колоний» входили поездки наиболее активных членов Морской и Колониальной Лиги в фашистскую Италию — для ознакомления с тамошним опытом управления заморскими владениями.

Да что там в 1938-м! Даже за полгода до разгрома, когда над Польшей уже нависнет германский меч, Варшава требовала колоний. Так, 10 февраля 1939 г., когда в Гдыне на воду спускали новую подводную лодку «Орел», генерал Соснковский в пафосном спиче подчеркивал, как важен для страны флот в плане будущей обороны колониальных владений. А 11 марта 1939 г. в Польше опубликована целая программа по колониальному вопросу (высшего совета лагере национального объединения — польской правящей партии (9)! В ней было прямо заявлено, что Польша-де, как и прочие великие европейские державы, должна иметь доступ к колониям...

В телеграмме министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послам Великобритании во Франции и Бельгии Э. Фиппсу и Р. Клайву от 28 января 1939-го, в которой шла речь относительно возможных планов Гитлера на ближайшую перспективу, говорилось в т.ч. о том, чем Берлин может увлечь Польшу, сохранив ее в лагере своих союзников: «Пока еще нет оснований предполагать, что Гитлер принял решение о каком-либо конкретном плане. Сообщения, имеющиеся у нас, показывают, что он может: ...подкупить Польшу, а возможно, и другие страны обещаниями допустить их к колониальному грабежу; (выделено мной. — С. Л.) в этом случае голландская Ост-Индия, возможно, будет обещана Японии» (10).

Правы англичане! Действительно, чем еще можно было «купить» Польшу! Только грабежом! Не мирными же предложениями!

В марте 1939-го, когда готовился визит Бека в Лондон, а это, напомним, время, когда Гитлер изготавился уничтожить Чехословакию и вполне недвусмысленно обозначил, что Польша следующая в очереди — «адекватные» поляки требовали включить в список тем для обсуждения вопрос о колониях. Правда, англичане и в этот раз не уважили. 8 марта 1939-го Галифакс ответил, что, поскольку «между Великобританией и Польшей нет колониальных проблем, на дан-

ный момент обсуждать нечего». Поляки подумывали даже об отмене визита из-за такой «наглости» Лондона (11).

Частью общеколониальной тематики, в которой Польша и гитлеровская Германия неизменно приходили к взаимопониманию и согласию, был еврейский вопрос.

Мы уже писали, что в межвоенные годы не третий рейх, а Польша была пионером в актуализации такого вопроса, как насильственная депортация евреев. И вся проблема, над которой бились в Варшаве, заключалась в поиске подходящего места, куда бы можно было переселить миллиона полтора «лишних» польских евреев.

Интересно, как бы смотрелся памятник Адольфу Гитлеру где-нибудь в центре Варшавы? Полагаете, это фантастика? Отнюдь. Поляки обещали поставить фюреру памятник, причем, «прекрасный». Но Гитлер не успел им помочь с евреями.

Так, 20 сентября 1938 г. посол Польши в Германии Ю. Липский отправил донесение министру иностранных дел Ю. Беку о беседе с Гитлером в Оберзальцберге, проходившей в присутствии имперского министра иностранных дел Риббентропа. Два часа в теплой и дружественной атмосфере соратники — представители нацистской Германии и Польши — обсуждали широкий круг вопросов. Центральным, конечно же, было сотрудничество по части расчленения Чехословакии (проходило это за десять дней до Мюнхенскогоговора).

Полагая вопрос Судетов и Тешинской области уже решенным (Польше, в частности, было обещано, что в случае чего «рейх станет на нашу (польскую. — С. Л.) сторону»), Гитлер заговорил о планах на будущее. Представил довольно длинный список. Липский это громадьё планов аккуратно отсортировал по пунктам, среди прочего были и такие: «е) что после решения судетского вопроса он поставит вопрос о колониях; ф) что его (Гитлера. — С. Л.) осенила мысль о решении еврейской проблемы путем эмиграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией, а может быть, и Румынией».

Услышав последнюю мысль, осенившую голову фюрера, Липский столь расчувствовался: «тут я ответил, что, если это найдет свое разрешение, мы поставим ему прекрасный памятник в Варшаве», — известил он Бека о данном Гитлеру обещании (12).

Еще долго соратники будут обсуждать идею выселения евреев из Германии и Польши. Например, 25 октября Липский будет писать Беку о своей беседе с Риббентропом, состоявшейся накануне: «В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя

странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия по колониальным вопросам и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта» (13).

Еще 5 января 1939-го Бек и Гитлер пытались найти точки соприкосновения по «еврейской» тематике. Как сказано в стенограмме их беседы, «вопросом, в котором у Германии и Польши есть совместные интересы, является еврейская проблема».

«Он, фюрер, преисполнен твердой решимости выбросить евреев из Германии. Сейчас им еще будет позволено захватить с собою часть своего имущества; при этом они наверняка увезут с собою из Германии больше, чем они имели, когда поселились в этой стране. Но чем больше они будут тянуть с эмиграцией, тем меньше имущества они смогут взять с собою.

Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев. К сожалению, однако, западные державы не проявили этого понимания» (14).

1. Сталин. Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952, с. 606—608.
2. Райле Оскар. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). — М.: Центрполиграф, 2002, с. 24.
3. Там же, с. 23—25.
4. Гаврилов И. «Речь Посполитая от океана до океана». Польские колониальные амбиции в 1930-е годы, ИА REGNUM, 06.09.2009 — regnum.ru/news/1202970.html.
5. Документы внешней политики СССР. — М.: Политиздат, 1974, т. 19, с. 65.
6. Год кризиса. 1938—1939. Док. и материалы в 2-х т. — М.: МИД СССР, 1990.
7. Документы внешней политики СССР. — М.: Политиздат, 1976, т. 20, с. 651.
8. Гаврилов. Указ. соч.
9. Год кризиса. 1938—1939. Док. и материалы в 2-х т. — М.: Составитель МИД СССР, 1990.
10. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 174—175.
11. Гаврилов, Указ. соч.
12. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 177.
13. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 63—64.
14. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 2, с. 8—9.

Как Москва загоняла Варшаву в угол

Однако от лирического отступления о польских колониальных грезах вернемся к попыткам создания системы коллективной безопасности против гитлеровской агрессии в Европе, оказавшимся, увы, безуспешными.

Сразу после заключения германо-польского пакта от 26 января 1934 г. Москва устроила Варшаве своеобразную проверку «на вшивость» — зондаж истинных намерений Польши, в т.ч. в свете ее соглашения с Германией — втянула в забавную дипломатическую игру, предложив продлить срок советско-польского пакта о ненападении 1932 г.

Дело в том, что срок советско-польского пакта был определен в 3 года с автоматическим продлением на 2 года, если ни одна из сторон не заявит о выходе из соглашения. А вот польско-германский пакт был заключен на 10 лет.

И 13 февраля 1934-го, когда полковник Бек находился с визитом в советской столице, Литвинов, «смеясь, как бы в шутку» (так сказано в его докладе по итогам беседы с польским коллегой) заявил, что Москва испытывает «некоторую ревность» по поводу того, что «Польша заключила пакт с нами на три года, а с Германией — на 10 лет». Бек при этих словах «явно смутился (единственный раз за все время нашей беседы) и даже заерзал на стуле и невнятно сказал, что это можно исправить».

Дабы вывести польского коллегу из этого «невнятного» состояния, Максим Максимович эдак по-простецки и предложил: мол, а в чем проблема, давайте исправим, минутное дело. Литвинов высказал мнение, что продление сроков советско-польского пакта могло бы «увенчать» трехдневное пребывание Бека в Москве (1).

В планы поляков, как очень скоро выяснилось, продление пакта с СССР не входило. Получалось, что уже в середине 1935-го Варшава не исключала прекращения действия указанного соглашения о ненападении. Если мы вспомним о вышеупомянутых тайных польско-германских и польско-японских договоренностях и, как тогда считали в Европе, высокой вероятности войны указанной тройки против СССР именно в 1935 г., то такая позиция Польши становится тем более понятной.

Но и просто так уйти от поставленного Москвой вопроса Варшава тоже не могла. Поляки взяли время на размышление. «Размышляли» они полтора месяца. Как оказалось — искали формулу, как бы так «продлить» польско-советский пакт, чтобы... не продлевать.

Эту хитрую, как полагали в Варшаве, формулу изложил 25 марта 1934-го посланник Польши в СССР Лукасевич. Он предложил применить к польско-советскому пакту те же самые подходы, которые заложены в пактах о ненападении СССР с прибалтами, в частности, с Эстонией и Латвией.

«В ст. 7 польско-советского пакта срок его определен на 3 года, с автоматическим продлением на 2 года, если не будет денонсации. Таким образом, по истечении 5-летнего срока пришлось бы вести переговоры о новом пакте», — согласился Лукасевич. А вот в ст. 6 пакта СССР с Эстонией и в ст. 6 советского пакта с Латвией «срок договора определен тоже в 3 года, однако с бесконечным автоматическим продлением на каждые последующие два года, если не будет денонсации». Для того, чтобы придать длительный характер польско-советскому пакту, Бек и польское правительство, указал Лукасевич, предлагают подписать протокол, по которому срок польско-советского пакта определяется точно таким же образом, как и срок советских пактов с Эстонией и Латвией. Такое разрешение вопроса устранил-де «новые переговоры о польско-советском пакте к моменту истечения 5-летнего срока».

Замнаркома индел Стомоняков ответил, что это «не есть продление договора на 10 лет», и что «новое польское предложение сводится, по существу, к тому, что польское правительство оставляет за собой право денонсации польско-советского пакта за 6 месяцев до ноября 1935 г... польское предложение оставляет, по существу, все в прежнем состоянии. поскольку за обеими сторонами оставляется право денонсации пакта уже через год».

Последовавшая вслед за этим дипломатическая перепалка интересна не только железной логикой, с помощью которой Москва выводила Варшаву на чистую воду, но и очевидной демонстрацией «двойного дна» польской внешней политики (что служит еще одним аргументом в пользу тайных польско-германских соглашений).

Польский посланник стал напирать на то, что продление польско-советского пакта могут-де неправильно истолковать страны Прибалтики, а потому, мол, «продление польско-советского пакта невозможно без одновременной «синхронизации» наших пактов с этими государствами», добавив, что «это, однако, является очень трудной проблемой».

Стомоняков парировал, что «мы в свое время заключили с Польшей самостоятельный пакт и решительно отвергли связывание его с другими проблемами, не относящимися к польско-советским отношениям». Больше того, и с прибалтами СССР заключал пакты, не огляды-

ваясь на позицию Варшавы, «при этом подписали с ними пакты раньше, чем с Польшей», поэтому и «вопрос о продлении наших пактов с прибалтами может разрешаться только между нами и ними и не имеет никакого отношения к продлению польско-советского пакта».

Но самое главное: «Эти соображения посланника удивляют меня тем более, что Польша заключила 10-летний пакт с Германией, не проявляя при этом никаких забот о Прибалтийских государствах» (выделено мной. — С. Л.).

Припертый, что называется, к стенке Лукасевич начал переводить стрелки на «другие вопросы, которые пришлось бы урегулировать при переговорах о продлении польско-советского пакта на 10 лет». Но что за «другие вопросы» — пояснить так и не смог, дескать, «он не уполномочен говорить по этим вопросам».

И опять нарвался: член коллегии НКВД СССР напомнил, что, согласно уверениям Польши, польско-германский пакт о ненападении, заключенный на 10 лет, не связан «ни с какими другими вопросами из области отношений с третьими странами» (2).

Далее Варшава «вдруг» вспомнила о ноте Чичерина о Литве от 1926 г. (имеется в виду непризнание Советским Союзом насильственного захвата Польшей Виленской области). В ноте Чичерина от 28 сентября 1926-го на имя главы тогдашнего литовского государства Сляжевичюса было сказано, что «фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа (т. е. военный захват Виленщины Желиговским с последующим оформлением этой аннексии польским сеймом. — С. Л.), не поколебало его отношения к территориальному суверенитету, определенному ст. II и примечанием к ней Мирного договора между Россией и Литвой 12 июля 1920 года» (3).

«Вдруг» — потому что эта нота ничуть не помешала Польше заключить в 1932 г. польско-советский пакт о ненападении. Спрашивается: почему продление сроков действия этого пакта в 1934-м Варшава стала увязывать с советской позицией по Литве? Сам собой напрашивается ответ: потому что возникли некие новые обстоятельства, побудившие Польшу «по-новому» взглянуть на свои возможности относительно Литвы (которую поляки называли не иначе как «польской Австрией», имея в виду планы гитлеровского аншлюса).

В Москве выслушали эту очередную польскую претензию, выдвигавшуюся в качестве условия продления пакта о ненападении, и согласились подтвердить «соответственный пункт Рижского договора (1921-го. — С. Л.) касательно Литвы».

В Варшаве обнаружили, что опять попали впросак. «Это поста-

вило Польшу в крайне затруднительное положение, выход из которого она стала искать в навязывании нам нового условия об аннулировании в той или иной форме ноты Чичерина о Литве от 1926 г., — писал нарком Литвинов временному поверенному в делах СССР во Франции 4 апреля 1934-го, — этот пункт договора говорит не только о Литве, но и об Украине и Белоруссии, и поэтому, когда я согласился на упоминание в протоколе всего пункта, Польша поняла, что мы таким путем получаем от нее письменное формальное заверение отсутствия у нее каких-либо соглашений с Гитлером касательно Украины и Белоруссии. Ее предложение об упоминании в протоколе лишь 2-го абзаца статьи, говорящего только о Литве, я, естественно, отклонил, и это вновь загоняет Польшу в угол, ибо если она решительно будет отклонять ссылку на весь пункт, то она этим скажет, что у нее есть какие-то соглашения с Гитлером» (выделено мной. — С. Л.) (4).

Переиграла Москва Варшаву и на прибалтийском направлении. Варшава, как уже отмечалось выше, не желая продлевать срок действия советско-польского пакта о ненападении, совершенно надуманно увязывала этот пакт с аналогичными пактами СССР со странами Прибалтики.

Но Москва действовала молниеносно. И 4 апреля в Москве были одновременно продлены на 10 лет советско-литовский, советско-латвийский и советско-эстонский пакты, а через два дня, 6 апреля на тот же срок, т. е. по 31 декабря 1945-го, был продлен и советско-финский пакт. Как скажет в речи при подписании протоколов о продлении пактов о ненападении между СССР и странами Прибалтики М. Литвинов, это была «беспримечательная в истории дипломатии быстрота, с которой инициатива Советского правительства была претворена в жизнь» (5).

И опять советский нарком торжествует: «Польша явно загнана нами в угол. Идея продления пакта на 10 лет ей вообще не улыбалась, но совершенно отклонить наше предложение было явно неудобным. Она поэтому решила было поставить нам условия и в первую очередь требование об одинаковом продлении наших пактов с Прибалтикой... Польша попыталась выйти из затруднения, предложив привести польско-советский пакт в отношении срока в соответствие с нашими пактами с Эстонией и Латвией... Она, однако, очевидно, не знала, что мы тем временем сами предложили Прибалтийским странам продлить наши пакты на 10 лет и получили на это их согласие. Когда Лукасевич передал нам предложение об уравнивании польско-советского пакта с прибалтийскими, он был застигнут врасплох нашим сообщением о том, что балтийские пакты уже решено продлить на 10 лет».

Констатировав, что Варшава приперта к стенке, Литвинов справедливо добавлял, что перипетии, сопровождающие дискуссии о продлении советско-польского пакта о ненападении, «отнюдь не свидетельствуют о прямоте и искренности польской политики» (6).

Собственно, вся эта затея с пролонгацией пакта о ненападении и была направлена на то, чтобы выяснить эту самую «искренность» польской внешнеполитической линии.

Об этом, в частности, заявил Литвинов и французскому послу в Москве Альфану в беседе 20 апреля 1934-го — в СССР «заинтересованы в выяснении польской политики», поскольку «несмотря на внешне проявляемое Польшей дружелюбие, некоторые ее действия вызывают у нас также недоверие... достаточно упомянуть отклоненное Польшей предложение о балтийской декларации и почти отклоненное продление пакта о ненападении» (7).

Протокол о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой был подписан в Москве 5 мая 1934-го. Согласно документу, советско-польский Договор о ненападении от 25 июля 1932 года должен был оставаться в силе «до 31 декабря 1945 года», при этом стороны могли отказаться от него «с предупреждением о том за шесть месяцев до истечения установленного выше срока».

В то же время поляки добились фиксации в протоколе, что СССР не вмешивается в разрешение территориальных вопросов между Польшей и Литвой: «Соответственно этому Правительство Союза Советских Социалистических Республик подтверждает, что нота Народного Комиссара Г. В. Чичерина от 28 сентября 1926 года Литовскому Правительству не может истолковываться таким образом, будто бы этой нотой имелось в виду вмешательство Советского Правительства в урегулирование упомянутых в ней территориальных вопросов» (8). Иными словами, Варшава оставляла для себя свободные руки в отношении Литвы.

Спустя два дня после подписания указанного протокола советский нарком Литвинов и посол Франции в СССР Альфан, суммируя имеющиеся факты, придут к выводу, что совместный советско-французский зондаж польских намерений утверждает во мнении относительно имеющихся тайных договоренностей Германии и Польши, направленных на силовой пересмотр европейских границ: «Если говорить о нашем недоверии, то оно ведь основано на фактах. Мы вели с Польшей весьма серьезные разговоры о сотрудничестве, и эти разговоры были прекращены по инициативе поляков. Приняв наше предложение о декларации в пользу независи-

мости Прибалтики, Польша после подписания пакта с Германией от декларации отказалась. Наше предложение о продлении пакта Польшей саботировалось свыше двух месяцев. Я уже не касаюсь слухов и толков о секретных польско-германских соглашениях. Наконец, результаты варшавских бесед Барту скорее подтверждают, чем опровергают эти слухи» (9).

Совершенно очевидно, что в Москве не относились с полным доверием к польской подписи под каким бы то ни было документом, в т.ч. и под протоколом о продлении сроков действия пакта о ненападении между СССР и Польшей. Но, тем не менее, прямое нарушение международного договора, тем более пакта о ненападении — это потеря внешнеполитического лица государства, это фиксация того простого факта, что и другие договора с этим государством (заключенные кем бы то ни было) не стоят ломаного гроша. Поэтому Москва исходила из того, что — если уж нельзя исключить агрессивные действия Польши в союзе с Германией и/или Японией — то как минимум надо создать такую ситуацию, при которой агрессор предстал бы безусловным агрессором в глазах всего мира.

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1971, т. 17, с. 134—138.
2. ДВП СССР, т. 17, с. 204—208.
3. Документы внешней политики СССР. — М.: Политиздат, 1964, т. 9, с. 448.

4. ДВП СССР, т. 17, с. 235.
5. ДВП СССР, т. 17, с. 232.
6. ДВП СССР, т. 17, с. 234—236.
7. ДВП СССР, т. 17, с. 277.
8. ДВП СССР, т. 17, с. 315—316.
9. ДВП СССР, т. 17, с. 317—318.

Польша не позволяет связать руки Гитлеру

А вот загнать Варшаву в угол в ситуации с «восточным пактом» («восточным Локарно»), несмотря на все старания Москвы и Парижа, к сожалению, не удалось. Тут поляки стойко выдержали советско-французский дипломатический натиск, направленный на предотвращение агрессии, и не позволили связать Гитлеру руки системой коллективной безопасности.

Идея «восточного пакта» возникла осенью 1933-го сразу после демонстративного выхода Германии из Лиги Наций и ее отказа участвовать в конференции по разоружению. Инициатором проекта выступил глава французской дипломатии Поль-Бонкур, который сначала через серию бесед с советским полпредом в Париже

Довгалеvским, а затем и в личной встрече с советским наркомом индел 31 октября 1933-го предложил заключить пакт о региональной взаимопомощи на востоке. Параллельно предлагалось подписание советско-французского договора о взаимопомощи и вступлении СССР в Лигу Наций.

Москва поддержала французскую идею, и 28 декабря 1933-го Довгалеvский передал Поль-Бонкуру ответные предложения СССР о заключении регионального пакта о взаимной помощи на случай агрессии (1).

В феврале 1934-го во Франции к власти пришло новое правительство, в котором пост министра иностранных дел получил Луи Барту. 20 апреля он поставил в известность советскую сторону, что Париж продолжит с Москвой переговоры по вопросу о пакте на базе предложений Поль-Бонкура. В мае 1934-го, выступая в парламенте Франции, Барту заявил, что «французская политика стремится к сближению с СССР» (2).

Для Москвы сближение с Францией, предложение о заключении «восточного пакта» (сопряженное с приглашением в Лигу Наций) означало прорыв внешнеполитической изоляции и выход в Европу в качестве равноправного игрока на континенте. Крайне важным было и то, что «восточный пакт», отказ от стратегии сдерживания Советской России посредством системы «санитарного кордона» (что, заметим, далеко не всем было по душе; естественно, русофобы и антикоммунисты организовывали пропагандистские кампании, направленные на «недопущение в Европу варваров с Востока»). Наконец, надежный тыл на Западе был важен Москве с точки зрения угроз на Дальнем Востоке.

Что до Франции, то «восточный пакт» должен был предстать в качестве еще одного элемента системы французских военных союзов. «Восточный пакт, который неизбежно должен был бы сementировать все французские связи на Востоке и в сильнейшей степени гарантировать безопасность самой Франции, способствовал бы чрезвычайному росту французского международного могущества», — сформулирует впоследствии советский полпред в Великобритании Майский в письме на имя Литвинова (3).

При этом отметим, что идея «восточного пакта» Барту предполагала участие в нем и Германии. Иными словами, в отличие от Клемансо—Пуанкаре—Фоша, которые пытались сдерживать Германию через ее окружение, Барту намеревался интегрировать Берлин внутрь международной коллективной системы, находившейся под эгидой Франции.

Эту формулу тогдашний глава МИД третьего рейха фон Нейрат расшифрует следующим образом: «Политические цели нового предложения о пакте легко различимы, — отмечалось в циркулярном письме министра иностранных дел Нейрата от 8 июня 1934 г. — Германия будет вовлечена в систему, где господствующее положение займут Франция и Советский Союз... В силу своего центрального положения Германия окажется во власти русско-французской политики» (4). Условно говоря, на одной руке у Германии «повисла» бы Франция, на другой — СССР (оставалось только договориться, чтобы Польша позволила Советской России дотянуться до «восточной» германской руки).

27 июня 1934-го проект «восточного пакта» был передан французами англичанам. С оговорками — насчет возможности вооружения Германии — Лондон одобрил проект.

Хотя в целом надо заметить, что особенности внешнеполитической линии Великобритании негативно отразились как на «восточном пакте», так и вообще на создании механизмов по противодействию политике Гитлера. Традиционно Лондон пытался выстраивать в Европе систему баланса сил, поддерживая менее сильное государство (коалицию государств) против наиболее мощного. До Первой мировой войны наиболее сильным была Германия — Англия поддерживала Францию. После Первой мировой войны Франция стала доминировать на континенте, Лондон начал поддерживать Италию и Германию.

Кроме того, Франция, имеющая более слабые позиции в Европе, была бы более удобным объектом для манипулирования в интересах британской политики. Англичане, писал советский полпред в Лондоне по поводу британского отношения к «восточному пакту», предпочли бы видеть Францию «изолированной от всех или большей части своих восточных друзей, в особенности от СССР, ибо тогда, ввиду все усиливающейся Германии, Франция стала бы совсем ручной и пошла бы на поводу у британской политики» (5).

Тем не менее, после того как Москва 16 июля 1934-го сообщила Лондону, что СССР не против включения в гарантийное франко-советское соглашение Германии, равно как согласен и с тем, чтобы на последнюю распространялись гарантии как Франции, так и Советского Союза (6), Великобритания официально поддержала проект «восточного пакта».

Таким образом, участниками пакта должны были стать следующие страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Чехословакия, Германия, СССР, Литва, Латвия, Эстония и Фин-

ляндия. Они бы обязывались взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать помощь государству — участнику пакта, которое подверглось нападению, и, соответственно, не оказывать никакой помощи государству-агрессору. Кроме этого договора, планировалось заключение отдельного пакта о взаимной помощи между СССР и Францией. Т. е. Франция стала бы гарантом «восточного пакта», а СССР вместе с Англией и Италией — гарантом Локарнского пакта 1925 г. (серия договоров, ключевым из которых был Рейнский пакт — о признании западных границ Германии, установленных Версальским договором; в случае нарушения условий договора державы-гаранты — Франция, Бельгия, Великобритания и Италия получали право на решительные ответные действия).

Т. е. Гитлер оказывался бы связанным по рукам и ногам. По сути уже в 1934 г. можно было раз и навсегда обуздать третий рейх, поставив крест на всех его агрессивных планах. По сути речь шла о предотвращении большой войны в Европе, которая в итоге выльется во Вторую мировую.

Как отметит германский дипломат Герберт фон Дирксен, бывший на тот момент послом Германии в Японии, «восточный пакт запирает дверь перед пересмотром восточных границ» (7). И не только восточных, но и западных, т.к. «восточный пакт» был прямо увязан с Локарнским пактом.

Но ни гитлеровской Германии, ни Польше подобное «запирание дверей» не подходило. Ибо «восточный пакт» запирает двери и перед пересмотром тех границ, которые Варшава очень жаждала пересмотреть — с Чехословакией, Литвой, наконец с СССР.

Польша нанесла первый мощный удар по «восточному пакту» уже в самом начале обсуждения этого проекта — в январе 1934-го, — пойдя на заключение польско-германского пакта о ненападении, выведя гитлеровскую Германию из внешнеполитической изоляции и создав прецедент двусторонних соглашений с третьим рейхом. Впоследствии Гитлер в полную силу задействует этого «троянского коня» германской дипломатии — билатеральные соглашения — против коллективной системы противодействия агрессии.

С учетом географического положения, ключ от «восточного пакта» — от дверей, запирающих Гитлеру пересмотр границ в Европе, — оказался у поляков. Без Польши вся идея «восточного пакта» обесмысливалась.

24 апреля 1934-го временный поверенный в делах СССР во Франции сообщает в НКВД о своих беседах с Барту и Леже (генеральным секретарем МИД Франции): «Я подробно беседовал с ним,

как и с Барту, относительно Польши, и изложил ему все соображения, которые были преподаны в ваших письмах. Я ему, в частности, указал на то, что мы сами считали **непременным условием заключения конвенции участие в таковой Польши**». Французы соглашаются: **«конфигурация граней такова, что без содействия Польши конвенция не может быть осуществлена»** (8). Или вот мнение французского посла в Польше Ляроша: **«поведение Польши является решающим. Польша не может ограничиться только «сочувствием» к пакту (как, например, Англия), а должна сказать, участвует она в нем или нет. Неучастие Польши сводит весь пакт к бессмыслице, в то время как неучастие Германии практически ничего бы не изменило»** (9).

Большие надежды были на то, что Франция сумеет уговорить Польшу — своего союзника, столь многим ей (Франции) обязанную. Сами французы были в этом уверены. Как заметит однажды генсек французского МИД Леже советскому временному поверенному во Франции, «Польша постоянно упрекала Францию в отсутствии Восточного Локарно и не сможет уклониться» (10). Как же — не сможет! Это ж когда Польша Францию упрекала — когда Гитлера не было! А «с другом великой Польши» Гитлером Варшаве никакие «восточные Локарно» стали не нужны!

Нет, поляки, конечно, не отказывались от участия в переговорах по созданию системы коллективной безопасности. Но Варшава стала, что называется, «динамить» усилия Франции и СССР по вовлечению Польши в проект «восточного пакта», в проект, как покажет история, спасения самой Польши (чего витавшие в облаках поляки тогда не понимали).

Немцам, как уже говорилось выше, тоже было предложено участвовать в «восточном пакте». «Германия не посмеет отказаться, не ставя себя в невыгодное положение, — пояснял Леже 28 апреля 1934-го советскому временному поверенному во Франции, — эта формула... устранил упрек в «окружении Германии» (11).

Германия и не отказывалась. Ибо прямой отказ означал бы демаскировку истинных намерений. Поэтому фон Нейрат предложил действовать хитрее. В циркулярном письме послам в Лондоне, Риме и посланнику в Бельгии от 8 июня 1934-го он дал следующие инструкции: «Для срыва такого намерения хорошо было бы, если мы не отклоняли бы предложения сразу, а стали на путь затягивания вопроса. При этом мы могли бы, наряду с нашими возражениями, отметить и ряд положительных моментов, присутствующих в предложении; и мы должны были бы **позаботиться также о том, чтобы как можно больше возражений выдвинули другие страны**» (выделено мной. — С. Л.) (12).

А какие «другие страны»? Ясно: в первую очередь Польша! Кому ж еще прийти на помощь третьему рейху в непростой ситуации, как не союзнику!

Поляки действовали именно так, как и определил фон Нейрат: затягивали переговоры под разными предложениями. У Варшавы всегда было вдоволь аргументации, почему ее не устраивает та или иная вариация «восточного пакта».

Во-первых, дабы вовлечь Польшу в «восточный пакт», пытались получить у поляков четкий и конкретный ответ на вопрос — считают ли они в принципе Германию Гитлера вкупе с известными планами фюрера о переустройстве европейского порядка угрозой? Поляки от ответов уходили.

Советский полпред в Польше Давтян (сменил Антонова-Овсеенко в марте 1934-го — очевидно, в качестве реакции на дипломатический провал в виде польско-германского пакта) 12 апреля 1934 г. пытается ухватить за язык Бека: «я сознательно вставил реплику, что самым трудным и шекотливым является вопрос о дооружениях Германии», но глава польского МИД начеку — *«он сразу перевел разговор в другую плоскость»* (13).

25 апреля 1934-го — очередная попытка: «Желая все-таки получить от него какой-нибудь ответ, я спросил, как он расценивает отрицательный ответ Германии на наше предложение. Не кажется ли ему, что этот ответ предусматривает какие-то неясные намерения Германии в отношении Прибалтики», — интересуется Давтян у Бека. Но полковник Бек настроже: «Несмотря на совершенно прямой вопрос, который я повторял в разных вариантах, *Бек явно уклонился от всякого ответа и всякого комментирования* германской позиции, пустившись в философствование» (14).

12 мая 1934-го советский полпред «просидел у Бека больше часа». И с одного боку заходил, и с другого, мол, советско-французские усилия направлены на то, чтобы «связать Германию обязательством неагрессии, зная, что в германских кругах о таких планах агрессии мечтают». В ответ *«Бек стал выворачиваться и затем замаял разговор»* (15).

Такую же уклончивость и изворотливость проявляли поляки в ходе переговоров непосредственно о «восточном пакте». «Сегодня с Розенбергом (временный поверенный в делах СССР во Франции. — С. Л.) имел деловую беседу с Барту и Баржетоном (французский дипломат. — С. Л.) для дальнейшего выяснения деталей пактов, — писал 4 июня 1934-го Литвинов в НКВД из Женевы. — Я боюсь, однако, что Польша, не давая отрицательного ответа, будет всячески саботировать переговоры, выставляя неприемлемые условия и

иными путями» (16). Т. е., как и учил фон Нейрат, и чего ожидал от «других стран».

На следующий день Литвинов пишет новое сообщение в НКИД по итогам своего обеда с Бекком: «Но мое впечатление таково, что без Германии Польша, наверно, отклонит пакт, а при согласии Германии тоже маловероятно, чтобы она его приняла. Возможно, что Польша сагирует Германию, чтобы она отказалась, если та вообще в такой агитации нуждается» (17). Германия агитирует Польшу против «восточного пакта», Польша — Германию.

А вместе они разыгрывают незамысловатую комбинацию: поляки не желают присоединиться к «восточному пакту», потому что в нем не участвует Германия, а Германия отклоняет предлагаемые проекты из-за их «несовершенства», аргументируя это самое «несовершенство» настороженной польской позицией. Закрытый круг: Варшава кивает на Берлин, Берлин — на Варшаву.

«Польша является главным затруднением в осуществлении регионального пакта, — пишет 27 июня 1934 г. Литвинов советскому полпреду в Италии Потемкину, — Бек не дал отрицательного ответа в Женеве ни Барту, ни мне, но не скрывал своего скорее отрицательного отношения к пакту». Польша, продолжает он, «вероятно, будет прятаться за спину Германии, обуславливая свое согласие участием в пакте Германии, с тем чтобы отказ Германии избавил ее от необходимости открыто выявить ее собственную отрицательную позицию». А в целом «позиция же эта определяется общим с Германией желанием не связывать себе руки на случай всяких военных возможностей» (18).

Литвинов рассчитывает на Францию, которая «имеет в своем распоряжении достаточные средства давления на Польшу, чтобы заставить ее примкнуть к пакту... результата можно будет добиться лишь путем... сильнейшего давления на Польшу. **Ключевой позицией является, по-моему, польская**». Советский нарком переоценил возможности Франции. И речь даже не о том, что у французов не было рычагов. Дело в том, что по отношению к неадекватному польскому руководству средства дипломатического давления были бесполезны. Что говорить о 1934-м (тем более в тех конкретных условиях, когда Гитлер наобещал полякам с три короба) — ведь даже в 1939-м, как ни убеждали Варшаву согласиться принять советскую помощь против германской агрессии, но так ничего и не добились.

Но то, что позиция Варшавы была ключевой с точки зрения обуздания Германии — тут с Литвиновым не поспоришь. Дальше он высказал еще более интересную мысль: «**В случае ее (Польши). — С. Л.**

согласия, Германия не устоит перед угрозой реализации пакта без ее участия, что обыкновенно понимается как окружение Германии, и предпочтет сама примкнуть к пакту» (19). Иными словами: присоединись Польша к «восточному пакту» — и Германии, дабы не оказаться изолированной, станет некуда деваться, кроме как и самой примкнуть к этому коллективному образованию.

Параллельно с советскими дипломатами активные переговоры с Польшей ведут французы и чехи. Французский посол в Москве Альфан сообщает Стомоякову о «плодотворных» и «содержательных» беседах Ляроша (польского посла в Варшаве) с Бекком: «результаты переговоров Ляроша с Бекком по вопросу о Восточноевропейском пакте... Бек отвечал уклончиво и по существу ничего не сказал» (20).

Чехословацкий министр иностранных дел Бенеш считал, что в вопросе «восточного пакта» нужно действовать «с открытым забралом», «прямо и искренне» — для того, чтобы не могло возникнуть каких-нибудь сомнений о характере намерений, связанных с этим пактом, «лишенным каких бы то ни было умыслов против кого бы то ни было». Именно в таком ключе Бенеш и ведет переговоры с польским посланником в Праге Гжибовским об отношении Варшавы к пакту. В ответ... «не получил никакого ответа на этот свой вопрос» (21).

«Основную роль в провале пакта играет, конечно, Польша, позиция которой, вследствие занимаемого Польшей географического положения, несомненно, является главным препятствием к осуществлению этой акции, — пишет 4 июля 1934-го Стомояков советскому полпреду в Варшаве Давтяну. — Все получаемые нами информации без единого исключения подтверждают эту роль Польши. Излишне останавливаться на том, что эта позиция Польши, как и ее отрицательная позиция в отношении нашего вступления в Лигу Наций, а также вообще весь курс польской политики на сотрудничество с Германией диктуются спекуляцией пилсудчиков на японо-советскую войну, перспектива которой лежит в основе всех их политических расчетов» (22).

Но мало того, что Польша сама саботировала пакт, она в сотрудничестве с Гитлером прилагала усилия к тому, чтобы отвратить от него и другие страны: «Польша и Германия делают большие усилия оказать влияние на позиции Латвии и Эстонии в отношении заключения Восточноевропейского пакта взаимопомощи», — сообщал в том же письме Стомояков (23). И тут надо заметить, что в мае 1934-го в Латвии произошел фашистский переворот Ульманиса, который и сел диктатором в Риге. Германофильский крен в поли-

тике Латвии при Ульманисе, конечно, облегчал задачу Варшаве и Берлину по срыву реализации идеи «восточного пакта».

Порой аргументация Польши против пакта доходила до полного идиотизма. К примеру, Бек 3 июля 1934-го заявил Давтяну, что «само название «Восточное Локарно» ему не нравится потому, что слово «Локарно» вообще представляет неприятный термин для поляков». В ответ на что советскому полпреду пришлось разъяснять Беку элементарные вещи: «дело не в названии и вообще слово «Локарно» пущено не нами, а различными газетами. Дело в самом принципе пакта, который имеет в виду обеспечить стабилизацию мира в определенном участке Европы» (24).

Этот принцип, логично рассуждал советский полпред, «должен быть полезен и для Польши, поскольку таким пактом Германия должна закрепить и польско-германские существующие границы». На эту фразу Бек, «смеясь», заметил, что «в этом нет специальной надобности, ибо польская граница достаточно обеспечена польской армией». Как уже отмечалось, Бек был большой весельчак.

Дабы дополнительно повеселить этого самонадеянного шляхтича, Давтян на всякий случай напомнил, что даже Франция — куда более мощное в военном отношении государство, тем более сразу после Первой мировой войны, перед лицом разоруженной и ослабленной Версалем Германии, — но и та в 1925 г. «тем не менее подписала Западное Локарно с Германией, ибо взаимные гарантии всегда лучше непосредственного применения силы» (25). Но эту аргументацию, как и любую прочую, поляки не воспринимали. Союз с Гитлером им представлялся куда перспективнее.

«Бек по-прежнему тянет и находит десятки вопросов, которые требуют еще «выяснения», — информировал французский посол в Варшаве Лярош своего советского коллегу Давтяна 17 июля 1934-го, — поляки не хотят пакта, но будут приноравливать свое поведение к тому, как будет реагировать Германия. Последняя... будет стараться фактически свести пакт на нет путем различных контрпредложений» (26). Варшава продолжала свой прогитлеровский саботаж пакта.

Время уходило в бесплодных дискуссиях с поляками, неизменно находивших «десятки вопросов» для дополнительного «выяснения». Наконец Варшава придумала новую «хохму». 27 сентября в Женеве Бек вручил Барту записку с очередными условиями польского присоединения к «восточному пакту».

Теперь Польша требовала не просто участия Германии в проекте, но «включения в пакт статьи о полном сохранении в силе польско-германского соглашения в качестве базы отношений между обеими

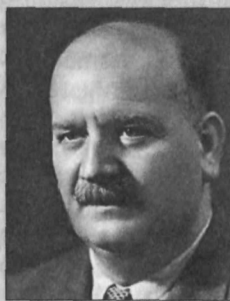
странами». Кроме того, Польша настаивала, чтобы ее избавили от каких-либо «обязательств в отношении Чехословакии» и «освобождения Польши от обязательств в отношении Литвы» (27).

Нелепость данного польского требования была очевидной. Ведь пакт задумывался именно как механизм предотвращения агрессии против всех его участников. Тут же получалось, что Польше должны были оставить свободные руки в отношении Чехословакии и Литвы. Кроме того, как мы помним, в польско-германском пакте отсутствовала клаузула о прекращении действия этого документа в случае совершения агрессии Польшей или Германией.

Поэтому, комментируя эти более чем странные польские предложения, нарком интел Литвинов абсолютно справедливо писал на имя временного поверенного в делах СССР во Франции: «Польша ставит условием также включение польско-германского соглашения в Восточный пакт. Необходимо потребовать от Польши уточнения этого условия. Если речь идет о подтверждении обязательств о ненападении, то отчего не включить и польско-советский пакт о ненападении, да и вообще это излишне, так как сам пакт будет включать пункт о ненападении. Если же Польша имеет в виду подтвердить ненападение Польши на Германию и обратно даже в случае их агрессии против других участников пакта, то это явно неприемлемо, ибо подрывает цель пакта» (28).

В конце 1934-го переговоры по «восточному пакту» усложнились ввиду убийства Луи Барту. В новом правительстве Фландена пост министра иностранных дел занял П. Лаваль, сторонник франко-герман-

Фланден Пьер-Этьен (Pierre-Étienne Flandin) (12.04.1889 — 13.06.1958),

французский государственный и политический деятель. Премьер-министр Франции с 8 ноября 1934 г. по 1 июня 1935 г. В январе—июне 1936 г. министр иностранных дел. Поддержал действия маршала Петена по выходу Франции из войны. В декабре 1940-го — феврале 1941 г. занимал пост министра иностранных дел в коллаборационистском правительстве Виши. В минимальной мере сотрудничал с немцами, оказывая поддержку союзникам. В начале ноября 1943 г. уехал в Алжир к Дарлану, где 11 декабря был арестован, в 1944 г. передан французским властям. 26 июля 1946 г.

приговорен Высшим судом юстиции в Париже к 5 годам поражения в правах (в тот же день, учитывая заслуги перед движением Сопротивления, приговор был аннулирован).

ских договоренностей. В Москве опасались, что «восточный пакт» превратится из цели французской политики в инструмент давления на Германию с тем, чтобы достичь франко-германского соглашения.

Чтобы исключить какие-либо отдельные переговоры с Гитлером, Москва настояла на подписании 5 декабря 1934 г. советско-французского протокола о том, что «каждое из этих двух государств обязуется не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного совещания с другим правительством» и информировать друг друга о своих переговорах с представителями Германии, равно как и о всех политических предложениях, которые «ему будут сделаны со стороны Германии каким бы то ни было путем». К этому протоколу присоединилась и Чехословакия (29).

В конце ноября 1934-го Лаваль направил Беку согласованный с Литвиновым меморандум, составленный, как не преминул отметить советский нарком, «довольно ловко и убедительно».

Суть его сводилась к следующему. Франция разделяет позицию Польши, что в пакте должна принимать участие и Германия. Однако, подчеркивал Лаваль, это участие будет «скорее реализуемо, если Польша даст принципиальный положительный ответ и не захочет делить с Германией ответственность за провал». Если же Польша настаивает на включении в «восточный пакт» содержания польско-германского соглашения, то «надо включить также двусторонние договоры о ненападении между Польшей, СССР и Балтийскими странами». Лаваль и Литвинов вместе выработали положение меморандума, предполагающее освобождение Польши от

Лаваль (Laval) Пьер (28.06.1883 — 15.10.1945), французский государственный

деятель. В 1914—1919 гг. и 1924—1927 гг. депутат парламента. В 1927—1940 г. сенатор. Неоднократно входил в правительство. В январе 1931-го — январе 1932-го и в июне 1935-го — январе 1936-го премьер-министр, с октября 1934 г. по июнь 1935 министр иностранных дел. 2 мая 1935 г. подписал франко-советский пакт о взаимной помощи, подготовленный его предшественником Барту. С начала Второй мировой войны выступал за подписание мира с фашистской Германией. После заключения Францией перемирия Лаваль 23 июня 1940 г. занял пост государственного министра в правительстве Петена, с 12 июля по 13 декабря 1940 г. — замглавы правительства, действовал как прямой пособник гитлеровцев. В апреле 1942 г. — августе 1944 г. премьер-министр коллаборационистского правительства Виши. После войны приговорен к смертной казни как изменник. Расстрелян.

оказания помощи Литве и Чехословакии. Закачивался документ «призывом к союзническим чувствам и интересам» (30).

Спустя месяц Польша дала «неудовлетворительный» ответ, о чем и сообщил французский премьер Фланден советскому полпреду в Париже 4 января 1935-го: «Польша явно укрывается за Германию, полякам придется раскаиваться, что они избрали такого партнера». И пророчески добавил: «Положение Польши может оказаться фатальным» (31).

Варшава ни при каких условиях не собиралась участвовать в «восточном пакте». На публике ведя игру в «переговоры», в неофициальной обстановке польские дипломаты откровенно заявляли, что ни к какой коллективной системе безопасности на востоке Польша присоединяться не намерена. Так, 10 января 1935-го Муссолини сообщил советскому полпреду в Италии о разговоре Бека с итальянским послом в Варшаве: «Бек заявил о твердом решении Польши не присоединяться к Восточному пакту» (32).

Чем дальше — тем меньше поляки скрывали свою отрицательную позицию. При этом Варшава не могла ее внятно обосновать, что, естественно, порождало подозрения относительно характера договоренностей Польши и Германии. «Не только мы, но и весь мир недоумевает по поводу отрицательного отношения Польши к Восточному пакту, — говорил 10 февраля 1935 г. Литвинов польскому послу в СССР Лукасевичу. — А когда нет этому удовлетворительных явных объяснений, то, естественно, ищут скрытых объяснений, и на этой почве не может не развиваться некоторая подозрительность».

Какого рода подозрительность? Например, Прибалтика. Ни польско-германский, ни польско-советский пакты о ненападении, ни союз Польши с Францией не являлись гарантией от вторжения Германии в страны Прибалтики (которые могли быть не только сами по себе объектом германских притязаний, но и являться «коридором» для нападения на СССР).

«Неужели, — спрашивал Литвинов польского посла, — он серьезно думает, что литовская или латвийская армии могут служить барьером против нападения на нас Германии. Неужели он не понимает, что эти армии могут быть опрокинуты в 3 дня даже нынешним рейхсвером? Но допустим, что немцы остановятся у наших границ, захватив лишь Прибалтику. Разве Польша с этим готова мириться?».

Лукасевич пробормотал, что Германия, мол, знает, как к этому относится Польша. Литвинов это подхватил, отметив, что в германо-польском протоколе нет ни слова о Прибалтике. «Стало быть, — продолжил он, — Германии может быть известно об отношении Польши

к этой проблеме из другого соглашения, ни нам, никому другому неизвестного. В том-то и дело, что ни один здравомыслящий человек не допускает, чтобы Польша могла относиться равнодушно к захвату Прибалтики Германией, и раз Польша тем не менее отклоняет всякие гарантии против такой эвентуальности, то отсюда естественно предположение о наличии какого-то другого соглашения между Германией и Польшей, в котором, может быть, говорится не только о Прибалтике».

Литвинов недоумевал: если Польша так уверена в отсутствии какой-либо опасности как ей самой, так и Прибалтике и СССР, то еще менее понятно — «почему она отказывается подписать пакт, который почти ни к чему ее не обязывает и который к тому же, несомненно, улучшил бы ее отношения как с СССР, так и с Францией?»

А поскольку поляки высказывали отрицательное отношение не только к «восточному пакту», но и к готовившемуся параллельно французско-советскому договору о взаимопомощи, Литвинов не мог не озадачить польского посла и на этот счет: «Я не вижу, почему наш «союз» с Францией — союзницей Польши — должен мешать нашим добрососедским отношениям с Польшей» (33).

Мы знаем — почему, вели речь об этом в предыдущих главах. Позиция Польши была странной, если исходить из цели недопущения агрессии в Европе. Но все становится на свои места и польская линия обретает логическую форму, если принять во внимание польско-германские договоренности, включая высоковероятные секретные протоколы, да добавить к этому также и польско-японские контакты.

На фоне противодействия Польши «восточному пакту» и советско-французскому сближению, подчеркнутому дистанцированию Варшавы от Москвы и отдалению от Парижа, польско-германские отношения, наоборот, — становились все более тесными и теплыми.

Полпред СССР в Польше писал 24 февраля 1935-го на имя Стомонякова: «Пока что германо-польский флирт продолжается вовсю: триумфальное турне с лекциями по Германии Каден-Бандровского (в то время известный польский писатель. — С. Л.), поездка представителей Варшавского и Краковского муниципалитетов в Дрезден на шопеновские торжества, выставка польской графики в ряде городов Германии, радиопереклички, поездка делегации в составе 20 человек польского министерства коммуникаций в ряд городов Германии и т. д. Польская пресса по-прежнему занимает исключительно дружественную позицию в отношении Германии, а корреспонденты «Газеты польской» в Берлине и других городах Европы превозносят Гитлера и его политику» (34).

Одно слово — союзники!

16 марта 1935 г. Гитлер «хоронит» Версальский договор — в Германии принимается «Закон о строительстве вермахта», которым вводится всеобщая воинская повинность. Число дивизий должно было возрасти до 36, а общая численность сухопутной армии Германии достичь 500 тыс. человек. Это, конечно, для начала.

Варшава узнает о решении Гитлера выйти из версальских ограничений по вооружениям одной из первых. Но поляков это не пугает. Наоборот! Позиция Польши в отношении «восточного пакта» становится еще более отрицательной. Поляки измышляют новый аргумент против пакта, не менее нелепый, чем прежние. 15 марта 1935-го французский посол в Варшаве Лярош «узнал, что у Пилсудского и Бека возник новый аргумент против пакта. Пилсудский считает принципиально невозможным принимать помощь от стран, участвовавших в разделе Польши». Как прокомментирует это советский полпред в Варшаве, «однако поляки не хотят пользоваться этим аргументом в Берлине (Пруссия ведь участвовала в разделах Польши. — С. Л.), чтобы не вызвать конфликта с немцами, тем более что это могло бы противоречить имеющимся возможным взаимным польско-германским обязательствам» (35).

Более того — еще только начинаются англо-германские консультации, которые выльются в печально известное Морское соглашение от 18 июня 1935 г. (заключено в форме обмена письмами между главой британского МИД Хором и специальным уполномоченным Гитлера Риббентропом; англо-германское Морское соглашение фактически узаконит вооружение Германии), а Польша уже извещена об этом Герингом!

Хвастливые польские дипломаты, полагавшие такую доверительность со стороны нацистов свидетельством отношения к Польше как к «великой державе», «равной Германии», разболтают об этом своим коллегам из других стран. В т. ч. дойдет информация и до Москвы. 23 марта 1935-го нарком индел Литвинов в письме советскому полпреду во Франции Потемкину напишет: «Польша была извещена Герингом в Варшаве, что не позднее апреля будет аннулирован V раздел Версальского договора» (36). Дело выгорит чуть позже, в июне, но здесь важен сам характер — союзнический — германо-польских отношений.

Беспардонность, с которой Гитлер освобождался от пут, ограничивающих военные возможности Германии, только распяляет поляков. Им уже не просто не нужен «восточный пакт», они возмущаются при самой постановке вопроса о нерушимости границ.

Нарком Литвинов 5 апреля 1935 сообщает советскому полпреду

в Чехословакии Александровскому: «Польский советник и военный атташе в одной из европейских столиц говорили нашему полпреду, что Польша не возражает против захвата немцами Австрии и, может быть, даже Мемеля. Польша вообще не согласна с формулой «мир неделим» (!!! — С. Л.). Она считает, что если Германия захватит Австрию, то либо война будет локализована, либо вообще ее не будет, ибо итальянцы лишь бряцают оружием. Они также сказали, что Польша не присоединяется к Восточному пакту еще и потому, что считает свою границу с Чехословакией несправедливой: во время советско-польской войны чехи захватили те районы, в которых должен был бы иметь место плебисцит. Не всегда советник и военный атташе отражают мнение своих правительств, но в данном случае надо признать, что они действительно выбалтывают то, чего не договаривает Бек» (37).

Польша не согласна с формулой «мир неделим»! Каково! Вот когда будут в очередной раз делить саму Польшу.. Впрочем, это будет потом. А тогда поляки и в мыслях не допускали, что делить будут их территорию. На тот момент союзная Гитлеру Польша рассчитывала, что делить и прирастать чужими землями будет она.

Уже тогда, в начале 1935-го, Польша и Германия сообщают обрабатывать Венгрию на предмет будущего дерибана Чехословакии (венгры имели претензии на Рутению — Карпатскую Русь). Поскольку этому мешал «восточный пакт» и подготавливавшийся советско-французский договор (и советско-чехословацкий, который стали разрабатывать ввиду очевидного срыва усилий по подписанию «восточного пакта»), Варшава и Берлин принялись вербовать Будапешт в пособники по срыву усилий, направленных на создание системы коллективной безопасности против агрессии в Европе. Более того — в союзники будущего похода против СССР.

Поляки действовали практически открыто, и соответствующая информация очень скоро попала в Москву. 8 апреля 1935-го Литвинов даже имел по этому поводу беседу с посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти. Литвинов спрашивал Юнгерта, «чем объясняются слухи о том, что свои антисоветские планы Польша строит в предположении тесного сотрудничества с Венгрией». «Я понимаю интерес Польши, — говорил он, — но мне не совсем понятно, что может толкать Венгрию в сторону агрессии против СССР» (38).

Ну что может толкать? Скажем, спустя месяц в венгерскую столицу пожелует Геринг. И сам же Литвинов будет сообщать (01.06.1935) советскому полпреду в Румынии Островскому: «Геринг в Будапеште рисовал перед Венгрией перспективы скорого возврата аннексиро-

ванных Чехословакией венгерских областей, если Венгрия пойдет вместе с Германией и Польшей» (39).

С кем же еще идти агрессору? Только «вместе с Германией и Польшей»!

Не менее показателен и польский демарш в мае 1935 г. Как известно, 2 мая 1935-го был подписан договор о взаимопомощи между Францией и СССР, 16 мая — советско-чехословацкий договор. А в промежутке между их подписанием Польша потребовала объяснений от Румынии.

Польский посланник в Будапеште Арцишевский выразил протест из-за того, что «Титулеску (глава МИД Румынии. — С. Л.) будто бы договорился в Женеве со мною и Бенешем о пропуске советских войск через Румынию на помощь Чехословакии, что якобы противоречит румыно-польскому договору, — писал Литвинов 10 мая 1935 г. советскому полпреду в Польше. На самом деле мы подобных переговоров в Женеве не вели. Сообщаю для сведения» (40).

1. История внешней политики СССР 1917—1980 гг. — М.: Наука, 1980, т. 1, с. 304.
2. «Правда», 28 мая 1934 г.
3. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1973, т. 18, с. 74.
4. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. — М.: Политиздат, 1975, с. 62.
5. ДВП СССР, т. 18, с. 75.
6. ДВП СССР, т. 17, с. 479.
7. Дирксен. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001, с. 278.
8. ДВП СССР, т. 17, с. 297.
9. ДВП СССР, т. 17, с. 482.
10. ДВП СССР, т. 17, с. 310.
11. ДВП СССР, т. 17, с. 310.
12. Овсяный. Указ. соч., с. 68—69.
13. ДВП СССР, т. 17, с. 257.
14. ДВП СССР, т. 17, с. 294.
15. ДВП СССР, т. 17, с. 335.
16. ДВП СССР, т. 17, с. 371.
17. ДВП СССР, т. 17, с. 372.
18. ДВП СССР, т. 17, с. 412.
19. ДВП СССР, т. 17, с. 412—413.
20. ДВП СССР, т. 17, с. 441.
21. ДВП СССР, т. 17, с. 420—421.
22. ДВП СССР, т. 17, с. 443.
23. ДВП СССР, т. 17, с. 443—444.
24. ДВП СССР, т. 17, с. 438.
25. ДВП СССР, т. 17, с. 438—439.
26. ДВП СССР, т. 17, с. 482.
27. ДВП СССР, т. 17, с. 617—618.
28. ДВП СССР, т. 17, с. 662.
29. История внешней политики СССР 1917—1980 гг. — М.: Наука, 1980, т. 1, с. 309—310.
30. ДВП СССР, т. 17, с. 683—684.
31. ДВП СССР, т. 18, с. 18.
32. ДВП СССР, т. 18, с. 25.
33. ДВП СССР, т. 18, с. 80—82.
34. ДВП СССР, т. 18, с. 136.
35. ДВП СССР, т. 18, с. 182.
36. ДВП СССР, т. 18, с. 203.
37. ДВП СССР, т. 18, с. 264—265.
38. ДВП СССР, т. 18, с. 267—268.
39. ДВП СССР, т. 18, с. 365.
40. ДВП СССР, т. 18, с. 324.

Примем и мы к сведению: Польшу тревожит возможный пропуск советских войск для защиты Чехословакии от агрессии.

Очевидно, со стороны Варшавы это был зондаж Будапешта — по собственной инициативе или по просьбе Гитлера. В поляках-то Гитлер мог быть уверен: те не только не пропустят советские войска через свою территорию, но еще и пособят агрессии (и одно и другое реально произойдет в 1938 г.). А вот относительно Румынии у Гитлера в тот момент опасения были — еще не успела подпасть под германское влияние, состояла в профранцузских Малой и Балканской Антанте, кроме того, тогдашний глава румынского МИД Титулеску выступал за нормализацию советско-румынских отношений.

И, конечно, та польская позиция была не случайной. Вынашивавшим агрессивные намерения союзникам Гитлера — полякам во что бы то ни стало требовалось изолировать СССР от Чехословакии, будущей немецко-польско-венгерской жертвы.

Польша — союзник Гитлера: ремилитаризация Рейнской зоны

В интервью французскому журналисту Зауэрвейну в июне 1934 года Максим Максимович Литвинов, имея в виду польско-германский пакт, блестяще сформулирует, какую задачу решала гитлеровская дипломатия при помощи Польши: «двусторонние пакты о ненападении не всегда служат целям мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязывать себе руки и обеспечивать себе тыл или фланги для нападения на другие государства. Мы знаем примеры, когда государство, упорно отказываясь от заключения пакта о ненападении с одним соседом, с таким же упорством хочет навязать его другому соседу, действуя по принципу *divide et impera* (разделяй и властвуй)» (1).

Как мы отмечали, в тот момент Польша — это надежный восточный тыл Гитлера. Имея это обеспечение в «польском» тылу, гитлеровская Германия реализовывала масштабную программу вооружений; уверенно чувствовала себя на внешней арене, подрывая усилия государств, пытавшихся воспрепятствовать ее агрессивным планам; разрушала систему французских военных союзов, являвшихся гарантийным механизмом против территориального передела в Центральной и Юго-Восточной Европе.

О пагубной роли Польши, обеспечивавшей Гитлеру свободу рук, пишет и Черчилль в фундаментальном труде «Вторая мировая война»: «Германо-польский пакт позволил нацистам сосредоточить внимание сначала на Австрии, а затем на Чехословакии, что имело губительные последствия для этих несчастных стран. Он временно ослабил связи между Францией и Польшей и помешал развитию солидарности между государствами Восточной Европы» (2).

Без всякого преувеличения можно сказать, что помощь Польши, оказанная Гитлеру в разных формах в 1934—1938 гг., имела решающее значение для превращения Германии в державу, способную бросить военный вызов Европе и развязать в 1939 г. мировую войну.

Но перед тем как заняться Австрией и Чехословакией, Гитлер — в опоре на польско-германский пакт и при дипломатическом содействии своего польского союзника — осуществил ремилитаризацию Рейнской зоны. Этот шаг имел важнейшее военно-стратегическое значение и решающим образом укрепил позиции гитлеровской Германии на континенте.

Какое огромное значение имела Рейнская зона для проблемы безопасности в Европе, свидетельствует тот факт, что еще в январе 1917-го, т. е. почти за два года до окончания Первой мировой войны, французское правительство приняло решение (являвшееся до поры до времени секретным), что одним из условий мира должно быть следующее: «чтобы впредь западная граница Германии проходила по Рейну» (3). В обход англичан французы добились обещания поддержать их претензии на левый берег Рейна у российского императора Николая II за несколько дней до его отречения от трона. В Лондоне узнают об этой договоренности только из опубликованных большевиками секретных договоров царского правительства (4).

И уже на межсоюзнической конференции по подготовке к Мирной конференции, состоявшейся в Лондоне в конце ноября — начале декабря 1918-го, Франция первым делом подняла вопрос именно о Рейнской зоне. В первый же день указанной межсоюзнической конференции, 30 ноября 1918-го, маршал Фош, генерал Вейган и премьер Клемансо заявили, что французы рассчитывают «обеспечить себе господство над всей германской территорией на левом берегу Рейна» (5).

В тот день Фош сделал пророческое заявление: «рассматривая вопрос лишь с точки зрения военной необходимости (каким бы ни было правительство в Германии на правом берегу Рейна — будь то империя, республика или федерация), там окажется 55—75 миллионов немцев, которые, если они того пожелают, могут попытаться

повторить опыт 1914 г. В этом случае каковы будут тогда средства обороны? Если не будет воздвигнута естественная преграда и не будут приняты специальные меры предосторожности, снова может быть предпринято германское вторжение во Францию, Люксембург и Бельгию. В частности, противнику легче будет достичь бельгийского побережья, так как теперь он уже хорошо осознает всю его важность и попытается отрезать Англию от Франции. Естественной преградой для вторжения является Рейн».

Далее Фош разъяснил, чего хочет Франция: границей Германии должен стать правый берег Рейна. Даже и в этом случае, отмечал он, Германия будет иметь значительный мобилизационный ресурс, поэтому, по словам маршала, «нам следует подумать, какие мероприятия должны быть осуществлены на левом берегу Рейна». Полагаться как на преграду против Германии на нейтральные страны, справедливо указывал Фош, совершенно бесполезно, ибо Бельгия и Люксембург, оставаясь нейтральными, «на деле неспособны к эффективной обороне».

Фош предлагал, чтобы над западным берегом Рейна был установлен постоянный военный контроль агломератом таких стран, как Франция, Бельгия, Люксембург и Великобритания, ибо «если бы Рейн был форсирован в результате неожиданного нападения, мы оказались бы перед фактом повторения войны 1914 г.».

Один из вариантов, предлагавшийся французами, — сделать рейнские провинции независимой автономной единицей вплоть до создания из них одного или нескольких государств. Впрочем, главное, на чем настаивал Фош, — «чтобы эти провинции были включены в одну экономическую и военную систему». Его цель, особо подчеркивал французский маршал, «не аннексия или завоевание указанных провинций», но стремление «учесть наш опыт для обеспечения надлежащей защиты». При этом по поводу Германии Фош заметил, что «мы имеем перед собой державу, которая, несмотря на международные договоры, Гаагские конвенции и т. д., навязала всему миру эту ужасную войну. Подписи этой державы под каким бы то ни было договором доверять нельзя. Поэтому необходимо принять реальные меры предосторожности. Совершенно очевидно, что такой мерой будет создание военного барьера на Рейне» (6).

От себя тогдашний британский премьер Ллойд Джордж прокомментирует эти самые первые дискуссии «по вопросу о дальнейшей судьбе территорий на левом берегу Рейна»: «уже то, что таков был первый вопрос, который поставили французы на первой же после пере-

мира конференции, показывает, какое большое значение они ему придавали» (7).

Впоследствии на Парижской мирной конференции проблема обеспечения безопасности на Рейне была одной из ключевых.

10 января 1919-го Фош представил меморандум, в котором предлагал сделать Рейн военным барьером против Германии: «Отныне Рейн должен стать западной военной границей для германских народов; Германия должна быть лишена всей территории, которая может облегчить ей ведение военных действий или явиться для них удобной базой, то есть лишиться территориального суверенитета на левом берегу этой реки. Другими словами, Германия должна быть лишена возможности быстро — как в 1914 г. — захватить Бельгию и Люксембург, что открывает ей доступ к Северному морю и является угрозой для Англии, позволяет обойти оборонительные линии Франции — Рейн и Маас, а также завоевать французские северные провинции и оказаться на подступах к Парижу» (8).

В той же логике — военного контроля над левым берегом Рейна — были составлены меморандумы Фоша от 18 февраля и Тардьё (министр освобожденных районов Франции) от 20 февраля 1919-го: «Германия должна отказаться от всех прав суверенитета и собственности на рейнских территориях, занятых ныне армиями союзных и объединившихся держав (территории на левом берегу Рейна и предместные укрепления)» (9).

25 февраля 1919-го Тардьё в своем докладе, обосновывая необходимость контроля над левым берегом Рейна, процитировал даже письмо Кэслри Веллингтону аж от 1 октября 1815 г.: «Питт был совершенно прав, когда в 1805 году хотел отдать Пруссии еще больший кусок территории на левом берегу Рейна, чтобы таким путем привести ее в военном отношении в более тесное соприкосновение с Францией» (10). Имелось в виду, что тогдашняя антинаполеоновская коалиция хотела ослабить стратегическое положение Франции именно через военный контроль над левым берегом Рейна.

Ссылаясь на опыт Наполеона (!), Тардьё требовал «физической гарантии» от Германии: «а) Западная граница Германии должна быть установлена по Рейну. б) Мосты на Рейне должны быть заняты межсоюзническими силами» (11).

7 марта 1919 г. Фош предложил разместить на правом берегу оккупационную армию численностью в 100 тысяч человек, «которая будет держать в своих руках Рейн от голландской до швейцарской границы» на «неопределенный период времени» (12).

Но 14 марта 1919-го Вильсон и Ллойд Джордж от имени США

и Великобритании заявили Клемансо, что они не могут одобрить оккупацию левого берега Рейна, однако соглашались на временную оккупацию этой зоны — «в виде временной гарантии уплаты Германией ее долгов». Что же до гарантий от возможной будущей германской агрессии, то США и Великобритания соглашались сделать Рейнскую зону демилитаризованной (13).

31 марта 1919-го Фош послал англичанам и американцам еще одно обращение, как пишет Ллойд Джордж, «умоляя нас изменить свои взгляды» по вопросу о Рейне: «Отказаться от барьера на Рейне — значит допустить следующую чудовищную возможность: Германия... могла бы, если мы добровольно уйдем с Рейна, повторить свои авантюры точно так же, как если бы она победила. Я настоятельно прошу союзные и объединившиеся правительства, которые в самые критические часы войны доверили мне руководство своими армиями и судьбу общего дела, подумать, что завтра, так же как и сегодня, общее благосостояние может быть прочно обеспечено только в том случае, если Рейн станет нашей военной границей и будет занят союзными войсками», — писал Фош (14).

Но несмотря на настоятельные призывы Фоша, Рейнская зона осталась за Германией. Было решено объявить ее демилитаризованной, с оккупацией на определенный срок союзными войсками. Территория Рейнской демилитаризованной зоны включала в себя такие важные города, как Кельн, Ахен, Кобленц, Висбаден, Мангейм, Карлсруэ, и близко подходила к Франкфурту (15). Клемансо в конце концов был вынужден согласиться с формулой союзников. Отказ от первоначальной позиции об отторжении рейнских провинций от Германии был воспринят военными и правыми кругами Франции как национальная измена. И Клемансо это даже стоило поста президента — его кандидатура из-за «сдачи Рейна» была провалена.

Демилитаризованная зона в Рейнской области была создана в соответствии со статьями 42, 43 и 44 Версальского договора. Согласно положениям этих статей, Германии запрещалось иметь или создавать укрепления на левом берегу Рейна, а кроме того, и в пределах 50 километров от его правого берега. Германии запрещалось держать в этой зоне какие-либо вооруженные силы, проводить военные маневры или иметь средства для проведения военной мобилизации.

Положения Версальского договора об условиях демилитаризации Рейнской зоны была закреплены и в Локарнском договоре 1925 г. По этому договору, о котором мы уже упоминали, подписавшие его державы гарантировали (как каждая в отдельности, так и

все коллективно) неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ. Статья 2 Локарнского договора гарантировала, что Германия, Франция и Бельгия никогда не предпримут вторжения или нападения через эти границы. Нарушение статей 42 и 43 Версальского договора, т. е. попытка ремилитаризации Рейнской зоны, трактовалась как «неспровоцированный акт агрессии», соответственно государства — участники договора имели право предпринять ответные действия, в т. ч. военного характера.

Мы подробно остановились на перипетиях вокруг вопроса о Рейнской зоне на Парижской мирной конференции для более яркой демонстрации того, какое важнейшее стратегическое значение имела ее ремилитаризация Германией в марте 1936 г. Она предопределила весь дальнейший ход событий — начиная от аншлюса Австрии, продолжая уничтожением Чехословакии, нападением на Польшу (под прикрытием созданных в короткий срок укреплений на левом берегу Рейна) и, наконец, заканчивая наступлением Гитлера на Западе в мае 1940-го, которое он осуществил именно с территории Рейнской зоны (см. карты).

Кроме того, что Рейнская зона — будучи демилитаризованной — гарантировала от неожиданного германского нападения на Западе, она еще представляла собой, как выражались иные, «парадный вход» в Германию. Можно вспомнить, к примеру, ситуацию 1923 г., когда франко-бельгийские войска (в связи с невыполнением Германией обязательств по выплате репараций, установленных Версальским договором) численностью в 100 тыс. чел. беспрепятственно перешли Рейн, заняли Эссен с его окрестностями. Пока германские войска не контролировали Рейнскую зону, Гитлер должен был постоянно принимать во внимание угрозу получить эффективный ответ на свои агрессивные действия. И это, безусловно, служило фактором, сдерживающим агрессию.

Так получилось, что союзные войска покинули Рейнскую зону незадолго до прихода Гитлера к власти. В августе 1929-го на Международной конференции по выплате германских репараций в Гааге союзники, имевшие тогда дело с Веймарской Германией, пообещали вывести войска к июню 1930 г. Что и произошло: 30 июня 1930-го вывод англо-бельгийско-французских войск с территории Германии был завершен.

Придя к власти, нацисты заявили о своем намерении ремилитаризовать Рейнскую зону. В частности, 18 декабря 1933-го правительство Гитлера потребовало от Лиги Наций отмены всех военных статей Версальского договора, разрешения увеличить немецкую

армию до 300 тыс. чел., возобновления производства всех видов вооружения и ввода германских войск в Рейнскую зону.

Но только 2 мая 1935 г., когда была обеспечена лояльность Польши и заявлено о выходе Германии из военных статей Версаля, главнокомандующим вермахта генерал фон Бломберг издал директиву о подготовке операции «Шулунг» — по занятию Рейнской демилитаризованной зоны (параллельно была начата разработка плана военных действий против Чехословакии). А Польша, рассчитывавшая поиметь выгоды от агрессии Гитлера, активно пособничала в этом деле нацистам.

Содержание упомянутой директивы Бломберга № 1400/35 более чем примечательно. Вот выдержка из документа: «...Отправные пункты для расчета:

— ограничение чисто оборонительными действиями (в крайнем случае сдерживающими боями) на Западе;

— если в критический момент сосредоточенные там силы окажутся недостаточными, то **немедленная переброска восточнопрусских дивизий по железной дороге (! — С. Л.)** или по морю.

б. Район (районы) и длительность сосредоточения.

в. Проект решения на проведение операции.

2) Управление военно-морского флота

Обеспечение бесперебойной переброски восточнопрусских войск по морю, если сухопутные коммуникации окажутся перерезанными.

3) Военно-воздушные силы

а. Поддержка наступления сухопутных войск в период проведения операции «Шулунг»

б. Установление возможных размеров одновременной поддержки оборонительных действий на Западе» (16).

Как видим из директивы Бломберга, фашисты, уверенные в том,

Бломберг (Blomberg) Вернер фон (02.09.1878 — 14.03.1946), германский военачальник. Участник Первой мировой войны, офицер генштаба. При формировании правительства Гитлера в январе 1933 г. получил пост военного министра. Поддержал программу Гитлера по ревизии Версальского мира, сторонник ремилитаризации Германии. 20 апреля 1936 г. за успешно проведенную акцию по ремилитаризации Рейнской зоны фон Бломбергу было присвоено звание генерал-фельдмаршала. В январе 1938-го уволен в связи с семейным скандалом.

что Польша не подведет, исходят из того, что военные действия могут происходить единственно и только на Западе! Гитлеровское руководство твердо уверено, что Польша — как бы союзник Франции — не станет воевать на ее (Франции) стороне. Более того, германское командование допускает, очевидно, имея к тому веские основания, переброску восточнопрусских дивизий по железной дороге на западный фронт. А ведь такая сухопутная переброска войск из Восточной Пруссии возможна исключительно по территории Польши. И для этого Польша должна быть даже не нейтральной, не благожелательно нейтральной, но союзной Германии!

Конец 1935-го — начало 1936-го — это период, когда польская пресса открыто обсуждала варианты возможного расчленения СССР в союзе с гитлеровской Германией и Японией. Председатель СНК Молотов даже помянет в своем докладе на 11-й сессии ЦИК 10 января 1936-го «пана Студницкого и безголовых панов из краковской газеты «Час», которые настолько распоясались, что открыто болтают в печати о захвате некоторых территорий СССР, что в пьяном бреду случилось разным чудачкам уже не раз» (17).

От польской прессы доставалось не только Советскому Союзу. Диффамации подвергалась и политика Франции. При этом в начале 1936-го польские власти закрыли во Львове антигитлеровский комитет и арестовали его организаторов (19).

Появлялось все больше данных о соглашениях военного характера между Японией и Германией «и о связи с этим делом Польши» (20). Германия и Польша активно обхаживали страны Балтии, прорабатывали проекты создания «Балтийской Антанты» во главе с Польшей (21), что, конечно, подогревало шовинистические и великодержавные чувства последней и усиливало ее желание дружить с Гитлером.

Бек выступает в защиту «законных прав» Германии в Лиге Наций.

«Дальнейшими фактами, подтверждающими нерушимость прогерманской политики Польши, являются новый визит Бека в Берлин и его переговоры с Нейратом и Герингом, предстоящая поездка в Польшу не то Геринга, не то Франка», — пишет 7 фев-

Студницкий Владислав, виленский профессор, публицист, в 1934-м выступил в польской печати с рядом статей — «Исповедь германофила», «За союз Германии с Польшей» и т. д., в которых активно пропагандировал идею польско-германского военного союза против СССР (18). Являлся автором нашумевшей работы «Политическая система Европы и Польша», в которой обосновывал необходимость раздела Чехословакии.

раля 1936-го замнаркома Стомоняков советскому полпреду в Польше (22).

Приехал Геринг. С неофициальным визитом (как обычно — для охоты в любимом им Беловежье). И первым делом известил союзных поляков о предстоящей акции в Рейнской зоне (что следует из записи в дневнике заместителя министра иностранных дел Польши Шембека от 19 февраля 1936-го) (23). В качестве предлога для одностороннего выхода из Версальского и Локарнского договоров Гитлер решил избрать ратификацию Францией советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935-го.

В Польше Герингу устроили теплый прием. Визит хотя и не официальный — дичь пострелять, — но зато видного нациста! И официальные лица Варшавы не скупилась на выражения, призванные засвидетельствовать прогерманский внешнеполитический курс Польши. Соответствующее заявление сделал премьер-министр Польши Косцялковский, затем лично Бек дал оценку приезда Геринга в Беловежскую Пущу: «Хотя это был неофициальный визит, он явился выражением постоянного стремления наших двух государств-соседей укреплять наилучшие отношения путем взаимного ознакомления и прямых контактов» (24).

В это же время полным ходом идет сближение Польши с другим агрессором — фашистской Италией. «Особого внимания, — писал замнаркома индел советскому полпреду в Польше, — заслуживает далее развивающееся сближение Польши с Италией. Мы знаем из разных источников о растущей близости польско-итальянских отношений, близости, связанной с более широкими попытками сколачивания блока фашистских держав (Италия, Польша, Германия, Япония)» (25).

Муссолини, не найдя взаимопонимания по колониальному вопросу с Францией и Англией, но поддержанный Германией и Польшей, берет курс на сближение с двумя последними.

Муссолини предлагает Гитлеру итало-германское соглашение, допускающее возможность аншлюса Австрии и разграничения германской и итальянской зон влияния (Балканы, Ближний Восток и Средиземное море — за Италией, все остальное — за Германией). «Итало-германский блок, подкрепленный Польшей (а кем же еще! — С. Л.), мог бы, по мнению Муссолини, приступить к исправлению границы между Румынией и Венгрией», — информировал 11 февраля 1936-го Литвинов о текущих раскладах европейской политики советского полпреда в Германии Сурица.

Чехословакию, по мысли Муссолини, можно было бы разделить между Польшей и Венгрией, в то время как Югославию — между

Болгарией, Италией и Венгрией. После того как Центральная Европа была бы «приведена в порядок», можно было бы приступить «к разрешению других проблем». А именно: «Германия реализовала бы свои планы на Востоке, а Италия — в Малой Азии. Подкрепленные балканским и дунайским блоками Италия и Германия могли бы выступать против франко-английского блока» (26).

Еще один тогдашний объект приложения совместных усилий Германии и Польши — Бельгия. Оно и понятно: для Брюсселя вопрос о Рейнской демилитаризованной зоне, как и о Локарнских соглашениях, в целом имел крайне важное значение. Берлин и Варшава начинают подталкивать Бельгию к выходу из военного союза с Францией и возврату к политике полного нейтралитета. Само собой, Гитлеру этот бельгийский нейтралитет нужен был только в отношении агрессивных планов Германии, тогда как он сам — если ему потребуется — ничей нейтралитет, в т. ч. и Бельгии, соблюдать не собирался.

В конце февраля 1935-го, исполняя роль эдакого делегата от германо-польского союза, полковник Бек заявился в Брюссель. К его визиту группа прогермански настроенных фламандских депутатов (а фламандцы выступали на стороне Германии и в период немецкой оккупации Бельгии в Первую мировую войну) внесла в парламент проект закона о денонсации франко-бельгийской военной конвенции 1920 г.

Бельгийское правительство, пытаясь сохранить внутреннее единство, было вынуждено дистанцироваться от Франции. 29 февраля по итогам визита Бека появилось совместное польско-бельгийское заявление: «Польша и Бельгия одинаково смотрят на опасность создания в Европе противопоставляющихся друг другу блоков» (27). Поскольку Бельгия, как сказано, состояла в военном блоке с Францией, данное заявление — с заявкой на нейтралитет — представляло собой не что иное, как констатацию того простого факта, что Париж утратил еще одного союзника.

Показательно, что Бек приехал в Брюссель под соусом подписания торговой конвенции. Хотя, как обратил внимание советский полпред в Брюсселе, «коммюнике, данное Беком в прессу, не содержит ни слова о польско-бельгийских экономических отношениях и целиком посвящено изложению тезиса о независимости «держав с ограниченными интересами» от «держав с неограниченными интересами» (Польша не желает называть себя малой державой). Бек этим демонстративно подчеркивает политический характер своей поездки» (28).

Кроме того, чуть позже, а именно на следующий день после вторжения немцев в Рейнскую зону, советский полпред будет про-

информирован французским послом в Бельгии Лярошем о следующем: «Оказывается, Бек уверял Ван-Зееланда (премьер-министр Бельгии. — С. Л.) и Ляроша, что немцы не будут односторонне менять режим (Рейнской) демилитаризованной зоны» (29).

Иными словами, порученец Гитлера Бек ездил в Бельгию навредить тенью на плетень, дезинформировать бельгийцев (заодно успел пустить пыль в глаза и французам через их посла в Брюсселе) относительно истинных намерений нацистов.

С другой стороны Брюссель обрабатывала Германия — соблазняла бельгийцев предложениями о заключении пакта о ненападении по типу немецко-польского. «В этой ситуации, — отмечал 4 марта 1936-го замнаркома индел Стомоняков, — поездка Бека в Бельгию приобретает характер организованной польско-германской попытки ослабления связей Франции с ее союзниками и усиления их нажима на Францию с целью добиться ослабления курса на сотрудничество с Советским Союзом, на дальнейшую организацию коллективной безопасности и т. п.» (30). Германско-польские усилия на бельгийском направлении в итоге увенчались успехом: в конце 1936-го Бельгия официально вышла из военного союза с Францией и заявила об отказе от своих обязательств по Локарнским соглашениям 1925 г. Король Леопольд III объявил о возвращении к политике нейтралитета.

Этот бельгийский нейтралитет (а по сути, еще раз подчеркнем, он означал только выход Бельгии из военного союза с Францией, и более ничего), к которому приложили руку поляки, аукнется им в 1939-м, когда Польша будет так нуждаться во втором фронте против Гитлера на Западе. Те 23 бельгийские дивизии (именно столько будет у Бельгии на 10 мая 1940-го, к моменту гитлеровского наступления) ох как не помешали бы в сентябре 1939-го. Но Бельгия была нейтральной.

После поездки в Брюссель Бек сиганул в Белград и Будапешт. С той же целью — ослабить Францию и ее возможности по отношению к Германии: «поездка в Белград и поездка в Будапешт имеют целью воспрепятствовать реализации франко-чешской концепции упорядочения дел в Дунайском бассейне, а также вовлечению Советского Союза в дела этой части Европы», — констатировали в Москве (31).

Естественно, все это время не сидела на месте и германская дипломатия.

Итак, подготовив совместными германско-польскими усилиями почву для операции «Шулунг», можно было запускать немецкую армию в Рейнскую зону.

Предлог нацисты придумали давно — ратификация франко-советского договора в парламенте Франции (что и произошло

в феврале 1936-го). Но Гитлер не был бы Гитлером, если бы и в этой ситуации не прибег к отвлекающему маневру.

7 марта 1936-го в 10 часов утра германский министр иностранных дел фон Нейрат вызвал на Вильгельмштрассе (здание МИД Германии) английского, французского, бельгийского и итальянского послов и объявил им о следующем предложении: заключить пакт сроком на 25 лет, провести демилитаризацию обеих сторон Рейна, заключить пакт, ограничивающий военно-воздушные силы, кроме того, Германия соглашалась заключить пакты о ненападении со всеми своими восточными и западными соседями (32).

Спустя всего два часа после того как было сделано предложение о заключении пакта сроком на 25 лет, Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил, что намерен установить контроль Германии над Рейнской областью. А пока он толкал свой как всегда пафосный и как обычно полный миролюбивой риторики спич, немецкие войска общей численностью приблизительно в 35 тыс. хлынули через границу и заняли все основные немецкие города на левом берегу Рейна.

«Для Франции это было страшным ударом», — вспоминал Черчилль (33). Сарро и Фланден, тогдашние французские премьер и глава МИД соответственно, выступали за принятие самых решительных ответных мер.

Но Франция была не в состоянии действовать в одиночку. И не столько в военном отношении (в тот момент французы все еще были много сильнее немцев, что понимали и последние — известно, что германские войска, отправленные в Рейнскую зону, имели приказ немедленно повернуть обратно при малейших признаках военного противодействия со стороны западных держав), сколько — психологически. Внешнеполитические поражения последних

Сарро (Sarraut) Альбер-Пьер (28.07.1872 — 26.11.1962), французский политический деятель. Генерал-губернатор Французского Индокитая в 1912—1919 гг. Премьер-министр в октябре—ноябре 1933 г. и январе—июне 1936-го. Покинул политику после роспуска Национального собрания Петеном в июле 1940 г.

лет — разваливающаяся архитектура Версальского мира, пошатнувшаяся система французских военных союзов, неверность союзников, прежде всего Польши, — сковали волю французского руководства.

Французы обратились за поддержкой к англичанам. 11 марта 1936-го в Лондон прибыл глава французского внешнеполитического ведомства Фланден. «Весь мир и в особенности малые страны обращают сегодня свои взоры на Англию, — говорил Фланден своим союзникам по другую сторону Ла-Манша. — Если Англия будет сейчас действовать, она сможет повести за собой Европу. Если у вас будет определенная политика, весь мир пойдет за вами, и таким образом вы предотвратите войну. Это ваш последний шанс. Если вы не остановите Германию теперь же, все будет кончено. Франция уже не сможет больше обеспечивать гарантии Чехословакии, ибо это окажется невозможным с географической точки зрения. Если вы не поддержите Локарнский договор, вам останется лишь ждать перевооружения Германии, помешать которому Франция не в силах. Если вы не остановите сегодня Германию силой, война неизбежна, если даже вы установите временную дружбу с Германией» (34).

Фланден получил полную поддержку у Черчилля, заявившего в те критические дни, когда решалась судьба Европы: «Занятие Рейнской области имеет серьезное значение, поскольку это создает угрозу для Голландии, Бельгии и Франции... Когда будет создана линия укреплений, а я полагаю, что это произойдет довольно скоро, это бесспорно отразится на положении в Европе. Будет создан барьер, прикрывающий парадную дверь Германии, и это даст Германии возможность предпринимать вылазки на Восток и на Юг через другие двери» (35).

Так все и произойдет. Но слова Черчилля — это не только пророчество. Это и исторический приговор Польше, сделавшей все возможное, чтобы Гитлер мог прикрыть эту «парадную дверь Германии».

Франция парализована, ожидает решительной поддержки от союзников, но даже в Лиге Наций идет откровенный саботаж. «Вчерашнее и сегодняшнее секретные заседания Совета (Лиги Наций. — С. Л.), — телеграфирует Литвинов в Москву 13 марта 1936-го, — показали, что не менее шести членов имеют прогерманские установки, а именно: поляк, чилиец, аргентинец, датчанин, англичанин и австралиец, и что полную поддержку оказывают французам только Титулеску да я. Это побудит французам делать дальнейшие уступки» (36).

Действительно, Польша не подвела Гитлера и в тот острый

период марта 1936 г., когда предпринимались последние попытки заставить нацистов вывести свои войска с левого берега Рейна.

11 марта заведующий I Западным отделом НКВД СССР Д. Березов пытается обнаружить остатки здравого смысла у Польши в беседе с советником польского посольства в Москве Янковским. Да, говорит последний, «в Польше прекрасно понимают агрессивные стремления Германии». Да, соглашается польский дипломат, «за нарушением Локарнского договора последует, вероятно, захват Австрии». Мало того, не исключает он, что за Австрией вполне возможно и «нападение на Польшу»! Янковский не приходит к выводу, что Варшаве нужно срочно возвращаться к идее «восточного пакта», укреплять польско-французские и польско-советские связи — он говорит о «слабой Франции», разочаровавшей этой своей слабостью Польшу.

Советскому дипломату осталось только руками развести: сами же (поляки) все делают, чтобы ослабить Францию, и затем приводят «французскую слабость» в качестве аргумента своего прогерманского курса! «Я возражал Янковскому, — укажет в записи беседы Березов, — заявив, что трезвая оценка руководителями Польши подлинных устремлений Германии должна была привести к иному направлению польской внешней политики. Польша не включилась в Восточный пакт, чтобы таким образом воспрепятствовать германской экспансии, чтобы сколотить блок государств, готовых всеми силами воспрепятствовать германской агрессии. Польская позиция сейчас, во время нарушения Локарнского договора, также льет воду на мельницу Германии и затрудняет Франции и другим государствам, борющимся за мир, возможность организации отпора Германии» (37). Но логические аргументы могли подействовать на адекватных лиц. А таковых, увы, в тогдашнем польском политическом и дипломатическом истеблишменте было немного.

В середине марта серию бесед с советским руководством проводит главный редактор французской газеты «Тан» Шастенэ. Его интересует — как СССР сможет помочь Франции в случае войны с Германией.

В беседе с замнаркома индел Крестинским 15 марта 1936-го глава «Тан» отмечает, что ввод немецких войск в Рейнскую зону — это и проблема СССР, т.к. «задача, которую ставит себе Германия, состоит в том, чтобы, укрепив Рейнскую область, запереть Францию в ее границах и таким образом сделать невозможной на будущее помощь с ее стороны ее союзникам в Центральной и Восточной Европе».

Крестинский и Шастенэ соглашаются, что укрепление немцами

Рейнской области внесет усложняющий момент в эвентуальные обстоятельства наступления «казус федерис» (лат. casus foederis — условия, при которых государство — участник международного договора должно совершить предусмотренные этим договором действия). А далее начинается дискуссия относительно роли Польши — как бы союзника Франции. Ведь СССР не имеет непосредственной границы с Германией и в случае необходимости выполнить союзнические обязательства перед Францией советским войскам нужен коридор.

В то время это или страны Прибалтики, через которые РККА получает возможность добраться до Восточной Пруссии, либо через Румынию и далее Чехословакию (как вариант — через Румынию— Венгрию), наконец, третий, самый короткий и самый эффективный путь — через территорию Польши. Но какую позицию займет Варшава в случае, если бы СССР решил оказать помощь Франции — союзнику Польши? Крестинский не сомневается: «на помощь Польши рассчитывать трудно».

Шастенэ не может в это поверить. Он только что из Польши, и там его уверяли, что та «продолжает считать себя союзником Франции» и «в случае нападения Германии на Францию выступит против Германии». Поэтому, корректирует он свой вопрос, — «как Советский Союз в этом случае сможет поддержать Польшу?»

Хорошо информированный советский замнаркома индел оговаривается, что подобное выступление Польши ему представляется «сомнительным», но разбирает и этот вариант: «если польские войска действительно выступили бы против Германии, то мы могли бы на первом этапе войны поддержать их снабжением и таким образом совместными усилиями оттянуть часть немецких войск от Франции... Это, конечно, облегчилось бы, если бы Польша действительно помогла Франции».

Однако, возвращается он к своему прежнему тезису, выступление Польши против Германии — из разряда фантастики. А в реальности было бы вот что: «в момент, когда произошло бы немецкое нападение на Францию, Польша в лучшем случае (в худшем, очевидно, поддержала бы Гитлера! — С. Л.) осталась бы нейтральной, сконцентрировав одновременно свои войска на своей восточной границе (т. е. против СССР! — С. Л.). Эту концентрацию войск она официально объясняла бы опасением вступления советских войск в Польшу, фактически же и объективно это заставило бы нас сосредоточить войска на польской границе и затруднило бы оказание нами помощи Франции».

Главерд «Тан» не может поверить в подобную подлость «верно-

го союзника Франции», который, по его представлениям, должен «драться за Францию». Но Крестинский опускает его с небес на землю: «Польша тесно связала себя с Германией договоренностью и не выступит против Германии, разве что дело началось бы с нападения Германии на Польшу» (38). Но последнее из области умозрительного, не более — зачем Гитлеру в тот момент нападать на своего союзника, надежно прикрывающего немецкий тыл и выступающего барьером против Советской России?

В 1938 г. произойдет именно так, как и предупреждал советский замнаркома индел: Польша сделает все, чтобы СССР не смог исполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией (в т. ч., как и предсказывал Крестинский, сконцентрирует свои войска на границе с СССР). А в одиночку Франция защищать чехов не решится. К тому времени Польша и Германия совместными усилиями надежно перекроют для РККА и «румынский» путь.

Ранее мы приводили документы, что Варшава еще за год до рассмотрения событий (ремилитаризации Рейнской зоны), а именно в мае 1935-го предприняла перед Бухарестом демарш относительно гипотетической возможности прохода советских войск через румынскую территорию. Таким образом, в Париже, размышляя в марте 1936-го о возможных ответных мерах военного характера на введение немецких войск в Рейнскую зону, исходили из того, что СССР не сможет оказать Франции реальной военной поддержки: Польша не допустит!

Как известно, после Первой мировой войны французы переоценили верность своего «союзника» — Польшу создавали как «восточный фронт» против Германии, а на деле получился германский «восточный тыл». Добавим: Польша замысливалась (такими, как Фош и Клемансо) в качестве разделительного барьера между Германией и Россией, таковой она и получилась, но теперь этот «польский буфер» — вследствие изменения настроений в Варшаве с профранцузских на прогитлеровские — препятствовал реализации военного союза между Францией и СССР.

Проходит несколько дней, и 19 марта 1936-го Шастенэ беседует с председателем СНК Молотовым. Заметны изменения в позиции главреда «Тан». Очевидно, те несколько дней, что прошли после его разговора с Крестинским, на многое французу открыли глаза (выше мы писали, скажем, о прогерманской позиции польских представителей в Лиге Наций; в дипломатических консультациях Варшава, мягко говоря, не демонстрировала желания обуздать наглость Гитлера в Рейнской зоне).

И Шастенэ ставит вопрос следующим образом: «В случае, если бы Германия предприняла нападение на Западе, и в случае, если бы Польша осталась нейтральной, какую помощь мог бы СССР практически оказать Франции?» (39). Молотов пускается в размышления стратегического характера (в частности, анализирует возможность советской помощи через Румынию и Чехословакию). Но здесь важен сам факт подобной постановки вопроса главредом «Тан» — «союзные» поляки в решающий момент могут «кинуть» Францию. Впрочем, мы знаем, что Варшава «кинула» Париж значительно раньше. И в данной конкретной ситуации с ремилитаризацией Рейнской зоны пообещала Берлину содействие еще на первоначальной стадии разработки плана «Шулунг».

До конца марта в Лиге Наций продолжают дебаты о том, что делать и как реагировать на нацистскую выходку. Литвинов призывает не нарушать международные обязательства, «в особенности такие, которые непосредственно касаются сохранения существующих границ, вооружений и политической изоляции военной агрессии», ратует за коллективную организацию безопасности.

Комментирует несработавшие фальшивые аргументы Гитлера относительно мотивов ремилитаризации Рейнской зоны: «Германское правительство утверждает, что Франция первая нарушила по духу и букве Локарнский договор заключением пакта о взаимной помощи с Советским Союзом. Оно обратилось за разъяснением к другим локарнским державам, а именно к Великобритании и Италии. Надо полагать, что если эти державы согласились бы с германским тезисом о несовместимости советско-французского пакта с Локарнским договором, то Германия полностью использовала бы их заключение. Но так как эти державы пришли к другому заключению, то Германия безапелляционно заявляет, что Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, т. е. остальные локарнские державы, неправильно толкуют Локарнский договор и что единственно правильное толкование — ее собственное. Это, несомненно, чрезвычайно удобный способ разрешения спорных международных вопросов, когда страна, убежденная в несправедливости своего дела, возлагает на себя функции судьи в своем собственном деле и затем судебного пристава».

Цитирует с трибуны Лиги Гитлера: «Я не стану отнимать ваше время соответствующими цитатами из германской периодической печати, из германских учебников, германских научных трудов, германских песенников — я позволю себе только напомнить вам политическое завещание нынешнего правителя Германии, которое

вы найдете на 754-й странице второго тома мюнхенского немецкого издания 1934 г. книги «Моя борьба»: «Политическое завещание немецкой нации в сфере ее внешней деятельности будет и должно навсегда гласить: не допускайте никогда возникновения двух континентальных держав в Европе. В каждой попытке организации на германских границах второй военной державы, будь то хотя бы в форме образования способного стать военной державой государства, вы должны видеть нападение на Германию и считать не только своим правом, но и своей обязанностью воспрепятствовать возникновению такого государства всеми средствами вплоть до употребления силы оружия, а если такое государство уже возникло, то снова его разбить».

И от себя добавляет: «Вот, господа, для каких пелен Германии требуется ремилитаризация примыкающей к Франции Рейнской зоны. Речь идет о создании гегемонии Германии на всем европейском континенте» (40).

Генеральный секретарь МИД Франции Леже от имени своего правительства поддерживает линию Москвы: нужна твердая коллективная позиция против Гитлера, ибо политика уступок приведет к пагубным последствиям. «Безнаказанность Германии, — говорит он советскому полпреду в Париже, — будет истолкована всеми как следствие слабости и страха противостоящих ей государств, и это вынудит слабейшие страны к равнению на Германию, с которой они предпочтут скорее договориться, нежели вступать в непосильную борьбу».

Вслед за Локарнским договором, предупреждает Леже, удар будет нанесен и Лиге наций, а с нею и всей системе международных отношений, обеспечивавшей до сих пор некоторое равновесие и безопасность в Европе. Если не остановить Гитлера теперь, наступит эффект домино: «Уже сейчас Польша идет за Германией (Польша первая! — С. Л.). Вслед за ней могут пойти Румыния, Болгария, Греция, Югославия, Голландия, Дания и Скандинавские страны». А торжество Гитлера в Европе окажет свое влияние и на дальневосточного агрессора — Японию. «Если Япония убедится, что Германии все сходит с рук и что это содействует упрочению авторитета Гитлера внутри самой страны, в ближайшее же время между Японией и Германией заключен будет настоящий военный союз», — заявляет француз. (41).

Заведующий Восточным отделом МИД Польши Кобылянский заявляет 31 марта 1936-го советнику полпреда СССР в Варшаве Подольскому: «Бек доволен результатами своего пребывания в Лондоне (где проходила сессия Лиги Наций. — С. Л.)».

Чем же так доволен полковник Бек, после того как Лига полностью провалила организацию отпора Гитлера (все, на что сподобилась Лига, так это на принятие осуждающей резолюции, с которой нацистский фюрер мог только посмеяться)? **«Бек доволен тем, что единодушно было отвергнуто стремление некоторых государств к тому, чтобы Лига наций рассмотрела по существу вопрос о нарушении Германией Локарнского договора»**, — с не меньшим удовольствием изложил советскому дипломату позицию своего патрона пан Кобылянский (42).

А объяснялась деструктивная польская позиция все тем же — расчетами получить выгоды от агрессии, поэтому Польша и стояла на стороне агрессоров, помогала им создавать предпосылки (чем и была ремилитаризация Рейнской зоны Германией) для будущих переделов мира, т. е. для всего того, что выльется во Вторую мировую войну.

Предельно конкретно на сей счет высказался французский премьер Сарро в беседе с советским полпредом в Париже Потемкиным в разгар полемики по гитлеровской выходке на Рейне. 19 марта 1936-го Сарро отметит, что Япония и Германия являются опаснейшими очагами войны, что имеются черты, роднящие их, что обе считают себя обделенными, и что обе «воплощают воинствующий империализм в наиболее динамичной и агрессивной его форме». И Германия, и Япония «проникнуты презрением к праву и уважением к одной лишь силе», «одержимы расовым messiанизмом». Начавшееся сближение между Германией и Японией, отмечал Сарро, «неизбежно примет форму настоящего военного соглашения, если Гитлер докажет Японии, что ему сходит с рук нарушение любого международного договора».

А кто же пособничает этим негодяям? Глава правительства Франции назовет только одну-единственную страну. **«Сближению Японии с Германией помогают некоторые посредники. Сарро вспоминает, что в пору русско-японской войны (1904—1905. — С. Л.) Пилсудский делал японцам в Токио предложения — дать ему средства, чтобы он мог нанести России удар в спину. Сарро убежден, что Польша и сейчас работает в том же направлении»**, — передаст Потемкин в Москву запись своей беседы с Сарро (43).

Все те возможности, которых хотел лишить Германию маршал Фош благодаря рейнскому барьеру — «возможности быстро — как в 1914 г. — захватить Бельгию и Люксембург, что открывает ей доступ к Северному морю и является угрозой для Англии, позволяет обойти оборонительные линии Франции — Рейн и Маас, а также заво-

евать французские северные провинции и оказаться на подступах к Парижу» — Гитлер с помощью обеспечившей ему восточный тыл и дипломатическую поддержку Польши в марте 1936-го возвратил обратно.

Предвидевший все эти угрозы маршал Фош, очевидно, должен был переворачиваться в это время в гробу — ведь он столько сделал для создания мощной Польши, полагая, что она на все времена останется верным и преданным союзником Франции. Блестящий французский маршал абсолютно точно предсказал, что может произойти, если Германия вновь обретет военный контроль на Рейнской зоне, но он катастрофически ошибая в своих польских расчетах — те, кто должен был с востока сдерживать восстановление стратегических позиций Германии, теперь прикрывали ее восточные рубежи.

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1971, т. 17, с. 429—430.
2. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1991, кн. 1, т. 1, с. 161.
3. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах (далее — ПМД). — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 1, с. 331.
4. ПМД, т. 1, с. 332.
5. ПМД, т. 1, с. 119.
6. ПМД, т. 1, с. 120—122.
7. ПМД, т. 1, с. 122.
8. ПМД, т. 1, с. 333—335.
9. ПМД, т. 1, с. 335—336.
10. Тардьё А., Мир. — М.: Политиздат, 1943, с. 133.
11. ПМД, т. 1, с. 340.
12. ПМД, т. 1, с. 250—251.
13. ПМД, т. 1, с. 346.
14. ПМД, т. 1, с. 362—363.
15. ПМД, т. 1, с. 365.
16. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — М.: Наука, 1973, т. 1., с. 198—199.
17. ДВП СССР, 1974, т. 19, с. 698.
18. ДВП СССР, 1971, т. 17, с. 796—797.
19. ДВП СССР, т. 19, с. 65.
20. ДВП СССР, т. 19, с. 700.
21. ДВП СССР, т. 19, с. 701.
22. ДВП СССР, т. 19, с. 65.
23. ДВП СССР, т. 19, с. 725.
24. ДВП СССР, т. 19, с. 725.
25. ДВП СССР, т. 19, с. 117—118.
26. ДВП СССР, т. 19, с. 71—72.
27. ДВП СССР, т. 19, с. 117.
28. ДВП СССР, т. 19, с. 727.
29. ДВП СССР, т. 19, с. 728.
30. ДВП СССР, т. 19, с. 117.
31. ДВП СССР, т. 19, с. 117.
32. Черчилль. Указ. соч., с. 90—91.
33. Там же, с. 92.
34. Там же, с. 93—94.
35. Там же, с. 95.
36. ДВП СССР, т. 19, с. 162.
37. ДВП СССР, т. 19, с. 135.
38. ДВП СССР, т. 19, с. 147—149.
39. ДВП СССР, т. 19, с. 166.
40. ДВП СССР, т. 19, с. 154—157.
41. ДВП СССР, т. 19, с. 141.
42. ДВП СССР, т. 19, с. 200.
43. ДВП СССР, т. 19, с. 177.

Поляки берут уроки дипломатии у Гитлера

Не встретив сопротивления ремилитаризации левого берега Рейна, Германия тут же приступила к созданию в этой области линии укреплений. Гитлер намеревался обезопаситься на Западе против вмешательства Франции в ходе запланированных нацистами акций на юго-востоке против Австрии и Чехословакии.

Когда разразится судетский кризис и Чехословакия будет срочно нуждаться в поддержке Франции против посягательств Гитлера, одним из факторов, который вынудит французов воздержаться от силового противодействия, станет та самая система укреплений на левом берегу Рейна. «Немцы построили исключительно сильные укрепления на французской границе; они, правда, не вполне достроены, но уже достаточно мощны... Прорваться через них трудно», — заявил 13 сентября 1938-го французский посол в Берлине своему советскому коллеге (1). Но это будет позже.

А в тот момент немцы активно «осваивали» возвращенную под свой военный контроль Рейнскую зону. Система долговременных укреплений, известная как Западный вал или позиция Зигфрида (Westwall, Siegfriedstellung; Зигфрид — обладавший неуязвимостью мифический герой древней германской саги о Нибелунгах), будет возводиться на протяжении 1936—1940 гг. и протянется вдоль границы от Голландии до Швейцарии, от Клеве до Базеля.

Она будет состоять из трех оборонительных полос: обеспечения (глубиной до 20 км), главной (глубиной 3—8 км, на отдельных участках до 20 км) и тыловой, которую начали тайно сооружать еще в 1934-м на границе демилитаризованной Рейнской зоны под названием позиции Гинденбурга. Общая протяженность Западного вала составит 500 км с глубиной 35—75 км (в центре до 100 км и более). Инженерное оборудование линии Зигфрида — это огневые долговременные фортификационные сооружения, защищенные командные и наблюдательные пункты, убежища для войск, противотанковые и противопехотные заграждения. Всего будет построено около 16 тыс. разного рода фортификационных сооружений. Кроме сугубо оборонительных функций, линия Зигфрида могла служить (и впоследствии послужит) исходным плацдармом для наступления и обеспечения маневра войск.

18 мая 1936 г. министр иностранных дел Германии фон Нейрат

откровенно заявит американскому послу в Москве Буллиту, что Берлин воздержится от каких-либо активных действий на внешней арене до тех пор, пока не будет «освоена» Рейнская зона. Германия будет вести себя «спокойно» в отношении Австрии и Чехословакии, пока создается сеть укреплений на французской и бельгийской границах. «Как только будут возведены наши укрепления, — сказал фон Нейрат Буллиту, — и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вторгнуться на германскую территорию, все эти страны начнут придерживаться совершенно иных взглядов на свою внешнюю политику» (2).

С чего вдруг фон Нейрат разоткровенничался перед Буллитом — неизвестно. Ибо Гитлер в это время толкал очередные «речи мира». Так, 21 мая 1936-го, выступая в рейхстаге, он заявил, что «у Германии нет никакого намерения или желания вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или заключить соглашение об аншлюсе». Более того — 11 июля 1936 г. Германия подпишет с Австрией договор, по которому обещается уважать ее суверенитет и гарантирует невмешательство во ее внутренние дела. Через пять дней после подписания этого соглашения австрийским нацистам будут посланы секретные инструкции о расширении и активизации их деятельности, а германский генеральный штаб по приказу Гитлера приступит к разработке военных планов оккупации Австрии.

Это была такая новая «военная дипломатия» Гитлера — ввести в заблуждение, усыпить бдительность, а в нужный момент нанести коварный удар. Сетуя на дипломатов старой школы, доставшихся ему от Веймарской республики, Гитлер скажет Раушнингу: «Я не буду ждать, когда эти куклы переучатся. Если наши худосочные дипломаты думают, что можно вести политику так, как честный коммерсант ведет свое дело, уважая традиции и хорошие манеры, — это их дело. Я провожу политику насилия, используя все средства, не забывая о нравственности и «кодексе чести»... В политике я не признаю никаких законов. Политика — такая игра, в которой допустимы все хитрости и правила которой меняются в зависимости от искусства игроков» (3).

Уроки нацистской дипломатии, судя по всему, активно брали поляки. Тем более у главы польского МИД полковника Бека были доверительные отношения с Гитлером, а уж с «куратором Польши» Герингом и вовсе интимные. Польское руководство, как и нацистское, «химерами совести» обременено не было, а войну рассматривало как вполне нормальное явление. Юзеф Бек, например, являл-

ся приверженцем концептуальных наработок польского историка Адольфа Боженского, провозглашавшего «политику кровопролития как единственно верную для Польши». Базируясь на тезисах Боженского, Бек полагал, что новая большая война в Европе, как и мировая война 1914—1918 гг., позволит Польше прирасти территориями (4).

Лукавство, коварство, цинизм, которые Польша явила еще в момент своего становления на рубеже 10-го и 20-го десятилетий, не только никуда не делись в 30-е годы (политики-то были преимущественно те же, вышедшие из шинелей пилсудских и желиговских), но получили второе дыхание благодаря дружбе с Гитлером.

Нацистская Германия публично уверяла, что не имеет аннексионистских устремлений в отношении Австрии и Чехословакии — и на этом фоне разрабатывала именно такие военные планы. Польша тоже публично заявляла, что не вынашивает никаких намерений по расчленению Чехословакии, уверяла Париж в том, что ее союзнические чувства к французам на месте, и что она верна своим союзническим обязательствам — в реальности же занималась прямо противоположным.

Уже в апреле—мае 1936-го поляки охмуряют Венгрию относительно активных действий, направленных на установление общей польско-венгерской границы. А она была возможна только в случае расчленения Чехословакии. Поездки премьер-министра Польши Косцялковского и личного представителя Бека Кобылянского в Будапешт в конце апреля — начале мая 1936-го сопровождаются публикациями в польской прессе о том, что «связанные узами вековой дружбы и национальными идеалами Польша и Венгрия являются гарантами западной цивилизации против грозящего с

Раушнинг (Rauschnig) Герман (07.08.1887 — 1982), партийный деятель, за-

тем противник национал-социализма. В 1920-е, проживая в Данциге, возглавлял Германское культурное общество в Польше. В 1932 г. вступил в НСДАП и вскоре стал одним из ближайших советников Гитлера. В 1936-м эмигрировал сначала в Швейцарию, затем в Англию, а в 1948-м в США. Написал серию книг о Гитлере и политике нацистов — «Революция нигилизма» (1939), «Зов разрушения» (1940), «Консервативная революция», «Говорит Гитлер» (1941), «Зверь из бездны» (1940), «Время исступления» (1946).

Востока варварства — большевизма». В Варшаве проходят многочисленные митинги с резолюциями «об отчуждении от Чехословакии Прикарпатской Руси».

«Ясно одно, что вся эта помпезная манифестация (польско-венгерская) острейшим своим была направлена как против нас, так и против Франции — вдохновительницы стран Малой Антанты», — пишет 8 мая 1934 г. полпред СССР в Венгрии на имя замнаркома Крестинского (5).

В мае Бек лично отправляется в Югославию. С теми же целями — разрушения профранцузской Малой Антанты и переориентации Белграда на Рим и Берлин. Т. е. глава польского МИД выступает эдаким парламентарием от Гитлера и Муссолини.

Принц Павел (регент Югославии в 1934—1941 гг.) и Стоядинович (в 1935—1939 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Югославии) сообщают об этом главе румынского МИД Титулеску, а тот в свою очередь информирует советского полпреда в Румынии Островского. Последний и телеграфирует 2 июня 1936-го в Москву: «Стоядинович, а на следующий день за завтраком и принц Павел сообщили Титулеску, что Бек действительно предлагал Стоядиновичу совместно работать над организацией итало-германского союза, что Белградом было категорически отвергнуто. Принц Павел при этом сказал Беку, что Югославия не может работать над тем, чтобы быть взятой в итало-германские тиски, что это в лучшем случае означало (бы) для Югославии потерю Далмации (в пользу Италии), Баната и Хорватии (в пользу Венгрии). Бек уехал в очень кислом состоянии» (6). В этот раз миссия не удалась.

Румыния тоже пока держится под совместным — германо-польским — натиском. 7 июня 1936 г. полпред СССР в Румынии сообщает в НКВД о состоявшемся накануне совещании глав государств

Рыдз-Смиглы (Rydz-Smigly) Эдвард (11.03.1886 — 02.12.1941), польский военачальник.

В ноябре 1918-го военный министр Временного народного правительства Польской Республики. Далее на разных военных постах, в частности, командовал 3-й армией, которая 7 мая 1920 г. заняла Киев. В 1921—1926 гг. инспектор 1-й армейской инспекции (Вильно), в 1926—1935 гг. — в Варшаве. После смерти Пилсудского в мае 1935-го назначен генеральным инспектором вооруженных сил. Маршал Польши (1936). Верховный главнокомандующий польской армией в войне 1939-го, бежал в Румынию.

Малой Антанты. Румыны «под впечатлением разрушительной политики Польши и роста агрессивности Германии». Югославия «трепещет» перед Италией и перспективой итало-германского сговора. «Эти обстоятельства и предопределили характер сегодняшнего совещания, которое подтвердило на сегодняшний день абсолютную монолитность Малой Антанты во всех вопросах вопреки прояскам Варшавы и Берлина», — пересказал советский полпред слова Титулеску.

Само собой, твердо стоит на своих прежних позициях и Чехословакия: «в 10-минутной беседе Бенеш заявил, что он очень доволен результатами сегодняшнего совещания, что происки Варшавы против Малой Антанты не увенчались успехом, что Чехословакия ведет свою политическую линию, невзирая и не страшась ни польского шантажа, ни немецких угроз» (7).

Каково! Фашистские Италия и Германия организывают союз, а Польша вербует им сторонников! Планам Италии и Германии мешать Малая Антанта — и Польша спешит фашистам на помощь в деле развала этого альянса.

Работая над разрушением механизмов, препятствовавшим расчленению Чехословакии, с чего Польша желала поживиться и сама, польские руководители в то же время давали письменные гарантии, что не только сами не примут участия в нападении на ЧСР, но в случае чего поддержат Францию и СССР.

Так, в сентябре 1936-го генеральный инспектор Войска Польского Рыдз-Смиглы дал **письменное** заверение зампреду Высшего военного совета Франции генералу Гамелену, что Польша не будет участвовать ни в каких соглашениях с Германией против СССР и Чехословакии. Об этом французский премьер Леон Блюм лично известил советского полпреда во Франции Потемкина. При этом

Гамелен (Gamelin) Морис Гюстав (20.09.1872 — 18.04.1958), французский ге-

нерал. В 1931—1935 гг. и 1938—1939 гг. начальник Генерального штаба, в 1935—1940 гг. заместитель председателя Высшего военного совета. С 3 сентября 1939-го главнокомандующий союзными войсками во Франции. В сентябре 1940 г. был арестован властями Петена. В 1943-м вывезен гитлеровцами в Германию, где находился в концлагере до конца войны.

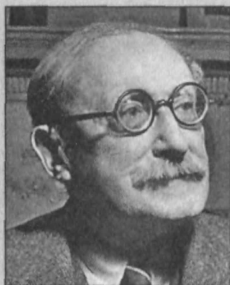
в устном порядке Рыдз-Смиглы даже уверил союзных французов, что Польша согласна «на операции французских войск на польской территории при эвентуальном конфликте Германии с Чехословакией», более того — готова пропустить над своей территорией советские самолеты.

Обрадованный Блюм пустился в рассуждения, что «германская опасность сознается Польшей все яснее». И что вот теперь-де Варшава одумается, и начнется «восстановление франко-польского сотрудничества» (8).

Это был продемонстрированный польскими учениками Гитлера образец «новой дипломатии», согласно которой можно подписывать что угодно и с кем угодно — дабы впоследствии, улучив подходящий момент, нанести неожиданный удар. Подпись Рыдз-Смиглы стоила не больше, чем подпись нацистов под договором, гарантирующим независимость Австрии. Вербальные заверения генинспектора польской армии о готовности поляков выполнять свой союзнический долг перед Францией, включая помощь в защите Чехословакии, значили не больше, чем миротворческая демагогия в спичах Гитлера.

К концу осени появится т.н. «польский проект раздела Чехословакии», который будут активно обсуждать в дипломатических кулуарах. 1 ноября 1936 г. министр иностранных дел Чехословакии Камиль Крофта даже будет иметь по этому поводу специальную беседу с советским полпредом в Праге Александровским. В соответствии с польскими замыслами, Чехословакию следовало бы разделить следующим образом: «Судето-немецкие части Чехословакии отходят к Германии. Словакия присоединяется к Венгрии. Польша получает Моравскую Силезию и ряд исправлений на своей границе в Татрах и на Карпатах. Закарпатская Русь отходит к Венгрии лишь

Блюм (Blume) Леон (09.04.1872 — 30.03.1950), французский политический и

государственный деятель, лидер французской социалистической партии. В июне 1936-го — июне 1937 г. и в марте—апреле 1938 г. возглавлял правительства Народного фронта. Выступал против Мюнхенского соглашения 1938 г. В сентябре 1940-го арестован властями Виши, в 1943—1945 гг. интернирован в Германии. В декабре 1946-го — январе 1947-го глава правительства.

в незначительной части. Карпатские же горы переходят к Румынии с тем, чтобы румынская граница приняла в стратегическом отношении «естественный характер». Жалкий остаток от такого раздела — почти Прага и ее окрестности — остается в качестве «самостоятельной Богемии», заключающей союзный договор с окружающими ее государствами».

Но поляки не просто делили Чехословакию. Они сопровождали этот дерибан более широкими геополитическими раскладами. Тут вам и аншлюс Австрии, и «урегулирование» на Балканах, и решение проблемы колоний. В общем, мыслили глобально.

Крофта продолжал изложение «польского проекта»: «Румыния привлекается к этому плану не столько приобретением новой территории, сколько германо-венгерско-польскими гарантиями неприкосновенности ее территории, особенно на случай «вмешательства СССР».

Югославия должна согласиться на гарантию неприкосновенности ее границ, даваемую Германией, Польшей и Италией при торжественном отказе Венгрии от претензий на ревизию своих границ с Югославией.

Австрия соглашается и вступает на путь полного аншлюса, фактического аншлюса, формально сохраняя некоторое неопределенное время свою самостоятельность.

Италия удовлетворяется какими-то гарантиями отказа Германии от дальнейшего проникновения на Балканы, признанием «империи» и Балеарскими островами. Германия направляет свой нажим на Францию, нейтрализуя Англию, и добывается колоний в Африке, в первую очередь в Марокко» (9).

История не оставила следов, кто был автором этого прожекта поданного как «польский проект раздела Чехословакии». Может, канцелярия Гитлера, и по ее поручению поляки забросили этот

Крофта (Krofta) Камиль (17.7.1876 — 16.08.1945), чехословацкий государственный деятель, дипломат. В 1927—1936 гг. заместитель министра, в 1936—1938 гг. — министр иностранных дел Чехословакии. В 1940 г. заключен немцами в концлагерь, откуда освобожден в 1945-м.

«пробный шар» (дело, напомним, было за полтора года до реально произошедшего аншлюса Австрии и за два года до действительного расчленения Чехословакии). Или ведомство Бека по собственной инициативе расстаралось. Это не столь важно. Главное, что польские дипломаты выступали эмиссарами Гитлера и активными проводниками его планов.

Тот самый Рыдз-Смиглы, с которым Блюм связывал надежды на корректировку польской внешней политики, в феврале 1937 г. будет ворковать с Герингом и даже придет в восторг от его (Геринга) «прямодушия и обаяния».

«Душка» Геринг заглянет в Варшаву «в стремлении склонить руководство польской армии к заключению военного договора с Германией, иначе говоря, военного союза». И хотя зафиксировать эту цель визита на бумаге у Геринга не получится, он будет весьма доволен, что «ему удалось улучшить отношения между Германией и Польшей, основываясь на том факте, что Рыдз-Смиглы целиком и полностью принял политику Бека».

Как информировал Литвинов советского полпреда в Берлине относительно визита Геринга в Варшаву, последний «с удовлетворением» констатировал «совпадение отношений Германии и Польши к Чехословакии» и приветствовал «выступления Польши против советско-чехословацкого пакта». «Целью германской политики, — доверительно сообщал Геринг полякам, — остается раздел территории Советского Союза». Дословно: «Вы (т. е. Польша. — С. Л.) займете Украину, а нам — север». «Поэтому, — умозаключал Геринг, — дружба между Польшей и Германией должна быть еще больше укреплена и дополнена военным соглашением». Рыдз-Смиглы «отвечал в дружеском тоне, но короче».

«Оба, как Геринг, так и Рыдз-Смиглы, остались довольны беседами, — писал Литвинов. — Геринг говорил, что его еще никогда не встречали так дружески в Польше, как в этот раз, и он надеется, что путем упорной работы удастся включить Польшу в военный союз. Он очень доволен отсутствием расхождений между польскими военными кругами и Беком, который, по мнению Геринга, уже теперь не прочь был бы заключить военный союз с Германией» (10).

В агентурном сообщении советской разведки относительно беседы Геринга с маршалом Рыдз-Смиглы, проходившей 16 февраля 1937-го в присутствии министра Шембека и германского посла в Варшаве фон Мольтке, будут зафиксированы слова Гитлера, которые тот передаст польскому руководству: «канцлер Гитлер пору-

чил ему (Герингу. — С. Л.) самым категорическим образом подчеркнуть, что он теперь в большей, чем когда бы то ни было, степени является сторонником политики сближения с Польшей и будет ее продолжать».

Геринг уверял поляков, что с немецкой стороны нет никаких стремлений отобрать у Польши часть ее территории. Мол, Германия окончательно примирилась с нынешним территориальным положением. Германия и в мыслях не имеет нападать на Польшу, например, из-за «польского коридора». «Нам коридор не нужен. Я это заявляю со всей искренностью и со всей решительностью», — сказал Геринг.

А вот эти слова должны были особо понравиться полякам: «Точно так же, как Германия верит, что Польша не собирается отобрать у нее Восточную Пруссию и часть Силезии, точно так же и Польша может быть вполне уверена, что Германия не намерена отнимать у нее что бы то ни было из ее владений». Польское руководство, очевидно, было весьма польщено тому большому значению, которое придавал Берлин гарантиям «великой Польши» относительно территориальной целостности Германии.

Дабы усилить впечатление, Геринг особо подчеркнул, что в Берлине спят и видят Польшу в качестве именно «великой державы»: «сильная Польша, имеющая доступ к морю, с которой Германия сможет согласовать свою политику, Германии несравненно больше нужна, чем слабая Польша». Опять же общие угрозы. «Необходимо всегда помнить, что существует большая опасность, угрожающая с востока, со стороны России, не только Польше, но и Германии. Эту опасность представляет не только большевизм, но и Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй. В этом отношении интересы Польши и Германии всецело совпадают», — обрисовал Геринг точки соприкосновения интересов. И добавил: «При таких условиях Польша может рассчитывать на помощь Германии... Все изложенное свидетельствует о необходимости согласования политики Польши и Германии».

Слова Геринга о «русской угрозе» попали, конечно же, в десятку. Рыдз-Смиглы согласился, что это действительно первейшая опасность, и заверил: «В случае конфликта Польша не намерена стать на сторону СССР, и по отношению к СССР она все более усиливает свою бдительность» (11).

Безусловно, в свой актив мог записать Геринг и совместно изобретенную с поляками формулу, по которой Варшава впредь стала

трактовать польско-французский союз. Еще осенью 1936-го Рыдз-Смиглы подтверждал своим французским коллегам готовность Польши воевать на стороне Франции, если она будет вовлечена в конфликт из-за Чехословакии. Теперь позиция Польши изменилась: «Польско-французский союз носит исключительно оборонительный характер и является **только двусторонним**, доказательством чего служит отношение Польши к Чехословакии», — заявили поляки Герингу. Геринг со своей стороны заверил, что в таком случае Берлин ничего против такого союза не имеет (12).

Подобная трактовка францужско-польского договора позволяла Варшаве требовать от Франции военной помощи в случае нападения на Польшу, но самой оставаться в стороне от конфликта, когда Франция выступит в поддержку других своих союзников — например, Чехословакии.

Впоследствии поляки зафиксировали именно такой подход к союзу с Францией непосредственно, перед самими французами. И Париж вынужден будет его принять (по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок»), дабы удерживать Польшу хотя бы на таком непрочном поводке от оформления полноценного союза с Гитлером.

Примерно через год, в декабре 1937-го, глава французского МИД Дельбос перед визитом в Варшаву будет вынужден принять «предварительные условия», которые выдвинет Бек: «ничего не говорить в Варшаве об улучшении советско-польских и польско-чешских отношений». Дельбос заявит об этом советскому временному поверенному в делах в Польше Виноградову.

«Француз мне открыто говорил об этих предварительных условиях и о том, что поляков нельзя раздражать никакими советами, иначе они все сделают наоборот (эти слова главы французского МИД сами по себе забавны и характеризуют «адекватное» польское руководство, которое, дабы продемонстрировать «независимость» своей внешней политики, всегда было готово «на зло теще отморозить уши». — С. Л.). Разумеется, Дельбос знал также заранее, что в Варшаве он не убедит Бека по вопросу о Лиге Наций и коллективной безопасности, что говорить с Бекем по этим вопросам бесполезно. Таким образом, и это, правда, вслух не высказанное предварительное условие молчаливо было принято, и Дельбос не докучал и не раздражал Бека на этот счет и тем самым уступил в вопросе, казалось бы, являющемся краеугольным камнем французской внешней политики. Таким образом, центр тяжести с самого начала был перенесен на «билатеральные» франко-польские отношения, что

целиком соответствует концепции Бека», — сообщал Виноградов 12 декабря 1937-го в Москву (13).

Фоном для визита Дельбоса стала бешеная кампания польской прессы против СССР и Чехословакии. Как докладывал в НКВД советский полпред в Варшаве, «поляки все сделают для того, чтобы запугать и обработать Дельбоса, ослабить франко-советские и франко-чешские отношения и подтолкнуть французов на капитуляцию перед Гитлером по австрийско-чешскому и другим вопросам» (14).

Со страниц польских газет французам объясняли, что главная угроза цивилизации — это Коминтерн. Об этом Бек и Дельбосу заявил: «Франции и Польше угрожает не гитлеровская агрессия, а Коминтерн, т. е. СССР» (15). Особый акцент польская пресса делала на закате системы коллективной безопасности и «победе концепции билатеральных договоров» (16) (прецедент которым был создан польско-германским пактом о ненападении в январе 1934-го). Дескать, даже Франция была вынуждена принять эти передовые подходы польской и германской дипломатии!

В беседе с Дельбосом, сообщал в НКВД Виноградов, «я охарактеризовал... общее направление польской внешней политики, подчеркнув ее прогитлеровский характер в вопросах Лиги Наций, системы коллективной безопасности и Малой Антанты, и констатировал, что внешняя политика Бека диаметрально противоположна внешнеполитической линии СССР и, надеюсь, добавил я, Франции» (17). Главе французского МИД оставалось развести руками, мол, что с этими поляками поделаешь.

Таким образом, Гитлер мог праздновать успех. «Концепция билатеральных договоров» — это было именно то, что ему в тот момент требовалось. Применительно к польско-французскому союзу она означала, что Польша не выступит на стороне Франции, если последней придется защищать свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Это воспевание поляками «билатеральности» в пике коллективным системам безопасности не только характеризует недалекость руководства межвоенной Польши, но в который раз воспроизводит ситуацию из известной песни — «на дурака не нужен нож...» Впрочем, в нашем случае нож тоже будет, но позже.

А в тот момент Гитлер, которому Польша временно (!) требовалась в качестве инструмента его политики, ловко подыграл польским шляхетским комплексам. Поляки бредили своим «национальным величием» и очень расстраивались, когда их не воспринимали

«великими». Французские, английские, советские и т. д. дипломаты вели разговор с польским руководством с позиций реальности — не преуменьшая, но и не преувеличивая значение Польши. А вот Гитлер, в действительности глубоко презирая поляков и держа их деятелей за шутов, на словах (лично или устами Геринга) всегда был готов потешить шляхетское ухо высокопарными фразами о «великой Польше».

Дескать, зачем вам, панове поляки, эти коллективные системы, там ведущую роль будут играть другие, те, кто считают великими державами себя и не признают «великой державой» Польшу, не желают иметь с ней (Польшей) равноправных отношений. Зачем вам, полякам, к примеру, плестись в хвосте той же Франции с ее антантами и «восточными пактами», вы что, менее великие? Нет, панове, такой «великой державе» как Польша не пристало плыть в чужом фарватере. Вы вправе и в состоянии вести самостоятельную политику, как и подобает «великому госдарству». Вот, например, Германия готова садиться с Польшей за стол переговоров как с равноправным партнером.

Если я где-то и утрировал, то не много. Ибо именно под этим соусом — что, дескать, двусторонние договора обеспечивают «равноправие» на внешней арене и «самостоятельность» политической линии — поляки и воспевали концепцию билатеральности международных соглашений.

1. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 210.
2. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. — М.: Восниздат, 1991, Кн.1, т. 1, с. 95.
3. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. — М.: Политиздат, 1975, с. 67—68.
4. Райле Оскар. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). — М.: Центрполиграф, 2002, с. 97.
5. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1974, т. 19, с. 728.
6. ДВП СССР, т. 19, с. 728.
7. ДВП СССР, т. 19, с. 292—293.
8. ДВП СССР, т. 19, с. 431.
9. ДВП СССР, т. 19, с. 626.
10. ДВП СССР, 1976, т. 20, с. 119—120.
11. Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 134—136.
12. ДВП СССР, т. 20, с. 120.
13. ДВП СССР, т. 20, с. 646.
14. ДВП СССР, т. 20, с. 635.
15. ДВП СССР, т. 20, с. 649.
16. ДВП СССР, т. 20, с. 647.
17. ДВП СССР, т. 20, с. 649—650.

Порт-пароль Гитлера в Европе

1937 г. знаменовал собой очередное укрепление позиций Гитлера в Европе и прежде всего за счет ослабления позиций государств, пытавшихся противостоять его замыслам. Профранцузские военные союзы — Малая и Балканская Антанты — трещали по швам, из коллективных систем безопасности страны-агрессоры выбивали одного участника за другим.

Активное пособничество Гитлеру и Муссолини оказывала Польша. Прежде всего Варшава взяла на себя «румынское направление». Значение Румынии в тот период переоценить сложно. Наряду с Югославией Румыния была членом обеих профранцузских антант — Малой и Балканской (т. е. своего рода звеном между этими альянсами). Но кроме того, румынская территория ввиду известной позиции Польши оставалась и единственным коридором, по которому советские войска могли бы прийти на помощь Чехословакии и Франции в случае военного конфликта с Германией. Чтоб перекрыть этот коридор, и поработала Польша в 1937 г., что впоследствии в немалой степени предопределило судьбу Чехословакии (да и вообще судьбу Европы).

Итак, Югославия и Румыния состояли в обеих антантах — Малой (Чехословакия, Румыния, Югославия) и Балканской (Греция, Румыния, Турция, Югославия). Первой фашисты вывели из игры Югославию. 24 января 1937 г. в Белграде был подписан болгаро-югославский пакт, декларировавший, что стороны ни при каких обстоятельствах не будут воевать друг против друга. Тем самым Югославия отказалась от своих обязательств по пакту Балканской антанты о выступлении против Болгарии в случае нарушения последней условий Нейиского мирного договора 1919 г. Спустя два месяца появится еще и итало-югославский пакт о нейтралитете. Добавим, что Югославии эти билатеральные договора с фашистскими державами вылезут боком — 6 апреля 1941 г. болгарские и итальянские войска в союзе с Германией и Венгрией атакуют эту страну. А заодно напомним, что в 1936-м в Белград наезжал полковник Бек — рассказывать югославам о преимуществах союза с фашистскими Италией и Германией.

Для Франции болгаро-югославский пакт явился очередным ударом. Тем более что на этом фоне поляки вели в Румынии агитацию против пакта Франции с Малой антантой. Французский министр иностранных дел Леон Блюм, с которым советский полпред

во Франции 9 февраля 1937-го обсуждал эти неприятные новости, только «беспомощно разводил руками» (1).

Ранее мы писали, что в ходе совещания глав государств Малой антанты, состоявшегося 6—8 июня 1936-го, ими была задекларирована «абсолютная монолитность Малой антанты во всех вопросах вопреки проискам Варшавы и Берлина». Однако уже в августе 1936-го под давлением профашистских кругов в Бухаресте в отставку вынужден был подать глава МИД Румынии Николас Титулеску — поборник коллективных систем безопасности, противник превращения Румынии в сателлита Германии и сторонник налаживания румынско-советских отношений. С момента ухода Титулеску Румыния начала дрейфовать по направлению к гитлеровской Германии.

Нарком Литвинов, вызвав 22 февраля 1937-го посланника Румынии в СССР Чиунту, изложил тому, что Москву в новой внешнеполитической линии Бухареста не устраивает: «ослабление малоантантовских связей, господство в Румынии влияния польской и германской миссий и в довершение всего новый пароксизм интимности с Польшей».

Под «пароксизмом» (т. е. приступом) польско-румынской дружбы имелся в виду военный договор между Польшей и Румынией, значение которого вдруг было актуализировано в начале 1937-го с подачи поляков. Исключительная направленность этого договора против СССР сомнений не вызывала, ибо, как указывал Литвинов румынскому посланнику в Москве, «ни против Германии, ни против Болгарии или Венгрии Польша Румынии помощи не окажет».

«Польша вместе с Германией подкапывается под Малую антанту. Мы имели право рассчитывать, что после гарантий, данных нами Румынии в Лондонской конвенции (имеется в виду Конвенция об определении агрессии, подписанная в Лондоне 3 июля 1933 г., гарантировавшая, что советско-румынские территориальные споры, например по Бессарабии, не могут разрешаться с помощью силы. — С. Л.), — указывал Литвинов, — Румыния не станет вновь манифестировать сближение с Польшей, которое мы должны рассматривать как направленное против СССР, ибо никаких других целей это сближение преследовать не может» (2). У поляков, осуществлявших обработку румын в прогитлеровском духе, никаких других целей и не было.

Еще в конце ноября 1936-го во время визита в Варшаву Антонеску (сменившего Титулеску на посту главы румынского МИД) было зафиксировано «единство взглядов» Польши и Румынии относительно международного сотрудничества. Но глав-

ное, что вслед за тем в декабре 1936-го в Польшу отправился начальник генштаба Румынии Самсонович, которого сопровождали ряд высокопоставленных военных чинов Румынии. Было установлено тесное сотрудничество между разведками обеих стран. Согласован план военных перевозок на случай войны. Принято решение о создании второй железнодорожной линии связи между Польшей и Румынией, которая проходила бы подальше на запад от советской границы.

Наконец, как сообщало советское посольство в Москву в декабре 1936-го, Польша поставила вопрос об изменении характера польско-румынского военного договора — поляки предложили, «в связи с новой международной обстановкой», изменить договор с чисто оборонительного «в сторону оборонительно-наступательную» (3). К наступлению на кого поляки подбивали готовиться Румынию — понятно: на СССР. Позднее поляки предъявят и конкретные планы в развитие тезиса об «оборонительно-наступательном» польско-румынском союзе, но о них чуть ниже.

Еще одной важной задачей, как мы уже отмечали, для Польши было предотвратить возможный пропуск советских войск по территории Румынии для противодействия агрессии Германии. И эту услугу поляки Гитлеру оказали в лучшем виде. Уже в начале 1937-го Варшава добилась от Бухареста подтверждения румынским кабинетом польской интерпретации §5 польско-румынского договора. А согласно польской трактовке румыны не могут не только подписывать какое-либо соглашение военного характера с СССР, но даже вести об этом переговоры без предварительного согласия Польши (4).

В феврале 1937-го произошел еще один примечательный случай, свидетельствующий о том, что совместные польско-германские усилия по обработке Румынии в профашистском духе дают плоды: из Бухареста был отозван посланник Чехословакии в Румынии Ян Шеба.

Чем примечателен этот дипломат? В мае 1936-го он опубликовал книгу «Россия и Малая Антанта в мировой политике», в которой выступил в защиту советско-чехословацкого договора о взаимопомощи от 16 мая 1935-го, ратовал за заключение аналогичного договора между СССР и Румынией. Шеба подверг резкой критике внешнюю политику Польши и ее деструктивную деятельность против Малой антанты. Концепция Шебы относительно геополитической роли Малой антанты в Европе довольно интересна. Он полагал, что Малая антанта может обеспечить се-

бе безопасность в союзе с СССР и Францией (эти мощные страны располагались, условно говоря, на флангах Малой антанты) и играть весомую роль в европейской политике, если страны-участники будут укреплять малоантантовские связи и говорить одним голосом. Само собой, концепция Шебы шла вразрез с планами Берлина и Варшавы.

Естественно, Шеба активно поддерживал политику Титулеску. В одном из докладов советской разведки говорилось о «рекламном политическом завтраке, устроенном в честь мин. Титулеску», на котором Шеба провозгласил тост за Титулеску «как вдохновителя политики Балканского блока и Малой Антанты» (т. е. той политики, которой так яростно противостояли Берлин и Варшава). Как прокомментируют в ИНО ГУГБ НКВД это выступление чехословацкого посла, он «сказал это исключительно с целью поднять поколебавшийся авторитет Титулеску» (5).

Это, как отмечал в письме в НКВД СССР от 9 февраля 1937-го советский полпред в Румынии Островский, «сделало Шебу мишенью польской и немецкой миссий». Для своей работы, общал Островский, «поляки и немцы использовали (главным образом поляки, которые играли и играют роль вредных мальчиков) всякие гнусные анонимки». В январе 1937-го, указывал он, «поляки и немцы здесь соединенными усилиями поставили задачей свалить Шебу, сделав из этого политическую (анти)-малоантантовскую демонстрацию, и одновременно спровоцировать (румынское) правительство на то, чтобы поставить точки над «i» в румыно-советских отношениях» (6). В результате этой кампании, тактически поддержанной румынскими правящими кругами, Шеба был отозван.

В «случае Шебы», заявил 1 марта 1937-го советский полпред в Бухаресте главе внешнеполитического ведомства Румынии Антонеску, волновало «то обстоятельство, что и поляки, и немцы, руками которых все это дело смонтировано, имели в виду ударить и ударили и по Малой антанте, и по нам (т. е. СССР. — С. Л.)». «Вот почему нынешняя кампания прессы против нас, — продолжал советский полпред, — как и все прочее, принимает особый характер в свете состояния Малой антанты, которая переживает не кризис роста, а находится в полосе жесточайшего кризиса, кануна распада, доказательство чему — укрепление отношений Югославии с врагами Малой антанты, Румынии с Польшей, врагом и Малой антанты, и Советского Союза. Мы считаем несовместимой с возможностью дружественных отношений с нами

интимность отношений с Польшей, являющейся порт-паролем* Германии в Европе» (7).

В апреле 1937-го в Бухарест пожалует лично полковник Бек — наиболее старательный порт-пароль Гитлера. Польская официальная пресса, широко комментировавшая эту поездку, захлебывается от роли «великой державы», которую-де все больше играет Польша (8). Особая статья комментариев — мусоление всякого рода антисоветчины, грозящей западной цивилизации, и против чего, мол, теперь единым фронтом встанут Польша и Румыния. Во всех правительственных органах печати публикуются массивные статьи «о наступлении Коминтерна на Польшу», о якобы развязывании Коминтерном мировой революции и планов по большевизации Польши, все это сопровождается тенденциозно подобранными цитатами из постановлений Коминтерна, решений ВКП(б) и т. д. Коминтерн, соответственно, отождествляется с Советским правительством и МИДом (9).

Тут надо отметить, что вся эта массивированная «антикоминтерновская» кампания — дань Гитлеру. Незадолго перед тем, 25 ноября 1936-го, в Берлине между Германией и Японией был заключен «Антикоминтерновский пакт», который с удовольствием восприняли в Варшаве. Конечно, Гитлер хотел видеть среди участников пакта и союзных поляков (тем паче статья 2 пакта прямо приглашала другие «цивилизованные» страны присоединиться). Ниже мы скажем о том, как Варшава чуть было не вляпалась в это фашистское образование, а в тот момент, судя по всему, шла пропагандистская обработка польского населения именно с прицелом на присоединение Польши к «Антикоминтерновскому пакту».

Фашистская «антикоминтерновская» идеология вполне соответствовала и все более фашизирующейся государственной идеологии Польши. Показательна ситуация с декларацией полковника Коца от имени ОЗН (после смерти Пилсудского взамен «Беспартийного блока сотрудничества с правительством» полковник Коц организовал «Лагерь национального объединения» — *Obóz Zjednoczenia Narodowego* — в польской транскрипции ОЗН), провозглашенной как раз в описываемый нами период.

Оная декларация ОЗН, как телеграфировал в НКВД СССР советский полпред в Польше, «делала большой шаг в сторону антисемитизма». Дело в том, что заместитель Коца по ОЗН полков-

---

* От французского *porte-parole* — глашатай; выразитель мнения; официальный представитель, выступающий от чьего-то имени.

ник Ковалевский (бывший военный атташе Польши в Москве и Бухаресте) в одном из выступлений заявил, что членами этого «Лагерь национального объединения» могут быть... страшно сказать... евреи! Что тут началось! В Польше случился грандиозный скандал общенационального масштаба.

Причем возмутились как проправительственные, так и оппозиционные круги. По части антисемитизма польская элита была единодушна. «Разница в разрешении еврейского вопроса между политикой эндеков и нынешней позицией пилсудчиков сводится лишь к методам действий. Эндеки просто устраивают погромы, Коц и Медзинский же хотят изгонять евреев из Польши более «культурными» способами», — писал в Москву полпред СССР в Варшаве Давтян.

От оппозиции, в частности, лютовала пресса эндеков, обвинявшая «Коца и Ковалевского в том, что они будут принимать в ОЗН и евреев». Ввиду серьезности обвинений (для той Польши сотрудничество с евреями было весьма тяжким обвинением) ОЗН пришлось делать специальное разъяснение, что Ковалевского не так поняли, и что никаких евреев в этой организации не будет. «Приписывание мне слов, что лицо еврейского происхождения и вероисповедания может принадлежать к лагерю, поскольку это лицо может заявить себя принадлежащим к польской национальности, не отвечает действительности... Принцип христианства, на котором основывается декларация полковника Коца, будет решающим фактором при подборе членов лагеря», — оправдывался Ковалевский в пространном заявлении, добавив, что членами ОЗН могут быть только чистокровные поляки, а «евреи не являются поляками» (10).

Однако мы отвлеклись от поездки Бека в Бухарест. «Газета польска», комментируя этот визит, отмечала в передовице от 22 апреля, что «союз с Польшей является для Румынии страховкой в отношении ее наиболее крупного соседа — Советского Союза», в свою очередь для Польши союз с Румынией — это «один из основных факторов равновесия и мира на территории от Балтики до Черного моря».

«В ряде комментариев других правительственных органов, — общал советский полпред в Варшаве 26 апреля 1937-го в письме на имя Литвинова, — совершенно ясно высказывается желание о создании блока всех балтийских государств и Румынии, конечно, под руководством «великой Польши» и, надо полагать, в тесном сотрудничестве с Германией и эвентуально с Италией. Таким образом,

антисоветское острое визита Бека не представляет никакого сомнения, и никто это уже не считает нужным скрывать» (11).

Но ближайшей практической задачей Бека, конечно, было добиться дальнейшего развала Малой антанты и изоляции Чехословакии от ее партнеров. Прежде всего это наносило удар по интересам как бы союзника Польши — Франции. Чуть позже, в начале мая 1937-го, бывший проездом в Париже Литвинов делает «визит вежливости» к своему французскому коллеге Дельбосу и даже пожмет по этому поводу плечами: «Коснувшись махинации Бека, я указывал на создавшуюся аномалию, когда Польша, получая от Франции денежную и военную помощь, интригует против связанных с Францией пактами помощи Чехословакии и СССР», — скажет он в телеграмме в НКВД СССР (12).

А что до махинации Бека, то она состояла в том, что типа союзная Франции Польша умудрялась быть еще и союзником фашистских держав, а кроме того, вынашивать планы расчленения другого французского союзника — Чехословакии.

Как сообщал в Москву советский полпред в Варшаве, Румыния «усиленно обрабатывается» Германией, Италией «и, конечно, Польшей. Польша с азартом включилась в общую германо-итальянскую обработку Румынии, активно исполняя свои обязанности союзника Германии, в надежде на свою долю добычи при перекройке карты Дунайского бассейна, в первую очередь, конечно, Чехословакии. Можно без преувеличения сказать, что (за) последний год польская внешняя политика еще больше сомкнулась с линией германской политики и стала более откровенно антисоветской. Внешним выражением этого стала и польская пресса, которая, правда, и раньше не скупилась на антисоветские выпады. Но теперь эта антисоветская кампания польской прессы в вопросах внешней политики стала более откровенной и более активной. Официозная пресса теперь уже не считает нужным скрывать польских планов в сколачивании антисоветского блока и борьбы с Советским Союзом» (13).

Кстати, насчет упомянутой роли Польши как «великой державы», с чем ее пресса связывала принятие под «польское покровительство» Румынии. Если год-полтора перед тем Варшава носилась с идеей «Балтийской антанты» (само собой, с руководящей ролью Польши), то к 1937-му поляки дозрели до более глобального проекта. Теперь бы его назвали Балто-Черноморской дугой.

К середине 1937-го информации на сей счет становилось все больше. 1 июня 1937 г. замнаркома индел Потемкин предлагает со-

ветскому полпреду в Финляндии выяснить отношение официального Хельсинки к «идее Бека», заключавшейся в том, чтобы выстроить «санитарный кордон» от Балтийского до Черного моря... под главством Польши» (14). В тот же день Потемкин отправляет письма полпредам в Швеции (А. Коллонтай), в Норвегии (И. Якубовичу) и в Дании (Н. Тихменеву) с тем же поручением — прозондировать позицию скандинавов: «Прошу в очередных письмах осветить проблему отношений скандинавского блока... на то, что Польша... за последнее время пропагандирует в Прибалтике идею создания «санитарного кордона» из стран, расположенных между Германией и СССР, начиная с Финляндии и кончая Румынией. Эта идея представляет собой не что иное, как новый вариант старого плана создания антисоветского блока на западной границе СССР» (15).

Очевидно, и здесь не обошлось без очередного тонкого хода Гитлера, активно игравшего на польской тяге к «великодержавию». И действительно, жалко, что ли, фюреру — пускай поляки позабавятся, потешат свое самолюбие, главное, что поработают в интересах третьего рейха, отрывая от Франции ее союзников и создавая «санитарный кордон» у границ СССР, не допуская, таким образом, советского вмешательства в перекройку европейских границ.

Румынию полковник Бек открыто трактовал «как страну, интересы которой Польша призвана охранять». Беспардонство Бека доходило до того, что он открыто характеризовал в польской прессе румынских государственных деятелей «как кантитэ нэглижабль» (от франц. *quantité négligeable* — нечто не стоящее внимания), позволял себе фамильярно похлопывать по плечу румынского короля, называя его «единственным партнером в польско-румынском союзе» (16).

Распоясался глава польского МИД от переполнявших его чувств «национального величия», представлений о себе самом как о главе дипломатии одной из «великих держав» Европы. И эти ощущения, столь сладостные для шляхетского самолюбия, давала именно та политика, к проведению которой Варшаву подталкивал Берлин, — миссия Польши как «бастиона цивилизации против восточного варварства», широкие перспективы территориальных захватов (аппетиты по этой части, как мы помним, у поляков остались неудовлетворенными еще с периода после Первой мировой войны). Кто мог еще предложить что-то подобное Польше? Только Гитлер! На тот момент в союзе с Гитлером поляки, как говорится, находили себя.

А вот уже в Варшаве румынский король. Годом ранее Титулеску решительно отклонил приглашение посетить Польшу, т. к. пони-

мал, в каком ключе поляки преподнесут его визит. Но совместные польско-германские усилия дают плоды: теперь в польскую столицу пожаловал сам король Румынии. Ему присваивают чин польского полковника (как какому-нибудь туземному князьку), а польская пресса с пафосом пишет «о польско-румынском союзе как бастионе западной цивилизации от моря до моря, представляющем 55-миллионную силу в Центрально-Восточной Европе» (17).

Все это подавалось как огромный успех польской внешней политики и свидетельство новой роли Польши как «великой державы», взвалившей на свои могучие плечи миссию покровителя Центральной и Восточной Европы.

Само собой, в этом шовинистическом барабанном бое было немало фанаберических фантазий, скажем, советский временный поверенный в Варшаве 8 июля 1937-го с иронией прокомментирует освещение визита румынского короля в польском официозе: «Нужно учитывать, что такое правительство, как польское, заинтересовано в непомерном раздувании каждого своего внешнеполитического успеха. Это, впрочем, относится и к внутренней политике. Например, эксплуатируя популярность Пилсудского, пилсудчики хоронили его три раза — в Варшаве, Кракове и Вильно. Теперь, после самовольного удаления праха Пилсудского из усыпальницы польских королей митрополитом Сапегой, не исключено, что будут новые похороны» (18). Однако, писал в том же письме советский временный поверенный в Варшаве Литвинову, «в лице румынского короля, фашистские и антисоветские настроения которого Вам известны, Бек нашел благодарного собеседника. По-видимому, также уделил натравливанию румын против Франции, Чехословакии, Лиги Наций и коллективной безопасности» (19).

И главным итогом визита румынского короля стала дальнейшая активизация военного сотрудничества Польши и Румынии в русле концепции Бека по созданию «санитарного кордона», отделяющего СССР от Европы.

В дипкорпусе распространилась информация о том, что предметом секретных польско-румынских переговоров было расширение и уточнение военной конвенции, а также специальное соглашение о непропуске советских войск через территорию Польши и Румынии.

Эти данные получали косвенное подтверждение тем, что немедленно после отъезда короля в Румынию туда направился начальник польского генштаба генерал Стахевич, его заместитель генерал Малиновский и полковник Ковалевский (о котором мы упоминали в связи с антисемитской декларацией ОЗН и который на тот момент

являлся польским военным атташе в Румынии). После переговоров с коллегами из румынского генштаба Стахевич и компания были удостоены длительной аудиенции у румынского короля.

«В этой связи, — писал в Москву советский временный поверенный в Польше, — приобретает большое значение слух о секретном соглашении относительно непропуска Красной Армии... Бек мог использовать отсутствие каких бы то ни было расхождений между ним и королем по этому вопросу и вырвать у короля подпись под секретным протоколом о непропуске наших войск. Такой протокол был бы для Бека большим успехом, так как всякие новые секретные военные соглашения, заключаемые в теперешний предвоенный период, действительно связывают партнера, в данном случае румын, и усиливают значение польско-румынского военного союза».

При том что выше цитированная информация нуждалась в дополнительном подтверждении, однако, как справедливо отмечал советский дипломат, важным представляется «самый факт циркуляции подобного рода слухов» (20).

Данная информация была настолько серьезно воспринята в Москве, что советский полпред в Румынии Островский 14 июля 1937 г. в ходе длительной беседы с министром внутренних дел Румынии Инкулесем вынужден был даже осторожно предупредить Бухарест о последствиях, которые будет иметь для него такая политика.

Советский дипломат сетовал, что Румыния попала «в лоно польской политики, которая никогда не была просоветской, но которая в течение последних трех лет превратилась в инструмент гитлеровской политики в Европе», что «Румыния свои отношения с Польшей ставит во главу угла своей внешней политики, считая их первостепеннее своих отношений со странами Малой Аатанты и Франции», наконец, заявил, что «было бы наивно со стороны румын думать, что мы (т. е. СССР. — С. Л.) можем еще долго молчаливо присутствовать при демонстрациях, подобных польско-румынским визитам» (21).

А к концу июля 1937-го в Москве имели полную информацию относительно секретных соглашений между Польшей и Румынией. И польско-румынские договоренности шли намного дальше, чем просто непропуск советских войск по территориям обеих стран. Как выяснилось, Варшава увлекла Бухарест перспективами территориальных захватов.

В письме замнаркома Потемкина (от 31.07.1937) на имя полпреда СССР в Германии Юренева излагались данные относительно новой военной конвенции, подписанной начальниками генштабов Румынии и Польши:

«Во-первых, определяется количество войск, выдвигаемых той и другой стороной на восточную границу при конфликте с СССР. Румыны выставляют 250 тыс., поляки — 350 тыс.

Обе стороны обязуются не пропускать советские войска на свою территорию.

...Если в сопредельных областях СССР произойдет восстание, предусматривается интервенция со стороны Румынии и Польши.

В случае, если в результате совместных действий союзников в их руках окажется вновь приобретенная территория, над ней устанавливается кондоминиум. Не позднее четырех месяцев по окончании военных действий эта территория делится между союзниками, причем область на юг по линии Винница — Киев — р. Десна остается за Румынией, включая Одессу, а на север — за Польшей, включая Ленинград. Польша обязуется снабжать румынскую восточную армию техникой, авиацией, запасными частями и противогАЗами, за что Румыния доставляет ей нефть и потребное сырье.

Количество румынских вооруженных сил на восточной границе увеличивается. В Румынии проводятся работы по улучшению существующих путей сообщения и созданию новых линии по направлению к восточной границе, для чего румынским правительством выпускается специальный заем. Для проверки выполнения принятых решений предусматривается обмен офицерами генштаба.

Сообщаю Вам вышеприведенные сведения для иллюстрации того, какие результаты дает работа государств фашистского лагеря, в частности Польши, по разложению Малой Антанты и по вовлечению отдельных членов последней в орбиту антисоветского блока», — сообщал Потемкин (22).

В Бухаресте желающих строить свою «великую державу» («великую Румынию») тоже хватало. И то, что к концу 30-х румынская элита была представлена типами вроде Антонеску (а не такими, как экс-глава МИД Титулеску), — в т. ч. польская «заслуга». Дериванить советскую территорию на пару с поляками румынам, правда, не придется. Зато они попытаются реализовать прожекты, подкинутые им Варшавой в 1937-м, уже в союзе непосредственно с Гитлером. Тот тоже посулит «великой Румынии» обширные территории, включая Одессу (которую «великие румыны» даже успеют на время переименовать в «Антонеску»).

Но, собственно, на какой еще путь могла подталкивать Румынию ее тогдашний патрон Польша, политику которой замнаркома индел СССР Потемкин охарактеризует посланнику Румынии в СССР г-ну Чиунту (в беседе от 19 сентября 1937 г.) следующим образом:

«вопреки национальным интересам Польши, требующим от нее лояльного сотрудничества с державами, проводящими политику мира, ее нынешнее правительство идет на поводу у Германии, толкающей Польшу на путь опаснейшие авантюры. Рано или поздно Польше придется расплачиваться за эту политику». На уточняющий вопрос Чиунту (к слову, бывший личный секретарь Титулеску и его протеже), что именно толкает Польшу на такой путь, Потемкин ответит: «фашистское правительство, связавшее свою судьбу с Гитлером» (23).

Политика Польши в тот период была настолько в русле держав-агрессоров (Германии, Италии и Японии), что в дипломатических кулуарах высказывалась уверенность, что Варшава вот-вот официально поставит свою подпись под «Антикоминтерновским пактом».

В ноябре 1937-го на фоне присоединения к «Антикоминтерновскому пакту» Италии (06.11.1937) французское агентство «Гавас», ссылаясь на свои дипломатические источники, распространило информацию, что Варшава последует вслед за Римом. Более того, «Гавас» сообщал, что по этому поводу советский полпред в Польше Б. Виноградов якобы высказал предостережения личному представителю Бека Кобылянскому — дескать, СССР не оставит такой шаг Варшавы без последствий.

Польское агентство ПАТ (Polska Agencja Telegraficzna — PAT) выпустило коммюнике с опровержением. Прежде всего, конечно, чтоб подчеркнуть самостоятельность и независимость польской внешней политики — мол, еще чего не хватало, чтоб Москва Варшаве указывала. Как пояснит сам Кобылянский, «Бек принужден был выступить с этим опровержением, так как в сообщении «Гавас» говорилось о давлении СССР на польское правительство в вопросах его внешней политики». Но заодно Варшава опровергнет и намерение присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту».

Что до предупреждения Москвы, то его действительно не было (что следует и из советской дипломатической переписки). Но примечателен сам факт, что дипломаты иностранных миссий, пребывавших в Варшаве, не сомневались на предмет присоединения Польши к Германии и Италии.

Как напишет в Москву временный поверенный в делах СССР в Польше 12 ноября 1937-го, «такие же слухи (как и в сообщении «Гавас». — С. Л.) распространились в здешнем дипломатическом корпусе... в дипломатическом корпусе действительно распространились слухи о моем разговоре с Кобылянским, и все этот разговор восприняли как серьезное предупреждение со стороны СССР по адресу Польши».

В то же время, как смеясь заметил французский посол в Варшаве Ноэль, «сообщение агентства «Гавас» сыграло положительную роль в том смысле, что заставило поляков вывить свою позицию по отношению к тройственному антикоммунистическому соглашению». «В общем, отступление с барабанным боем», — саркастически подытожит Виноградов (24).

Однако и через месяц, в декабре 1937-го, все еще сомневающиеся французы будут требовать у поляков заверений относительно их неприсоединения к «Антикоминтерновскому пакту», в частности, находившийся с визитом в Варшаве глава МИД Франции Дельбос (25).

Для Польши официально примкнуть к «Антикоминтерновскому пакту» было проблемой. Это затрудняло бы демагогию насчет «политики равновесия», негативно сказалось на польско-французских отношениях (совсем порывать с Францией Варшаве было невыгодно), и, конечно, крайне обострило бы отношения с СССР, вплоть до постановки Москвой вопроса о денонсации польско-советского пакта о ненападении. Учитывая, что в тот момент назревали события вокруг Чехословакии (кроме того, Польша посматривала в сторону Литвы), сохранение польско-советского пакта было в интересах Варшавы (да и Берлина тоже — ибо в случае отсутствия указанного пакта СССР эвентуально мог вмешаться в события на стороне Чехословакии через польскую территорию).

И хотя форма во внешней политике тоже имеет немалое значение, но еще важнее содержание. Не будучи в «Антикоминтерновском пакте» формально, Варшава проводила на внешней арене курс, отвечающий интересам стран-агрессоров.

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1976, т. 20, с. 76.
2. ДВП СССР, т. 20, с. 93.
3. ДВП СССР, т. 20, с. 705—706.
4. ДВП СССР, т. 20, с. 706.
5. Секреты польской политики. Сб. докум. (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 96.
6. ДВП СССР, т. 20, с. 706.
7. ДВП СССР, т. 20, с. 98—99.
8. ДВП СССР, т. 20, с. 193.
9. ДВП СССР, т. 20, с. 195.
10. ДВП СССР, т. 20, с. 196—197.
11. ДВП СССР, т. 20, с. 193—194.
12. ДВП СССР, т. 20, с. 234.
13. ДВП СССР, т. 20, с. 194.
14. ДВП СССР, т. 20, с. 279.
15. ДВП СССР, т. 20, с. 282—283.
16. ДВП СССР, т. 20, с. 377.
17. ДВП СССР, т. 20, с. 365.
18. ДВП СССР, т. 20, с. 366.
19. ДВП СССР, т. 20, с. 367.
20. ДВП СССР, т. 20, с. 368—369.
21. ДВП СССР, т. 20, с. 377—379.
22. ДВП СССР, т. 20, с. 431—432.
23. ДВП СССР, т. 20, с. 508.
24. ДВП СССР, т. 20, с. 602—603.
25. ДВП СССР, т. 20, с. 640.

Польша подыгрывает Гитлеру, копая себе яму

Главным пропагандистским приемом, использовавшимся Гитлером на первоначальном этапе его агрессивных захватов в Европе, было обыгрывание проблемы немецкого населения, проживающего вне Германии. Именно на апелляции к несправедливости по отношению к немцам как к народу и немецкому национальному меньшинству в отдельно взятых странах нацисты выстраивали свою аргументацию, обосновывая свои действия в отношении Австрии и Чехословакии.

И многие тезисы, раскручивавшиеся Гитлером, находили понимание у европейской общественности. Ибо в Версале с Германией действительно во многих случаях обошлись несправедливо, из-за чего миллионы немцев оказались оторванными от родины. Польша в момент своего становления приложила к этому руку, создав таким образом почву для реваншистских настроений среди немцев и вооружив Гитлера аргументами для соответствующего толка пропаганды.

Однако при том что проблемы немцев в основном не были надуманными, неприемлемы были сами методы, применявшиеся Гитлером для их разрешения, — в опоре на силу или угрозу ее применения.

Во-вторых, для Гитлера эта тематика была во многом инструментом усиления военно-стратегических позиций Германии в Европе. «Проблемы» Австрии и Судет (подаваемые под соусом объединения немецкого народа в одном государстве) стояли в одном ряду с масштабными программами вооружений Германии, ремилитаризацией Рейнской зоны, усилиями по слому имевшихся в Европе систем коллективной безопасности. В своих концепциях (которые ни для кого не являлись тайной) нацисты исходили не только из идеи объединения немцев в одном государстве, но и завоевания «жизненно-го пространства» для немцев за счет других народов, установления германской гегемонии в Европе и мире.

Но поскольку Германия еще не была настолько сильна, чтобы позволить себе не оглядываться на позицию других держав, а объекты экспансии были защищены определенными механизмами безопасности (Малой и Балканской антантами, советско-французским и советско-чехословацким договорами и т. д.), Гитлер нуждался в завоевании международного общественного мнения, которое бы с пониманием отнеслось к его претензиям и легитимизировало его захватнические планы.

И Берлин опять нашел себе активного пособника в лице Варшавы. Польша опять (как это не раз бывало и раньше, начиная с конца 1933-го, когда Германия вышла из Лиги Наций и покинула конференцию по разоружению) не позволила загнать Гитлера во внешнеполитическую изоляцию. Не в последнюю очередь Варшава (плюс Будапешт) усадила западные державы за стол переговоров с Гитлером в Мюнхене.

Казалось бы, ничего более нелепого и придумать было невозможно. Ведь актуализируемая Гитлером проблема немецкого меньшинства имела к Польше самое непосредственное отношение — ничуть не меньшее, чем к той же Чехословакии, а желание судетских немцев оказаться в составе рейха было таким же, как и немцев Данцига. Но факт остается фактом: поляки поддержали немецкие претензии.

Конечно, не просто так. Варшава решила, что такие подходы — использования проблематики соотечественников, проживающих на территориях других государств, — позволяют и Польше прирасти дополнительными землями. Тем более что этот трюк Варшава и сама активно использовала после Первой мировой войны, поднимая «национальные восстания», а затем посылая на помощь армию. Так что тут даже не поймешь, кто у кого учился — поляки у нацистов или нацисты у поляков.

Но в 30-е годы, конечно, тон разыгрыванию карты национальных меньшинств задавал Гитлер. Особенно Варшаву впечатляла деятельность Конрада Генлейна, лидера Судетской немецкой партии (СДП получила это название в 1935-м, до этого именовалась «Германский патриотический фронт»). С 1935-го, когда сплотившая вокруг себя всех немцев Чехословакии СДП на парламентских выборах обошла даже «чехословацкие» партии, она стала значимой силой в ЧСР. А поскольку ориентировалась на Берлин, то и весомым инструментом гитлеровской политики.

В мае 1937 г. польское посольство в Праге направило в Варшаву на имя Бека обширный и обстоятельный доклад «О немецком нацменьшинстве в Чехословакии». В документе (с многочисленными приложениями) в подробностях была освещена деятельность генлейновцев, в частности, внесенные в парламент шесть законопроектов, имеющие целью, как писал в докладе польский посол в Праге, «справедливое разрешение национального вопроса в Чехословакии». Перечислялись пропагандистские акции Судетской немецкой партии.

При этом, отмечало посольство Польши в Праге, генлейновцы пытаются встать во главе движения не только в защиту прав

собственно немецкого меньшинства в Чехословакии, но и других национальных меньшинств, проживающих в этом государстве: «Наряду с этим благодаря внесению проектов нового урегулирования вопроса нацменьшинств в Чехословакии, которое даст этим нацменьшинствам фактические возможности развития и помешает их чехизации, партия судетских немцев старается стать во главе стремлений также и других нацменьшинств, направленных на улучшение их положения».

Ну а поскольку судетский фашист Генлейн выступает в качестве защитника всех обездоленных национальностей внутри Чехословакии, то, логично умозаключили в польском посольстве в Праге, его (Генлейна) патрон Гитлер выступит в этой ипостаси на международной арене: «На практике за ней с немецкой стороны, несомненно, последуют попытки согласования акций отдельных нацменьшинств на территории Чехословакии» (1).

Действительно, именно так и будет — Гитлеру надо было продемонстрировать широкий международный фронт против Чехословакии — «тюрьмы народов». Дескать, не только Берлин поднимает вопросы угнетенного немецкого меньшинства, но и другие страны тоже крайне обеспокоены положением своих соотечественников, стонущих под чешским игом.

Но не только подходы к проблемам нацменьшинств приглянулись польским дипломатам. Большой блок в докладе польского посольства в Праге был посвящен «правильным» внешнеполитическим установкам генлейновцев — польские дипломаты нашли их вполне отвечающими интересам Варшавы.

«О позиции партии судетских немцев по отношению к чехословацкой внешней политике говорил недавно член партийного руководства и руководитель отдела прессы этой партии, — говорилось в документе. — Он исходил из того, что Чехословакия совершает существенную ошибку, всецело становясь на сторону государств, оказывающих сопротивление нормальному и здоровому развитию отношений в Европе. Чехословакия упорно вопреки собственным интересам придерживается в своей внешней политике французских директив. Польша, Румыния и Югославия, по мнению партии судетских немцев, с большой для себя выгодой уже давно отбросили принудительные рамки политики, продиктованной версальским договором».

Пеняли генлейновцы Праге, что та не желает подключаться к усилиям выше перечисленных держав, «чтобы создать «пояс безопасности» между Германией и СССР», что чехословацко-советские

отношения воздвигают «новые непреодолимые затруднения на пути соглашения со своим самым крупным соседом, т. е. Германией», и что «нынешнее направление чехословацкой внешней политики будет и впредь вызывать опасность все более сильного обострения отношений в Центральной Европе».

И вот в этом направлении — наставить Прагу на путь истинный, т. е. на разрыв отношений с Францией и СССР в пользу сотрудничества с Гитлером, и работает партия Генлейна: «Партия судетских немцев считает, что она избрала единственно возможное и правильное направление, по которому должна пойти вся чехословацкая внешняя политика, если Чехословакия действительно хочет содействовать мирному развитию отношений в Европе. Это направление сводится к установлению отношений с Германией при одновременном разрыве нынешних отношений с СССР. СДП считает для себя большой честью, что 3 миллиона немцев, живущих в Чехословакии, оказывают солидарный нажим на чехословацкое правительство в смысле такого изменения курса чехословацкой внешней политики, становясь таким образом одним из важнейших элементов мирной политики в Центральной Европе».

Польское посольство в Чехословакии с удовольствием цитировало нападки генлейновцев на чехословацкого премьер-министра Годжу за его интервью британской «Морнинг пост», в котором тот «определил партию судетских немцев как передовой отряд гитлеризма в Чехословакии» и высказал мнение, что «Чехословакии ... угрожала серьезная опасность нападения со стороны Германии» (2).

Вот эта «мирная политика» судетских фашистов и вызывала восторг у польских дипломатов в Праге. Что, впрочем, понятно. Ведь и официальная Варшава на внешней арене действовала именно в этом русле — разрушения системы французских военных союзов, выстраивания «санитарного кордона» на границах СССР, а политику коллективной безопасности против агрессии Гитлера, которой придерживалась Чехословакия, тогдашняя Польша называла «деструктивной» и «вредящей интересам мира».

В Варшаве идею польско-германского сотрудничества на почве защиты нацменьшинств нашли перспективной. Вскоре Берлин с Варшавой (далее к ним присоединится Будапешт) стали выступать на внешней арене одним голосом и по этому вопросу.

Такое взаимодействие выглядело абсурдным, ибо проблема нацменьшинств была серьезным раздражителем в собственно германопольских отношениях. В связи с этим, а также во имя укрепления альянса Германии и Польши к осени 1937-го было подготовлено

польско-германское соглашение о нацменьшинствах. Текст согласовывался несколько месяцев, и еще на стадии выработки документа советский поверенный в делах в Польше информировал НКВД, какой характер придадут этому соглашению в варшавских политических кругах, — оно рассматривалось как свидетельство «нового проявления польско-германского сближения» (3).

Польско-германское соглашение о национальных меньшинствах состоялось в форме идентичных правительственных деклараций, опубликованных 5 ноября 1937 г. в Берлине и Варшаве.

Декларации представляли собой набор пустых фраз о том, что проблема нацменьшинств в отношениях между Германией и Польшей не стоит. Польское руководство вовсе не насторожил тот факт, что Гитлер категорически отказался включать в официальную декларацию гарантии для Данцига (на чем поначалу настаивала Варшава). В Берлине полякам пояснили, что опасаются «такой формулировки, которая прямо или косвенно являлась бы подтверждением Версальского договора». Дескать, это повредило бы нашему общему — польско-германскому — делу, в т. ч. в вопросе дальнейшего расчленения такого версальского создания, как Чехословакия.

Поэтому Варшава удовлетворилась секретным соглашением, которое прилагалось к официально опубликованной декларации о нацменьшинствах. В этом секретном протоколе Польше «было дано категорическое заверение, что принцип «вольного города» не будет Германией нарушен и что интересы польского государства и польского населения в Данциге будут ею полностью соблюдаться (уважаться)». Эти заверения были расценены Бекком и Рыдз-Смиглы «как вполне удовлетворительные» (4).

Кроме того, Гитлер обязался повлиять на национал-социалистов Данцига (где имелся свой Генлейн — Форстер), которые вели открытую пропаганду за присоединение вольного города к рейху. В ответ Варшава взялась приструнить польских чиновников из числа тех, кто позволял себе антигерманские выступления. К примеру, досталось катовицкому воеводе Гражинскому, ставившему под сомнение гарантии Гитлера, — он получил «резкий выговор» от Рыдз-Смиглы и президента Мосцицкого (5).

Совершенно очевидно, что «гарантии», которые Гитлер дал Польше в конфиденциальном порядке, ничего не стоили. Ведь Гитлер запросто нарушал даже официально задекларированные обязательства Германии, те же Версальский договор и Локарнские соглашения, а в момент, когда подписывалась польско-германская декларация о нацменьшинствах, Берлин полным ходом готовил акцию в

отношении Австрии, несмотря на то что всего полутора годами ранее Вене были даны письменные гарантии суверенитета и независимости. Заметим, все это происходило на фоне присоединения Италии к «Антикоминтерновскому пакту» (6 ноября 1937 г.) — для Гитлера это фактически открывало дорогу к аншлюсу. Но жажда территориальных захватов застила глаза польскому руководству, полагавшему, что Гитлер обманет кого угодно, но только не Варшаву.

Весьма показательно и то, что именно в тот день — 5 ноября 1937 г., когда была опубликована польско-германская декларация по нацменьшинствам, явившаяся еще одним свидетельством не просто прочности «польского тыла» Германии, но перехода Варшавы на путь прямого содействия планам нацистской агрессии, Гитлер выступил со знаменитой секретной речью на совещании германского политического и военного руководства (он даже заявил, что в случае его смерти просит считать это свое выступление «политическим завещанием»).

В этом 4-часовом выступлении Гитлер изложил свой широкий план «завоевания жизненного пространства» (6), т. е. масштабных агрессивных захватов, что стало откровением даже для некоторых высших чинов рейха. А первыми целями объявлялись Австрия и Чехословакия. Планы были столь ошеломляющие, что против выступили министр иностранных дел фон Нейрат, военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг и главнокомандующий сухопутными войсками барон фон Фрич (вскоре все они лишатся постов). Эта речь еще известна как «протокол Хосбаха» (на совещании полковник службы генерального штаба Хосбах стенографировал выступление Гитлера, и впоследствии эта запись будет предъявлена в Нюрнберге в качестве доказательства нацистских планов развязывания Второй мировой войны).

Гитлер строил планы, не уступающие наполеоновским. А в Варшаве радовались очередному «успеху» мудрой польской внешней политики. «Это соглашение является успехом Бека в деле проведения его германофильской политики, — писал 12 ноября 1937-го в Москву временный поверенный в делах СССР в Польше Виноградов. — Правда, соглашение не касается Данцига, но Бек все равно будет им размахивать как крупным козырем. Соглашение показывает, что Гитлер заботится о сохранении своего польского союзника и готов время от времени пойти на словесные уступки в вопросе о национальных меньшинствах. Для немцев несомненно играла роль необходимость сохранения личной позиции Бека. Ясно, что Бек будет продолжать свою германофильскую политику

и не исключены какие-либо новые демонстрации германо-польского сотрудничества. Заострение внутривнутриполитической ситуации в Польше и возможная тотализация и без того уже фашистского режима несомненно будет толкать пилсудчиков еще больше, чем раньше, в объятия Гитлера. Не приходится говорить, что польская пресса с энтузиазмом восприняла декларацию о меньшинствах и преподнесла ее на самом видном месте» (7).

С не меньшим энтузиазмом убаюкавший поляков словесными «гарантиями» Гитлер усилил активность по обработке Венгрии, которая должна была выступить третьим в этом ансамбле. Венгров агитировали именно на польском примере. Так, когда 25 ноября 1937-го Гитлер будет принимать венгерского премьер-министра фон Дараньи и главу МИД Венгрии фон Канья, то укажет им, что Будапешту следует учиться у Варшавы. Он укажет «на урегулирование вопроса о нацменьшинстве между Германией и Польшей». А кроме того, посоветует Венгрии, чтобы та «не распыляла своих политических усилий в разных направлениях, а направляла бы их лишь по одной линии, а именно на Чехословакию» (8).

Польша усердно копала себе яму собственными руками, помогая Германии разыгрывать карту нацменьшинств. Варшаву не взволновало, когда в феврале 1938-го Гитлер (он готовился к аншлюсу Австрии) с трибуны рейхстага провозгласил формулу протектората Берлина над «зарубежными немцами». Хотя Польша и удостоилась в указанной речи Гитлера комплиментов (и это было понятно — в тот момент польская помощь была важным условием реализации планов в отношении Австрии и Чехословакии), тем не менее, обращал внимание советский временный поверенный в Берлине 26 февраля 1938-го, «в прессе (имеется в виду немецкой. — С. Л.) почти ежедневно появляются ламентации* о тех или иных стеснениях немецкого меньшинства в Польше, на которое, по существу, распространяется формула фюрера» (9).

Такое же удивление на предмет самоубийственной внешнеполитической линии Польши по вопросу нацменьшинств звучит в докладах советских дипломатов и в дальнейшем. Скажем, 23 апреля 1938 г. временный поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов пишет о том, что собой представляют «мирные методы» Гитлера по отношению к Чехословакии: «Организовав немецкое население Судет и натравив на Прагу все остальные национальности, заручившись активной поддержкой Польши и Венгрии, при сочувствии

* Ламентации (от латинского *lamentatio* — «плач, рыдание») — жалобы, сетования.

Италии, они рассчитывают разложить Чехословакию изнутри». Тогда как «судетский вопрос не является единственным, привлекающим внимание немцев».

«Судя по прессе, — сообщал он в Москву, — известная активизация наметилась в отношении немецкого населения других пограничных с Германией стран. Значительно больше «внимания» уделяется положению немецкого меньшинства в Польше. Последний номер журнала «Остланд» (орган союза так называемых остдейче) почти целиком заострен против Польши. Антипольские заметки мелькают почти ежедневно в печати (в связи с проблемой немецкого меньшинства, поднимающего голову также в Польше). Но это явление, по-видимому, не отражается на состоянии германо-польских отношений» (10).

Варшава не только приветствовала действия Гитлера в отношении судетских немцев (по сути легитимизируя его будущие аналогичные претензии уже к Польше), не только заостряла проблему польского меньшинства в Чехословакии (что было недальновидно с той точки зрения, что этот же вопрос может быть поднят в отношении Польши, на треть состоявшей из неполяков), но желая расчленения Чехословакии во что бы то ни стало, содействовала и словацкому сепаратизму.

Чехословацкий министр иностранных дел Крофта 30 марта 1938 г. в сердцах скажет советскому полпреду в Праге: «самую подлую роль при этом играют поляки. Бек — просто мерзавец и продажная душа. Он купил партию словацких клерикалов-автономистов» (11).

Еще в 1936 г. советская разведка неоднократно информировала руководство в Москве о том, что Варшава поддерживает словацкие партии, добивающиеся выхода Словакии из состава Чехословакии. Так, в документе 1936 г. «Аналитическая записка о внешней и внутренней политике Польши», составленной ИНО ГУГБ НКВД, среди прочего говорилось: «Польша по-прежнему, совместно с Германией и Венгрией, добивается полной изоляции Чехословакии. Они усиливают национальную вражду, оказывают содействие словацким автономистам, мобилизуют общественное мнение против пражского правительства, его сотрудничества с Москвой и его терпимого отношения к коммунизму» (12).

Очевидно, Варшава уж очень была уверена, что ее тогдашний союзник Гитлер не потребует от нее немецких земель, и в случае чего поможет удержать, а то и расширить литовские, украинские и белорусские территории в составе «великой Польши». А что до создания независимой Словакии (хотя по сути это будет марионетка в руках

Берлина), то эту совместную польско-германскую акцию Гитлер доведет до завершения в марте 1939-го.

То, что положение нацменьшинств — это дубинка, которая может быть обращена также и непосредственно против Польши, понимали везде (кроме, очевидно, Польши).

Дошло до того, что Прага обратилась по этому поводу к Москве. 29 марта 1938-го чехословацкий посланник в СССР Фирлингер в беседе с замнаркома индел Потемкиным отметил, что «по примеру Гитлера Бек ставит вопрос о положении польского меньшинства в Чехословакии», которое «не превышает 80 тыс. душ». В связи с чем попросил, чтобы советская пресса «осветила надлежащим образом притязания Бека на охрану польских меньшинств соседних стран, напомнив полякам, что в пределах самой Польши имеется 7 млн. украинского меньшинства». «Постановка вопроса о правах этого меньшинства могла бы создать для польского правительства серьезные и даже опасные затруднения», — указал чехословацкий дипломат (13).

В советской прессе действительно прошла серия соответствующих публикаций. Не Польша ли подсказала Москве, под каким предлогом (для защиты украинского и белорусского населения) вводить войска на территорию Западных Украины и Белоруссии в сентябре 1939-го? Хотя поляки, конечно, были крайне недовольны, когда вопрос нацменьшинств, в польской же трактовке образца 1938-го, был применен к самой Польше.

Отметим, польская позиция по вопросу нацменьшинств была не просто недаленовидной, неадекватной и прямо работающей на гитлеровскую агрессию, но в высшей степени циничной. Прага (хотя и она не являлась образцом для подражания в этом вопросе) не позволяла себе и десятой доли того, что вытворяла с нацменьшинствами Варшава. В Чехословакии не было концлагерей вроде Березы-Картузской, там не проводилась «пацификация» и никто не планировал принудительное выселение полутора миллионов «лишнего» нечешского (в польском случае — еврейского) населения.

Мы уже писали о том, как Польша «обеспечивала» и «защищала» права украинцев, белорусов, немцев, литовцев, евреев. Претензии Праге относительно неудовлетворительного положения нацменьшинств предъявляла Варшава, которая не выполнила ни одного своего обязательства согласно договору о гарантиях национальным меньшинствам, подписанному ею на Парижской мирной конференции 28 июня 1919-го. Варшава в 1934 г. в одностороннем порядке аннулировала свою подпись под этим документом.

Полякам так понравилось, как Гитлер орудует этой дубинкой

под названием «проблемы национальных меньшинств», что они решили и себе задействовать этот инструмент в полную силу. Весной 1938-го Варшава разработала на указанный счет целую программу действий.

В письме генконсула Германии в Данциге М. Янсона, направленном в МИД Германии 21 апреля 1938 г., говорилось, что в связи «с последними событиями в Центральной Европе (Австрия, Литва и т. д.)» руководством Польши были приняты решения, которые «будут иметь важнейшее значение для всего внешнеполитического и внутривнутриполитического развития Польши и соседних с нею стран».

«Речь идет при этом о решении использовать в будущем во внешней политике вопрос национальных меньшинств в качестве активного политического оружия, после того как стало известно, насколько успешно третий рейх сумел использовать существующие у него связи с немецкими национальными группами (Данциг, Австрия, судетские немцы)».

Подробно перечислял Янсон и главные направления, которые были намерены активно прорабатывать поляки таким «политическим оружием», как «вопрос национальных меньшинств». Генконсул Германии в Данциге сообщал: «1) Польское меньшинство в Литве. Уже сейчас ведется подготовка не только к установлению постоянных и тесных контактов между польской национальной группой в Литве и польским народом, но и в первую очередь к оказанию влияния на политические круги литовского народа в духе тесного польско-литовского сотрудничества, используя польское меньшинство. Об активных действиях в плане польских требований пока еще не думают, так как хотят сначала выждать, какое развитие примут только что установленные отношения, не прибегая к нажиму с польской стороны.

2) Поляки в Тешинской области. В противоположность прежней позиции в отношении возможного германо-чешского конфликта теперь можно с уверенностью считать, что в случае возможной германской акции по оказанию помощи судетским немцам одновременно началась бы польская акция по оказанию помощи польскому населению западнее Ользы, с применением средств государства, т. е. армии. (До сих пор существовало намерение сохранять нейтралитет.) При этом, вероятно, играет роль стремление посредством такого военного выступления обеспечить контроль над Словакией и воспрепятствовать возможным попыткам советского вмешательства с Востока, а также предупредить венгерскую акцию. Польский депутат Вольф из Чехословакии, этот польский Генлейн,

побывал в конце прошлой недели в Варшаве, где по этому случаю были выработаны все необходимые директивы. В частности, было заявлено: «В случае, если Генлейн отправит в Берлин письмо, как это было с Зейсс-Инквартом, Вольф десятью минутами позднее пошлет такое же письмо в Варшаву». Манифестация депутатов OZN («Лагерь национального объединения». — С. Л.) в защиту поляков в Чехословакии идет в том же направлении».

Как видим, поляки уже и армию готовы задействовать (и задействуют спустя каких-то полгода), и «польский Генлейн» имеется — пан Вольф. А что до демонстрации польской решимости, то Янсон далее передает в письме в Берлин некоторые пассажи, вышедшие из уст польских руководителей: «Делались, в частности, такие высказывания: «Так же как мы в случае с ультиматумом Литве ломались с револьвером со снятым предохранителем в открытую дверь, так и наш посланник в Праге предпринял демарш в вопросе, успешное решение которого нам уже до этого казалось обеспеченным».

Под п. 3 германский генконсул в Данциге сообщал о намерении Варшавы разыграть и «украинскую карту», что было протрактовано им как выбор Польши «в пользу явной наступательной позиции против Востока». Т.е. против СССР. Дескать, по мнению польского руководства, нужно «ожидать рано или поздно насильственных перемен» относительно Советского Союза, «и к такому случаю — будь то вооруженный конфликт между Москвой и Берлином или новый революционный хаос в России — хотя бы подготовиться». А подготовиться следующим образом: «в дальнейшем украинские элементы в Польше следует использовать как ядро националистической украинской пропаганды, направленной против Советов и выступающей

Бонне (Bonnet) Жорж (23.07.1889 — 18.06.1973), французский политический

деятель. В 1934—1935 гг. министр торговли. В 1937-м — посол Франции в США. С июля 1937 г. по январь 1938-го — министр финансов. В январе—марте 1938 г. — министр без портфеля. С апреля 1938 г. по сентябрь 1939-го — министр иностранных дел в кабинете Даладьё. С сентября 1939-го по март 1940-го — министр юстиции. После поражения Франции — в Виши, член Национального совета. В 1941—1944 гг. член правительства Виши. После войны эмигрировал в Швейцарию, чтобы избежать судебного преследования за сотрудничество с нацистами, проживал там до марта 1950 г. В 1953-м, после амнистии,

вернулся во Францию и продолжил политическую деятельность.

за создание самостоятельного украинского государства, сотрудничающего с Польшей в рамках федерации».

«Какая из украинских групп в Польше выдвинется при этом на первый план, пока еще не ясно, — писал Янсон. — По всей вероятности, на Волыни и в Полесье будут действовать через границу, энергично, пуская в ход средства православной церкви (в духе подвергавшейся до сих пор нападкам прорусской комиссии), в то время как восточно-галицийских интеллигентов из кругов UNDO (Украинское Народно-Демократическое Объединение (УНДО). — С. Л.) и украинских социалистов будут направлять в духе демократических и национально-радикальных лозунгов. Это соответственно относится и к белорусам».

Мимо польского внимания не прошла и Латвия, где имелось польское меньшинство, особенно многочисленное в районе Даугавпилса (бывшего Двинска). И хотя поляки предвидели столкновение в ней с интересами Германии, но, отмечал германский генконсул в Данциге, такого рода противоречия можно преодолеть при условии, «если на первый план будет выдвинут общий большевистский противник» (14).

Отчасти эти планы использования нацменьшинств в качестве «политического оружия» были реализованы (Чехословакия, Литва). Но задействовать этот инструментарий на полную силу поляки попросту не успели. Развернуться не дал тот, кому они так стремились подражать, — Гитлер, поставивший перед Варшавой проблемы Данцига, «польского коридора» и немецкого меньшинства уже осенью 1938 г. Но это будет чуть позже, а тогда поляки пребывали в полной уверенности, что им ничего не грозит.

Ничьих ни советов, ни просьб прекратить подыгрывать Гитлеру, развивая национальную тему, они и слушать не хотели. Даже когда к ним обращались французы — формально союзники Польши.

В конце мая 1938-го длительную беседу с польским послом во Франции Лукасевичем имел глава французского МИД Бонне. Разговор касался широкого спектра проблем, которые в тот момент стояли на повестке дня европейской политики. Основное внимание, конечно же, было уделено агрессии Гитлера и кризису вокруг Чехословакии. И о чем бы ни шла речь, Бонне в ходе беседы неизменно (четырежды!) возвращался к обыгрыванию поляками темы с положением нацменьшинств в ЧСР.

В начале разговора, ознакомив Лукасевича с мнением французского генштаба относительно того, что занятие немцами Чехословакии коренным образом изменит стратегическое поло-

жение в Европе, что опасно как для Франции, так и для Польши, Бонне пытался увещевать поляков, что проблема нацменьшинств — лишь удобный предлог для Гитлера развивать свои экспансионистские действия, и разрешение этого вопроса в соответствии с германскими требованиями приведет к укреплению военно-стратегических позиций Германии. И исходя только из одного этого соображения Варшаве следовало бы хорошенько подумать — следует ли ей раздувать вопрос польского меньшинства в Чехословакии, работая на далекоидущие планы Гитлера.

В частности, глава внешнеполитического ведомства Франции указывал: «хотя немецко-чешский конфликт и вызван вопросом о немецком меньшинстве, однако, анализируя этот конфликт, необходимо смотреть дальше проблемы меньшинства и понять, что здесь дело идет о сохранении мира и об обуздании опасной немецкой экспансии в Средней Европе».

Обращал внимание Бонне и на то, что у Польши такие же проблемы с нацменьшинствами. И что с этой точки зрения Варшаве не следовало бы сеять этот ветер, чтобы не пожать впоследствии бурю. Лукасевич напишет в своем донесении Беку 27 мая 1938-го: «Существует много проблем нацменьшинства, — заметил мой собеседник. (т. е. Бонне. — С. Л.) — Сегодня мы занимаемся одними, в будущем будем заниматься другими». Это был косвенный, как я полагаю, лишенный злобы намек на наши проблемы национальных меньшинств».

Польский посол сделал вид, что намеков не понял, а все прочие резоны и призывы, в частности, заглянуть чуть дальше своего носа и подумать, каким образом расчленение Чехословакии (а оно происходило под тем же соусом «защиты прав нацменьшинств») скажется на военно-стратегической ситуации, пропустил мимо ушей.

Беседа продолжалась. Бонне изложил Лукасевичу еще ряд позиций, скажем, объяснил (точнее — попытался, ибо тогдашним польским дипломатам что-либо объяснять с рациональных позиций было проблематично), какую роль для защиты самой же Польши мог сыграть столь нелюбимый в Варшаве советско-французский пакт. И по новому кругу: «Осветив таким образом проблемы Советской России, министр Бонне перешел к вопросу о нашем меньшинстве в Чехословакии. Он проявил при этом не только беспокойство, но также и известное раздражение», — докладывал польский посол Беку.

Бонне был возмущен тем, что Польша, состоящая в союзе с Францией, играет на стороне агрессора — Гитлера — против другого французского союзника — Чехословакии: «Вопрос о польском меньшинстве в Чехословакии не является аналогичным вопросу о

немецком меньшинстве как с точки зрения количества населения, которое принимается в расчет в обоих случаях, так и ввиду того, что польское меньшинство интересуется государством, связанное с Францией союзом. Кроме того, это меньшинство находится на территории дружественного Франции государства». И, заметил Бонне, «было бы в высшей степени досадно и непонятно, если бы польские требования в вопросе о меньшинстве создали такую ситуацию, которая привела бы к новому обострению положения, чего следует ожидать в момент разрешения вопроса о Судетах».

Вопросу о польском меньшинстве, продолжал глава МИД Франции, «французское правительство придает большое значение», ибо постановка этой проблемы Польшей затрудняет напряженные переговоры с Гитлером, вредит франко-английским усилиям, направленным к мирному разрешению конфликта, могущего возникнуть между Германией и Чехословакией». Но главное: «В высшей степени неприятным и опасным является уже одно то, что г-н министр (т. е. Бек. — С. Л.) не только отказывается сделать в Берлине демарш, в котором французское правительство так заинтересовано, и отказывается уточнить позицию Польши в случае франко-германского конфликта, а еще сверх этого выдвигает новое требование, причем в такой острой форме, что это чревато новыми трудностями и новыми опасностями».

Иными словами, «союзник Франции» Польша — перед лицом вполне вероятного конфликта между Францией и Германией из-за Чехословакии — вместо того, чтобы подтвердить свои союзнические обязательства и тем если не охладить вовсе, то хотя бы поумерить пыл Гитлера, обостряет ситуацию, осложняет положение Парижа, выдвигая требования, аналогичные германским.

Когда Бонне в третий раз заговорит о неконструктивной позиции Польши в вопросе о нацменьшинстве, в частности, попросит, чтобы Варшава хотя бы перенесла решение проблемы польского меньшинства на более поздний срок — после разрешения вопроса с Судетским кризисом, Лукасевич, как он напишет Беку, «преврал его» и выложил кипу польских претензий на этот счет. Мол, этот вопрос не новый, «и за все это время пражское правительство ничего, кроме обещаний, не сделало для разрешения его» (как будто сама Польша обеспечила реализацию прав проживающих в ней нацменьшинств! — С. Л.).

Польский посол категорически отверг пожелание Парижа, чтобы Польша не выступала в этом вопросе единым фронтом с Гитлером: «Ни в коем случае мы не можем допустить даже на один

момент того, чтобы проблема польского меньшинства была разрешена после разрешения вопроса о судетских немцах. Эта проблема должна быть разрешена одновременно и в полной аналогии с разрешением вопроса о немцах», — заявил Лукасевич.

Дипломат наговорил много чего еще, в частности, попенял Франции, что та не задействовала влияние французского правительства на Прагу по проблеме чехословацких поляков. Сослался на польское общественное мнение, которое «не поймет» политики, что предлагает Польше Франция, «и не согласится с ней» (кто ж его формировал, польское общественное мнение, в шовинистическом духе! — С. Л.). И, кроме прочего, высказал следующую «адекватную» мысль в поддержку позиции Гитлера: «Разрешением проблемы судетских немцев кончится то напряжение, в котором мы живем».

Под конец беседы Бонне еще раз поднимет эту тему, по сути повторив прежние претензии в адрес Польши, но уже сопроводив замечанием, что и французское общественное мнение не понимает позиции Варшавы: «Общественное мнение Франции переживает большое разочарование в связи с позицией Польши, и, несомненно, оно было бы в высшей степени потрясено, если бы ему стало известно, что Польша не только отказалась сделать демарш в Берлине и уточнить свою позицию в случае франко-немецкой войны, но и готова еще более ухудшить обстановку, выдвигая свои требования в очень острой форме. Необходимо соблюдать осторожность. Было бы очень желательным, чтобы польское правительство нашло соответствующую форму для подтверждения того, что оно принимает участие в усилиях, направленных к мирному разрешению конфликта, а также высоко ценит их» (15).

Но все бесполезно. Польша уже сделала свой выбор — играть на

Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим (30.04.1893 — 16.10.1946), германский дипломат. В 1930 г. примкнул к нацистской партии. С приходом к власти нацистов в 1933-м возглавил специальное бюро (т.н. «бюро Риббентропа»), созданное для выполнения особых заданий нацистского руководства в области внешней политики. В 1936—1938 гг. посол Германии в Лондоне. С февраля 1938 г. по 1945-го министр иностранных дел. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

стороне Гитлера, и отказываться от него не собиралась несмотря ни на какие просьбы и уговоры.

Эту карту — «польское нацменьшинство» — Гитлер при содействии Варшавы разыграет по полной программе. Уже в сентябре 1938-го, на финишной стадии переговоров, которые завершатся печальной памяти Мюнхенским сговором, Гитлер ловко обратит себе на пользу позицию Польши по вопросу польского меньшинства в Чехословакии.

20 сентября 1938 г. посол Польши в Берлине Липский направит Беку донесение о двухчасовой аудиенции у Гитлера, состоявшейся в Оберзальцберге в присутствии министра иностранных дел рейха фон Риббентропа. В ходе этой встречи, проходившей в теплой атмосфере, Гитлер будет вздыхать, что ради своих союзников — Польши и Венгрии (а перед Липским фюрер принимал премьер-министра Венгрии и начальника венгерского генштаба) — ему приходится жертвовать даже интересами судетских немцев.

«Занятие Судетов силой было бы, по словам канцлера, более полным и определенным решением», — цитировал Гитлера Липский в своем докладе. Конечно, никаких возражений против силовой акции нацистов у польского посла в Берлине не было, но он отдавал должное заботе Гитлера о польских интересах. Мол, если бы Германия силой решила «свою» — судетскую — проблему, то Польша могла бы остаться неудовлетворенной относительно Тешинской области. Но Гитлер как настоящий союзник на односторонние акции, не учитывающие запросов Польши (и Венгрии), не идет: «канцлер находится в раздумье, как в таком случае разрешить оставшуюся часть проблемы, касающуюся Венгрии и Польши. В связи с этим он и пригласил для переговоров премьера Венгрии и меня», — писал Липский.

Польский посол заверил Гитлера, что позиция Варшавы тверда, и что оную твердость уже ощутили в Лондоне и Париже. Последние столицы, бравировал Липский, прислали «заверения, что наше меньшинство в Чехословакии будет рассматриваться наравне с другим наиболее привилегированным меньшинством».

Соответственно, по мысли этого «польского сверхчеловека», имелись и «унтерменши» — меньшинства «менее привилегированные». Ну да удивляться не приходится — у Гитлера поляки ничего иного набраться не могли.

Поскольку Берлин принимает такое активное участие в польских интересах, то и от Польши требуется услуга, дабы укрепить позиции Гитлера на переговорах с англо-французами.

«Риббентроп со своей стороны просил, чтобы я узнал у Вас, — писал Липский Беку, — не пожелали ли бы Вы сделать заявление по вопросу о польских требованиях относительно Чехословакии по примеру того, как это сделал премьер Венгрии, чтобы это могло быть использовано при переговорах с Чемберленом. Кроме того, Риббентроп заверил, что германская пресса будет как можно шире освещать наши (т. е. польские. — С. Л.) действия в отношении нашего (т. е. польского. — С. Л.) меньшинства в Чехословакии» (16).

Конечно же, Польша вскоре сделает соответствующее заявление, о котором просил Риббентроп, более того — подкрепит свое требование бряцанием оружия.

22 сентября посол Франции в Германии Франсуа-Понсэ будет писать в донесении главе французского МИД о том, как Польша выполнила поручение Риббентропа: «произошло важное событие, дающее руководителям рейха новый предлог, чтобы отказаться от принципов, на основе которых, казалось, выкристаллизовывалось соглашение, и чтобы выдвинуть новые требования. Речь идет о демаршах, предпринятых 20 сентября Польшей и Венгрией в адрес фюрера и в Лондоне, имевших целью указать, что Варшава и Будапешт не согласятся с тем, чтобы в отношении своих этнических меньшинств, включенных в чехословацкое государство, был применен менее благоприятный режим, чем тот, который будет предоставлен судетским немцам. Это было равнозначно утверждению, что уступка территорий, населенных немецким большинством, должна будет также повлечь за собой отказ Праги от Тешинской области и от 700 000 мадьяр в Словакии. Таким образом, предполагаемое отторжение территории превратилось бы в расчленение страны.

Это именно то, что нужно рейху. Польша и Венгрия присоединяются к Германии для травли Чехословакии. Франция и Англия, которые пытались идти на уступки и, всячески удовлетворяя германские требования, хотели спасти существование чешского государства, оказываются перед лицом единого фронта трех государств, добивающихся раздела Чехословакии.

Руководители рейха, которые не делают тайны из того, что их целью является стереть Чехословакию с карты Европы, немедленно воспользовались польским и венгерским демаршами, чтобы уже 21 (сентября) объявить через свои официальные печатные органы о том, что сложилась новая ситуация, для которой требуется новое решение...

...Тот факт, что Польша выказала свои аппетиты в момент, когда она почувствовала, что близится час раздела добычи, не может уди-

вить тех, кто знал о помыслах г-на Бека, который в последнее время проявлял все большую и большую осторожность в отношении Германии и был полностью информирован о замыслах гитлеровских руководителей, в частности благодаря систематическим контактам с Герингом. В течение уже нескольких месяцев польский министр иностранных дел считал, что раздел Чехословакии неминуем, что он произойдет без войны и что это случится до истечения 1938 г. Г-н Бек не делал также тайны из своих намерений претендовать на Тешин, и даже оккупировать его, если потребуется. Отторжение этой территории явно представлялось ему в качестве первого шага на пути к установлению общей границы с Венгрией и к созданию блока государств от Балтийского до Черного моря...

...Как бы то ни было, венгры по примеру Польши по сути дела отказались от своей осторожной позиции и превратились в пособников самых заклятых врагов Чехословакии, тех, кто намерен любыми средствами продолжать начатое наступление, вплоть до раздела этой страны. В том, что именно такими в настоящее время являются планы гитлеровских руководителей, к сожалению, сомневаться не приходится» (17).

Итак, полная согласованность действий. Роли распределены, партитуры расписаны. Берлин запеваёт, Варшава и Будапешт подпевают. «Миротворец» и «борец за права человека» Гитлер уверенно гнет свою линию.

Западные столицы готовы капитулировать, как тогда говорили, — «умиротворить агрессора». Но, отдавая этому агрессору часть чехословацкой территории, предлагают ему заключить пакт о ненападении с Чехословакией (с тем, что от нее остается). А Гитлер им отвечает: и рад бы, да не могу, ибо есть еще справедливые требования Польши.

«Риббентроп сказал мне, что канцлер отклонил заключение пакта о ненападении, мотивируя это тем, что такой пакт был бы в чешских руках инструментом, направленным против требований польского и венгерского меньшинств. Гарантию же канцлер отклонил, мотивируя тем, что он должен был бы поставить ее в зависимость от гарантий Польши, Венгрии и Италии», — будет докладывать Беку 26 сентября 1938-го посол Польши в Берлине Липский (18).

Берлину пакт о ненападении с Чехословакией не нужен. Гитлер не хочет связывать себе руки, ибо его планы одними лишь Судетами не ограничивались, уже тогда он знал, что сотрет Чехословакию с политической карты Европы. А чтобы эти самые руки себе не связывать, у Гитлера «железобетонный» аргумент: проблемы польского

и венгерского меньшинства, которые он, «правозащитник», конечно же, не может оставить без внимания.

1. Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 154—156.
2. Там же, с. 163—164.
3. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1976, т. 20, с. 760.
4. Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 264.
5. Там же.
6. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 24—34.
7. ДВП СССР, т. 20, с. 604.
8. Документы Министерства иностранных дел Германии. Выпуск I. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.). — М.: Политиздат, 1946, с. 23.
9. ДВП СССР, т. 21, с. 91.
10. ДВП СССР, т. 21, с. 220—222.
11. ДВП СССР, т. 21, с. 164.
12. Секреты польской политики. Сб. док. (1935—1945). — М.: Типография СВР России, 2009, с. 86.
13. ДВП СССР, т. 21, с. 161.
14. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 86—89.
15. Там же, с. 103—108.
16. Там же, с. 175—178.
17. Там же, с. 197—199.
18. Там же, с. 220.

Поляки «с револьвером со снятым предохранителем»

С конца 1937 г. для Гитлера создались более чем благоприятные внешнеполитические обстоятельства для совершения своего первого агрессивного акта — аншлюса Австрии.

Практически одновременно Италия подключилась к «Антикоминтерновскому пакту» (06.11.1937 г.), а с Польшей была подписана декларация о нацменьшинствах и секретные приложения к ней (05.11.1937 г.), которая по сути (учитывая, что вопрос Данцига и немецкого меньшинства в Польше был главным потенциальным источником конфликта между данными странами) явилась эдаким польско-германским пактом о ненападении №2.

Малая Антанта, рассматривавшая независимость Австрии как один из своих главных стратегических приоритетов, была развалена стараниями Германии, Италии и Польши. В ноябре 1937-го состоялось последнее совещание начальников генштабов стран Малой антанты. К концу 1937-го этот некогда важный элемент системы французских военных союзов распался окончательно.

Еще несколько лет назад министр иностранных дел Чехословакии Бенеш мог однозначно заявить, что «вопрос аншлюса стал тем временем вовсе не германо-австрийским вопросом, а общеевропейским... Если Германия рассчитывает произвести аншлюс, то это будет обозначать европейскую войну». И поскольку аншлюс Австрии — это «также и против Франции и против Малой Антанты. Это ему (Гитлеру. — С. Л.) не под силу» (1). А в ноябре 1937-го на запрос австрийского посла в Праге (сразу после указанного совещания начальников генштабов Малой антанты) — может ли Австрия рассчитывать на помощь в случае выступления против нее Германии, тот самый Бенеш ответил одним словом: «немыслимо» (2). Гитлер и Бек могли поздравить друг друга с успехом.

Захват Австрии «при наличии благоприятных политических условий» предполагался еще в директиве имперского военного министра и главнокомандующего вооруженными силами фон Бломберга от 24 июня 1937-го о единой подготовке вооруженных сил к войне (3), на основании которой германский генштаб разработал план операции «Отто». Однако с осени 1937 г. военно-политическое руководство Германии уже рассматривало «Отто» как составную часть более широкого плана «Грюн» — захвата Чехословакии. На совещании 5 ноября 1937-го Гитлер заявил: «В целях улучшения нашего военно-политического положения в любом случае военных осложнений нашей первой задачей должен быть разгром Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад».

Рассуждая о большой войне в Европе, Гитлер высказал уверенность, что Польша («союзник Франции») останется нейтральной: «В случае конфликта с Францией, пожалуй, нельзя будет ожидать, что Чехия объявит нам войну в один и тот же день, что и Франция. По мере нашего ослабления, однако, в Чехии будет возрастать желание принять участие в войне, причем ее вмешательство может выразиться в наступлении на Силезию, на север или на запад. Если же Чехия будет разгромлена, будет установлена граница Германии с Венгрией, то в случае нашего конфликта с Францией можно будет скорее ожидать, что Польша займет нейтральную позицию. Наши соглашения с Польшей сохраняют силу до тех пор, пока мощь Германии несокрушима» (4).

Во всех директивах фон Бломберга о единой подготовке вооруженных сил к войне, имеющей целью захват Австрии и Чехословакии, неизменно звучит один тезис: успех операций (а проще говоря — агрессивных акций в Европе) зависит не только от собственно приготовлений вермахта, «но также и от позиции Польши».

В директиве № 55/37 от 24 июня 1937-го, в разделе «Развертывание по варианту «Грюн», говорилось: «Цель и задача этой операции германских вооруженных сил должны состоять в следующем: разгромив вооруженные силы противника и овладев Богемией (Чехией) и Моравией, заблаговременно и на весь период войны ликвидировать угрозу нападения Чехословакии с тыла, чтобы связать себе руки для ведения войны на Западе и отнять у русской авиации важнейшую часть ее операционной базы, которая могла бы располагаться на территории Чехословакии.

...Организация этой операции будет зависеть от достигнутой немецкими сухопутными войсками к моменту войны численности и степени их готовности к действиям, далее — от состояния подготовительных мер, **но также и от позиции Польши**. При разработке операции следует учитывать и возможность того, что немецкие войска будут развертываться на австрийской территории. Политическое руководство имеет в виду создать для этого необходимые условия» (5).

Как видим, уже летом 1937 г. австрийская территория рассматривается не просто как один из объектов захвата, но уже как база для развертывания против Чехословакии. Ну а что за «необходимые условия», которые должно было создать политическое руководство рейха, понятно — т. н. аншлюс (от нем. *Anschluß* — присоединение).

После программного спича Гитлера 5 ноября 1937-го на совещании с высшим военно-политическим руководством рейха в планы единой подготовки к войне были внесены некоторые коррективы. 7 декабря 1937-го фон Бломберг подписывает первое дополнение к директиве от 24 июня 1937 г., а 21 декабря 1937-го — приложение к ней. В разделе «План стратегического сосредоточения и развертывания «Грюн» среди прочего говорится: «Главные силы сухопутных войск бросить в наступление против Чехословакии. Проведение этой операции будет зависеть от наличной численности и боеготовности немецких сухопутных войск, от эффективности подготовительных мероприятий, от характера чехословацких укреплений и возможностей их быстрого преодоления, **а также от позиции Польши**» (6).

Берлин и Варшава действовали согласованно, разыгрывая партию в две руки: первый — в южном направлении, вторая — в северо-восточном.

11 марта 1938 г. Гитлер добился передачи власти от канцлера Шушнига своему ставленнику Зейсс-Инкварту (ранее, в феврале, по требованию Берлина Зейсс-Инкварт был назначен министром внутренних дел). В ночь с 11-го на 12 марта германские войска, заранее дислоцированные на границе, вошли на территорию Австрии.

13 марта Зейсс-Инкварт вступил в члены НСДАП и подписал закон «О воссоединении Австрии с Германской империей». Чуть позднее (10 апреля) в Германии и Австрии состоялся плебисцит об аншлюсе (по официальным данным, за проголосовали свыше 99%).

С аншлюсом Австрии Гитлер получал стратегический плацдарм для агрессии против Чехословакии и вообще для усиления экспансионистской политики в Юго-Восточной Европе и на Балканах. В результате аншлюса территория Германии увеличилась на 17 %, население — на 10 % (на 6,7 млн. чел.).

Накануне акции в Австрии, в феврале 1938-го, в Польшу — как это обычно случалось накануне серьезных событий — пожаловал Геринг. На охоту. Посол Франции в Берлине Франсуа-Понсе тогда же проинформирует своего советского коллегу Астахова «о серьезности разговоров, которые Бек вел в Берлине и, возможно, будет вести с Герингом во время охоты». А рассуждая относительно будущих объектов агрессии, французский посол заметит, что в опасном положении оказывается Литва. «Не исключено поэтому, что беседы Геринга будут идти именно в этом направлении (Данциг — Мемель)», — докладывал временный поверенный в делах СССР в Германии в Москву 26 февраля 1938 г. (7). Надо полагать, именно возле охотничьего костерка Геринг с Бекком и утрясли окончательно детали совместной германско-польской игры.

То, что аншлюс Австрии был согласован с Польшей, не сомневались не только в Москве, Париже или Лондоне, но даже в какой-нибудь Анкаре (см. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Турции в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 14 марта 1938 г. (8)) — настолько все было очевидно. Германия концентрировала войска на границе с Австрией, а Польша — на границах с Литвой.

О Литве в Варшаве любили говаривать «польская Австрия», и тоже хотели «аншлюса». В октябре 1920-го вероломно (в нарушение подписанного неделей ранее Сувалкского договора) саблями и штыками Желиговской Польша захватила Виленскую область и город Вильно. Но Варшава хотела всю Литву целиком. Осенью 1927-го Польша предпринимала попытку аннексировать оставшуюся часть Литвы, но была остановлена позицией СССР, а также нежеланием Франции и Англии поддерживать данную авантюру (10 декабря 1927-го в Женеве было подписано польско-литовское соглашение о прекращении войны).

В 1938-м — новая попытка. Уже рука об руку с Гитлером. В ночь на 11 марта 1938 г. (т. е. совпадение польской акции против Литвы

и германской в отношении Австрии полное) на польско-литовской границе произошел инцидент, в результате которого погиб польский солдат. Судя по всему, это была заранее спланированная поляками провокация (что-то вроде «нападения на радиостанцию в Гляйвице» — не опыт ли поляков позаимствует Гитлер, атакуя саму Польшу?). Литва потребовала создания международной комиссии для расследования инцидента. Польша отказалась и сконцентрировала 100-тысячную группировку на границе с Литвой. 15 марта 1938 г. в Варшаве и Вильно прошли антилитовские демонстрации под общим лозунгом «Вперед на Ковно!» (т. е. на Каунас — тогдашнюю столицу Литвы).

Однако вмешалась Москва и поохладила воинственный пыл Варшавы. В ночь с 15-го на 16 марта Литвинов потребовал польского посла в Москве Гжибовского явиться к нему. Поляк отказался (судя по всему, Варшава планировала по своей старой привычке, отработанной еще в конце 10-х — начале 20-х гг., поставить всех перед свершившимся фактом). Тогда советский нарком связался с ним по телефону и разъяснил, что «если Польша применит силу для решения своего спора с Литвой, то СССР не сможет остаться к этому равнодушен».

Далее цитирую эту историю в изложении министра интел Чехословакии Крофты: «На другой день (16 марта 1938 г. — С. Л.) утром Гжибовский был у Литвинова и пытался сделать вид, что такого разговора не существовало. Литвинов прямо спросил, передал ли он вчерашний разговор в Варшаву. На увертки Гжибовского Литвинов сказал: «Идите домой и передайте в Варшаву то, что я Вам сказал, а именно что если Польша применит силу в отношении Литвы, то СССР не оставит этого без последствий». На вопрос Гжибовского, что это значит, Литвинов ответил, что это значит война в Восточной Европе».

Глава МИД Чехословакии отметил, что «СССР прямо спас Литву от присоединения к Польше» и «с большим удовольствием» добавил: «Гжибовский ушел, «как облитый водой пудель» (9).

Этот «облитый водой пудель», конечно же, проинформировал Варшаву о возможных последствиях, о которых предупреждал Польшу советский нарком интел. Поскольку польско-советский пакт о ненападении 1932 года содержал клаузулу о прекращении действия договора в случае агрессии, совершенной одним из его участников, дело могло дойти до денонсации пакта и военного вмешательства СССР в защиту Литвы. Поскольку Польша и Германия намечали еще и совместную акцию против Чехословакии, денонсация польско-советского пакта о ненападении тем более была для Варшавы (да и Берлина) невыгодной.

Показательно, что в отношении Литвы Варшава пыталась проделать не просто то же самое, что и Берлин с Австрией, но даже одинаковыми методами. Гитлер выдвигал ультиматумы Вене, а Варшава — Каунасу. Уже 16 марта поступили соответствующие сведения на этот счет. Польские дипломаты поначалу отрицали наличие ультиматума, который сопровождался угрозой применения силы. В частности, Гжибовский 16 марта в беседе с Литвиновым открещивался от факта выставления ультиматума Литве.

Но информации об этом становилось все больше, причем с деталями, подтверждавшими идентичность гитлеровских требований к Австрии и польских к Литве. Кроме того, становился известным характер польско-германских договоренностей в рамках проводимой ими совместной «аншлюсной» акции.

Временный поверенный в делах СССР в Польше 17 марта 1938 г. докладывал в НКВД: «В Варшаве сейчас распространяется экстренное сообщение польского правительства об ультимативной ноте литовскому правительству с категорическими требованиями установления нормальных дипломатических отношений, с угрозами предпринять военные акции в случае отклонения литовским правительством требований польского правительства... Установлено, что в Вильно стягиваются польские войска. Отпуска польским военным прекращены. В Гдыню стягиваются отряды так называемой национальной обороны. Перед захватом Австрии Гитлер информировал польское правительство и обещал последнему выход к морю за счет Литвы» (10).

Майский (советский полпред в Лондоне) сообщал в Москву: «Литовский посланник мне сообщил сегодня условия польского ультиматума, которые вам, конечно, известны от Балтрушайтиса (посланник Литвы в СССР. — С. Л.). Балутис (посланник Литвы в Великобритании. — С. Л.) был сегодня с этим ультиматумом у Галифакса, который обещал ему еще раз нажать на польское правительство через своего посла в Варшаве и настаивать на снятии ультиматума или по крайней мере на удлинении его срока» (11).

Советский полпред в Париже Суриц докладывал: «Поль-Бонкур (на тот момент глава МИД Франции, в апреле 1938-го его сменил Бонее. — С. Л.) только что ознакомил меня с характером и результатами демаршей, предпринятых в Варшаве. Преследуя своей главной задачей предупредить «ку де форс» (т. е. «проявление силы» (фр.). — С. Л.), французский демарш, согласованный по инициативе Поль-Бонкура с Лондоном, свелся к тому, чтобы заставить польское правительство отказаться от: 1) ультиматума, 2) сроков и 3) от требования исключить из литовской конституции упоминание о Вильно.

Согласно последним телеграммам от Ноэля (посол Франции в Польше. — С. Л.) (Поль-Бонкур мне их прочитал), Бек, по крайней мере на словах, пошел на это. Он обещал не придавать ноте характер ультиматума с установлением сроков, и, больше того, «в конфиденциальном порядке» (почему понадобилась конфиденциальность, я не понял) Бек обещал Ноэлю, что в ноте будет опущено требование касательно Вильно. Все это было бы очень хорошо, если бы из дальнейшей беседы с Поль-Бонкуром (до меня повидавшим Лукасевича (посол Польши во Франции. — С. Л.) я не вынес впечатления, что поляки, по-видимому, стремятся, навязав литовцам переговоры, добиться отказа литовцев от Вильно в плане «установления нормальных дипломатических отношений», вероятнее всего в форме уточнения и признания существующих границ» (12).

«Конфиденциальный порядок», удививший советского полпреда, объяснялся тем, что Бек попросту врал французам, пытаясь выгадать время для обработки литовского руководства в нужном Польше ключе (очевидно, по тому сценарию, по которому Гитлер шантажировал Шушнига). Впоследствии Варшава не откажется ни от ультимативных требований, ни тем паче от претензий относительно Вильно. Официальное признание Литвой Вильно и Виленского края за Польшей в этой акции Варшавы было эдакой программой-минимум.

А программа-максимум предполагала аннексию всей Литвы — что Польша пыталась осуществить еще в 20-е годы. Расчеты, судя по всему, строились на том, что Литва не примет жесткий ультиматум Польши, а та в свою очередь применит силу.

Учитывая, что напряжение на польско-литовской границе не спадает, 18 марта 1938-го советский нарком Литвинов повторно предупредил Варшаву о тяжелых последствиях, которые могут наступить в случае применения силы в отношении Литвы. Гжибовскому Литвинов в дипломатичной форме указал, что врать нехорошо: «Я напомнил ему, что в последнем разговоре он отрицал посылку Литве ультиматума», — сказано в записи беседы, «и спросил, удостоверился ли он, что действительно никакого ультиматума нет».

Гжибовский стал выкручиваться — дескать, «он о таком ультиматуме из Варшавы не извещен». И вообще, мол, это двусторонние польско-литовские отношения (Гитлер в аналогичном случае говорил, что германо-австрийские отношения — это «семейное дело немецкого народа»).

На что Литвинов заметил, что Литва как суверенное государство

может сама определять свои отношения с Польшей, и, «когда это будет делаться совершенно добровольно, без принуждения и это не будет затрагивать независимости Литвы, мы вмешиваться не будем». «Если, однако, я побеспокоил посла, — продолжал нарком, — то потому, что я получил только что официальное извещение от литовского посланника о вручении вчера вечером литовскому правительству ультиматума (того самого, которого, по словам польского посла в Москве «не было вообще» и который, согласно заверениям Бека послу Франции в Париже, «будет снят». — С. Л.), на который требуется дать ответ в течение 48 часов, с угрозой в противном случае «обеспечения государственных интересов Польши собственными средствами».

Понятно, что «обеспечение государственных интересов Польши собственными средствами» означало агрессию против Литвы.

Поэтому Литвинов заявил предельно жестко: «Если такой ультиматум действительно вручен, то я должен оставить в силе и подтвердить то заявление, которое я сделал послу 16-го. Дело принимает слишком серьезный оборот, чтобы я мог ограничиться выслушиванием варшавского ответа, переданного по телефону.

Обращает мое особое внимание то, что Польша добивается своим ультиматумом не только установления дипломатических отношений, но, по-видимому, без всяких оговорок, т. е. (полного) отказа Литвы от своей точки зрения относительно Виленщины и по другим спорным вопросам. Такие требования, да еще предъявленные в ультимативной форме, равносильны изнасилванию Литвы, а я уже говорил послу о нашей заинтересованности в сохранении полной независимости за литовским государством» (13).

Заметим также, что Москва не только сама оказала давление на Польшу, но привлекла к этому процессу и Париж (а тот в свою очередь Лондон).

«Лишь бессильно разводя руками, признает Франсуа-Понсе (посол Франции в Берлине. — С. Л.) в разговоре с нашим поверенным в делах в Берлине, что Польша явно помогает Гитлеру в его действиях», — возмущался Литвинов в письме советскому полпреду в Париже, требуя от последнего обратить внимание французского правительства на необходимость активизировать работу с этим «союзником Франции». «Польше, совершающей свой наезднический наскок на Литву», высказывал недовольство советский нарком, со стороны Парижа не оказывается «серьезного противодействия» (14).

Активность советской дипломатии дала результаты. Впоследствии поляки даже будут возмущаться поведением французов в мо-

мент этого кризиса. В частности, 27 мая 1938-го посол Польши во Франции Лукасевич скажет главе французского МИД: «В польском обществе еще живы досадные воспоминания о недоброжелательном отношении к нам всей французской прессы в момент больших трудностей, которые испытывала Польша во время инцидента с Литвой. Я помню неслыханное поведение французской дипломатии при решении столь важной и жизненной для Польши проблемы».

«Неслыханное» поведение Парижа! Очевидно, поляки надеялись, что Франция поведет себя примерно так же, как в 1918—1921 гг., когда Париж закрывал глаза на выходы галлеров и желиговских. Но мало того, что Франция не поддержала «великую Польшу» в расширении ее территории, так еще и искала возможности привлечь СССР для противодействия агрессии Гитлера в Европе! Польский посол попенял французам: «У нас хорошо сохранилось в памяти впечатление о том, что в тот важный для Польши момент Франция не только не была рядом с нами, а, наоборот, пренебрегая нашими интересами, она была поглощена вопросом о возможном проходе советских войск через чужие территории в случае войны с Германией» (15).

Собственно, в этой тираде польского посла в Париже содержится не только сожаление, что аннексионистские планы Варшавы остались нереализованными, но и по сути объяснение, почему Польша встала на сторону Гитлера: Германия, в отличие от Франции, открывала перед Польшей перспективы увеличения территории посредством агрессивных захватов. А что могли предложить Польше французы? Борьбу за мир? Поиск коридора для советских войск «в случае войны с Германией»?

Хотя польские аппетиты оказались удовлетворенными не полностью, тем не менее свою программу-минимум в Литве Варшава выполнила: перед угрозой военного конфликта литовское правительство установило с Польшей дипломатические отношения и согласилось признать за ней права на Вильно и Виленский край. 19 марта 1938-го литовский сейм утвердил отказ Литвы от претензий на Вильно и близлежащие земли.

О том, что планы Польши шли намного дальше, чем просто признание за собой Вильно и Виленского края, свидетельствует и ответ Бека советскому коллеге Литвинову, врученный последнему Гжибовским 20 марта 1938-го: «Несмотря на разные негативные действия посторонних факторов, польское правительство ограничило разрешение литовского вопроса пределами, соответствующими традиционной польской политике», — писал Бек.

Прямо скажем: Варшава была вынуждена ограничить «разрешение литовского вопроса пределами» ранее захваченной Виленской области. В первую очередь — благодаря позиции Москвы. И 20 марта 1938-го, когда Гжибовский излагал польское внешнеполитическое отступление, мол, ничего особого от Литвы не хотели, а ультиматум был вовсе и не ультиматум, а всего лишь «нота, содержащая угрозу», Литвинов осадил польского посла, заметив, что «требование, предъявленное с установкой краткого срока для ответа и сопровождаемое угрозой применения силы, называется ультиматумом, и что все эти отличительные признаки заключались в польской ноте. Во всяком случае, весь мир истолковал ее как ультиматум».

И эти методы, к которым прибегла Польша в отношении Литвы, предупредил советский нарком, «побудят нас (т. е. СССР — С. Л.) с особым вниманием следить за дальнейшим развитием польско-литовских отношений, исходя из опасения, как бы такие методы не применялись в дальнейшем при предъявлении требований менее невинного характера» (16).

А требования «менее невинного характера» для Польши (в отношении Литвы) по-прежнему оставались актуальными. В письме от 26 марта 1938-го, направленном замнаркома индел Потемкиным полпредам СССР в Литве Крапивинцеву, в Латвии Зотову, в Эстонии Никитину и временному поверенному в делах СССР в Польше Листопаду, обращалось внимание на тон польской прессы: «Предположение о том, что Польша отнюдь не намерена ограничиться восстановлением дипломатических отношений с Литвой, подтверждается позицией, занятой прессой польских консерваторов и фашистской национальной партии. Эта пресса совершенно открыто высказывает свое разочарование тем, что польское правительство ограничилось в ультиматуме лишь требованием восстановления отношений, и призывает в связи с этим не останавливаться на достигнутом» (17).

В таком же духе преподносила «польско-литовскую проблему» и пресса нацистской Германии: «Надо отметить, что и германская пресса упорно твердит о том, что польско-литовский конфликт еще не изжит, что окончательное урегулирование его еще впереди и т. п.», — писал на имя Литвинова 27 марта 1938-го временный поверенный в делах СССР в Германии Астахов.

Астахов сообщал также о том, каким размышлениям предавались тогда иностранные дипломаты в Берлине: «после присоединения Австрии основной проблемой для здешних инаблюдателей является вопрос об очередном объекте германской агрессии. Мнения

разделяются: одни считают очередным объектом Чехословакию, другие — коридор (в обмен на Литву)».

Имеется в виду «польский коридор», который бы получила Германия (вместе с Данцигом) — оказав содействие Польше в аннексии Литвы. Эта схема в тот момент широко обсуждалась — как укажет Астахов в своем письме, «версия об обмене его («польского коридора». — С. Л.) на Литву тоже достаточно популярна».

Действительно, если не обращать внимания на мнение самой Литвы, чью территорию делили-разменивали (а Польша и Германия не особо озадачивались позицией своих жертв), то вариант в самом деле где-то даже логичный (конечно, сообразно польско-германской логике того времени): Германия возвращала свои земли; Польша компенсировала потерю территорий на северо-западе получением земель на северо-востоке; Польша теряла порт Данциг, но получала выход к морю за счет портов Литвы; наконец, все вместе взятое это позволяло Варшаве и Берлину заявить об окончательном польско-германском урегулировании, т.е. не потеряв лицо перед общественным мнением своих стран (настроенным шовинистически в обоих случаях).

Т.е. в марте 1938-го Польша, провоцируя «литовский кризис», не только отвлекала внимание Европы от аншлюса Австрии, но и, судя по всему, должна была сыграть в Литве роль эдакого авангарда агрессоров. Да не решилась довести дело до конца в свете жесткой позиции Москвы.

Даже после Мюнхена, в ноябре 1938-го, в дипломатических кругах упорно циркулировала информация о том, что Германия и Польша сговорятся посредством размена Литвы. «Что касается внешних объектов гитлеровского «динамизма», то таковыми являются в данное время Мемель и колонии, — писал в Москву советский временный поверенный в делах в Берлине 19 ноября 1938-го. — Мемелю, правда, не уделяется количественно много внимания, но он представляется обреченным... Остается невыясненным, ограничатся ли немцы захватом Мемеля, или вопрос стоит о Литве в целом, как объекте решения «коридорной» проблемы. Здешние литовцы имеют сведения, что немцы собираются сделать полякам «рождественский подарок», поднеся им Литву (очевидно, в обмен на коридор)» (19).

Реальность существования указанных планов польско-германского урегулирования за счет Литвы подтверждается и дальнейшим ходом событий. Как известно, в марте 1939-го Германия заставит Литву передать ей Мемель и Мемельский край (Клайпеду

и Клайпедскую область). Другое дело, что Польша к тому времени уже не будет таким очевидным союзником Гитлера, как в 1938 году. А то Варшава и Берлин вполне могли бы «разорвать» Литву сообща — так же, как они сделали это с Чехословакией. Польское участие (как и в случае с Чехословакией) Гитлеру было бы выгодно для оправдания своих шагов на международной арене (мол, не он один выдвигает «справедливые претензии»).

К слову, и в 1939-м СССР был готов вмешаться для защиты Литвы от претензий Германии. Через посла Литвы в Москве Сталин и Молотов сообщали литовскому лидеру Сметоне, что Москва может оказать военную помощь для защиты ее территориальной целостности. Но Каунас принял решение согласиться с германским ультиматумом (предъявленным 20 марта 1939-го главе литовского МИД Урбшису Риббентропом) и 23 марта того же года передал Мемель и область рейху.

Таким образом, первые агрессивные акты в Европе после Первой мировой войны (если не считать гражданскую войну в Испании и поддержку мятежников Франко фашистскими державами; и Польшей, кстати, тоже — занимавшей благожелательную позицию по отношению к франкистам) были осуществлены рука об руку Германией и Польшей.

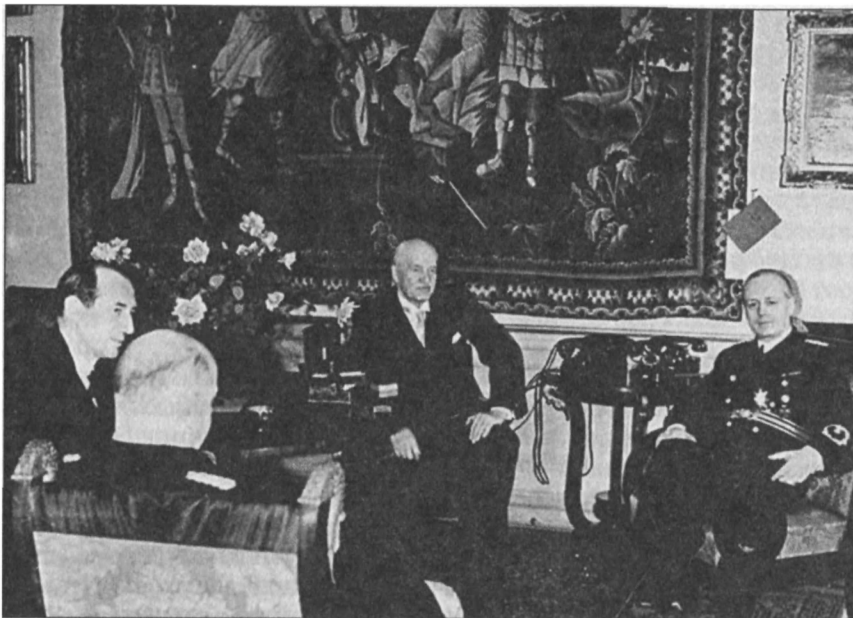
«Польша все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров, — будет писать 17 апреля 1938-го замнаркома индел Потемкин советскому полпреду в Китае, знакомя того с ситуацией в Европе. — Торопясь не опоздать, она сейчас же после аншлюса предъявила ультиматум Литве и добилась насильственного установления дипломатических и всяких иных сношений с Литвой, которые она справедливо **рассматривает лишь как начало постепенного освоения ею Литвы** (выделено мной. — С. Л.). В германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль. Она открыто провоцирует обострение тешинского вопроса, и, по некоторым сведениям, агрессия на Чехословакию предполагается именно с этого конца, поскольку Германии выгодно показать всему миру, что Чехословакия является нежизненным государственным организмом, который распадается на свои составные части».

Интересно, что в указанном информационном послании Потемкин совершенно точно предрек будущий распад самой Польши, далеко не являвшейся образцом жизнеспособного государственного организма: «Внешнеполитические амбиции Бека находятся, однако, во все большем и большем противоречии с

внутренним положением этой страны... Ни одна страна в Европе не имеет в настоящее время такого неустойчивого внутреннего положения, как Польша. В этой ситуации вовлечение Польши в военные авантюры могло бы привести к революционным восстаниям и развалу этого государства. Однако Польша, как это теперь очевидно для всех, прочно связана с Германией и будет и дальше идти по ее пути» (20). Очень скоро многолетнее следование в русле гитлеровской политики действительно окажется для Польши фатальным.

1. Документы внешней политики СССР. — М.: Политиздат, 1971, т. 17, с. 122—123.
2. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Истор. очерки. Док. и материалы. — М.: Наука, 1973, т. 1., с. 215.
3. Дашичев. Указ. соч., с. 201—208.
4. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 30.
5. Дашичев. Указ. соч., с. 205.
6. Дашичев. Указ. соч., с. 211.
7. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 36.
8. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1977, т. 21, с. 124.
9. ДВП СССР, т. 21, с. 144.
10. ДВП СССР, т. 21, с. 130—131.
11. ДВП СССР, т. 21, с. 134.
12. ДВП СССР, т. 21, с. 135.
13. ДВП СССР, т. 21, с. 131—132.
14. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 81.
15. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 109.
16. ДВП СССР, т. 21, с. 137—138.
17. ДВП СССР, т. 21, с. 154.
18. ДВП СССР, т. 21, с. 158—160.
19. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.); Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 84—85.
20. ДВП СССР, т. 21, с. 202—203.

Юзеф Бек (крайний слева) и Иоахим Риббентроп (крайний справа)

«Гиена Европы»

Польский Vickers E
входит
в чехословацкое
Заользье,
октябрь 1938 г.

Мюнхенского сговора могло не быть

После аншлюса Австрии пришла очередь Чехословакии. Тем более, что первая акция, усилив стратегические позиции Германии, создавала предпосылки для второй. Берлин вдохновляла и та легкость, с которой удалось осуществить аншлюс. И уже в конце марта 1938-го Гитлер на встрече с Генлейном заверил того в решимости «разобраться» с «чехословацкой проблемой» в ближайшее время.

21 апреля Гитлер обсудил с начальником штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Кейтелем план военного разгрома Чехословакии. Оставалось найти подходящий повод. В качестве одного из вариантов рассматривалось «убийство немецкого посланника после антигерманской демонстрации» (1). Само собой, параллельно были пущены в ход все возможные средства для нагнетания ситуации вокруг (на внешнеполитической арене) и внутри Чехословакии.

Но Гитлера ожидал неприятный для него сюрприз: обеспокоенная военными приготовлениями, а также вполне определенного толка

Кейтель (Keitel) Вильгельм (22.09.1882 — 16.10.1946), германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). В 1935—1938 гг. начальник военно-политического отдела военного министерства. С 4 февраля 1938 г. по 8 мая 1945-го начальник штаба верховного главнокомандования ВС. 8 мая 1945 г. подписал акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни как один из главных военных преступников, повешен.

внешнеполитической активностью Германии в мае 1938-го Прага осуществила частичную мобилизацию. Франция, Англия и СССР одобрили эти меры, публично подтвердив готовность выполнить свои обязательства согласно имевшимся договорам о помощи Чехословакии.

В связи с этим на экстренном заседании в Бергхофе 22 мая Гитлер объявил высшему военно-политическому руководству, что ситуация заставляет остановить все приготовления относительно атаки Чехословакии (2). Теперь в качестве возможного срока нападения Гитлер обозначил осень 1938-го. «Майский кризис» так глубоко уязвил Гитлера, что тот на несколько дней уединился от публики в горной резиденции, а впоследствии не раз вспоминал, какой «сильный удар по престижу» он получил в те дни (3).

Но своих планов Гитлер, конечно же, не оставил. В июне 1938-го вблизи границы с Чехословакией были проведены крупные военные маневры. Ускоренными темпами возводились укрепления Западного вала.

В этот момент в среде высшего германского военного руководства созрел антигитлеровский заговор — на почве опасений большой войны, в которую Гитлер втягивал Германию и к которой та, по убеждению генералов, была не готова. И не только военные были недовольны планами Гитлера атаковать Чехословакию, но к заговору в той или иной мере примкнули и представители разведки (начальник центрального отдела абвера полковник Ханс Остер) дипломаты (например, статс-секретарь фон Вайцзеккер), политики (Эвальд фон Кляйст-Шменцин), промышленники (Ханс Бем-Теттельбах).

Целую серию докладных, предостерегающих Гитлера от военных приготовлений, составил генерал-полковник Бек, начальник штаба сухопутных войск. Наиболее известной стала его записка от 16 июля 1938-го, в которой он обращал внимание на опасность большой во-

Бек (Веck) Людвиг (29.06.1880 — 20.07.1944), германский военачальник, генерал-полковник. С 1933 г. начальник войскового управления генштаба сухопутных войск, с 1935-го — начальник генштаба сухопутных войск. В августе 1938-го уволен в отставку. Один из руководителей неудачного заговора против Гитлера в 1944 г., арестован, покончил жизнь самоубийством.

йны, на незначительный оборонительный и мобилизационный потенциал Германии, заключив, что ей ни в коем случае не выдержать той борьбы «не на жизнь, а на смерть», если она бросит вызов миру.

Беку удалось заручиться поддержкой у главнокомандующего сухопутными силами Браухича. На специально созванном 4 августа 1938-го совещании высокопоставленных военных Браухич распорядился зачитать докладную Бека от 16 июля 1938-го. К концу этого совещания его участники практически единогласно присоединились к выводам, представленным в записке Бека. Возникла идея написать коллективное письмо протеста Гитлеру. Но затею сорвал Браухич, на словах поддерживавший резоны своего начальника штаба. Вместо этого он передал докладную Бека Гитлеру. 18 августа 1938-го, когда Гитлер в очередной раз подтвердил, что несмотря ни на что намерен решить вопрос с Чехословакией посредством силы, Людвиг Бек подал в отставку (4).

Сменивший Бека Гальдер, однако, придерживался тех же взглядов — о неготовности Германии к войне, о чем заявил Браухичу сразу после назначения (5). Иными словами, генеральская фронда продолжалась. К концу сентября на сторону заговорщиков окончательно встал и главнокомандующий сухопутными силами Браухич. Сигналом к аресту Гитлера должен был стать его (Гитлера) приказ атаковать Чехословакию (акция намечалась на 1 октября). Но известные решения, принятые в Мюнхене, лишили основы план заговорщиков.

Поведение германских военных наглядно демонстрирует, насколько сильно опасались тогда в Германии войны. И не только военные. Угроза войны в не меньшей степени волновала и самого Гитлера, несмотря на его публично выдаваемую полную решимость применить силу. Он тоже колебался. О «майском кризисе» говорилось выше. Но и в сентябре его можно было удержать.

Браухич (Brauchitsch) Вальтер фон (04.10.1881 — 18.10.1948), германский во-

еначальник, генерал-фельдмаршал (1940). С 1932-го генерал-инспектор артиллерии, с 1933-го командовал 1-м военным округом, с 1935-го — 1-м армейским корпусом. С 1937-го командующий 4-й армейской группой. 4 февраля 1938 г. после отстранения генерала Фрича назначен главнокомандующим сухопутными войсками. После провала наступления на Москву уволен в запас 19 декабря 1941. В 1945-м сдался в плен английским войскам, умер в госпитале для военнопленных.

27 сентября 1938-го, дабы воодушевить массы и заручиться их поддержкой войны, Гитлер отдал приказ 2-й моторизованной дивизии, направлявшейся к границе Чехословакии, пройти торжественным маршем по столице рейха, по Вильгельмштрассе (на этой улице располагались правительственные учреждения рейха, в т. ч. рейхсканцелярия). Но спектакль не удался.

Известный американский историк Уильям Ширер, бывший в то время корреспондентом в Берлине, запишет в своем дневнике: «Я вышел на угол улицы Линден, где колонна поворачивала на Вильгельмштрассе, предполагая увидеть огромную демонстрацию. Я представлял себе сцены 1914 года, о которых читал когда-то, как восторженные массы на этой же самой улице бросали цветы марширующим солдатам, а девушки подбегали и целовали их. Несомненно, этот час был выбран сегодня, чтобы застать сотни тысяч берлинцев, выходящих из своих учреждений в конце рабочего дня. Но они быстро исчезали в метро, отказываясь смотреть на все это, а горстка людей, стоявших на краю тротуара в полнейшей тишине, не способна была найти и слова приветствия своим уходящим на славную войну молодым людям. Это была самая впечатляющая антивоенная демонстрация, которую я когда-либо видел. По слухам, сам Гитлер был в ярости. Я недолго простоял на углу улицы, когда от здания рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе пришел полицейский и прокричал немногочисленным прохожим, стоявшим на обочине, что фюрер проводит с балкона смотр войск. Некоторые двинулись посмотреть. Я тоже пошел взглянуть. Гитлер действительно стоял там, а на улице и громадной площади Вильгельма не было и двухсот человек. Гитлер выглядел сначала мрачным, потом злым и вскоре ушел с балкона внутрь здания, оставив свои войска маршировать без присмотра. От того, что я

Гальдер (Halder) Франц (30.06.1884 — 02.04.1972), германский военачальник,

генерал-полковник (1940). С 1936 г. в генеральном штабе сухопутных войск, с октября 1937-го — второй, с февраля 1938-го — первый обер-квартирмейстер. С сентября 1938 г. по сентябрь 1942 г. — начальник генерального штаба сухопутных войск. С 1945-го — в американском плену. В качестве свидетеля давал показания на Нюрнбергском процессе.

увидел сегодня, вновь вспыхнула слабая вера в немецкий народ. Они совершенно не хотят войны» (6).

Германия не готова к войне ни в военном отношении, ни в моральном.

А в это время в Чехословакии мобилизован 1 миллион человек. Франция и Англия поддерживают этот шаг. Приближается объявленный самим Гитлером срок атаки Чехословакии — 1 октября. А переговоры с англо-французами (прежде всего с англичанами) зашли в тупик. 25 сентября Гораций Вильсон заявляет Гитлеру, что Англия будет вынуждена предпринять военные меры, если Франция придет на помощь Чехословакии (7).

26 сентября внешнеполитическое ведомство Великобритании выпустило коммюнике по итогам англо-французского совещания, в котором был упомянут СССР как сторона, участвующая в противодействии развязыванию войны в Европе. Незадолго перед тем состоялось неформальное закрытое собрание ряда влиятельных депутатов обеих британских палат. По итогам этого заседания была единогласно принята резолюция, в которой говорилось, что собрание «приветствует факт установления прямого контакта между правительствами Англии и СССР (имелись в виду переговоры Литвинова и лорда хранителя печати Де ла Варра в Женеве; о них чуть ниже. — С. Л.), верит, что отныне будет поддерживаться тесное политическое и военное сотрудничество между британским, французским и Советским правительствами, и надеется, что Гитлеру еще до совершения им непоправимого шага будет ясно дано понять, что три названные державы выступят единым фронтом против германского нападения на Чехословакию». Эта резолюция была передана Галифаксу.

«Упоминание СССР в коммюнике форин офиса, выпущенном после второго англо-французского совещания (26 сентября), — телеграфировал (29.09.1938) в Москву советский полпред в Великобритании Майский — явилось результатом прямого требования Черчилля и его группы. Галифакс внес соответственное место по настоянию Черчилля в присутствии Чемберлена, который не нашел возможным возражать. Черчилль считает, что названное коммюнике, впервые заговорившее о возможности совместных действий трех великих держав, произвело отрезвляющее впечатление на Гитлера и даже будто бы является поворотным моментом в развитии событий» (8).

И вечером 27 сентября Гитлер диктует примиренческое письмо Чемберлену, в котором обещает дать гарантии существования Чехословакии, завершая свое послание призывами к «здравому смыслу» (9).

Гитлер блефовал, но боялся войны! Он опасался перерастания ситуации в большой конфликт даже перед перспективой быть вовлеченным в войну только с западными державами.

Представим, в какой ситуации оказался бы третий рейх, если бы стоял перед перспективой еще и восточного фронта! Очевидно, в таких условиях Гитлер и не решился бы обострять ситуацию вокруг Чехословакии. Совсем с других позиций с Гитлером вели бы переговоры Париж и Лондон. Более уверенно чувствовала бы себя Прага.

Всего и требовалось, чтобы против агрессии выступила Польша. Если и не заявила официально, что, руководствуясь союзническими обязательствами перед Францией, выступит на ее стороне в случае военного конфликта, то хотя бы заняла позицию благожелательного (в отношении противников агрессии) нейтралитета. Хотя бы публично не исключила, что может пропустить советские войска через польскую территорию. Или вообще осталась бы в стороне, но не препятствовала бы организации «румынского коридора» для прохода РККА на помощь Чехословакии.

От позиции Польши, от возможности советских войск войти в непосредственное соприкосновение с агрессором (т. е. гитлеровскими войсками) — зависело решение колеблющегося руководства Франции выступить на защиту Чехословакии. А вслед за Францией вынуждена была бы выступить и Англия. И уж конечно, союзнические обязательства и перед чехами и перед французами выполнил СССР.

Франция далеко не сразу встала на позиции соглашательства с Гитлером по вопросу раздела Чехословакии. Так, сразу после аншлюса Австрии французское правительство дало «твердые заверения» Праге, что «в случае нападения Германии оно немедленно окажет помощь, предусмотренную чехословацко-французским договором» — об этом 15 марта 1938-го проинформировал советского замнаркома индел Потемкина чехословацкий посланник в Москве Фирлингер (10).

Для выступления СССР в защиту Чехословакии было необходимо, чтобы выступила Франция. Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. предполагал, что обязательства взаимной помощи между сторонами будут действовать между ними, если помощь жертве нападения будет оказана со стороны Франции (т. е. СССР был обязан помочь Чехословакии, если ей помогала Франция, и, соответственно, наоборот — Чехословакия обязана была оказывать помощь СССР, если на его защиту выступала Франция).

16 марта 1938 г. Фирлингер телеграфировал в МИД Чехословакии о том, что и Литвинов от имени советского правительства сделал соответствующее заявление: «Само собой разумеется, СССР выпол-

нит свои союзнические обязательства». Советский нарком выразил при этом уверенность, что «какой-нибудь коридор найдется» (11). Имелся в виду коридор для РККА, по которому советские войска смогли бы прийти на помощь Чехословакии и Франции. Очевидно, Литвинов рассчитывал, что перед угрозой гитлеровской агрессии в таких странах, как Польша и Румыния (территории которых отделяли СССР от Германии и Чехословакии), возобладает здравый смысл и элементарное чувство самосохранения.

17 марта 1938 г. министр иностранных дел Чехословакии Крофта «приветствовал» перед советским поверенным в делах СССР в Праге вышеуказанное заявление Литвинова, отметив, что с Францией и Советским Союзом Чехословакия чувствует себя достаточно уверенно. «Позиция СССР и Франции по отношению к Чехословакии и позиция СССР по литовскому вопросу значительно охладил пыл Германии, и положение Праги в настоящее время значительно улучшилось».

Более того, как указал Крофта, ссылаясь на имевшуюся у него информацию, «под влиянием событий настроение Румынии серьезно изменилось» и что в Бухаресте задумались относительно усиления своих связей с Чехословакией «и, по-видимому, также с Советским Союзом» (12).

В рамках процесса подготовки к коллективным действиям для отражения немецкой агрессии 28 марта 1938 г. в Чехословакии побывала представительная военная делегация СССР во главе с маршалом Куликом, которая была принята начальником генерального штаба чехословацкой армии армейским генералом Крейчи (13).

Франция выражала готовность оказать военную помощь Чехословакии во время «майского кризиса». Характерны две беседы, проведенные советскими дипломатами с высшим руководством Франции 25 мая 1938.

Так, нарком Литвинов встречался с главой французского МИД Бонне, который заявил: «В течение ближайших трех месяцев в германо-чехословацких отношениях должен наступить кризис, **в связи с чем Франция объявит мобилизацию.** (выделено мной. — С. Л.) Что же намерен сделать СССР?».

В ответ советский нарком отметил, что проблема не новая, что она предвиделась еще в момент заключения советско-чехословацкого пакта. Известно, что СССР от Германии отделяют Прибалтика, Польша и Румыния. Однако только советского «воздействия на эти страны недостаточно, чтобы они позволили нам оказать содействие Чехословакии, Очевидно, требуются более сильные дипломатические меры давления, в которых должны участвовать и другие госу-

дарства» (14). Естественно, в первую очередь имелось в виду давление Франции, состоявшей в союзе с Польшей.

В тот же день полпред СССР во Франции Суриц «переговорил с Даладье». Основная часть беседы была посвящена Чехословакии. Даладье отметил, что «первая фаза выиграна» (имелось в виду отступление Гитлера в ходе «майского кризиса»), но события будут иметь продолжение. Французский премьер известил советского полпреда, что хотя Париж и Лондон дают Праге советы «об осторожности и благоразумии», тем не менее подчеркнул: **«Французское правительство не собирается, однако, навязывать Праге политическое самоуправление и считается поэтому и с возможностью военного конфликта»** (выделено мной. — С. Л.) (15).

Т.е. и здесь видим настрой, прямо противоположный тому, каким он будет у французов 4 месяца спустя в Мюнхене.

1. Фест И. Гитлер: Биография — Пермь: Алетейа. — 1993, т. 3, с. 103—104. 2. Фест. Указ. соч., т. 3, с. 106. 3. Фест. Указ. соч., т. 3, с. 107. 4. Фест. Указ. соч., т. 3, с. 118—119. 5. Фест. Указ. соч., т. 3, с. 120. 6. Ширер. Берлинский дневник: Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. — М.: Центрполиграф, 2002, с. 124. 7. Фест. Указ. соч., т. 3, с. 114.	8. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1977, т. 21, с. 543—544. 9. Фест. указ. соч., т. 3, с. 115. 10. Новые документы из истории Мюнхена. — М.: Политиздат, 1958, с. 15. 11. Там же, с. 19. 12. Там же, с. 23. 13. Там же, с. 24. 14. Там же, с. 41—42. 15. ДВП СССР, т. 21, с. 286—287.

Восточный вал Гитлера

Итак, еще весной 1938-го Франция полна решимости противостоять планам Гитлера относительно Чехословакии силой оружия. Собственно, она и сама, а тем паче во взаимодействии с союзной Чехословакией, имевшей довольно сильную армию, могла бы оказать достойное сопротивление германским войскам. Если бы при этом была возможность реализовать положения советско-французского и советско-чехословацкого пактов 1935 г., т. е. если бы РККА имела возможность прийти на помощь французским и чехословацким армиям, это значительно усилило бы решимость французов.

Нужен был коридор для прохода советской армии. По большому счету сам факт, что РККА имеет возможность подключиться к совместным действиям Франции и Чехословакии, усмиряюще подействовал бы на Гитлера. И вся история могла бы пойти совершенно иначе. Но для этого требовалась добрая воля Польши.

Эта проблема — каким образом СССР сможет помочь Чехословакии и Франции против Германии — постоянно обсуждалась в течение 1938 г.

В советской историографии часто проводился тезис, что вопросом невозможности СССР оказать реальную военную помощь (из-за отсутствия коридора) французское руководство пыталось прикрыть свои действия, направленные на поиск компромиссов с Гитлером. Конечно, ни Даладьё ни Бонне не были образцами волевых руководителей (такими, скажем, как генерал Де Голль), но вполне отдавали себе отчет (и это видно из их вполне здравых высказываний в ходе дипломатических бесед), какая угроза создается для самой Франции в случае расчленения Чехословакии.

Займи Польша иную позицию, не препятствуй она проходу РККА, и Париж — даже с Даладьё и Бонне — просто вынужден был бы защищать Чехословакию. Но...

Ремилиитаризовав не без польской помощи Рейнскую зону, Германия стала возводить там систему оборонительных укреплений — т.н. Западный вал. А на другой стороне у Гитлера был Восточный вал — Польша.

Именно Польша приложила максимум усилий к тому, чтобы Гитлер не встал перед угрозой второго фронта, чтобы его руки были свободны в отношении юго-восточной Европы.

Вопросом о пропуске советских войск в Европу Франция озадачилась еще в марте 1938-го, в момент аншюса Австрии. Это, в частности, прямо вытекает из упоминавшейся выше беседы главы французского МИД с польским послом в Париже от 27 мая 1938-го. Польский дипломат тогда посмел упрекать французов в том, что те не поддержали разбойничьи планы Варшавы в отношении Литвы, а вместо этого Франция «была поглощена вопросом о возможном проходе советских войск через чужие территории в случае войны с Германией» (1).

Чем больше обострялась ситуация вокруг Чехословакии — тем активнее были усилия французов по обеспечению коридора для РККА. Но Польша — ключевое государство, от которого теперь зависела как судьба Чехословакии, так и возможность остановить захватнические поползновения Гитлера — выступала категорически против.

17 мая 1938-го начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтель направит в германский МИД письмо: «Иностраннный отдел получил из надежного источника следующие сведения. На квартире маршала Рыдз-Смиглы 12.V состоялось совещание с послами Лукасевичем (Париж), д-ром Папэ (Прага), Липским (Берлин), президентом страны и министром иностранных дел Бекком. Целью совещания было принятие решения об отношении Польши к Чехии в связи с посредничеством французского посла Ноэля в пользу Чехии». Результатом этого заседания стало решение, что Польша ни при каких обстоятельствах не окажет помощи Чехословакии, даже под нажимом своих формально союзников французов (2).

22 мая 1938-го в беседе с главой МИД Франции Бонне польский посол в Париже Лукасевич категорически отвергнет любые варианты участия Польши в коллективных усилиях по претовращению агрессии Гитлера. Так, на прямой вопрос Бонне — «Какова будет позиция Польши, если в результате неудачи усилий по примирению Германия нападет на Чехословакию?», Лукасевич без обиняков ответил: «Мы не пошевелемся».

Бонне зашел с другой стороны: «Какова будет позиция Польши в случае, если Франция, выполняя свои обязательства, вместе с Лондоном поддержит Чехословакию, на которую нападет Германия?». Лукасевич ответил, что этот вопрос в Варшаве изучали и пришли к выводу... что в этом случае Франция сама будет агрессором!

Польский посол сказал: «Польша имеет обязательства по отношению к Франции только на случай, если последняя подвергнется нападению. В рассматриваемой выше гипотезе агрессором оказалась бы Франция: отсюда возникнет совершенно новая ситуация, на которую никогда не делалось договорной ссылки во франко-польских отношениях. Поэтому Польша обязана официально зарезервировать свою позицию по этому вопросу; она не может брать никаких обязательств или давать какие-нибудь обещания».

Последняя туманная фраза будет воспринята в Париже как вероятность того, что Польша может ударить по Франции сообща с Гитлером (якобы защищая Германию от «агрессии»).

Наконец на вопрос об отношении Польши к СССР Лукасевич «самым категорическим образом» ответил, что «поляки считают русских врагами, что, если потребуется, они будут силой противостоять любому проникновению русских на их территорию и даже любому пролету русских самолетов» (3).

25 мая 1938-го Литвинов напишет полпреду СССР в Чехословакии Александровскому о своих контактах в Женеве с главой французского МИД: «Бонне, вздыхая, заявил, что Польша и Румыния решительно сопротивляются пропуску наших войск» (4).

О том же информировал французский премьер Даладьё советского полпреда Сурица. 25 мая 1938 г. последний будет телеграфировать в НКВД, что, по сообщению главы французского правительства, Париж «все последние дни посвятил выяснению позиции Польши и Румынии». Но, к сожалению, «зондаж в Польше дал самый отрицательный результат».

Но мало того что Варшава даже не помышляла о возможности пропустить советские войска в Европу для противодействия агрессии Гитлера. Премьер Франции заявил: «Не только не приходится рассчитывать на польскую поддержку, но нет уверенности, что Польша не ударит с тыла». «Вопреки польским заверениям, — продолжил Даладьё, — я не верю в лояльность поляков даже при прямом нападении Германии на Францию» (5).

И, конечно, у Парижа были все основания рассматривать Польшу в качестве союзника гитлеровской Германии. Таким образом — в свете будущей капитулянтской позиции Франции в Мюнхене — заметим, что французы в 1938 г. оказывались не только перед проблемой, как обеспечить проход советских войск для помощи Чехословакии, но перед угрозой единого германо-польского фронта! По крайней мере французский генштаб воспринимал эту угрозу серьезно — имея перед глазами вполне прогитлеровскую позицию Варшавы на внешней арене.

К слову, у чехов — на основе уже их контактов с французами — была аналогичная информация: на Польшу рассчитывать нечего, хорошо, чтоб не выступила плечом к плечу с Гитлером. В частности, президент Чехословакии Бенеш заявил 18 мая 1938-го советскому полпреду Александровскому относительно потенциальных коридоров для РККА:

«Как должна попасть Красная Армия в Чехословакию? Скажем, через румынскую территорию. Румыния — союзник Чехословакии по Малой Антанте. Втягивать Румынию в подобный разговор на данном этапе прямо опасно. Сегодня ей еще нельзя настолько доверять...

Другая возможность — территория Польши. Разговор Чехословакии с СССР на эту тему едва ли был бы желателен для Франции. В частности, французский генеральный штаб все-таки считается с польской военной силой, хотя бы только в негативном смысле, как выразился Бенеш. Этим он хотел сказать, что французский генеральный

штаб стремится минимум удержать Польшу от выступления на стороне Германии, в случае войны в Европе» (выделено мной. — С. Л.) (6).

Показательно, что на Польшу как на союзника Гитлера смотрели в тот момент и американцы. Так, 22 мая 1938 г. посланник Чехословакии в Париже Осуский в телеграмме в Прагу сообщит: «Американский посланник сказал мне, что мы стоим на грани войны, которая уничтожит всю Европу, что это самое подходящее время для Германии, поскольку Польша и Румыния якобы выступят с войной против России» (7).

Однако вернемся к обмену информацией между премьером Франции и советским полпредом в Париже. Накануне беседы с Сурицем у Даладье был предельно откровенный разговор с польским послом Лукасевичем, в ходе которого французский премьер «потребовал от поляков ясного и недвусмысленного ответа» — «с кем они в мирное и военное время».

Ответы польского посла снимали всякие сомнения: Польша с Гитлером!

«Он (Даладье. — С. Л.) спросил его (Лукасевича. — С. Л.), пропустят ли поляки советские войска. Лукасевич ответил отрицательно. Он спросил тогда, пропустят ли они советские аэропланы. Лукасевич сказал, что поляки откроют по ним огонь. Когда Лукасевич ответил отрицательно и на вопрос, придет ли Польша на помощь, если Франция после германского нападения на Чехословакию объявит Германии войну, то Даладье сказал, что не видит тогда смысла в франко-польском союзе и в жертвах, которые во имя его приносятся Францией. По секрету Даладье мне сказал, что он тут же после этого разговора распорядился приостановить все поставки и другие обязательства по договору с Рыдз-Смиглы», — телеграфировал Суриц в НКВД о деталях французского зондажа на польском направлении.

Французский премьер был возмущен недостойным поведением этого «союзника Франции» — Польши, а свое негодование выразил польскому послу в столь жестких выражениях, что, по словам Даладье, «Лукасевич ушел от меня, как ошпаренный, и пустил даже слезу»...

Обнадеживающе, правда, в тот момент выглядел французский зондаж в Румынии. В частности, Даладье сообщал Сурицу, что Комнен (глава МИД Румынии) заверил, что Румыния «окажет поддержку Чехословакии» (8).

Однако эти намерения Бухареста не были твердыми и отражали всего лишь колебания румынской верхушки — на чью сторону встать. Довольно скоро Польша и Германия совместными усилиями перетянут Румынию на свою сторону. Так, уже 29 мая 1938-го

Литвинов будет телеграфировать в полпредства СССР во Франции и Чехословакии о том, что в Варшаве достигнута договоренность с патриархом Мироном* «о совместных действиях Польши и Румынии против СССР, в случае попытки Красной Армии прийти на помощь Чехословакии». «Это решение, — сообщал советский нарком, — будет конкретно оформляться в Варшаве, куда на днях выезжает румынская военная делегация во главе с начальником генштаба Ионеску» (9).

Добавим, что румынский коридор для РККА сильно проигрывал польскому. Особенно что касается переброски сухопутных войск. Генштаб Франции после изучения этого вопроса пришел к выводу, что «для армии эта дорога чересчур длинна и трудна», а «коммуникации находятся в плохом состоянии» (10). Но для передислокации советской авиации помощь Румынии имела бы важное значение.

27 мая 1938 г. воздействовать на позицию Польши пытался глава французского МИД. В продолжительной беседе с польским послом Лукасевичем Бонне в подробностях обрисовал стратегическую ситуацию в Европе — какой она представляется французскому генштабу (перед тем Бонне консультировался с генералом Гамеленом), в т. ч. изложил все негативные последствия, которые ожидают как Францию, так и Польшу в случае уничтожения Чехословакии.

Характерно, что в Париже, как и в Москве, нисколько не сомневались: Судетами Берлин не ограничится, а попытается захватить всю Чехословакию. Бонне изложил мнение Гамелена: «В случае, если Чехословакия будет занята немцами... французский штаб считает такое положение огромной и очень опасной угрозой для нас в военном отношении» (11). Точно так же расценивали замыслы Гитлера и в СССР. Например, советский полпред в Праге Александровский 30 мая 1938-го будет предостерегать министра иностранных дел Чехословакии Крофту: «Чехословакия должна понимать, что для Гитлера вопрос о судетских немцах является только удобным предлогом для агрессии, целью которой является прямое подчинение Чехословакии Гитлеру, лишение ее самостоятельности» (12).

Иное дело Варшава. Поляки по указанному вопросу демонстрировали полнейшую близорукость и неадекватность! Лукасевич со-

---

* Конституция Румынии 1923 года признавала Румынскую православную церковь национальной церковью страны. 4 февраля 1925 г. румынская церковь была провозглашена патриархатом. 1 ноября 1925-го митрополита-примаса Мирона Крестя возвели в сан Блаженнейшего Патриарха всей Румынии. С 1 февраля 1938 г. по 6 марта 1939 г. патриарх Мирон был также премьер-министром Румынии (назначен королем Румынии Каролом II).

гласился — мол, безусловно, Гамелен прав, «что наше стратегическое положение будет значительно ухудшено, если Германия овладеет всей Чехословакией». Однако, изумился польский посол, откуда вы (Гамелен и Бонне) взяли подобные нелепости? Разве можно не доверять чистым помыслам Гитлера?! Захват всей Чехословакии, уверял польский посол во Франции, совершенно исключается!

Лукасевич заявил: «Я только не понимаю, почему к этому привлекается внимание, так как, по моему мнению, это предположение является чисто теоретическим и безусловно исключается. Я не знаю, стремится ли Гитлер к автономии для судетских немцев или к аннексии территории, ими населенной. Однако я никогда не слышал, чтобы он стремился к присоединению всей Чехословакии. Поэтому я считаю, что рассуждение относительно ситуации, которую генерал Гамелен, вероятно, оценил правильно, является беспредметным».

В ходе беседы Бонне повторно вернется к указанной теме: «Быть может, предположение о присоединении к Германии всей Чехословакии является слишком гипотетическим, однако план Геринга о разделе Чехо-Словакии между Германией и Венгрией, с передачей Тешинской Силезии Польше, не является тайной. Реализация этого плана равноценна аннексии всей Чехословакии, а аннексия территорий, населенных немецким меньшинством, значительно ухудшила бы положение Польши с военной точки зрения».

«Я ответил, что, по моему мнению, является абсолютно неразумным предположение о том, чтобы в XX веке, после великой войны, результатом которой является триумф национального принципа, какое-либо государство, даже более сильное, чем Германия, могло бы присоединить к себе территории, населенные другими народами, вопреки их воле», — похвалялся Лукасевич перед Бекком, как он отбрил главу французского МИД.

Исходя из этих «беспредметных» и «неразумных» подозрений в отношении Гитлера, имевшихся у Франции и СССР, польский посол и отстаивал позицию Варшавы. Он отмахивался от аргументов главы французского МИД относительно советско-французского договора о взаимопомощи. Бонне пытался убедить Лукасевича, что «в известной обстановке Польша сможет использовать пакт с выгодой для себя».

«Если возникнет конфликт между Польшей и Германией, — указывал Бонне, — то франко-советский пакт сможет сыграть положительную для Польши роль, во-первых, устраняя вероятность борьбы на два фронта, во-вторых, создавая возможность материальной помощи и помощи сырьем. Положение о том, что конфликт между

Германией и Польшей является возможным, не вызывает никакого сомнения. Еще Штреземан в личных беседах с министром Бонне категорически утверждал, что Германия никогда не согласится на существующую ныне границу с Польшей. Трудно допустить, чтобы эта точка зрения в Германии кардинально изменилась после прихода к власти национал-социалистов. В связи с этим улучшение отношений с Россией, несомненно, полезно для Польши».

В ответ на это Лукасевич заметил: «Во избежание недоразумений и неясностей я должен указать, что в переговорах генерала Гамелена с маршалом Рыдз-Смиглы вопрос о возможной материальной помощи и о помощи сырьем со стороны Советской России был поднят генералом Гамеленом и что, однако, маршал Рыдз-Смиглы решительно отклонил какие-либо переговоры или дискуссию на эту тему» (13).

27 мая 1938 г. с Бонне встретился и советский полпред Суриц. Бонне проинформировал его «о французских демаршах в Варшаве и Бухаресте». Оба оказались безуспешными. Бухарест заявил, что в случае конфликта из-за Чехословакии «Румыния останется в стороне». И все, на что оказались горазды румыны — это вызов германского посланника в МИД Румынии, где Комнен (глава румынского МИД) «призывал к миролюбию». Правда, поляки и того не сделали: «Бек отказался».

«Что касается поляков, — телеграфировал Суриц в НКИД, — то уже после разговора Лукасевича с Бонне и Даладье Бек вновь подтвердил отрицательную позицию Польши к пропуску советских войск и советской авиации (он при этом сослался на какое-то заявление Польши в момент заключения франко-советского пакта)».

Кроме того, Бонне заявил советскому полпреду, что «он ищет и не находит следов обязательств, которые, по словам Мандела (тогдашний министр колоний Франции. — С. Л.), Рыдз-Смиглы взял на себя в отношении пропуска советских аэропланов» (14).

Правду говорил Мандель: было такое обязательство со стороны Рыдз-Смиглы! Ранее мы о нем уже упоминали, приводя телеграмму полпреда СССР во Франции в НКИД от 19 сентября 1936 г. Однако Бонне напрасно искал «следы» этих обязательств. Дело в том, что польский маршал давал соответствующие обязательства своим французским союзникам в джентльменском порядке: «Устно Рыдз-Смиглы заявил, что в случае нападения Германии на Францию готовы пропустить наши военные аэропланы над Польшей», — как доверительно информировал советского полпреда в Париже

в сентябре 1936-го Леон Блюм (в 1936-м — глава правительства Франции) (15).

Но Польша и письменные-то свои обязательства не исполняла (ведь Рыдз-Смиглы в сентябре 1936-го **письменно** заверял Гамелена, что Варшава не вступит в соглашения с Берлином против Чехословакии и СССР (16), а уж пытаться апеллировать к джентльменскому соглашению с поляками было и вовсе безнадежным занятием.

9 июня 1938 г. вопрос коридора для РККА обсуждался Литвиновым с послом Франции в Москве Кулондром и посланником Чехословакии в СССР Фирлингером на приеме, который давал покидавший Москву американский посол Дэвис.

Кулондр сообщил, что позиция Варшавы по-прежнему непреклонна: «Польша особенно будет сопротивляться проходу Советской Армии через ее территорию». На этот счет, отметил он, не должно быть никаких иллюзий, «так как поляки им сказали об этом еще раз и весьма категорически и снова это подтверждают. По каждому советскому самолету, который попытается перелететь через польскую территорию, поляки откроют огонь» (17).

К концу июля поляки окончательно дожали румын, получив от тех категорические гарантии непропуска советских войск через территорию Румынии. 26 июля 1938-го в Варшаве замминистра иностранных дел Польши Шембек заявил главе МИД Румынии Комнену: «С некоторого времени до нас доходят упорные слухи, якобы Румыния готова предоставить советским войскам право прохода через свою территорию на помощь Чехословакии. Эти слухи доходят до нас из трех государств. Москва распространяет сведения, что в случае конфликта, который заставит ее предоставить активную помощь Чехословакии, советские войска проследуют через Румынию, которая будет протестовать, но на войну с Россией не отважится».

Комнен «в высшей степени категорически» все эти слухи опроверг, заявив, что «Румыния не пропустит через свою территорию ни одного советского солдата». Наконец, отметил он, «на случай каких-либо советских попыток перейти румынскую границу Румыния рассчитывает на оборонительный союз с Польшей» (18).

И уже 10 августа 1938 г. на приеме у итальянского посла в Берлине в честь маршала Бальбо (верховный главнокомандующий итальянской Северной Африки) посол Польши в Германии Липский доложит Герингу о проделанной Варшавой работе: «Я информировал Геринга о переговорах вице-министра Шембека с Комненом, во

время которых последний категорически высказался против пропуска Советских (Вооруженных) Сил через территорию Румынии. Геринг с удовлетворением принял это заявление», — писал Липский в донесении на имя Бека.

Удовлетворение нацистского фельдмаршала было тем выше, что в Берлине очень хорошо осознавали, какое решающее значение имел вопрос коридора для РККА. Геринг заявил Липскому: «Основные расчеты чехов опираются на отношения Праги с Советами».

Геринг заверил польского посла, что «в случае советско-польского конфликта Германия не могла бы остаться нейтральной, не предоставив помощи Польше».

Учитывая, что у союзников — Берлина и Варшавы — работа по подготовке агрессии, что называется, кипит и спорится наилучшим образом, Геринг сказал, что он «хотел бы в самое ближайшее время обстоятельно поговорить со мной и обсудить при этом — конечно, как обычно, в конфиденциальном и неофициальном порядке, возможности дальнейшего польско-германского сближения в некоторых вопросах».

Разъяснил Геринг и в каком направлении следует дополнительно сближаться Германии и Польше — «возможность известного обмена информацией относительно русской и чешской проблем». При этом «относительно русской проблемы» он «в общих чертах сказал, что она после решения чешского вопроса станет актуальной». Намекнул, что полякам уже пора бы подумать об Украине: «Польша, по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине» (19). Липский не возражал.

Известно, Франция далеко не сразу встала на путь соглашательства с Гитлером и предательства Чехословакии. Вплоть до последнего момента французы выражали готовность оказать вооруженное сопротивление Гитлеру.

18 августа 1938 г. начальник генштаба военно-воздушных сил Франции Ж. Вюйемен на приеме у Геринга заявил, что в случае нападения Германии на Чехословакию Франция выполнит свои союзнические обязательства (20). Эта позиция была официально подтверждена в Берлине французским послом в Германии Франсуа-Понсэ. 26 августа 1938 г. Бонне заявил советскому полпреду в Париже, что Франция готова оказать военную помощь Чехословакии. 1 сентября 1938-го временный поверенный в делах Франции в СССР Пайяр потребовал срочной встречи с замнаркомом индел Потемкиным, в беседе с которым подтвердил заявление Бонне от 26 августа, сделанное советскому полпреду во Франции.

«Французский и чехословацкий генеральные штабы весьма озабочены создавшимся положением и совещаются об эвентуальном согласовании своих оперативных действий. — сообщил Пайяр. — Возникает настоятельная необходимость выяснить, каким способом мог бы СССР оказать свою помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии?».

Но по-прежнему организация отпора агрессору упиралось в проблему коридора для РККА: «Вопрос об оказании Советским Союзом помощи Чехословакии упирается в позицию Румынии и Польши, французскому правительству надлежит оказать воздействие на этих своих союзниц и обеспечить беспрепятственный пропуск ими советских вооруженных сил», — требовала Москва. А Париж вновь разводил руками: «Попытки французского правительства оказать упомянутое воздействие на Польшу и Румынию не дали положительного результата. Особенно категорический характер имели возражения со стороны Польши» (21).

2 сентября 1938 г. ту же самую проблему с Пайяром обсуждал уже нарком Литвинов. Последний предложил — для определения конкретной помощи Чехословакии «созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий» (22).

3 сентября во Франции призвано 300 тыс. резервистов. 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе. К 5 сентября 1938-го линия Мажино полностью укомплектована техническими частями (23).

5 сентября посол Франции в Лондоне Корбен в беседе с советским полпредом в Великобритании Майским «подтвердил, что Франция выполнит все свои обязательства в отношении Чехословакии» (24).

10 сентября Франция откликнулась на предложение СССР о созыве военного совещания. «Париж подготавливает предлагаемую встречу представителей трех армий», — телеграфировал посланник ЧСР в Москве в Прагу (25).

11 сентября французский посол в Москве Кулондр в беседе с Потемкиным пытается развеять «сомнения в лояльном отношении Франции к обязательствам, вытекающим из ее договоров с Чехословакией и СССР». Кулондр, ссылаясь на свои консультации с Бонне, уверяет «в неосновательности» возникающих у СССР сомнений, подчеркивает, что «французское правительство считает франко-советский пакт, как и свой договор с Чехословакией, существенным элементом своей конструктивной внешней политики. Франция сохраняет верность своим обязательствам, закрепленным в этих договорах» (26).

В тот же день Литвинов встречается в Женеве с Бонне. Франция готова воевать, но опасается вязываться в конфликт с Германией без поддержки хотя бы еще одной великой державы. Галифакс (глава МИД Великобритании) сообщает Бонне, заявил ему, что «у Англии нет никаких обязательств в отношении Чехословакии».

Нужна помощь СССР. А она упирается в проблему пропуска советских войск в Европу. Под давлением французского посланника в Бухаресте Комнен (глава румынского МИД) согласился на следующий вариант: «Румыния не может пропускать Красную Армию, но если советские самолеты будут летать высоко над Румынией, то их не видно будет».

Но опять вмешалась Польша! «Румыния в этом вопросе связана только возражениями Польши», — вздыхает Бонне. Когда он, Бонне, говорил польскому посланнику, что «если Польша не хочет ничем помогать Чехословакии, то пусть она не мешает хоть Румынии», польский посол дал понять, что «Польша и на это не пойдет и что Румыния без нее не может принимать никакого решения» (27).

13 сентября 1938-го временный поверенный в делах СССР в Германии Астахов обсуждает проблему пропуска советских войск с послом Франции в Берлине Франсуа-Понсэ. Астахов интересуется у коллеги — удалось ли французам переубедить своего как бы союзника занять конструктивную позицию перед лицом агрессии Гитлера. Франсуа-Понсэ ничего обнадеживающего сказать не может: «Позиция Польши не изменилась. Липский по-прежнему готов лизать руки немцам; это означает, что Бек своей позиции менять не собирается» (28).

Даже за неделю до Мюнхенского сговора казалось, что еще не все потеряно. В Женеве Литвинов провел довольно продуктивные переговоры с французами и англичанами. В частности, упоминавшийся выше лорд-хранитель печати Де ла Варр изложил оптимистичную информацию о настроениях в Париже и Лондоне (напомним, в это время Черчилль организовал заявление группы британских парламентариев в поддержку совместного — англо-франко-советского — противодействия Гитлеру).

«Хотя Гитлер так заангажировался, что ему трудно отступить, я все же думаю, что он отступил бы, если бы заранее был уверен в возможности совместного советско-франко-английского выступления против него, — телеграфировал Литвинов в НКВД 23 сентября 1938 г., — Теперь никакие декларации, даже совместные, или совещания не произведут на него впечатления. Нужны более убедительные доказательства. Считаю, что европейская война, в кото-

рую мы будем вовлечены, не в наших интересах и что необходимо все сделать для ее предотвращения, я ставлю вопрос, не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе провести такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием. Де ла Варр говорил мне, что настроение в Париже крепнет. Возможно, что и Франция согласилась бы теперь одновременно с нами объявить частичную мобилизацию. Необходимо действовать быстро» (29).

В тот же день посол Франции в СССР Кулондр подтверждает Потемкину: «Пакты Франции и Советского Союза с Чехословакией сохраняют еще свою полную силу. Не может Франция и отказаться от обязательств помощи Чехословакии» (30).

24 сентября генерал Гамелен сообщает советскому военно-воздушному атташе во Франции Васильченко, что на границе Германии с Чехословакией находится от 30 до 38 немецких дивизий и что немецкая авиация «сосредоточена вокруг всей Чехословакии». В связи с этим, проинформировал Гамелен, французский генеральный штаб принял решение подтянуть к своей линии укреплений дополнительно 15 дивизий (31). В целом к 28 сентября Франция мобилизовала 1,5 млн. человек, развернув на границе с Германией 37 пехотных дивизий, 13 кавалерийских бригад и 29 танковых полков (32).

В СССР все готово для оказания военной помощи Чехословакии. Еще 21 сентября 1938 г. нарком обороны Ворошилов подписал Директиву Военному совету Киевского особого военного округа с приказом «организовать крупные учения в районе Волочиск, Проскуров, Каменец-Подольск, государственная граница». В СССР началась частичная мобилизация.

Утром 22 сентября командующий Киевским округом сообщает в Генштаб, что к 4 часам утра директива наркома доведена до всех войск и они приступили к выдвигению в указанные районы сосредоточения.

23 сентября нарком обороны и генштаб дали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части войск Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов, а также о выдвигении к государственной границе ряда их оперативных объединений.

Мероприятия по приведению в боевую готовность были осуществлены также в Харьковском и Московском военных округах. Всего в боеготовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепрайонов, а в системе противовоз-

душной обороны — 2 корпуса, 1 дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения (33).

25 сентября о проведенных мероприятиях Ворошилов извещает телеграммой военно-воздушного атташе СССР во Франции для дальнейшего информирования Гамелена (34).

28 сентября нарком обороны направляет докладную в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР: «В случае необходимости посылки авиации в Чехословакию готовятся и могут быть отправлены 30 сентября с. г. следующие авиачасти: ...» (далее идет подробное перечисление авиачастей, аэродромов их базирования и численности готовых к отправке на помощь Чехословакии самолетов). Всего в первой группе СССР готов был направить в Чехословакию 246 бомбардировщиков и 302 истребителя (35).

В тот же день всем военным советам округов из Генштаба РККА направляется директива, запрещающая увольнять красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы.

29 сентября 1938 г. Ворошилов приказывает провести дополнительный призыв приписного состава в Белорусском и Киевском особых, Ленинградском и Калининском военных округах.

Таким образом, в дополнение к военно-подготовительным мероприятиям, проведенным 22—23 сентября, были приведены в боевую готовность и пополнены до штатной нормы военнообязанными из запаса еще 17 стрелковых дивизий, управления трех танковых корпусов, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады, 34 авиационные базы.

Военно-мобилизационные мероприятия охватили не только западные пограничные области, но и глубинные районы — вплоть до Волги и Урала. Помимо войск, выдвинутых к юго-западной и западной границе, в боеготовность был приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. В вооруженные силы было призвано из запаса до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава (36).

Оставалось перебросить эту военную махину в Европу. Или, по меньшей мере, организовать воздушный коридор для советских бомбардировщиков и истребителей, готовых вступить в бой с германскими стервятниками в небе Чехословакии так же, как они это делали в небе Испании.

Но Восточный вал Гитлера был начеку!

В момент, когда военные СССР и Франции обменивались информацией о приготовлениях к отпору фашистской агрессии, Польша рапортовала Гитлеру: «1. Правительство Польской Республики констатирует, что оно, благодаря занимаемой им позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении. Наш нажим в Бухаресте оказал желательное действие. Маневры, проводимые нами на Волыни, были поняты Москвой как предостережение.

2. Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым.

3. Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы.

4. В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергло предложение присоединиться к международному вмешательству в защиту Чехословакии», — такие директивы для беседы с Гитлером направил 19 сентября 1938-го министр иностранных дел Польши Бек послу Польши в Германии Липскому (37).

На следующий день Липский докладывал Беку, что Гитлер очень доволен Польшей. И поскольку Польша с энтузиазмом оказывает услуги Гитлеру, то и он о ней не забудет: «Канцлер совершенно конфиденциально, подчеркивая, что я могу сделать из этого надлежащие выводы, довел до моего сведения, что уже сегодня, в случае если между Польшей и Чехословакией дело дойдет до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу сторону», — писал Липский в Варшаву.

Фюрер потешил польский слух: «В дальнейшем во время беседы канцлер настойчиво подчеркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России», — с гордостью рапортовал Беку польский посол в Берлине. Гитлер и Липский обсудили тактику, «какую следовало бы применять для решения всего чехословацкого вопроса». Порассуждали о разграничении сфер интересов: «за линией известных германских интересов мы (Польша. — С. Л.) имеем совершенно свободные руки» (38).

27 сентября 1938 г. через германского посла в Варшаве Мольтке Бек, отметив «лояльные отношения» между польским и германским правительствами, в очередной раз заверил Гитлера: «Польское правительство никогда не будет сотрудничать с Советским Союзом, поскольку он вмешивается в европейские дела. Это непреклонная линия польской политики». Германии, заметил Бек, это и так давно

известно, но «в такое серьезное время, как сейчас, не помешает повторить эту истину еще раз» (39).

Таким образом, будучи уверенным, что через Восточный вал не только РККА не пройдет, но ни один советский самолет необстрелянным не пролетит, Гитлер мог со спокойной душой отправляться «мироворить» в Мюнхен.

1. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 109.
2. Там же, с. 92—93.
3. Там же, с. 99—100.
4. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1977, т. 21, с. 284.
5. ДВП СССР, т. 21, с. 286.
6. Там же, с. 104—105.
7. Там же, с. 119.
8. ДВП СССР, т. 21, с. 286—287.
9. Новые документы из истории Мюнхена. — М.: Политиздат, 1958, с. 43.
10. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 140.
11. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937—1939 гг. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 103—104.
12. ДВП СССР, т. 21, с. 298.
13. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937—1939 гг. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 107—108.
14. ДВП СССР, т. 21, с. 292.
15. ДВП СССР, с. 431.
16. ДВП СССР, т. 19, с. 431.
17. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 139—140.
18. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — М.: Изд-во АН СССР, 1969, т. 6, с. 362.
19. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 128.
20. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 187.
21. Новые документы из истории Мюнхена. — М.: Политиздат, 1958, с. 68—69.
22. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 188.
23. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. — М.: Вече, 2001, с. 165—166.
24. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 191.
25. Там же, с. 205.
26. Там же, с. 205—206.
27. ДВП СССР, т. 21, с. 487—488.
28. ДВП СССР, т. 21, с. 489.
29. ДВП СССР, т. 21, с. 520.
30. ДВП СССР, т. 21, с. 522.
31. Новые документы из истории Мюнхена. — М.: Политиздат, 1958, с. 139.
32. Мельтюхов. Указ. соч., с. 166;
33. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 254—256.
34. Там же, с. 293—294.
35. Там же, с. 312—313.
36. Там же, с. 314—315.
37. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 173.
38. Там же, 1981, т. 1, с. 177—178.
39. Там же, 1981, т. 1, с. 224.

«Гитлерее Гитлера»

Какое-либо противодействие расчленению Чехословакии в польские планы не входило, потому что Варшава сама рассчитывала на кусок с барского стола Гитлера.

Еще в период «майского кризиса» 1938-го у французов имелись сведения о сосредоточении польских войск на границе с Чехословакией. Об этом, в частности, будет сообщать в НКИД 17 мая 1938-го временный поверенный в делах СССР в Германии Астахов, ссылаясь на беседы с французскими коллегами: «Французы подозревают (и, вероятно, не без основания), что истинной причиной этих перебросок (войск. — С. Л.) является намерение поляков не упустить свою долю в случае нападения Гитлера на Чехословакию» (1).

Польша имела несколько мотиваций в своей позиции, нацеленной на расчленение Чехословакии. Во-первых, желала прирасти чехословацкими территориями, населенными поляками — Тешинской областью (а эти территории, кроме того, были богаты углем и развиты в промышленном отношении). Во-вторых, по стратегическим соображениям Польша желала установления общей границы с Венгрией. В-третьих, русофобствующие поляки ненавидели чехов за их панславянские настроения (исторически так сложилось, что чехи видели в России союзника, с ней связывали свои надежды на освобождение будучи в составе Австро-Венгрии; поляки относились к России с точностью до наоборот). Польша рассматривала Прагу как «руку Москвы» в Центральной Европе (в 30-е годы польская пропаганда трубила о Чехословакии как «базе Коминтерна»).

Польско-чешский конфликт из-за Тешинского княжества возник еще в 1918—1920 гг. И там действительно большинство жителей были поляками, что признавали и сами чехи, например, их представитель на Парижской мирной конференции д-р Бенеш. 20 мая 1919 г. Бенеш озвучивал следующие цифры по Тешину: «230 тысяч поляков, 115 тысяч чехов и 80 тысяч немцев» (2). Однако, как мы помним, на Парижской мирной конференции далеко не все территориальные разграничения проходили в опоре на этнический состав проживающего на тех или иных землях населения. И уж кому другому, а Польше это не требовалось объяснять — она сама «прихватила» изрядное количество территорий, на которых преобладали неполяки.

Как не нуждалась Польша и в просветительских разъяснениях на предмет имевшей место экономической целесообразности (в ущерб праву народов на самоопределение) передачи тех или иных территорий в состав тех или иных новообразовавшихся после Первой

мировой войны государств. Собственно, именно этот подход был проявлен, когда Польше обеспечивали выход к морю и передавали немецкий Данциг. И поляки против этого не протестовали.

Именно ради того, чтобы обеспечить экономическую самостоятельность Чехословакии, ей и был передан Тешинский край.

«Тешинский уголь, безусловно, необходим для развития чехословацкой промышленности; утратив этот район, Чехословакия потеряет одну из главнейших основ своей экономической жизни. Кроме того, единственная важная железная дорога, связывающая Богемию, Моравию и Северную Словакию, проходит через Тешин. На этой же территории находится и единственный горный перевал, соединяющий Силезию, Моравию и Словакию», — аргументировал д-р Бенеш чехословацкие претензии на Тешинский край (3). Аргументы были приняты союзниками. 28 июля 1920 г. совет послов принял решение о передаче Тешинского края Чехословакии. Последней отошли большая часть Остравско-Карвинского угольного бассейна (площадью 1 273 кв. км.), города Моравская Острава, Фришлат, Фридек, Богумин, Чешский Тешин, крупнейшие металлургические предприятия (например, Тржинецкий комбинат).

Польша была вынуждена принять указанное решение Парижской мирной конференции, тем более оно было принято в момент наступления Красной Армии на Варшаву, а Польша крайне нуждалась в помощи Антанты и не хотела портить с ней отношения.

Но в 30-е годы Польша решила взять реванш. В союзе с нацистской Германией. Более того — поляки даже Гитлера подстегивали к более решительным действиям! Да, в Варшаве полагали, что Берлин еще слишком мягок в своих требованиях и слишком скромен в планах расчленения Чехословакии. Польское руководство в иные моменты 1938-го было, что называется, «гитлерее» самого Гитлера!

Берлину в 1938-м приходилось даже сдерживать поляков в их решительности раскромсать Чехословакию. Гитлер вел себя более умеренно, чем Бек!

Так, 16 мая 1938-го полпред СССР в Чехословакии будет сообщать на имя наркома Литвинова о содержании своих бесед с руководителями в Праге: «Чехи считают Бека главным поджигателем венгерских ревизионистских настроений. Гитлеровская Германия, понятно, остается главным носителем агрессии в Средней Европе, но Гитлеру не приписывается прямого намерения произвести раздел Чехословакии. Зато Бек усиленно агитирует именно за прямой раздел, в результате которого должно наступить как бы успокоение в Средней Европе» (4).

Как известно, в марте 1939-го, в ходе окончательного уничтожения Чехословакии Гитлер передаст Карпатскую Русь Венгрии. Но ведь эту идею Гитлеру подбросили именно поляки, желавшие общей польско-венгерской границы! Причем на протяжении всего 1938-го Берлин отказывался заходить так далеко, а поляки давили на Германию.

К примеру, 10 августа Липский на приеме в итальянском посольстве обрабатывал на указанный счет Геринга. Последний заявил, что судетский кризис приближается к развязке. Липский оттолкнулся от этих его слов и, как он напишет в донесении Беку, «я счел возможным сделать шаг вперед по сравнению с тем, о чем говорилось до сих пор в беседе с Герингом».

Что же это за «шаг вперед»? Оказывается: «Я подчеркнул, что уже во время Парижской конференции чехи в своей политике стремились к получению общей границы с Советами, непомерно растягивая свою территорию вдоль нашей южной границы. Это лишило нас непосредственной границы с Венгрией, что противоречит польско-венгерским интересам, опирающимся на вековые традиции обоих государств». Т.е. Липский намекнул, что неплохо бы расширить перечень территориальных претензий к Чехословакии еще и Карпатской Русью (а только в этом случае образовывалась непосредственная польско-венгерская граница).

Геринг ничего обещать не стал, но ответил, что «понимает необходимость общей польско-венгерской границы».

Заручившись сочувствием Геринга, Липский отправился обрабатывать венгерского посланника в Берлине Стояи — благо тот находился там же. Отметив, что хотя он и говорит «в частном порядке», Липский тем не менее намекнул, что неплохо бы Будапешту активизироваться по части претензий к Чехословакии, а то «как бы при обсуждении судетского вопроса не были бы обойдены венгерские и польские интересы» (5).

Подстегивать Германию к более решительным действиям и более широким вариантам расчленения Чехословакии требовал и Бек, направив 19 сентября 1938 г. Липскому директивы к беседе с Гитлером. В частности, он инструктировал польского посла в Берлине, что следует подталкивать Германию «к идее об общей границе с Венгрией, памятуя, что географическое расположение Ч(ехо)-с(ловацкой) Республики правильно рассматривалось как мост для России».

При этом сетовал на пассивность Будапешта (видимо, имея в виду, что Берлин мог бы оказать содействие Варшаве в вопросе соответствующей активизации венгров): «В этой проблеме нам не хватает ясного определения решения Венгрии, которая играет здесь

решающую роль. С нашей точки зрения, венгерские претензии имеют большие шансы в Прикарпатской Руси, Словакия же может входить в расчет только в рамках широкой автономии».

Свои требования в отношении Чехословакии, просил сообщить Бек Гитлеру, «мы (т. е. Польша. — С. Л.) ставим в категорической форме». Хорошо бы чтоб и все действовали так же, ибо, подчеркивал Бек, «исключительная серьезность положения позволяет смело ставить проблемы, значительно энергичнее, чем при нормальных переговорах» (6).

20 сентября Липский будет отчитываться перед Бекком о проделанной работе: «В отношении венгерских требований (в беседе с Гитлером. — С. Л.) я специально выделил вопрос о Закарпатской Руси, делая упор на стратегический момент по отношению к России, на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и т. д.».

При этом, запишет польский посол, у него сложилось впечатление, что «канцлер очень заинтересовался этой проблемой, особенно когда я ему сказал, что протяженность польско-румынской границы относительно невелика и что посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь мы создали бы более крепкий барьер против России. Кроме того, я указал относительно Закарпатской Руси, что территория эта, на которую Словакия не претендует, была дана Чехословакии только как мандат, что население ее находится на очень низком уровне (! — С. Л.) и сильно смешано и что наибольшую заинтересованность в ней имеет Венгрия» (7).

Как видим, именно поляки заинтересовали Гитлера идеей передачи Карпатской Руси Венгрии — идеей, которую он реализует в марте 1939-го. Всякое лыко в строку провоцирования Гитлера. Тут вам и вопросы стратегии — дескать, в случае реализации польского плана будет создан «более крепкий барьер против России», и теоретические выкладки на тему «недоразвитых народов».

Своей одержимостью поляки заряжали венгров. 18 июля 1938 г. в ходе беседы германского посла в Будапеште Макензена с внешнеполитическим руководством Венгрии ему будет заявлено, что в случае военных действий против Чехословакии венграм ничего не останется, как вмешаться по примеру Польши: «Абсолютно достоверно известно, что в подобном случае Польша вмешается немедленно, так что уже по одной этой причине никакое венгерское правительство не может оставаться чисто пассивным» (8).

Правда, венгры так и не смогли сравняться с поляками в «решительности». В беседе с Гитлером 5 января 1939 г. Бек поведает о некоторых нюансах дипломатической активности Польши накануне

судетского кризиса. Оказывается, глава польского МИД еще тогда подбивал венгров на занятие территории Карпатской Руси. Бек даже в Румынию не поленился съездить и «привез венграм заверение в том, что румыны не нападут», кроме того, «польский президент заявил в кругу иностранных дипломатов, что в серьезном случае Польша окажет помощь Венгрии» (9). Но все напрасно. Будапешт ограничился скромными (как считали в Варшаве) запросами относительно чехословацкой территории.

Но зато когда в Мюнхене все прошло для агрессоров гладко, венгры осмелели. И уже в ноябре 1938-го Польша и Венгрия едва не напали на Чехословакию. Да, если б не Гитлер — как ни смешно, но именно он (да еще Муссолини) удержал поляков и венгров — то дальнейшее расчленение Чехословакии произошло бы не в марте 1939-го, а в ноябре 1938-го.

Полпред СССР в Италии Штейн телеграфировал в НКВД 28 ноября 1938 г.: «Поляки и венгерцы, по словам Франсуа-Понсе (посол Франции в Риме. — С. Л.), готовили на днях вооруженный раздел Прикарпатской Руси, но из Берлина и Рима им было указано, что это не будет допущено» (10).

То, что такие планы польско-венгерского вооруженного захвата Карпатской Руси реально существовали, подтверждается и записью беседы Гитлера с Бекем от 5 января 1939 года.

Гитлер будет едва ли не оправдываться перед Бекем за то, что не удалось полностью уничтожить Чехословакию еще осенью 1938-го. А всю вину за незавершенность агрессии будет валить на тех самых нерешительных венгров: «поскольку Венгрия не оказала ему (Гитлеру. — С. Л.) никакой сколько-нибудь активной поддержки, он смог выступить перед мировой общественностью (имеется в виду — до подписания Мюнхенских соглашений. — С. Л.) лишь с идеей этнографического решения вопроса, в противовес политическому решению, которое должно было бы осуществиться только в контакте между Польшей, Венгрией и Германией как единственно заинтересованными странами и заключалось бы в ликвидации Чехословакии».

«Лишь тогда, — продолжал фюрер, — когда венгры сочли вмешательство безопасным, они стали немного активнее». И только после Мюнхена, сетовал Гитлер, «венгры вдруг заявили, что они претендуют также на крупные области Украины (имеется в виду Карпатская Русь. — С. Л.), и тем самым поставили в трудное положение державы-арбитры».

Но, развел Гитлер руками, было совершенно невозможно пере-

смотреть уже достигнутые решения «спустя такой короткий промежуток времени после их принятия».

Можно было бы, конечно, решить этот вопрос и силой. Но существовала опасность, что «чехословацкая армия оказалась бы сильнее и, возможно, уже вскоре вступила бы в Будапешт». Пришлось бы вмешиваться Германии — «хотя бы только по престижным соображениям — с целью воспрепятствовать тому, чтобы весь мир торжествовал по поводу победы демократической страны над одним из государств, напавших на нее».

Но Германия к тому времени уже была по ряду причин не готова ввязываться в вооруженный конфликт: «В ноябре обученный призывной возраст был демобилизован», а «повторная мобилизация, само собой разумеется, легла бы чрезвычайно тяжелой психологической нагрузкой на общественное мнение в Германии и помимо этого имела бы своим следствием еще и то, что Франция автоматически предприняла бы мобилизационные мероприятия, которые проводятся в период обострения отношений», — пояснял Гитлер Беку.

«По этой причине в ноябре Германия ни в коем случае не могла допустить возникновения международного конфликта (выделено мной. — С. Л.); это и явилось в конечном итоге одним из решающих моментов для определения ее позиции в украинском вопросе», — завершил свои объяснения Гитлер.

Бек выслушал германского канцлера, но предупредил, что Польша оставляет за собой право решить вопрос с Карпатской Русью военным путем: «В лице агитаторов, которые подвизаются ныне на карпато-украинской территории, Польша узнает своих старых врагов и опасается, что Карпатская Украина, возможно, однажды превратится для Польши в очаг таких беспокойств, которые вынудят польское правительство к вмешательству, в результате чего могли бы возникнуть новые осложнения. Это было главнейшей причиной стремления Польши к установлению общей границы с Венгрией» (11).

Несмотря на то что поляки своей чрезмерной агрессивностью даже по меркам Гитлера причинили ему некоторое количество хлопот, фюрер тем не менее был впечатлен польской «смелостью» и «энергичностью» (к которым в своих инструкциях призывал Бек) по части агрессивных захватов.

Венгров будут впоследствии наставлять на польском примере — каким должен быть настоящий агрессор. Например — 16 января 1939-го в беседе с венгерским министром иностранных дел графом Чаки.

Читаешь запись этой беседы — и не можешь отделаться от впечатления, что Гитлер говорит словами Бека и Липского (ранее было

о том, как польский посол в Берлине «заинтересовал» Гитлера карпаторусской проблемой). Тогда же, как выше цитировалось, Бек и Липский подсказывали фюреру, что не надо делать упор на этническом составе населения, следует смотреть на вопрос со стратегической точки зрения.

И в январе 1939-го, оценивая позицию Венгрии во время судетского кризиса, Гитлер сетовал — что ж вы, венгры, не подняли во весь голос карпаторусскую проблему? Ведь «в решающие моменты», восклицал Гитлер, он «призывал к себе Имреди (в 1938—1939 гг. премьер-министр Венгрии. — С. Л.) и Стояи (в 1935—1944 гг. венгерский посланник в Берлине. — С. Л.) и заклинал их в их собственных интересах раскрыть перед всем миром требования Венгрии».

Раскрыть «перед всем миром» требования Венгрии — это Гитлеру нужно было не потому, что он ничем иным не был озабочен, кроме венгерских интересов. Берлину, как уже отмечалось, требовалась демонстрация широкой международной поддержки «справедливых» немецких претензий к Чехословакии. Поэтому чем наглее и громче были бы требования Будапешта — тем легче Гитлеру было бы вести переговоры с Западом по вопросу расчленения Чехословакии. Поляки — те в своих требованиях не стеснялись, вели себя так, как и требовалось Гитлеру. А вот венгры проявили некоторую застенчивость.

«Когда, наконец, дело дошло до этого (до раздела Чехословакии. — С. Л.), — возмущался Гитлер, — то Польша зашевелилась, между тем как Венгрия проспала все и сделала только несколько незначительных выступлений. Германия вовсе не собирается жертвовать собою для друзей, которые в решающий момент оставляют ее без помощи. Германия в мировой войне в этом смысле получила хороший урок и не забыла его.

Если бы Венгрия тогда пошла по верному пути и осветила в своей прессе ситуацию для Германии не с этнографической точки зрения, а с территориальной, то все дело рассматривалось бы под углом зрения территориальных вопросов и он, фюрер, не был бы вынужден вступать в дискуссии с Чемберленом. При полном разрешении вопроса, которое было бы для него приятнее, ему было бы безразлично, что произойдет на востоке от Карпат».

Чаки оправдывался. Дескать, «во время кризиса венгерский народ угнетали тяжелые заботы, ибо в военном отношении Венгрия крайне слаба», а «Чехословакия расположила на венгерской границе свои наиболее сильные войска... Если бы венгры начали наступление, то они были бы смяты чехами». Гитлер назвал это оправдание «нелепым», мол, «на чешской границе были сконцен-

трированы 42 германские дивизии, которые вместе с авиацией, исключительно хорошо подготовленной к действиям, уничтожили бы Чехословакию в какие-нибудь 8 дней».

Не в том была проблема! Не в способности Гитлера уничтожить Чехословакию, а в соусе, под которым это «блюдо» можно было преподнести миру. «Вся проблема в то время состояла в том, решить ли вопрос под этнографическим или территориальным углом зрения. В конечном счете следовало бы изобразить все дело как угрозу всеобщего пожара в средней Европе», — пояснил Гитлер.

«Если, однако, этот вопрос уже разрешен под этнографическим углом зрения и если Англия и Франция уже начали играть в идею гарантии, то невозможно выдвинуть снова всю эту проблему, — вздыхал Гитлер. — Третьейское решение было принято в качестве частичного разрешения этнографического вопроса». Он «просил Муссолини представлять в Мюнхене интересы Венгрии и Польши, что было им выполнено. Но если бы Венгрия своевременно решилась действовать, то решения были бы совсем другими».

Т.е. по сути Гитлер излагает все то, что содержалось в инструкциях Бека по вопросу Карпатской Руси и чем Липский донимал Геринга, самого Гитлера и венгерского посланника в Берлине. Абсолютно польское видение вопроса, о котором Гитлер до осени 1938-го даже не задумывался — пока польские дипломаты не подсказали.

Но, утешил фюрер, не все потеряно: «Если надо отклониться от этнографической линии и перейти к территориальным принципам, то это можно сделать только общими силами. Надо стремиться к

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1977, т. 21, с. 275.
2. Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957, т. 2, с. 150.
3. Там же.
4. ДВП СССР, т. 21, с. 270.
5. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 129.
6. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 174.
7. Там же, с. 176.
8. Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.). — М.: Политиздат, 1946, с. 66—67.
9. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 2, с. 11.
10. ДВП СССР, т. 21, с. 657.
11. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 2, с. 6—11.
12. Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.). — М.: Политиздат, 1946, с. 84—90.

политико-территориальному разрешению вопроса, и Польша, и Венгрия должны принять в этом участие. Должно быть найдено гениальное разрешение, точно продуманное в смысле времени, требующее наименьшей затраты сил».

Гитлер пообещал конечный «успех», но «разумеется, при условии абсолютной сыгранности. **Необходимо действовать, как футбольная команда, Польша, Венгрия и Германия.** (выделено мной. — С. Л.) По возможности экономно, без кризисов и молниеносно» (12).

Вот такая «футбольная команда» — германо-польско-венгерская сборная — во главе с Гитлером. Уж и не знаю, в какой ипостаси он в ней выступал — то ли капитана, то ли тренера.

«С жадностью гиены»

19 сентября 1938 г. Бек через Липского известил Гитлера, что Польша заканчивает военные приготовления для акции в отношении Чехословакии: «Мы сообщаем конфиденциально, что наблюдение за границей усилено, а 21 с(его) м(есяца) мы будем располагать в южной части Силезии значительными военными силами. Заявляем формально, что эта группировка войск не направлена против Германии» (1). В формальности Бек мог бы и не вдаваться, Гитлер и так не сомневался — против кого разворачивается эта группировка войск.

Польская пресса развернула масштабную кампанию в поддержку «законных прав» поляков Тешинской Силезии. Продвигался тезис, что Польша реализует заветы Пилсудского, широко цитировалось его высказывание, что «искусственно и уродливо созданная Чехо-Словацкая республика не только не является основой европейского равновесия, наоборот, является его слабым звеном» (2). По всей стране проходили массовые митинги, организованные комитетом борьбы за права поляков совместно с другими польскими организациями.

Еще раньше были прекращены отпуска польским офицерам, проведены мероприятия мобилизационного характера в армии и на железнодорожном транспорте. По официальной версии — в связи «с большими маневрами на Волыни» (3).

Маневры на Волыни служили прикрытием мобилизационных мероприятий против Чехословакии, а, кроме того, «предостережением» для СССР — как заявляли сами поляки (в частности, в вышецитированных беседах польского посла в Берлине с Гитлером).

Непосредственно на границе с Чехословакией была развернута оперативная группа «Шленск» во главе с генералом Бортновским

в составе 4-й, 21-й и 23-й пехотных дивизий, Великопольской и 10-й моторизованной кавалерийских бригад. К 1 октября 1938 г. эта группировка будет насчитывать около 36 тысяч человек при 270 орудиях, 103 танках и 103 самолетах (4).

20 сентября 1938 г. Гитлер провел переговоры с главой правительства Венгрии Б. Имреди, министром иностранных дел Венгрии К. Канья и послом Польши в Германии Ю. Липским, в ходе которых стороны согласовали совместные действия против Чехословакии (5).

21 сентября Прага известила советского полпреда в Чехословакии (а он, соответственно, телеграфировал в Москву) о крупных перемещениях войск в Польше в направлении чехословацкой границы (6).

22 сентября, реализуя отмеченные договоренности с Гитлером (от 20 сентября 1938-го), польское и венгерское правительства предъявили чехословацкому правительству ультиматум с требованием о передаче Польше и Венгрии территорий, на которых проживали польские и венгерские национальные меньшинства.

С учетом этого, а также ввиду того, что «Польша сосредоточивает на всем протяжении границы с Чехословакией войска в походном состоянии», глава чехословацкого МИД Крофта 22 сентября обратился к Москве через советского полпреда в Праге: «Было бы хорошо, если бы Москва обратила внимание Варшавы на то, что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию» (7).

Москва так и поступила. В 4 часа утра 23 сентября 1938-го замнаркома индел Потемкин зачитал временному поверенному в делах Польши в СССР Янковскому заявление: «Правительство СССР получило сообщения из различных источников, что войска Польского Правительства сосредоточиваются на границе Польши и Чехословакии, готовясь перейти означенную границу и силою занять часть территории Чехословацкой республики. Несмотря на широкое распространение и тревожный характер этих сообщений, Польское Правительство до сих пор их не опровергло. Правительство СССР ожидает, что такое опровержение последует немедленно. Тем не менее на случай, если бы такое опровержение не последовало и если бы в подтверждение этих сообщений войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой республики и заняли ее территорию, Правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить Правительство Польской республики, что на основании ст. 2 пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 г. Правительство СССР ввиду совершенного Польшей

акта агрессии против Чехословакии вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор» (8).

Когда Потемкин зачитал Янковскому это заявление, тот «несколько минут хранил молчание», затем «нерешительно попросил» показать ему подлинный текст польско-советского пакта о ненападении. Убедившись, что документ действительно содержит клаузулу о об утере пактом силы или о праве одной из сторон отказаться от пакта, в случае если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство (т. е. если участник соглашения выступит в роли агрессора), Янковский «опять замолчал». Но, собравшись с мыслями, принялся по старой польской привычке нагло врать, что «нет никакого скопления польских войск на границе Польши с Чехословакией», что «там только принимаются некоторые меры «полицейской охраны» ввиду довольно значительного количества беженцев», будто бы «переходящих в Польшу из Чехословакии».

Затем, напустив на себя «торжественно-печальный тон», Янковский заявил Потемкину, что немедленно доведет до сведения своего правительства переданное ему заявление правительства СССР (9).

Однако, как мы помним, Польша к тому времени уже получила заверения от Германии, что «в случае чего» получит от нее поддержку. И спустя несколько часов польский поверенный в делах принес высокомерный ответ Варшавы: «1. Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения. 2. Правительство Польской республики точно знает тексты договоров, которые оно заключило» (10).

Варшава продолжила военные приготовления. Кроме того, очевидно, с учетом имевшегося опыта 1918—1921 гг. в Польше был создан Добровольческий корпус «для освобождения Тешина», который в ночь на 26 сентября совершил налет на город Фриштадт (11).

В момент, когда англо-французы подписывали с Гитлером и Муссолини Мюнхенские соглашения (Варшава и сама намеревалась присутствовать в Мюнхене, да англичане отказали), Польша — опасаясь, что будет обойдена при дележе добычи — выдвинула Праге жесткий ультиматум.

Интересно письмо Бека от 30 сентября 1938 г. на имя польского посла в Праге Папэ, в котором содержались инструкции относительно передачи указанного ультиматума, но, кроме того, и общие взгляды тогдашнего руководства Варшавы на «новый порядок в Европе». Как отмечал глава польского МИД, нынешний польско-

чехословацкий спор имеет несколько сторон «с точки зрения нашего государства». Первая — «это проблема получения земель, на которые мы имеем полное право».

А вот вторая: «это позиция Польской Республики в отношении новой Европы и способа ее управления. В данный серьезный момент мне стало понятно, что лишь мужественное решение может определить принципиальный облик нашего государства».

Т.е. «новая Европа» и способ управления ею виделись Беку как реализация принципа о праве силы вместо силы права (в т. ч. и международного). Схожие тезисы — о «мужественных решениях» — любил проговаривать и Гитлер.

И свою инструкцию о передаче ноты правительству Чехословакии, «которая является ультиматумом», Бек тоже сопровождал высокопарными фразами: цель ультиматума, писал он, — «показать, что, защищая справедливые интересы и честь нашего государства, польское правительство не остановится перед самым большим риском».

«Вышеуказанную ноту Вы должны любой ценой вручить до 23 часов 59 минут сегодняшнего дня, так как срок данного ультиматума истекает завтра, 1 октября, в 12 часов дня, — инструктировал Бек. — Прошу не предпринимать какой-либо дискуссии по вопросу содержания ноты, так как это требование является безоговорочным. Вы не сомневайтесь, что мы сделаем решительные выводы из отказа или отсутствия ответа» (12).

В половине двенадцатого ночи 30 сентября Папэ заявился к Крофте и передал вышеуказанную ноту ультимативного содержания. Поляки требовали уступить три района в Силезии — Фриштадт, Тешин и Яблунков. К ноте прилагалась карта, на которой были нанесены три зоны, первая из которых должна была быть передана в течение 24 часов, вторая — в последующие 24 часа, а третья — через 6 дней (13).

Едва стало известно о вручении польского ультиматума Праге, Липский был приглашен в МИД Германии. Поскольку вслед за ультиматумом предполагалось польское военное вторжение на территорию Чехословакии, стороны обсудили разграничение оккупационных зон: «Заместитель статс-секретаря Верман, в согласии с германским генеральным штабом, попросил меня подтвердить намеченную статс-секретарем Вайцзеккером и мною военную демаркационную линию на случай польско-чешской войны. Я подтвердил, что наша демаркационная линия проходит по Одру и Остравиче и что главный штаб Польши в соответствии с моим предыдущим донесением будет придерживаться этой линии», — докладывал Липский Беку 1 октября 1938 г.

Затем Липского принял Риббентроп, сообщивший, что англо-французы «оказывают давление на германское правительство, чтобы оно посоветовало польскому правительству продлить срок ультиматума».

Согласитесь, это само по себе показательно — Англия и Франция давят на Берлин, чтобы тот утихомирил Варшаву. Знали, к кому надо обращаться и чьим советам внимает Польша.

Риббентроп передал Липскому заверения Гитлера в том, что тот полностью одобряет «мужественные решения» Польши, дескать, пересказывал глава германского МИД слова канцлера, «если бы Польша ждала три месяца, то в Тешине не осталось бы ни одного поляка». Германия, сказал Риббентроп, конечно, оказалась в неловком положении, ибо «несколько» связана мюнхенским соглашением и заявлением Гитлера-Чемберлена, но в конце концов на какие жертвы не пойдешь ради союзника. Поэтому, заверил руководитель внешнеполитического ведомства рейха, от указанного давления он будет стараться «уклониться».

Действуйте, панове поляки, призывал Риббентроп!

Дабы Варшава чувствовала себя совершенно уверенно, он изложил «позицию правительства рейха»: «1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию.

2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь», — докладывал Липский Беку.

После Риббентропа Липский получил аудиенцию у «куратора Польши» Геринга. Тот тоже «особенно подчеркнул», что «в случае советско-польского конфликта польское правительство могло бы рассчитывать на помощь со стороны германского правительства. Совершенно невероятно, чтобы рейх мог не помочь Польше в ее борьбе с Советами».

«Из высказываний Геринга было видно, что он на 100% разделяет позицию польского правительства», — докладывал Липский в Варшаву.

Чуть позже, когда стало известно, что деморализованная Прага приняла польский ультиматум, Геринг не поленился набрать по телефону польского посла и охарактеризовал агрессивную выходку Польши как «исключительно смелую акцию, проведенную в блестящем стиле». Т.е. практически словами Бека в инструкции на имя Папэ.

Все в Берлине поздравляли польского посла. «Во второй половине дня Риббентроп сообщил мне, что канцлер сегодня во время завтрака в своем окружении дал высокую оценку политике Польши. Я должен отметить, что наш шаг был признан здесь как выражение большой силы и самостоятельных действий, что является верной гарантией наших хороших отношений с правительством рейха», — писал Липский Беку (14).

1 октября 1938 г. советский полпред в Чехословакии Александровский телеграфировал в НКВД СССР: «В 11 час. 45 мин. узнал из канцелярии президента, что правительство капитулировало и перед польским ультиматумом. Сегодня начинается передача Тешинской области Польше. Оказывается, что несколько министров подало в отставку еще 28-го в знак протеста против капитулянтских тенденций правительства» (15). Поскольку формально Прага добровольно приняла условия, изложенные в польской ноте, обстоятельства, при которых СССР мог бы оказать Праге помощь (а Москва выражала готовность защищать Чехословакию и в одиночку), не наступили. 3 октября 1938-го глава чехословацкого МИД Крофта «буквально со слезами» будет говорить советскому полпреду, что «Чехословакия утратила право просить и ожидать чего-нибудь от СССР» (16).

Менее года спустя, в августе 1939-го, поляки будут кусать локти по поводу расчленения Чехословакии. Польская пресса будет писать: «Большой ошибкой Польши была уверенность, что раздел Чехословакии будет выгоден для Польши». В Варшаве станут сожалеть, что в свое время спровоцировали Венгрию на участие в чехословацкой авантюре, мол, и эти расчеты не оправдались (17).

Но осенью 1938-го «великая» Польша — которая, как писал Черчилль, «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства» (18) — чувствовала себя триумфатором.

За свой «подвиг» в расчленении Чехословакии Юзеф Бек был награжден орденом «Белого орла»! Пресса захлебывалась от восторга: «открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения невероятно трудных задач» («Газета Польска», 9 октября 1938 г.).

А Лукасевич родил чтиво под претенциозным названием «Польша — это держава». Среди прочего в этом «труде» были и такие трогательные строки: «Тешинская победа — это новый этап исторического похода Польши Пилсудского во все лучшее, хотя, может быть, и не более легкое будущее» (19).

С помощью Польши Гитлер значительно укрепил свои стратегические позиции в Европе. Население Германии увеличилось больше чем на 3 миллиона человек, до размеров, более чем вдвое превышающих население Франции, территория «приросла» на 27 тысяч кв. км, рейху достались ряд высокотехнологичных заводов и фабрик, важнейшие источники минерального сырья. Передача Германии Судет означала, что в руки Гитлера попала линия укреплений, ранее рассматривавшаяся как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе. Антигитлеровский фронт, как справедливо укажет в письме в НКВД от 12 октября Суриц, потерял армию, «которая в военное время могла быть доведена до 1—1,5 млн. человек и, опираясь на отошедшие укрепления, способна была задержать не меньшую по численности германскую армию» (20).

«Одна лишь нейтрализация Чехословакии означает высвобождение 25 германских дивизий, которые будут угрожать Западному фронту; кроме того, она открывает торжествующим нацистам путь к Черному морю. Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран», — заявлял в те дни Черчилль (21).

Потеря указанных оборонительных укреплений в Судетах предвещала дальнейшую судьбу Чехословакии. Уже 21 октября 1938-го Гитлер подпишет директиву, в которой потребует: «Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии» (22).

Так вскоре и произойдет. И противостоять этому — в отличие от 1938-го — будет уже практически невозможно.

В своем фундаментальном труде «Вторая мировая война» Черчилль отметит: «Мы располагаем сейчас также ответом фельдмаршала Кейтеля на конкретный вопрос, заданный ему представителем Чехословакии на Нюрнбергском процессе: «Представитель Чехословакии полковник Эгер спросил фельдмаршала Кейтеля: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?».

Фельдмаршал Кейтель ответил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии» (23).

С помощью Польши Гитлер превосходно с этой целью справился.

Далее: «Покорение Чехословакии лишило союзников чешской армии из 21 регулярной дивизии, 15 или 16 уже мобилизованных дивизий второго эшелона... Бесспорно, что из-за падения

Чехословакии мы потеряли силы, равные примерно 35 дивизиям. Кроме того, в руки противника попали заводы «Шкода» — второй по значению арсенал Центральной Европы, который в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года выпустил почти столько же продукции, сколько выпустили все английские военные заводы за то же время»; «за один-единственный 1938 год Гитлер в результате аннексии присоединил к рейху и подчинил своей абсолютной власти 6 миллионов 750 тысяч австрийцев и 3 миллиона 500 тысяч судетских немцев — всего свыше 10 миллионов подданных, работников и солдат. Действительно, страшная чаша весов склонилась в его пользу» (24).

И все это при самом непосредственном содействии Польши — усиление Гитлера, окрыляющее его на начало мировой войны, и ослабление союзников, подрывающее их способность эту войну предотвратить.

Но ведь неадекватная Польша даже в 1939-м будет оказывать содействие Гитлеру в уничтожении Чехословакии. Черчилль пишет: «14 марта стало днем ликвидации и порабощения Чехословацкой Республики. Словаки официально провозгласили свою независимость. Венгерские войска, тайно поддерживаемые Польшей (выделено мной. — С. Л.), вступили в восточную область Чехословакии — Закарпатскую Украину, которую они потребовали себе. Прибыв в Прагу, Гитлер провозгласил германский протекторат над Чехословакией, которая, таким образом, была включена в состав рейха» (25).

Поляки не отдавали себе отчета в том, что тем самым создают стратегические предпосылки для уничтожения самой Польши. В Варшаве радовались! Гитлер осуществил наконец давнюю мечту Польши относительно общей границы с Венгрией!

16 марта 1939 г. Литвинов будет встречаться с Гжибовским для выяснения обоюдных позиций относительно чехословацких событий. Как следует из записи беседы, по поводу независимости Словакии, даже под протекторатом Берлина у Польши, со слов Гжибовского, никаких возражений не было: Варшава заняла позицию «благожелательного нейтралитета». Но есть пункт, заявил Гжибовский, по которому Варшава проявит активность, — это отторжение Карпатской Руси от Чехословакии в пользу Венгрии.

Литвинову оставалось только развести руками по поводу польской позиции: «По существу мало что изменилось, ибо уже раньше Чехословакия, принимавшая приказы Берлина и приспособлявшая свою внутреннюю жизнь к этим приказам, не могла рассматриваться как самостоятельное государство. Изменение формы, однако,

тоже много значит, и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии» (26).

Удивление Литвинова понятно. Ведь Польша, пособничая Гитлеру, работала в итоге на свое собственное уничтожение — помогала Германии создавать плацдарм военной атаки против себя самой.

15 апреля 1939 г. Геринг встретится с Муссолини и графом Чиано (главой МИД Италии), чтобы информировать итальянцев о военных возможностях Германии в Европе. Протоколы этого совещания впоследствии попали к союзникам. Черчилль цитирует, какие по-

1. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 174.
2. Гришин Я. Я. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932—1939 гг. — Казань: Школа, 1999, с. 118.
3. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1977, т. 21, с. 497—498.
4. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг.. — М.: Вече, 2001, с. 165—166.
5. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 265.
7. ДВП СССР, т. 21, с. 515—516.
8. ДВП СССР, т. 21, с. 516.
9. ДВП СССР, т. 21, с. 516—517.
10. ДВП СССР, т. 21, с. 523.
11. Мельтюхов. Указ. соч., с. 155—156.
12. Год кризиса. 1938—1939: Док. и материалы в 2-х т. — М.: МИД СССР, 1990. — Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Чехословакии К. Папэ. 30 сентября 1938 г.
13. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 341.
14. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 25—28.
15. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 342.
16. Год кризиса. 1938—1939: Док. и материалы в 2-х т. — М.: МИД СССР, 1990. — Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в НКВД СССР. 3 октября 1938 г.
17. Документы внешней политики СССР. — М.: Международ. отношения, 1992, т. 22, кн. 1, с. 579.
18. Черчилль У. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1991, кн. 1. т. 1, с. 156.
19. Гришин. Указ. соч., с. 150.
20. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 245.
21. Черчилль, указ. соч., с. 139.
22. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 57.
23. Черчилль. Указ. соч., с. 145.
24. Черчилль. Указ. соч., с. 151.
25. Черчилль. Указ. соч., с. 154.
26. Документы по истории Мюнхенского сговора 1937—1939. — М.: Политиздат, 1979, с. 423—426.
27. Черчилль. Указ. соч., с. 159.

следствия имело уничтожение Чехословакии: «Акция Германии в Чехословакии должна считаться выгодной для держав оси. Германия могла бы теперь атаковать эту страну (Польшу) с двух флангов. Ее авиация находится всего в 25 минутах полета от нового промышленного центра Польши, передвинутого из-за близости к границе в глубь страны, поближе к другим польским промышленным районам».

А генерал Йодль на лекции спустя несколько лет заявит: «Бескровное разрешение чешского конфликта осенью 1938-го и весной 1939 г., а также аннексия Словакии округлили территорию Великой Германии таким образом, что стало возможным рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных стратегических предпосылок» (27).

Так и есть. Занятие Рейнской демилитаризованной зоны и аншлюс Австрии создали Германии благоприятную стратегическую обстановку для уничтожения Чехословакии; уничтожение Чехословакии в свою очередь — благоприятные стратегические предпосылки для нападения на саму «гиену» — Польшу, для развязывания Второй мировой войны в целом.

«Гиене» прижимают хвост

Принято считать, что впервые территориальные претензии к Польше со стороны гитлеровской Германии были озвучены 24 октября 1938 г. во время завтрака в «Гранд отеле» в Берхтесгадене, на котором присутствовали трое: Риббентроп, его уполномоченный при Гитлере Хевель и посол Липский.

На этом завтраке Риббентроп выдвинул предложение об общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией. Оно включало в себя следующее: воссоединение Данцига с рейхом при гарантировании экономических интересов Польши в этом городе, строительство экстерриториальной автомобильной дороги и железнодорожной линии через Поморье (т. е. через «польский коридор»).

В ответ Германия предлагала продление на 25 лет польско-германского пакта о ненападении, кроме того, обещала новое соглашение, которое бы содержало гарантию польско-германских границ.

В качестве вопросов, по которым Германия и Польша могли бы сотрудничать в будущем, Риббентроп перечислил следующие: совместные действия по колониальным вопросам; сотрудничество по проблеме эмиграции евреев из Польши; наконец, проведение

общей германо-польской политики в отношении СССР на базе «Антикоминтерновского пакта».

Спустя несколько часов после указанного завтрака Риббентроп вновь пригласит к себе Липского и дополнит перечень германских предложений еще и вопросом Карпатской Руси, который Берлин брался разрешить в соответствии с польскими пожеланиями.

«После разговора г. фон Риббентроп снова пригласил меня к себе и, сославшись на спорную проблему объединения Прикарпатской Руси с Венгрией, поставил вопрос, поднимал ли я ее перед германским правительством в качестве предварительного условия Польши (? — С. Л.). Он добавил, что, если польское правительство согласилось бы с немецкой концепцией относительно Данцига и автомобильной дороги, вопрос о Прикарпатской Руси мог бы быть решен в соответствии с позицией по этому вопросу Польши», — напишет Липский в донесении Беку от 25 октября 1938-го (1).

Несколько забегая вперед, отметим, что окончательный отказ со стороны Польши (урегулировать германо-польские отношения в соответствии с вышеизложенными предложениями Берлина) последует 21 марта 1939 г. А неделей ранее Германия в ходе окончательного уничтожения Чехословакии «решит» и вопрос с присоединением Карпатской Руси к Венгрии — т. е. сделает именно так, как и хотели поляки. Очевидно, это будет последняя попытка Гитлера перетянуть Польшу на свою сторону демонстрацией «учета интересов Польши в Юго-Восточной Европе».

Однако вернемся к германским предложениям Польше в октябре 1938-го. Хотя в исторической литературе принято отталкиваться от даты 24 октября 1938-го, есть все основания полагать, что с вышеозначенными идеями германо-польского урегулирования представители Берлина вышли несколько ранее. Собственно, даже в формулировках Риббентропа, как их изложил Липский в письме Беку от 25 октября 1938-го, мы видим указание на какие-то более ранние переговоры о «предварительных условиях Польши» (очевидно, предварительных условиях согласия Польши на ведение соответствующих переговоров об урегулировании).

В пользу того, что давление Берлина на Варшаву стало оказываться ранее обозначенной даты 24 октября 1938-го, свидетельствует и вполне характерного толка активность польской дипломатии на советском направлении. Так, уже вечером 20 октября 1938-го посол Польши в Москве Гжибовский напросился на беседу с замнаркома индел Потемкиным, в которой зондировал возможность улучшения польско-советских отношений.

Польский посол поразглагольствовал о глубоких изменениях в европейской политике, прошелся по внешнеполитической линии Франции — «она оставила Чехословакию, отвернулась от Малой Антанты, фактически прекратила свое сотрудничество с Польшей, проявила пренебрежение к франко-советскому пакту» (как будто не сами поляки все сделали для того, чтобы Париж именно так и поступил!), а далее заметил, что «резко изменившаяся международная ситуация ставит перед Польшей и Советским Союзом вопрос, не следует ли им подумать о существенном улучшении своих взаимоотношений».

Гжибовский отметил, что хотя и говорит от себя лично, но при этом излагает общие настроения, наличествующие-де в Варшаве.

Т.е. поляки начинали очередную игру по типу той, которую они вели в 1933-м. Тогда Польша тоже нарочито демонстрировала вовне свое сближение с СССР (хотя на самом деле не имела таких намерений) — с тем, чтобы оказать влияние на Германию. Так же и в конце 1938-го Варшава решила повлиять на Берлин «советско-польским сближением».

Поскольку в Москве знали, с кем имеют дело, Потемкину не составило труда расшифровать этот незамысловатый трюк польской дипломатии.

Выслушав Гжибовского, замнаркома поставил под сомнение искренность намерений Варшавы улучшить советско-польские отношения. Потемкин напомнил послу историю советско-польских отношений, начиная от войны 1920 г. и вплоть до последнего времени — «...отказ Польши от опубликования совместно с СССР Балтийской декларации в 1933 г., сближение Польши с гитлеровской Германией в 1934 г., активное противодействие польского правительства осуществлению Восточного регионального пакта, защите Польшей позиций Италии, Германии и Японии в Лиге наций, агрессивное выступление ее против Литвы и Чехословакии».

«Все эти факты, — подытожил Потемкин, — приводят к заключению, что Польша связала свою судьбу с агрессивными державами, угрожающими общему миру, и что она активно поддерживает их политику, направленную против СССР».

В то же время Потемкин отметил, что СССР и не против улучшения отношений с Польшей — если у той действительно имеется такое желание.

В собственном комментарии к записи своей беседы с Гжибовским замнаркома укажет: «Думаю, что Гжибовский производил некоторый зондаж, предчувствуя, что в недалеком будущем Польше придется

уже на самой себе ощутить давление дальнейшей германской экспансии» (2). Что в реальности и происходило.

22 октября 1938-го польского посла в Москве вызвал непосредственно нарком Литвинов. Он попытался выяснить, осуществлял ли Гжибовский зондаж по своей собственной инициативе или же по поручению из Варшавы (т. е. насколько серьезна эта активность польского посла по части улучшения польско-советских отношений).

Литвинову пришлось несколько раз ставить этот вопрос, пока вертевшийся как уж на сковородке Гжибовский, наконец, признал, что действует по поручению из Варшавы. Дескать, не имея уверенности в том, что Москва примет польское предложение, Гжибовский не хотел его делать от имени польского правительства (при отрицательном ответе, пояснил польский дипломат, лучше, чтобы СССР отклонил предложение польского посла, чем польского правительства) (3).

Москва подозревала Варшаву в неискренности (и, как покажет время, эти подозрения были обоснованны), но согласилась предпринять шаги к улучшению двусторонних отношений. С одной стороны, не хотели отталкивать Польшу (в т. ч. надеясь, что хотя бы под давлением обстоятельств Варшава образумится и включится в коллективные усилия по обузданию гитлеровской агрессии). С другой — отказ Москвы мог окончательно и бесповоротно толкнуть загнанную в угол Польшу в объятия Гитлера (или даже стать удобным поводом для Бека — ввиду «враждебности СССР по отношению к Польше» — примкнуть к «Антикоминтерновскому пакту»).

С начала ноября стороны приступили к выработке совместного коммюнике для печати. Текст удалось согласовать только к концу ноября. При этом по настоянию польской стороны из документа были изъяты предлагавшиеся советскими дипломатами указания на внешнеполитическую конъюнктуру, побуждающую стороны к более тесному сотрудничеству (поляки не желали демонстрировать свой испуг перед Гитлером), исключен пункт о взаимных консультациях в случае обострения международной ситуации (также предлагавшийся Москвой). Т.е. поляки некоторым образом выхолостили документ. Что и понятно: он им был нужен не более чем в качестве инструмента давления на Берлин.

Неслучайно поляки оставляли за собой право сопроводить коммюнике дополнительными комментариями в печати, т.е. дать собственное толкование. Предполагая, какого рода будут эти «комментарии», Литвинов в беседе с Гжибовским 25 ноября заметит: «хочу выразить надежду, что в польских комментариях не будет попыток

умалить или багателизировать (от франц. *la bagatelle* — безделица, пустяк. — С. Л.) значение коммюнике».

Уклонились поляки и от обсуждения более широкого, выходящего за европейские рамки, круга вопросов, связанных с отношениями СССР и Польши. В частности, в указанной беседе с Гжибовским Литвинов заметил послу, что у Москвы «вызывает особое недоверие известная интимность польско-японских отношений».

Для иллюстрации польско-японской «интимности» Литвинов напомнил, что «после принятия Лигой наций резолюции о введении в действие ст. 16 (в ст. 16 Устава Лиги Наций говорилось о международных санкциях против нападающей стороны. — С. Л.) против Японии Польша оказалась первым государством, поспешившим заверить Японию в отсутствии у нее намерения выполнять эту резолюцию» (4). Для СССР, переживавшего в тот момент период очередного обострения отношений с Японией (29 июля — 11 августа 1938 года произошло столкновение у озера Хасан), польско-японская «интимность» представляла известную проблему. Тем более ранее Москва получила достаточно информации о планах Варшавы использовать советско-японскую войну для того, чтобы и самой поживиться в территориальном плане за счет СССР.

«В Москве и Варшаве в завтрашних утренних газетах появится согласованное с Гжибовским коммюнике о моих беседах с ним, — телеграфировал 26 ноября Литвинов временному поверенному в делах СССР в Польше Листопаду. — Польское правительство выхолостило наш проект, и получился документ довольно бесцветный... В беседах с дружественными дипломатами можете говорить, что беседы начаты по инициативе Польши и что цель их нам самим еще не совсем ясна. Это может быть маневром со стороны Польши с целью подразнить Гитлера и побудить его к уступкам в территориальном вопросе и в других областях или же началом действительного улучшения отношений. Поскольку мы к такому улучшению всегда стремились, мы не могли, конечно, отклонить польскую инициативу, сохраняя в то же время некоторое недоброчливое отношение к ней» (5).

27 ноября 1938-го советско-польское коммюнике было опубликовано: «Ряд бесед, имевших место в последнее время между народным комиссаром иностранных дел т. Литвиновым и послом Польской Республики г. Гжибовским, выяснил, что: 1) Основой отношений между Польской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик остаются и впредь во всем своем объеме все существующие договоры, включая Договор о ненападении, подписанный в 1932 году, и что этот договор, заключенный на пять

лет и продленный на дальнейший срок до 1945 года, имеет достаточно широкую основу, гарантирующую нерушимость мирных отношений между обоими государствами.

2) Оба правительства отнесутся положительно к расширению взаимных торговых оборотов.

3) Оба правительства согласны в необходимости положительного разрешения ряда текущих вопросов, вытекающих из взаимных договорных отношений, а в особенности вопросов, не получивших еще разрешения, а также ликвидации возникших за последнее время пограничных инцидентов» (6).

Добавим, что в середине декабря 1938 г. Москву посетила польская делегация во главе с директором торгово-политического департамента министерства промышленности и торговли Польши Лыховским. 20 декабря 1938-го был подписан протокол о будущих торговых переговорах между СССР и Польшей (7).

Со своей стороны Москва сделала все возможное для нормализации польско-советских отношений и пошла в их улучшении настолько глубоко, насколько определила сама Варшава (которая, как показано выше, продолжала удерживать СССР на дистанции). Особых иллюзий насчет прочности сближения с Польшей в Москве тоже не испытывали. Этот момент неизменно подчеркивался в советских дипломатических депешах. Выше цитировалась телеграмма Литвинова советскому представителю в Варшаве.

А вот из письма наркома индел советскому полпреду во Франции Сурицу от 4 декабря: «Мы отлично отдаем себе отчет в том, что польский шаг может быть со стороны Бека таким же маневром в его торговле с Гитлером, как в свое время его переговоры с последним о польско-германском соглашении и параллельные переговоры с нами о Балтийской декларации. Бек, однако, может на этот раз просчитаться. Опьяненный своими успехами, Гитлер может на этот раз серьезно рассердиться на Бека и учинить ему очередную пакость, затруднив дальнейшее соглашение между Польшей и Германией» (8).

На этот раз Бек действительно просчитается. С его стороны было абсурдом пытаться разыгрывать те же самые комбинации, что и в 1933—1934 гг., да еще и рассчитывать на аналогичный эффект. Германия конца 1938-го — это уже не Германия 1933-го. За истекшие годы Гитлер — не без помощи Польши — укрепил военные возможности и значительно усилил стратегические позиции Германии. В т.ч. и по отношению к самой Польше. Теперь с Варшавой Берлин мог говорить совсем с других позиций — с позиций диктата. Хотя значение Польши для Германии по-прежнему было существенным,

но, однако, не таким решающим как было еще несколько лет назад — до ремилитаризации Рейнской зоны, аншлюса Австрии и аннексии Судетской области, пока сохранялась система французских военных союзов (Малая и Балканская Антанты).

Предъявление Гитлером территориальных претензий к Польше (пусть на первом этапе и сформулированное в тактической форме «предложений по польско-германскому урегулированию») означало банкротство всей внешнеполитической линии Варшавы на протяжении 1933—1938 гг. Единственным выходом из этого тупика, который Польша соорудила себе собственными руками, был коренной пересмотр польской внешней политики и переход на рельсы коллективной системы безопасности против гитлеровской агрессии при обязательном участии СССР.

Но Бек затеял очередные игрища.

Как ни предостерегал Литвинов польскую сторону от багателизирования коммунике от 27 ноября, Варшава поступила с точностью до наоборот. Уже на следующий день после обнаружения указанного документа появилось «Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши германским корреспондентам в Польше» следующего содержания: «Нижеследующий комментарий носит доверительный характер и дается только германским корреспондентам. Он может быть использован лишь без ссылки на источник.

Напряжение между Польшей и Советским Союзом в течение прошлых месяцев достигло такого уровня, о котором не могла иметь полного представления общественность, так как ее внимание было слишком занято чехословацким кризисом. Признаками угрожающего напряжения в советско-польских отношениях служили заявления Литвинова Гжибовскому в сентябре месяце и крупная концентрация русских войск на восточной границе Польши. Опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения. Впрочем, польско-советская декларация является результатом советской инициативы» (9).

Показательно, что «доверительный комментарий» был сделан не для французской или британской, ни для, скажем, европейской прессы в целом, а единственно и только — германской. Т.е. Варшава если и хотела подать сигнал, так только Гитлеру. С одной стороны, мол, имейте в виду нашу нормализацию отношений с СССР, но с другой — Польша готова продолжать в прежнем антисоветском духе.

Не имея на руках сколь-нибудь весомых козырей, Бек будет пытаться устроить торжище с Гитлером. Литвинов 31 декабря 1938-го писал советскому полпреду в Париже Сурицу: «Мы свою часть соглашения с Польшей лояльно выполняем. Разрешена большая часть конфликтных вопросов. Со стороны Польши, кроме некоторого изменения тона прессы, никаких других признаков сближения мы не замечаем. В своих беседах с немцами, итальянцами и японцами поляки стараются умалять значение согласованного коммюнике, говоря об устранении лишь того недоразумения, которое возникло между нами и Польшей в период чехословацкого кризиса, когда мы объявили о возможности денонсации советско-польского пакта».

«Беку, конечно, трудно переключиться на другую политику, — продолжал Литвинов, — ибо это означало бы признание ошибочности всей его прежней внешнеполитической концепции. Он, вероятно, надеется новым отказом от сближения с нами купить кое-какие уступки у Гитлера. Логически рассуждая, трудно допустить возможность серьезного германо-польского соглашения, ибо Польша нечем заплатить за отказ Германии от притязаний на Данциг, на «коридор», на Силезию и на Литву... Логика событий как будто должна поэтому гнать Польшу довольно далеко по пути сотрудничества с нами, но события не всегда следуют логике» (10).

Логика событий действительно должна была гнать Польшу в направлении самого широкого сотрудничества и тесного взаимодействия с СССР. Но какая может быть логика у не отдающих отчета происходящему? Весь межвоенный период поляки накручивали себя русофобией и антисоветчиной, развивали теории о Польше как «бастионе западной цивилизации», вынашивали планы отторжения части советских территорий. Если уж в августе 1939-го — перед непосредственной угрозой гитлеровского нападения логика не погнала поляков по пути сотрудничества с СССР, то в конце 1938-го и подавно ничего подобного не могло произойти.

Литвинов прав, что Беку было трудно переключиться на другую политику, ибо это означало признание ошибочности всей его прежней линии. Но ему было трудно вообще отказаться от прежней линии, ведь именно она, и так полагал не один Бек, а практически все тогдашнее польское руководство, сулила Польше «величие», открывала перспективы территориальных захватов. Именно этим был ценен союз с агрессором Гитлером. А что давала Польше политика обуздания гитлеровской агрессии? Ничего. Ничего из того, о чем тогда мечтали в Варшаве. Самосохранение? Но авантюристы редко

руководствуются чувством самосохранения. К сожалению, международная арена — это конструкция из элементов домино, и авантюры одних дорого обходятся очень многим.

1. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 63—64.
2. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). — М.: Политиздат, 1977, т. 21, с. 598—600.
3. ДВП СССР, т. 21, с. 601.
4. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 92.
5. ДВП СССР, т. 21, с. 648—649.
6. «Известия», 27 ноября 1938 г.
7. ДВП СССР, т. 21, с. 685—686.
8. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 105—107.
9. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. — М.: Политиздат, 1981, т. 1, с. 256—257.
10. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Док. и материалы. — М.: Политиздат, 1971, с. 144—145.

«Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск...»

В конце 1938-го — начале 1939-го Польша оказалась перед трудным выбором: продолжать ли политику союза с Гитлером, условия которого становились все тяжелее, либо попытаться вернуться к тому положению, что было до января 1934 г. (до заключения польско-германского пакта о ненападении), т. е. к ориентации на альянс с западными державами.

Варшаву, безусловно, не отталкивала ни фигура Гитлера, не нацистская идеология, не порядки третьего рейха, не агрессивный характер германской внешней политики. Польша оказалась не готова к урегулированию на тех началах, которые были предложены Берлином. Полякам было сложно пойти на уступку Данцига в пользу рейха как по экономическим причинам (через Данциг шло две трети внешней торговли), так и по соображениям престижа. Не мог не принимать во внимание Бек и польское общественное мнение, которое ни за что не восприняло бы подобный шаг (тем паче после двух десятков лет его массированной обработки в шовинистическом духе!). Так же, как и Гитлер, сделавший воссоединение немецкого

народа в рамках одного государства одним из столпов своей внешнеполитической доктрины, не мог не поднимать эту проблему, в т. ч. и по причине авторитета его власти внутри Германии. По вопросу о Данциге общественное мнение обеих государств — Германии и Польши — находилось в антагонистическом противоречии.

Не актуализируя Гитлер проблему Данцига и «польского коридора» в конце 1938-го, отложив решение этого вопроса на более поздний период, и Польша, скорее всего, продолжала бы оставаться союзником Германии. Варшава демонстрировала такую готовность.

Собственно, даже не Гитлер, а Бек первым поставил на повестку дня вопрос о необходимости широкого польско-германского урегулирования, которое бы стало залогом польско-германской дружбы на будущее. Так, в момент судетского кризиса, т. е. на пике польско-германской дружбы, 19 сентября 1938-го, глава МИД Польши в директивах польскому послу в Берлине Липскому для переговоров с Гитлером сформулировал следующие предложения:

«Дальнейший ход событий, что касается польской стороны, зависит прежде всего от решения правительства, но также и от общественного мнения. В дальнейшем в этой области будет особенно важна стабилизация польско-германских отношений. Здесь заслуживают внимания следующие проблемы:

а) Гданьский вопрос играет в настроениях главную роль. В связи с этим и в связи с банкротством Лиги Наций представляется необходимым простой договор, стабилизирующий положение вольного города.

б) Ясная формула, подобная германо-итальянской, в вопросе о границах может способствовать парализованию интриг между Польшей и Германией на международной арене. (Очевидно, имелось в виду германо-итальянское соглашение от 25 октября 1936-го, содержавшее разграничение сфер влияния на Балканах и в Дунайском бассейне. — С. Л.)

в) Продление пакта от 1934 г. может явиться дополнительным фактором стабилизации» (1).

Т. е. Риббентроп в конце октября 1938-го излагал Липскому по сути контрпредложения Германии. И основное расхождение в позициях, как видим — по вопросу о судьбе Данцига.

Выражала готовность Польша к союзу с Германией на антисоветской платформе. 1938 год, по понятным причинам, особенно сблизил Берлин и Варшаву на этой почве. В ходе судетского кризиса Германия обещала военную помощь Польше в случае выступления СССР на защиту Чехословакии. Поляки со своей стороны были готовы воевать плечом к плечу с немцами.

25 сентября 1938-го посол Польши в Париже Лукасевич заявлял американскому послу во Франции Буллиту, что «начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом», а советское вмешательство в чехословацкие события будет означать войну Польши и Германии против СССР. Лукасевич выражал уверенность польского правительства в том, что «в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства» (2).

Совместный германо-польский поход на восток был неизменной темой переговоров между представителями Польши и Германии в конце 1938 года.

18 ноября 1938-го вице-директор политического департамента МИД Польши, доверенное лицо Бека Кобыляньский заявит советнику германского посольства в Варшаве фон Шелии: «Министр (Юзеф Бек. — С. Л.) не может говорить так открыто, как могу говорить я. Вопрос о Карпатской Руси имеет для нас решающее значение. Вы видите, какое беспокойство вызывает этот вопрос в наших украинских областях. Мы подавляли и будем подавлять это беспокойство. Не делайте для нас невозможным проведение нашей политики. Если Карпатская Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину. Если же Карпатская Русь остается очагом беспокойства, то такое выступление вы сделаете для нас невозможным. Поймите, о чем идет речь!» (3).

Заметим, что советник германского посольства в Варшаве Рудольф фон Шелия, являясь противником нацистов, «сливал» информацию из посольства Германии в Варшаве немецкому коммерсанту, которого он считал представителем одной из спецслужб стран Запада. В реальности информация попадала советской военной разведке (4).

Москва протягивала Варшаве руку, на которую бы та могла опереться перед лицом германских требований, а в Польше тем временем строили планы расчленения СССР. Так, в датированном декабрем 1938 г. докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска польского без обиняков указывалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России» (5). Естественно, в союзе с Германией. Как писал замминистра иностранных дел

Польша граф Шембек 10 декабря 1938-го в инструкции Гжибовскому, «Нам чрезвычайно трудно сохранять равновесие между Россией и Германией. Наши отношения с последней полностью основываются на концепции наиболее ответственных лиц третьего рейха, которые утверждают, что в будущем конфликте между Германией и Россией Польша явится естественным союзником Германии» (6).

Характерны и высказывания Я. Каршо-Седлевского, бывшего советника польского посольства в Москве, в декабре 1938-го назначенного посланником Польши в Иране. 28 декабря, накануне отъезда в Тегеран, Каршо-Седлевский имел беседу с советником фон Шелия, которому заявил, что «трудности, существующие в настоящее время в отношениях между Германией и Польшей, не следует считать особенно серьезными». Мол, и в прошлом были непростые моменты, но Германия и Польша успешно преодолевали свои разногласия. Не сомневался Каршо-Седлевский, что и разногласия, возникшие в тот момент, тоже будут преодолены — на антисоветской основе.

«Политическая перспектива для европейского Востока ясна. — заявил польский дипломат. — Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения».

Со своей стороны Каршо-Седлевский взялся подчинить и свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране «осуществлению этой великой восточной концепции», в частности, брался «убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов» (7).

Январские 1939 г. беседы Бека с Гитлером и Риббентропом — это еще переговоры скорее союзников, чем представителей конфликтующих государств.

5 января в беседе с Гитлером Оберзальцберге (Берхтесгаден, Бавария) Бек несколько раз заверяет, что Польша «прочно придерживается своей прежней позиции в отношении Германии». Он неоднократно напоминает, что «германо-польские отношения целиком и полностью выдержали испытания сентябрьского кризиса», т.е. получили боевую закалку на попроще расчленения Чехословакии.

Гитлер согласился и со своей стороны заверил, что и Берлин по-прежнему дорожит дружбой Варшавы, «в позиции Германии в отношении Польши, зафиксированной в декларации о ненападении

ясная мысль дошла не до всех, особенно на Западе (Гитлер, заметим, забегая вперед, сразу сориентировался).

Спустя две недели после объявления Чемберлена в палате общин о гарантии Польше Галифакс направил в Москву Сидсу телеграмму, в которой распорядился обратиться к советскому правительству с запросом — «не считает ли Советское правительство возможным, как Англия и Франция в отношении Греции и Румынии, дать одновременную гарантию Польше и Румынии, а, может быть, и некоторым другим государствам». Дескать, «таким путем можно было бы обойти ту трудность, о которую разбилась «декларация четырех» (5).

«Декларация четырех», как мы помним, «разбилась» из-за позиции Польши, не желавшей иметь никаких дел с СССР.

Естественно, в Москве это «заманчивое предложение» англичан отклонили. С какой стати СССР должен давать гарантии Польше, беря на себя обязательства, когда Польша не желает давать ответных гарантий Советскому Союзу и вообще не хочет вступать с ним в любые альянсы.

Отклонив британское предложение, Москва вышла с идеей следующего плана, который 17 апреля 1939-го был передан Сидсу:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответствующее соглашение подписывается одновременно с конвенцией, которая должна быть выработана в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи (6).

Что до § 4, то, вполне естественно, Москва считала несовместимым, что формально Англия гарантирует Польше защиту от «агрессии СССР» с теми отношениями, которые она выражала готовность установить с державами Запада. Равным образом и польско-румынский договор (о нем речь в § 5), заключенный когда-то как направленный против СССР, был несовместим с готовностью Советского Союза оказать Польше и Румынии помощь против агрессии.

А в целом советский план абсолютно конкретный, адекватный сложившейся на тот момент международной обстановке и, главное, равноправный, предполагающий взаимные обязательства участников, обеспечивающий гарантии безопасности для всех заинтересованных сторон.

3 мая британский кабинет обсуждал тактику поведения в свете советских предложений от 17 апреля. Неподписание соглашения с СССР, спрогнозировал глава английской дипломатии Галифакс, может «толкнуть ее (Советскую Россию. — С. Л.) в объятия Германии». Чтобы последнего не случилось, была принята идея министра по делам колоний Макдональда, предложившего затягивать переговоры и «держат Россию в игре» (7). Эту линию Лондон попытается реализовать в дальнейшем.

8 мая Сидс передал советскому наркому иностранных дел предложение своего правительства, чтобы СССР опубликовал декларацию, в которой взял на себя обязательство «в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленно содействие, если оно будет желательным, причем род и условия, в которых представлялось бы это содействие, служили бы предметом соглашения».

По этому поводу Молотов, сменивший Литвинова на посту наркома индел, телеграфировал полпреду СССР во Франции Сурицу: «Как видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь» (8).

14 мая от имени советского правительства Молотов вручил Сидсу памятную записку, в которой отвергались английские предложения от 8 мая. Москва уведомила западных партнеров, что английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР. Кроме того, Советский Союз ставился в неравное положение, т.к. британские предложения не предусматривали

обязательств Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, «в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности».

Не устраивало Москву, что английские предложения распространяли гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР с Финляндией, Эстонией и Латвией оставались бы открытыми.

Наконец, отсутствие гарантий для СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северозападных границ СССР — с другой, могли, по мнению Москвы, провоцировать агрессию Гитлера на Советский Союз.

Поэтому 14 мая Москва выдвинула еще один встречный план:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективно пакта о взаимопомощи против агрессии.

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая также Латвию, Эстонию, Финляндию.

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам. Без последнего, отмечалось в переданной Сидсу памятной записке, «пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией» (9).

То, что и первое, и второе (от 17 апреля и 14 мая 1939-го) советские предложения были вполне адекватны и приемлемы для всех, кто желал предотвращения агрессии в Европе, подтверждает и мнение Черчилля, высказанное им во время дебатов по вопросам внешней политики в английском парламенте 19 мая: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией, которого сам премьер-министр как будто желает, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной русским советским правительством? Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией...»

Ясно, что Россия не пойдет на заключение соглашений, если к ней не будут относиться как к равной, и, кроме того, если она не будет уверена, что методы, используемые союзниками — фронтом мира, — могут привести к успеху. Никто не хочет связываться с нерешительным руководством и неуверенной политикой...

Нужен надежный Восточный фронт, будь то Восточный фронт мира или фронт войны, такой фронт может быть создан только при действенной поддержке дружественной Россией, расположенной позади всех этих стран... Этот вопрос о Восточном фронте имеет гигантское значение... перед нами предложение — справедливое и, по-моему, более выгодное предложение, чем те условия, которых хочет добиться наше правительство. Это предложение проще, прямее и более действенно» (10).

В бесплодных англо-франко-советских дискуссиях прошли май и июнь. Стороны никак не могли согласовать формулу взаимодействия на случай агрессии.

В конце мая Англия и Франция предложили новый проект тройственного соглашения. Москву опять-таки в первую очередь интересовал принцип взаимности, в частности каким образом будет решен вопрос об оказании помощи СССР со стороны Запада в случае войны. На сей счет англо-французы предложили следующую формулу: если СССР подвергнется агрессии со стороны европейской державы, то Франция и Великобритания окажут посильную помощь Советскому Союзу на основе принципов, изложенных в ст. 16 § 1 и 2 Устава Лиги Наций.

В Москве ссылки на Лигу Наций вызвали недоумение. Практика заключения военных союзов на основе подобных принципов не имела аналогов. Не говоря уж, что Лига Наций к тому времени была превращена в совершенно импотентную организацию и неоднократно продемонстрировала свою несостоятельность — не смогла предотвратить ни захвата Эфиопии Италией, ни агрессию Японии в Китае, ни уничтожения Чехословакии в марте, ни, наконец, вторжения Италии в Албанию 7 апреля 1939-го.

«Советское правительство не против Лиги Наций, — заявил Молотов французскому и английскому послам в Москве 27 мая. — Наоборот, на сентябрьской сессии ассамблеи представитель СССР активно выступал в защиту Лиги, и в частности статьи 16 ее Устава».

Однако, отметил советский нарком, «процедуру, установленную пактом Лиги Наций для осуществления взаимной помощи против агрессии и теперь предлагаемую англо-французским проектом, нельзя не признать плохо совместимой с требованием эффективности этой взаимопомощи. Для оказания последней статья 16 Устава Лиги Наций считает необходимым рекомендации Совета Лиги. Может получиться такое положение: в Совете будет поставлен вопрос об агрессии против СССР со стороны какого-либо участника «оси». Представитель какой-нибудь Боливии будет рассуждать в

Совете, имеется ли наличие акта агрессии против СССР, нужно ли оказать СССР помощь, а в это время агрессор будет поливать советскую территорию артиллерийским огнем. Советское правительство не может признать приемлемой подмену эффективной помощи жертве агрессии одними разговорами по данному вопросу».

Кроме того, Молотов обратил внимание, что в договорах о взаимной помощи, заключенных между Англией и Францией, а также в их соглашениях с Польшей нет обязательства подчинить эту помощь лигонационной процедуре (11). Это англо-французское предложение, как и прежние, изначально было неприемлемо для СССР, а потому отвергнуто.

Ко всему вышесказанному следует сделать одну существенную оговорку: позиция англо-французов была продиктована не только, а может, и не столько их хитростью (хотя и этого, конечно, хватало с лихвой), но во многом и точкой зрения Польши. Последняя незримо присутствовала на всех переговорах в формате Англия—Франция—СССР, и ее деструктивная позиция срывала выстраивание системы противодействия агрессии Гитлера.

11 мая во время беседы с Молотовым польский посол в Москве Гжибовский озвучил, как Польша относится к англо-франко-советским переговорам вообще и некоторым их позициям в частности.

Так, он зачитал инструкции, полученные из Варшавы. Особенно обращали на себя внимание два пункта. «Во-первых, польское правительство заявляет, что инициатива Франции в переговорах о гарантировании Польши не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само, а Франции таких переговоров оно не поручало.

Во-вторых, Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности».

Второе — очевидная отговорка, чтобы не иметь дела с СССР. А первое весьма характерно своей неадекватностью: Франция прилагает усилия, чтобы как можно более надежно защитить Польшу, а та этим фактом очень возмущается. А в целом Варшава фактически дезавуировала англо-французские усилия, дав понять, что если бы Москва и предоставила гарантии Польше, то та их попросту не приняла бы.

На вопрос Молотова, заинтересована ли Польша в заключении трехстороннего пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, Гжибовский «отвечал уклончиво, перечитывая получен-

ные инструкции». Что ответил — из записи беседы так и не понятно. Видимо, ничего внятного.

Наконец, на вопрос советского наркома, «заинтересована ли Польша в гарантировании граничащих с СССР европейских государств», польский посол категорически заявил, что «это не должно относиться к Польше» (12).

Т.е. Польше советские гарантии не нужны. Варшава даже слышать не хочет, чтобы кто-то обсуждал вопрос о советской военной помощи Польше в случае нападения на нее Германии.

Молотову Гжибовский излагал польскую позицию в дипломатичной форме. А уж англичанам и французам, само собой, поляки заявляли о своей точке зрения прямо и категорично, что отражалось и на содержании тех нежизнеспособных проектов, которые раз за разом выдвигали Англия и Франция, пытаясь во что бы то ни стало удержать СССР в переговорном процессе.

А вот адекватные британские политики, наиболее громко выступавшие за альянс с СССР — вроде Черчилля, Польшу очень возмущали. Так, польский посол в Лондоне Рачиньский бомбил свой МИД письмами и телеграммами о «выходках» «Черчилля и его сторонников по консервативной партии», а кроме того, лагеря «независимых либералов во главе с Арчибальдом Синклером и Ллойд Джорджем».

Эти круги, сообщал Рачиньский Беку 19 мая, «настойчиво выступают за англо-франко-советский союз», да еще и недовольны английским правительством из-за того что «его тактика по отношению к Советам строится с учетом польских требований». Но, бодро рапортовал посол Польши в Великобритании, ему удалось «успешно оградить имя Польши от использования его во внутривнутриполитической игре англичан».

До польских дипломатов, как видим, даже не доходила вся степень опасности, которая нависла над Европой (и над Польшей в первую очередь!). Они полагали, что Черчилль, Синклер, Ллойд Джордж и др., требующие во чтобы то ни стало найти общий язык с СССР, просто играют во внутрибританские политические игры (13).

31 мая 1939-го, выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом «О международном положении и внешней политике СССР», Молотов посылает более чем прозрачный сигнал — если Москве не удастся договориться с западными демократиями, то она не станет замыкаться только на этом направлении в поисках ответов на вызовы своей национальной безопасности.

«Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считали необходимым отказаться от деловых связей с такими странами, как

Германия и Италия. Еще в начале прошлого года по инициативе германского правительства начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах... Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель г-н Шнурре. Но затем... эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г-ну Шуленбургу и... прерваны ввиду разногласий. **Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться»** (выделено мной. — С. Л.) (14). А переговоры о торговом соглашении легко могут перейти к политическим договоренностям.

Было над чем задуматься Западу. И в первую очередь — полякам! Ведь Польша еще на рубеже 10—20-х гг. своими территориальными захватами на западе и востоке заложила такую хорошую основу для германо-советской дружбы, нацеленной на возврат земель, которые поляки отторгли от Германии и Советской России, пользуясь временной слабостью последних!

2 июня СССР предлагает очередной проект соглашения, в котором гарантии распространяются на Бельгию, Грецию, Турцию, Румынию, Польшу, Латвию, Эстонию и Финляндию. При этом механизм приведения взаимопомощи в действие предполагался как немедленный, без каких-либо консультаций или прохождения процедурных вопросов в Лиге Наций. Договор, по мнению СССР, должен был заключаться одновременно с военной конвенцией, в которой бы четко прописывались формы и размеры взаимной помощи (15).

В ответ англичане направляют в Москву мидовского чиновника Уильяма Стрэнга. Его миссия заранее была обречена на провал. И не в последнюю очередь из-за позиции Польши.

Как только в Варшаве узнали об отъезде Стрэнга в советскую столицу на переговоры с Молотовым, 9 июня в Лондон полетела срочная телеграмма со следующими инструкциями Бека Рачиньскому:

«В связи с отъездом Стрэнга в Москву прошу заявить в Форин-офис, что через Париж нам стало известно содержание советского ответа на последнее предложение и что наша точка зрения остается прежней, а именно:

1. Мы не можем согласиться на упоминание Польши в договоре, заключенном между западными державами и СССР.

2. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергшемуся нападению, даже без согласия этого последнего, мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе» (16).

Парадокс: требовалось еще согласие Польши, чтобы оказать ей по-

мощь в случае нападения на нее! При этом такого согласия Польша давать категорически не желала, когда речь шла о советской помощи.

О чем могли предметно говорить в такой ситуации Англия, Франция и СССР? Ни о чем. Польское руководство выбивало всякую основу из-под возможного англо-франко-советского соглашения по противодействию агрессии в Европе.

Гитлер мог потирать руки от удовольствия: иметь таких неадекватных врагов, как Польша — и друзей не надо! Даже перестав быть союзником третьего рейха, наоборот, превратившись в потенциальную жертву Германии, Польша тем не менее продолжала работать на его, Гитлера, политику! Как и в прежние годы, она срывала международные усилия по выстраиванию коллективного фронта против агрессии, облегчая таким образом нацистам реализацию их захватнических планов.

1. ДВП СССР, 1992, т. 22, кн. 1, с. 246.
2. Там же, с. 252—253.
3. Сталин И. Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952, с. 608—609.
4. Там же, с. 614.
5. ДВП СССР, т. 22, кн. 1, с. 273.
6. Там же, с. 283—284.
7. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. — М.: Политиздат, 1975, с. 307.
8. ДВП СССР, т. 22, кн. 1, с. 342.
9. Там же, с. 363.
10. Черчилль У. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1991, кн. 1, с. 170—171.
11. ДВП СССР, т. 22, кн. 1, с. 399—403.
12. Там же, с. 356—357.
13. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, т. 2, с. 92.
14. Там же, с. 110.
15. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны, с. 432—434.
16. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, т. 2, с. 119.

«Одетые в сталь и броню, ведомые Рыдз-Смиглы, мы маршем пойдем на Рейн...»

В 1939 году в руках Польши была судьба Европы. Ее позиция оказалась решающей в достижении согласия между Англией, Францией и СССР. Варшаве всего и требовалось, что согласиться принять советскую помощь и предоставить коридор для советских войск в случае войны. От польского ответа на вышеуказанные и очевидные с точки зрения противодействия агрессии вопросы зависело — быть Второй мировой войне или нет.

Трудно, почти невозможно, представить, чтобы Гитлер решился начать военные действия, рискуя сразу же получить войну на два фронта, да еще и против такой мощной англо-франко-советской коалиции.

Бывший переводчик Гитлера Пауль Шмидт впоследствии опишет, с каким смятением германское руководство восприняло объявление войны Англией и Францией 3 сентября 1939-го. В Берлине до последнего не верили, что Лондон и Париж решатся на такое из-за Польши. Но это случилось. Именно Шмидту британский посол в Берлине Гендерсон вручил ноту (Риббентроп отказался от встречи с Гендерсоном) о том, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны.

Шмидт вспоминает, как доставил ноту в канцелярию Гитлера, как зачитал ее присутствующим и как последние реагировали на сообщение: «...Гитлер сидит за своим письменным столом, а Риббентроп стоит у окна. Оба выжидающе смотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола Гитлера и стал медленно переводить ультиматум правительства Великобритании. Когда я закончил, воцарилась полная тишина.

Гитлер сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Он не был растерян, как утверждали потом одни, и не впал в ярость, как заявляли другие. Он просто сидел спокойно и неподвижно.

После паузы, которая показалась вечностью, он повернулся к Риббентропу, все так же стоявшему у окна. «Что теперь?» — спросил Гитлер с таким видом, словно давал понять, что назначенный им министр иностранных дел неправильно информировал его о возможной реакции Англии.

Риббентроп спокойно ответил: «Полагаю, через час французы вручат нам подобный ультиматум».

Так как мои обязанности на этом заканчивались, я удалился. Столпившимся вокруг меня в приемной я сказал: «Англичане только что передали нам ультиматум. Через два часа Англия и Германия будут находиться в состоянии войны». В приемной после этого известия установилась глубокая тишина.

Геринг повернулся ко мне и сказал: «Если мы проиграем эту войну, то пусть Бог смилостивится над нами!»

Геббельс стоял в углу удрученный и отрешенный. Все в комнате выглядели очень озабоченными» (1).

Судя по всему, Гитлер осмелился напасть на Польшу в расчете, что Англия и Франция не рискнут объявить войну Германии. По крайней мере, шансы на такое развитие событий Гитлер полагал

высокими. И основания для подобных прогнозов у него имелись. Неделий ранее был подписан советско-германский договор о ненападении. Кроме того, в Берлине резонно рассчитывали разгромить Польшу раньше, чем Англия и Франция смогут оказать ей реальную помощь, и, очевидно, надеялись, что Лондон и Париж тоже отдадут себе в этом отчет.

Когда же война со стороны западных держав все-таки была объявлена, германское руководство не на шутку переполошилось — даже ввиду военного конфликта с этими двумя государствами!

Само собой, в случае подписания англо-франко-советской военной конвенции и политического соглашения, содержащего гарантии Польше, у Гитлера не было бы никаких сомнений, что эта мощная коалиция объявит Германии войну, как только та даст соответствующий повод. Поэтому, еще раз отметим, вероятность того, что нацистская Германия в этой ситуации начала бы военные действия, близка нулю.

Ну а если бы Гитлер все же отважился атаковать Польшу, даже несмотря на англо-франко-советский альянс, есть все основания полагать (в т. ч. с учетом реального опыта Второй мировой войны), что Германия проиграла бы эту войну в короткие сроки. А человечеству соответственно уничтожение фашизма обошлось бы куда меньшими жертвами.

Все было в руках Польши.

С середины лета 1939-го события стали развиваться стремительно. Атмосфера в Европе накалялась. Дело шло к войне. Требовалось принять срочные решения. Для СССР такая потребность была очень острая, ввиду того что он пребывал в неопределенной ситуации, не будучи включен ни в одну систему коллективной защиты в Европе. Кроме того, дело происходило на фоне советско-японского конфликта на реке Халхин-гол — на тот момент локального, но потенциально могущего перерасти и в полномасштабную советско-японскую войну. В этой обстановке Москве непременно требовалось гарантировать себе западные границы тем или иным способом.

Поэтому советская сторона торопила англо-французов с принятием конкретных решений. Терпение Москвы было безгранично, и лица, непосредственно вовлеченные в переговоры о трехстороннем англо-франко-советском соглашении, понимали, что ситуация не терпит проволочек.

Французский посол в Москве Наджияр в телеграмме в Париж от 16 июля решительно и однозначно высказался за заключение военной конвенции с Советским Союзом. 18 июля он повторно теле-

графирует: «На нынешней стадии переговоров у нас, по моему мнению, нет иного выхода, как принять советскую точку зрения или согласиться на провал.., который скомпрометирует в настоящем и будущем наши переговоры с Россией» (2). 20 июля спецпредставитель британского МИД в Москве Стрэнг информирует Форин-офис о своих контактах с советскими партнерами: «Их неверие и подозрения в отношении нас в ходе переговоров не уменьшились, так же как и их уважение к нам не возросло. Тот факт, что мы создавали трудность за трудностью в вопросах, не казавшихся им существенными, породил впечатление, что мы не стремимся сколько-нибудь серьезно к соглашению» (3).

Запад склоняется к принятию советской точки зрения. По крайней мере, французы, которым в случае войны пришлось бы нести основную ношу войны на континенте, демонстрируют опасение возможного срыва англо-франко-советских переговоров. 19 июля глава французского МИД Бонне телеграфирует французскому послу в Лондоне Корбэну, чтобы тот настоятельно потребовал от британских партнеров согласиться с условиями, выдвигаемыми Москвой.

Бонне отмечает, что даже временное приостановление англо-франко-советских переговоров «в тот самый момент, когда, по всей вероятности, должны проявиться решения Германии, оставит тем не менее для последней свободное поле деятельности и поощрит ее в самых авантюрных замыслах, показывая ей, насколько мы не способны организовать в нужное время эффективную коалицию элементов сопротивления, формированием которой мы так кичились».

«Перед лицом этой главной опасности, риск, который повлечет для нас заключение соглашения даже ценой принятия советских формул, представляется значительно меньшим по значению», — подчеркивает он (4).

В тот же день Бонне пишет британскому коллеге Галифаксу: «мы вступаем в решающий момент, когда, как нам кажется, нельзя ничем пренебрегать, чтобы достичь успеха». Он предупреждает о губительных последствиях как для Франции и Англии, так «и для сохранения мира», которые могут наступить в случае провала переговоров с СССР.

Более того: «Я даже опасаясь, как бы это не стало сигналом для акции Германии в отношении Данцига. Эти переговоры идут уже более четырех месяцев. Общественность придает им во всех странах очень большое значение. Ввиду этого они обрели символический характер». Поэтому, отмечает он, в данных условиях **«чрезвычайно важно прийти к завершению переговоров, успех которых представляется нам сегодня одним из основных условий сохранения мира»** (5).

Итак, наступает решающий момент, а от успеха англо-франко-советских переговоров зависит сохранение мира в Европе. Другое дело, что успех переговоров зависит не только от Франции, Англии и СССР, но и от Польши, без согласия которой на сотрудничество с Советским Союзом ни трехсторонняя военная конвенция, ни политическое соглашение в том же формате невозможно.

22 июля в «Известиях» публикуется короткое, но очень емкое по смыслу «Сообщение Народного комиссариата внешней торговли СССР о советско-германских переговорах о торговле и кредите»: «На днях возобновились переговоры о торговле и кредите между германской и советской сторонами. От Наркомата внешней торговли переговоры ведет заместитель торгпреда в Берлине т. Бабарин, от германской стороны — г. Шнурре» (6).

Москва как бы торопит Запад: московский поезд уходит! Где его конечная остановка — в Париже, Лондоне или в Берлине?

А на следующий день, 23 июля, советское правительство обратилось к Англии и Франции с предложением приступить к выработке военной конвенции, не ожидая завершения политических переговоров. 25 июля Лондон и Париж дали согласие прислать свои миссии в Москву для соответствующих переговоров.

4 августа начальник Генштаба РККА Б. Шапошников подписывает Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции.

Рассматривались пять вариантов возможных военных действий. Первый — «когда нападение агрессоров будет непосредственно направлено против ФРАНЦИИ и АНГЛИИ» — СССР готов был выставить 70% тех сил, которые выставят Англия и Франция, а именно: 56 пехотных дивизий, 6 кавалерийских дивизий, 8500—9000 средних и тяжелых орудий, 3300 танков, 3000 самолетов, всего свыше 2 млн. солдат и офицеров.

Второй вариант — «когда объектом нападения явится ПОЛЬША». СССР был готов выставить такое же количество войск, как и в первом варианте. Но есть проблема: «Наше участие в войне может быть только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности также с Литвой о пропуске наших войск к северу от Минска через Виленский коридор».

Кроме того, по мнению Генштаба РККА, Польша должна была обеспечить маневр советских войск на польской территории предоставлением железных дорог и подвижного состава для подвоза боевого снаряжения и продовольствия. «Одновременное вторжение агрессоров в южную часть Польши (Галиция) со стороны Словакии

и Венгрии потребует от нас развертывания на границах с Польшей и Румынией дополнительных сил, но в общей совокупности с выделяемыми для действий против Восточной Пруссии в равном числе с выставляемыми силами Англией и Францией против главного агрессора, т. е. 80 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий, 9500—10 000 средних и тяжелых орудий, 3500—4000 танков, 3000—3500 самолетов», — говорилось в документе.

Третий вариант — «когда Венгрия, Болгария при помощи главного агрессора нападают на РУМЫНИЮ». СССР в этом случае выставлял бы такое же количество сил и средств, как указано в первом варианте. Но и здесь важна была позиция Польши, без содействия которой эффективное противодействие агрессии было невозможно: «Наши предложения Франции и Англии в этом варианте должны сводиться: 1) в обязательном участии в войне ПОЛЬШИ; 2) в пропуске наших сил, как указано в I варианте, через Виленский коридор и Литву, а также совместно с англо-французами базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) в обязательстве Польши развернуть и выставить на фронт 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и Померании и 4) в обязательстве Польши пропустить наши войска через Галицию к югу от Львова».

Четвертый вариант — «когда агрессия будет направлена против Турции, причем, возможно, в этом случае к войне на стороне агрессоров примкнет Болгария». Если Франция и Англия (а они 12 мая 1939-го дали Турции такие же гарантии, как и Польше) решат обратиться за помощью к СССР, то, говорилось в документе, «это сотрудничество может быть оказано при условии: 1) участия Польши в войне против главного агрессора и пропуска наших войск через Виленский коридор и по договоренности с Литвой через ее территорию для действий против Восточной Пруссии; 2) совместного с объединенным англо-французским флотом базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) участия Румынии в войне и пропуске наших войск через Румынию для действий на юге Румынии».

Наконец, пятый вариант — «когда агрессия главного агрессора, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, будет направлена против СССР». В этом случае СССР задействовал бы против агрессора 120 дивизий, а англо-французы должны были выставить 70% сил и средств, выставляемых с советской стороны.

При этом «Польша, связанная договором с Англией и Францией и имеющая нашу гарантию, должна выступить по варианту I. Наше

требование в отношении развертывания 40 польских пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани остается в полной силе».

«При нападении главного агрессора на нас мы должны требовать выставления указанных выше сил Францией, Англией и Бельгией, решительного их наступления с 16-го дня мобилизации против главного агрессора и самого активного участия в войне Польши, а равно беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава.

Вышеизложенное является предпосылкой для переговоров, в ходе которых будут выясняться позиции Франции и Англии в искреннем стремлении заключить договор» (7).

Как видим, СССР требовал равноправных условий сотрудничества, готов был оказать помощь сам и ожидал того же от других. При этом военная конвенция, по мысли Москвы, имела смысл только в том случае, если предполагала действительно эффективные меры против агрессии. Без Польши это было невозможно.

В инструкции, которую 7 августа получит от советского руководства нарком Ворошилов — глава миссии от СССР на переговорах с англо-французами, также будет категорично записано: **«Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал» (8).**

Впоследствии Германия сосредоточит против Польши 1,6 млн. чел., 6000 орудий и минометов, 2800 танков и 2000 самолетов. Еще 23 германские дивизии прикрывали западное направление, на котором было развернуто 110 французских и английских дивизий.

Таким образом, в случае если бы англо-франко-советские переговоры 1939-го увенчались успехом, то (тем более с учетом польской армии) антигитлеровская коалиция имела бы не менее чем трехкратное преимущество над Германией в силе и средствах, при подавляющем преимуществе в промышленном и сырьевом потенциале. Не говоря уж о полном превосходстве на море. В подобных условиях начинать войну для Гитлера было немислимо, ибо это было равнозначно самоубийству без каких-либо, даже призрачных, шансов на успех. Стоило только Польше сказать «да» военному сотрудничеству с СССР. Но... Польша согласия не дала. И Гитлер получил возможность крушить своих противников поодиночке.

В Польше решили, что англо-французской помощи им будет до-

статочно, тем более что есть могучее, как считали поляки, войско польское!

Поляки всегда были очень высокого мнения о своих военных возможностях. В дипломатических беседах 30-х годов встречаются их самоуверенные заявления на военную тематику. Скажем, в июле 1934-го полпред СССР в Польше Давтян интересуется у Бека — почему бы Польше не позаботиться о получении со стороны Германии гарантии польских границ? «На эту фразу Бек, смеясь, заметил, что, собственно, в этом нет специальной надобности, ибо польская граница достаточно обеспечена польской армией», — записал Давтян (9).

Или вот чай у мадам Бек в марте 1935-го. Давтян обсуждает с председателем Совета Министров Польши Козловским объявление воинской повинности в Германии. Глава польского Совмина — сама беспечность! На прямой вопрос Давтяна, что об этом думает Польша, Козловский с «солдатской откровенностью» сказал, что «он спокоен». «Я имею 30 дивизий, и неплохих дивизий, и я спокоен за Польшу», — заявил он. Завязалась дискуссия. Давтян пытался развивать мысль, что «дело не в 30 дивизиях, как бы они ни были хороши, а в солидарности всех тех, кто не желает войны». Козловский же убеждал его, что никакая солидарность Польше не нужна, она и сама справится с Германией, да еще и Советский Союз, в случае чего, защитит: в СССР, сказал Козловский, «не должны опасаться германской агрессии, ибо на пути ее стоит Польша и ее 30 дивизий. Германия иначе не может попасть в СССР, как через Польшу, которая не пустит». И т. д. и т. п. Хорошо, что этот разговор «был прерван подошедшим турецким послом» (10). Иначе глава польского Совмина с красноречивой фамилией еще много чего наговорил бы на тему польских военных доблестей.

Но середина 30-х — это еще куда ни шло. В конце концов Германия еще не была столь мощной в военном отношении, как в 1939-м. Но ведь и в 1939-м поляки мыслили точно так же! В феврале того же года 1-й секретарь польского посольства в Берлине Мальбом будет хватать перед советским полпредом в Германии Астаховым: «Наша пехота много лучше германской, она в сутки без сна может пройти 70—80 км». Кроме того, заверил польский дипломат, «военную промышленность мы также создали». Так что «война с Польшей не будет для Германии легкой». «Немцы это понимают и сейчас этой войны не хотят», — уверенно заявил он (11).

В Германии было совершенно иное понимание польских военных возможностей. Немцы не сомневались (и, как показало время, совершенно справедливо), что в короткий срок сотрут Польшу в порошок.

К примеру, 2 августа 1939-го Риббентроп заявил временному поверенному в делах СССР в Германии: «Мы уверены в своих силах... Что же касается Польши, то будьте уверены в одном — Данциг будет наш». А что до «мощи» войска польского, то «мы не относимся серьезно к военным силам Польши. Поляки сейчас кричат о походе на Берлин, о том, что Восточная Пруссия — польская земля. Но они знают, что это вздор. Для нас военная кампания против Польши дело недели — десяти дней. За этот срок мы сможем начисто выбрить Польшу» (12).

Остригут Польшу через месяц, а в тот момент поляки всерьез собирались «за шерстью» прямо в Берлин. И даже дальше — на Рейн!

*Одетые в сталь и броню,
ведомые Рыдз-Смиглы,
мы маршем пойдем на Рейн...*

— распевали в Варшаве.

18 августа польский посол в Париже Лукасевич заявит министру иностранных дел Франции: «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!» (13). Впрочем, у Бонне и ранее было немало случаев удостовериться в «адекватности» польских дипломатов.

А тут еще англо-французские гарантии попутали и так недалеких поляков. Плюс, очевидно, опыт Первой мировой войны, когда основные события развивались на Западном фронте. В Польше полагали, что Гитлер бросит основную массу войск против сил Франции и Англии (и что там, на западе, будет основной театр военных действий), а полякам всего-то и останется, что ударить с востока и, взломав слабую немецкую оборону, выйти к Берлину. Само собой, Восточная Пруссия тоже не должна была оказать особого сопротивления доблестному польскому войску. На польских картах все складывалось просто триумфально.

Не принимали в Польше в расчет и военно-технический прогресс, повлиявший на изменение характера войны, в частности блицкриг. Там и помыслить не могли, что германские войска посредством подвижных соединений смогут в кратчайшие сроки взломать польскую оборону и разгромить ее основные силы еще до мобилизации и развертывания войск Англии и Франции.

Стратеги войска польского, писал советский военный теоретик Георгий Иссерсон в 1940 г., «исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения».

А Гитлер взял да и выставил против Польши не 20, а 62 дивизии, в том числе 7 танковых и 4 моторизованные, оставив на западе небольшое прикрытие в расчете, что успеет разгромить поляков до полной мобилизации и развертывания англо-французских войск.

Иссерсон обращал внимание на неуместный польский блеф: с мобилизацией поляки не спешили, «но об этом широко оповещают, объявляя о мобилизации двухмиллионной армии. Такой дезинформацией думали напугать противника. Эффект получился обратный: германское командование сосредоточило еще большие силы против Польши».

Варшава полагала, что речь об активных действиях Германии может идти «только о Данциге», а потому «о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились». «Поляки не разобрались в стратегической обстановке, и это явилось уже проигрышем, — справедливо констатировал Иссерсон, — война для Польши была проиграна еще ранее, чем началась» (14).

Одним словом, военные стратеги Польши были ничуть не лучше дипломатов. Но за их фанатерии высокую цену заплатила вся Европа.

Недальновидность расчетов польского военного командования и неумеренное самомнение руководства Польши о ее военных возможностях стали дополнительным лыком в строку неадекватной внешнеполитической линии, согласно которой можно справиться с немецким нападением и без СССР.

1. Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск. Русич, 2001, с. 216—217.
2. Ржешевский О. Москва, Спиридоновка, 17. «Военно-исторический журнал», № 7, 1989.
3. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. — М.: Международные отношения, 1989, с. 271.
4. Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы в двух томах. МИД СССР, 1990. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании Ш. Корбену, 19 июля 1939 г.
5. Там же. Письмо министра иностранных дел Франции Ж. Бонне министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу, 19 июля 1939 г.
6. «Известия», 22 июля 1939.
7. ДВП СССР, т. 22, кн. 1, с. 573—578.
8. Там же, с. 584.
9. Там же, 1971, т. 17, с. 438—439.
10. Там же, 1973, т. 18, с. 187—188.
11. Там же, с. 90.
12. Там же, с. 568.
13. Мельтюхов. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. — М., 2001, с. 193.
14. Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. — М.: Воениздат, 1940, с. 32—33.

Польша срывает подписание англо-франко-советской военной конвенции

11 августа 1939 г. в Москву на Ленинградский вокзал прибывает англо-французская военная миссия. Этот московский раунд многомесячных переговоров между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой должен был расставить все точки над «i»: быть или не быть мощному коллективному фронту против агрессии, а по большому счету — быть или не быть Второй мировой войне?

Камень преткновения — Польша. Все предыдущие усилия английских, французских и советских переговорщиков разбились о непримиримую польскую позицию, заключающуюся в категорическом отказе от военного сотрудничества с СССР.

По правде говоря, мало кто верил, что и в этот раз переговоры дадут результат. Собственно, англо-французы (особенно первые) и ехали-то в Москву, чтоб удержать Советскую Россию в переговорном процессе. Расчет строился на том, что пока Москва ведет переговоры с державами Запада, она не пойдет на соглашение с Германией. При этом сам факт трехсторонних переговоров в англо-франко-советском формате должен был, по мнению западных стратегов, играть роль сдерживающего фактора по отношению к Гитлеру.

Поэтому и ехали английские и французские представители в Москву около двух недель. Поэтому не оказалось и полномочий у главы английской делегации адмирала Дракса на заключение военной конвенции. Но приходится делать скидку на эти большие и маленькие хитрости Лондона и Парижа: они вели такую линию в тех конкретных обстоятельствах, которые создала своим упорством Варшава.

Документы свидетельствуют, что в августе 1939-го и Англия и Франция (эта особенно!) хотели заключения военной конвенции с СССР. По крайней мере, на фоне активизации советско-германских контактов англо-французы осознали необходимость принятия справедливых требований Москвы и подписания равноправного, взаимообязывающего договора с СССР.

Но... Польша! Эта неподъемная гиря висела на руках, которые должны были поставить подпись под коллективным соглашением против агрессии в Европе. За несколько дней до приезда английской и французской миссий в Москву посол Польши в СССР Гжибовский в разговоре с послом Италии в СССР Россо отрицательно высказался о предстоящих англо-франко-советских переговорах.

Итальянец сразу же рассказал об этом немецкому послу в Москве Шуленбургу, а тот, в свою очередь, проинформировал Берлин телеграммой от 10 августа: «Здесьшний польский посол Гжибовский в начале августа возвратился из отпуска. В беседе между ним и итальянским послом Россо был затронут также вопрос об англо-франко-советских переговорах относительно заключения пакта. Итальянский посол заявил, что, по его мнению, начинающиеся в настоящее время переговоры между военными лишь тогда могут привести к конкретному результату, когда Польша в той или иной форме примет в них участие или по крайней мере заявит о своем согласии принять советскую вооруженную помощь. Польский посол ответил на это, что в позиции Польши по отношению к переговорам о пакте ничто не изменилось. Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже только проследовали через нее. На замечание итальянского посла о том, что это, вероятно, не относится к советским самолетам, польский посол заявил, что Польша ни в коем случае не предоставит аэродромы в распоряжение советской авиации» (1).

Учитывая, что Гжибовский только приехал из Варшавы — очевидно, высказанное им мнение было частью инструкций, полученных от Бека. Хотя в них и не было ничего нового. А итальянский посол, безусловно, прав: англо-франко-советские переговоры могли дать результат только при соответствующей позиции Польши.

В ходе первых же заседаний военных миссий глава советской делегации Ворошилов поставил вопрос о пропуске советских войск через Польшу, обозначив эту проблему в качестве «кардинальной».

Бурная дискуссия развернулась по этому вопросу, в частности на третьем заседании 14 августа. Ворошилов потребовал разъяснений — как военные миссии и генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора?

«Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос, — сказал Ворошилов, — относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или против главного агрессора, — если он нападет..

Г-н генерал, г-н адмирал, меня интересует следующий вопрос, или, вернее, добавление к моему вопросу: предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?

И далее: предполагаете ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию? И еще: имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?

Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют».

Адмирал Дракс пытался брать «логикой», дескать, в случае войны Польша с Румынией и помощь советскую попросят, и войска советские пропустят, т.к. в противном случае «они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить». «Еще раз повторяю свой ответ, — убеждал Дракс. — Если СССР, Франция и Англия будут союзниками, то в этом случае, по моему личному мнению, не может быть никаких сомнений в том, что Польша и Румыния попросят помощи».

Но почему тогда они, в частности Польша, чьи возражения были особенно категоричны, отказываются от советской помощи до начала войны? Ведь если заранее спланировать совместные действия, то организация отпора агрессии станет куда более эффективной. А если потенциальные жертвы просто не успеют попросить о помощи?

После долгой и оживленной дискуссии по данной проблеме британский генерал Хейвуд зачитал англо-французский меморандум: «Мы уже высказали достаточно ясно наше мнение и приняли к сведению суммарный итог всего сказанного г-ном маршалом. Но не надо забывать, что Польша и Румыния — самостоятельные государства, и в данном случае разрешение на проход советских вооруженных сил должно быть получено от их правительств. Этот вопрос превращается в политический вопрос, и СССР должен поставить его перед правительствами Польши и Румынии. Совершенно очевидно, что это является наиболее простым и прямым методом.

Однако если г-н маршал особенно настаивает на своем требовании, то мы можем снестись с Лондоном и Парижем для того, чтобы они задали правительствам Польши и Румынии следующий вопрос: в случае если Советский Союз будет нашим союзником, могут ли они разрешить советским войскам пройти на территорию Польши в районе Виленского коридора и в Галиции, а также на территорию Румынии для того, чтобы сотрудничать в операциях против Германии в случае агрессии с ее стороны?..»

В ответном меморандуме советская военная миссия заявила, что в Москве в курсе о Польше и Румынии как самостоятельных государствах. И именно исходя из этого «бесспорного положения», советская военная миссия и обратилась к английским и француз-

ским коллегам ответить на простой, но крайне важный вопрос: будут ли пропущены советские вооруженные силы через территорию Польши (Виленский коридор и Галицию) и Румынии в случае агрессии против Польши и Румынии?

«Этот вопрос тем более законен, что Франция с Польшей состоит в политическом и военном союзе, а Англия имеет пакт взаимопомощи и военный договор с Польшей», — подчеркивалось в советском меморандуме.

С советской стороны также обращалось внимание, что вышеуказанный вопрос не только политический, «но еще в большей мере он является вопросом военным».

При этом решать его, по мнению Москвы, должны были Лондон и Париж, «поскольку СССР не имеет военных договоров с Польшей и Румынией, а также поскольку угрожаемыми со стороны агрессии в Европе являются, прежде всего, Польша, Румыния, Франция и Англия, постольку вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территории этих государств против агрессора должен быть разрешен английским и французским правительствами совместно с правительствами Польши и Румынии».

Советская военная миссия выразила сожаление по поводу того, что Англия и Франция, посылая в Москву свои миссии для ведения переговоров о военной конвенции, не озаботились предварительным получением ответа на вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии. Ибо без ответа на этот, как сказано выше, «военный» вопрос невозможно строить какие бы то ни было планы совместной обороны от агрессора.

Далее было в категорической форме заявлено: «Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по вести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал».

В связи с чем советская сторона потребовала ускорить получение от правительств Англии и Франции ответа на поставленный вопрос (2).

В тот же день глава французской военной миссии телеграфирует в Париж, что Москва «в качестве условия реализации военного пакта поставила вопрос о необходимой уверенности для Советской Армии в случае агрессии против Польши и Румынии эвентуальной возможности вступить на польскую территорию по Виленскому коридору и в Румынию через Галицию» (3).

Осознавая, что от польского согласия пропустить советские войска теперь зависит судьба переговоров в Москве, французы усиливают активность по соответствующей обработке Варшавы. Английский посол в Париже после консультаций с французскими коллегами 14 августа отправляет в Лондон срочную телеграмму: «Французская военная миссия в Москве весьма удовлетворена ходом переговоров. Но она сообщает, что условием соглашения и той помощи, которую они готовы оказать, русские считают необходимым быть уверенными, что они в случае германской агрессии против Польши и Румынии получают разрешение этих стран на пропуск своих войск через их территорию. Что касается Польши, то русские запрашивают на это разрешение, которое относится лишь к строго ограниченной небольшой территории в районе Вильно...

...Французское правительство считает предпочтительным вначале решить вопрос, касающийся Польши... С этой целью французская миссия предложила послать генерала Валлена в Варшаву, но французское правительство, чтобы избежать огласки, направило обратно в Варшаву (на) 15 августа своего военного атташе, который находился в Париже. Французское правительство надеется, что правительство Его В-ва решительно поддержит представление, сделанное польскому правительству» (4).

А что англичане, которых французы призывают подключиться к давлению на Польшу? Те в ночь на 15 августа получают телеграмму от своего посла в Москве Сидса, который следующим образом характеризует важность вопроса о пропуске советских войск: «Французский посол и я обсуждали с главами миссий ситуацию, создавшуюся в результате встречи с советской делегацией.

Он и я пришли к выводу, что русские поставили сейчас вопрос, от которого зависит успех или провал переговоров... Мы считаем, что советская делегация будет твердо стоять на этой позиции и всякие попытки поколебать ее приведут к такому же провалу, как это неоднократно имело место в ходе наших политических переговоров. Прошу подчеркнуть необходимость особой срочности и исключительной секретности» (5).

Время не терпит, но оно еще есть. Даже немцы в этот момент склоняются к тому, что англо-франко-советская военная конвенция будет подписана. К примеру, 14 августа поверенный в делах Германии в Великобритании Кордт из своих бесед с английскими дипломатами вынес впечатление, что вероятность подписания трехстороннего соглашения очень велика: «советское правительство проявило столько признаков доброй воли к заключению дого-

вора, что нет никакого сомнения в том, что он будет подписан» (6). Судя по всему, мало кто верил тогда, что Польша будет упорствовать и дальше, ведь это выглядело бы форменным самоубийством для поляков — сорвать подписание документа, от которого теперь зависела судьба самой Польши!

15 августа начгенштаба РККА командарм Шапошников знакомит англо-французскую военную миссию с состоянием Красной Армии и предлагаемым планом СССР на случай агрессии. И вновь звучит: «Участие СССР в войне может быть (осуществлено) только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и, по возможности, с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях — через Виленский коридор, через Галицию и Румынию...

...Польша, связанная договорами с Англией и Францией, должна обязательно выступить против Германии и пропустить наши войска, по договоренности правительств Англии и Франции с правительством Польши, через Виленский коридор и Галицию» (7). Без этого все разговоры об организации противодействия агрессии Гитлера — пустое сотрясение воздуха.

По итогам этого заседания французский посол в Москве Наджияр опять запрашивает Париж о пропуске войск. Он ссылается на мнение главы французской миссии генерала Думенка — «то, что предлагают русские в целях выполнения обязательств по политическому договору, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши». Сообщает, что советские партнеры предлагают западным державам «точно определенную помощь на Востоке», при этом даже «не выдвигают каких-либо дополнительных требований о помощи с Запада» (напомним, переговоры проходили на фоне советско-японского столкновения у р. Халхин-гол).

Единственная загвоздка, указывает Наджияр, — Польша! «Но советская делегация предупреждает, что Польша своей негативной позицией делает невозможным создание фронта сопротивления с участием русских сил», — пишет он в телеграмме от 15 августа. И просит также усилить давление на Польшу по указанному вопросу (8).

16 августа все повторяется. В ходе пятого заседания военных миссий конструктив заканчивается, как только стороны переходят к вопросу, каким образом РККА сможет выступить в случае нападения гитлеровских войск.

Выслушав сообщения англичан и французов о возможностях их авиации, Ворошилов напомнил об основном вопросе, ответ на который является решающим в определении позиции советской стороны

на переговорах: «Мы не разрешили кардинального вопроса для советской стороны, а именно — вопроса о пропуске вооруженных сил Советского Союза на территорию Польши и Румынии для совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон...

Только после положительного разрешения указанного вопроса мы могли бы приступить к обсуждению заслушанных здесь в общем абрисе планов представителей трех военных миссий...

Я полагаю, что до тех пор, пока наша советская миссия не будет иметь ответа на наш вопрос, ...всякая предварительная работа является, до известной степени, бесполезной... Я хотел бы просить г-на генерала Думенка и г-на адмирала Дракса ориентировочно сообщить, когда они ожидают ответа от своих правительств на наш вопрос».

«Как можно скорее», — пообещал Думенк. «Я не имею возможности сообщить о том, когда будет получен ответ, так как это зависит от самого правительства», — развел руками Дракс (9).

Французский МИД составляет записку на имя премьер-министра Франции Даладье, в которой признает советские требования и логичными и законными. Во французском МИД согласились с позицией военной миссии СССР — если не решить положительно вопрос о пропуске войск РККА через польскую территорию, «в этом случае военные переговоры, а следовательно, и политический договор, одной из основных целей которого является оказание Советским Союзом помощи Польше, были бы беспредметными». «Едва ли, — заметили французские дипломаты, — можно что-либо противопоставить этому утверждению, которое подводит нас к самой сущности вопроса».

Собственно, у Франции был опыт 1938 года — попытки организовать противодействие агрессии Гитлера в отношении Чехословакии. И тогда тоже остро стоял вопрос — каким образом СССР сможет оказать помощь французам и чехам во исполнение француско-советского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. В 1938-м все также упиралось в коридор для РККА. А закончилось уступкой агрессору в Мюнхене.

Очевидно, именно этот опыт и имели в виду во французском МИД, когда далее писали в своей записке Даладье, что без согласия Польши пропустить советские войска и сама французская гарантия (Польше) «могла бы оказаться слишком тяжелой или неэффективной».

«Предоставляя Польше гарантию, мы должны были поставить условием этой гарантии советскую поддержку, которую мы считаем

необходимой», — были крепки задним умом французские дипломаты. Но еще оставалось время: «необходимо, чтобы поляки поняли сейчас, пока еще не слишком поздно, необходимость занятия менее отрицательной позиции», — говорилось в документе.

В заключение же МИД Франции констатировал, что судьба англо-франко-советской военной конвенции, эффективного коллективного фронта против агрессии Гитлера — в руках Польши: «Будущая военная конвенция должна, разумеется, быть представлена на одобрение заинтересованных правительств. Поэтому ее нельзя заключить в полном объеме без согласия поляков, поскольку французское правительство могло бы дать свое окончательное согласие только после того, как оно снеслось бы по этому вопросу с Варшавой» (10).

Отправив данную записку премьер-министру Франции, Бонне посылает телеграмму французскому послу в Варшаве Ноэлю, предписывая тому оказать давление на Бека в целях получения согласия на пропуск советских войск. Это условие СССР, писал Бонне со ссылкой на мнение главы французской военной миссии на переговорах в Москве генерала Гамелена, должно быть принято «в связи с исключительно действенной помощью, которую русские намерены предоставить нам».

Дабы в Польше не испытывали каких-либо опасений относительно «задних мыслей» Москвы, Ноэль должен был передать Беку: «большое значение, которое имеет с точки зрения рассеяния опасений польской стороны тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны ввода своих войск, исходя исключительно из стратегической точки зрения».

«Необходимо, чтобы Вы лично решительно поставили перед г-ном Беком вопрос о необходимости для польского правительства принять русскую помощь, — писал Бонне Ноэлю. — Вам следует настойчиво подчеркнуть, что возможное русско-польское сотрудничество на восточном театре боевых действий является необходимым условием эффективности нашего общего сопротивления агрессивным планам держав оси, что, поскольку польское правительство много раз признавало ее необходимость, было бы опасно ждать начала военных действий, чтобы представить себе одну из основных форм этого сотрудничества; Вы добавите, что мы не можем предполагать, что, отказываясь обсуждать стратегические условия ввода русских войск, Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия».

В конце телеграммы Бонне заметил, что **от ответа Польши «зависит в настоящий момент вся наша система безопасности в Восточной Европе»** (11).

А еще не созданная система безопасности трещала, что называется, по всем швам — время поджимало. На шестом заседании военных миссий 17 августа Ворошилов заявил, что без ответа на вопрос о пропуске советских войск через польскую территорию тратить время на заседания и обсуждать беспредметные планы бессмысленно. Поэтому, указал он, до тех пор, пока Англия и Франция не получают ответа от Польши, «мы должны будем прекратить работу нашего совещания».

«Я изъявляю от имени нашей миссии согласие в любой момент, как только ответ будет получен от обоих правительств или от одного из них, немедленно созвать наше заседание. А до получения этого ответа я рекомендую нашим дорогим гостям отдохнуть, посмотреть Москву, побывать на выставке, чувствовать себя как дома», — сказал Ворошилов (12). Так и поступили — взяли перерыв до 21 августа. Оговорив, что совещание военных миссий может быть возобновлено и ранее, если до этого срока придет ответ из Лондона и Парижа по польскому вопросу.

Москва, безусловно, город красивый. Но англо-французам в тот момент было не до осмотра достопримечательностей советской столицы. Главы военных миссий и послы бомбардировали свое руководство телеграммами тревожного характера, убеждая в необходимости усилить давление на Польшу.

Так, Наджияр, известив свой МИД о взятом перерыве в заседании военных миссий «чтобы дать время, необходимое для получения до этого срока указаний по польскому вопросу», отметил: «Подтверждаю, что при отсутствии благоприятного решения (официального, официозного и даже молчаливого), которое позволило бы нам здесь дать утвердительный ответ, военные переговоры будут прерваны» (13).

Видимо, опасаясь проволочек в Париже и понимая, сколь драгоценно в сложившихся обстоятельствах время, Наджияр посылает еще одну телеграмму — Ноэлю, напрямую, минуя французский МИД. Он просит его вырвать у Бека согласие на пропуск советских войск. Пусть хотя бы «молчаливо» согласятся — оказав «полное доверие генералу Думенку для разработки совместно с русскими программы сотрудничества».

И добавил: «Если поляки не пойдут на это минимальное предложение, то они сорвут наше соглашение с русскими, что сразу же

привело бы к таким последствиям, всю серьезность которых как для них, так и для нас, являющихся их гарантами, они могут себе представить» (14). «Могут себе представить...» Наджияр переоценил адекватность польского руководства. В том-то и проблема, что в Польше даже близко не представляли себе всю серьезность последствий, которые наступят от срыва англо-франко-советского мероприятия.

Генерал Думенк телеграфирует в военное министерство Франции, что «у советской делегации имеются строгие указания по вопросу о проходе через польскую и румынскую территории». Он поясняет, что мотивом советских требований, сформулированных как *sine qua non* (лат. — непереносимое требование), «является опасение, что Польша и Румыния могут обратиться к ним за помощью слишком поздно».

«Другим мотивом, — продолжал Думенк, — является выраженное ими желание предпринять наступательные действия в нашу пользу в случае, если бы основной удар был направлен против нас. Наконец, это обеспечит им возможность избежать какой бы то ни было потери времени, если германская агрессия будет направлена на Прибалтийские страны. Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно».

В заключение он подчеркивает: «сейчас необходимо, чтобы я смог ответить «да» на поставленный вопрос» (15).

Франция в тот момент оказывала сильнейшее давление на Варшаву с целью добиться от поляков изменения их позиции относительно пропуска советских войск. Еще 15 августа в Варшаву был отправлен генерал Мюссе. Не вылезая из польского генштаба военный атташе Франции в Париже Мюс. Думенк из Москвы отправил в польскую столицу своего личного представителя, члена французской военной миссии капитана Боффра. Последний предельно предметно обрисовал маршалу Рыдз-Смиглы сложившуюся обстановку и какое решающее значение имеет позиция Польши. Рыдз-Смиглы непреклонен: «С немцами мы рискуем потерять свою свободу, с русскими мы потеряем свою душу» (16). Поляки были готовы к самоубийству — лишь бы не иметь дела со столь ненавистными им русскими.

В Великобритании тоже пришли к выводу, что затягивать переговоры с СССР более невозможно. Тем более что как в Париже, так и в Лондоне имели информацию об активизации германо-советских контактов.

Особое беспокойство возможность срыва переговоров вызывала у британских военных. Подкомиссия комитета начальников штабов, в состав которой входили заместители начальников штабов всех трех видов вооруженных сил, подготовила доклад британскому кабинету.

Телеграммы адмирала Дракса и посла Сидса свидетельствовали о решимости Москвы добиться ясных и четких гарантий безопасности для СССР, выстроить реальную и эффективную систему коллективной безопасности. А последняя упиралась в том числе, а в тот момент прежде всего — в вопрос пропуска советских войск по территории Польши.

В тексте доклада заместителей начальников штабов были обозначены все ключевые проблемы, преградившие путь к достижению англо-франко-советских договоренностей. В документе говорилось:

«— ...мы считаем, что сейчас не время для полумер и все усилия должны быть направлены на то, чтобы склонить Польшу и Румынию к согласию разрешить использование их территорий русскими силами;

— по нашему мнению, единственно логичным является предоставление русским всех средств для оказания помощи с тем, чтобы использовать максимум их сил на стороне антиагрессивных держав. **Мы считаем исключительно важным пойти навстречу русским в данном вопросе, а в случае необходимости оказать сильнейшее давление на Польшу и Румынию с тем, чтобы добиться их согласия отнестись к этому положительно;**

— ввиду того, что события развиваются быстро, вероятнее всего, что этот доклад устареет до тех пор, пока будет разослан (отличная характеристика динамики развивавшейся ситуации. — С. Л.), но мы считаем, что имеет смысл изложить некоторые общие соображения по обширному вопросу использования польской и румынской территорий русскими войсками;

— мы полностью согласны с послом и адмиралом Драксом, что **поставленная сейчас русскими проблема является фундаментальной** и считаем, что, если даже русские продолжат переговоры без соглашения по данному пункту, в результатах, ожидаемых от последующих переговоров, будет очень мало ценного;

— совершенно ясно, что без быстрой и эффективной русской помощи поляки не имеют надежд на то, чтобы выдержать германское наступление на суше и в воздухе продолжительное время. Это же относится и к румынам за тем исключением, что это время для них будет еще более ограниченным;

— поставки оружия и военных материалов недостаточны. Если русские будут сотрудничать в отражении германской агрессии против Польши и Румынии, они могут сделать это эффективно только на польской или румынской территории;

— без немедленной и эффективной русской помощи не только в воздухе, но и на суше, чем дальше будет продолжаться война, тем меньше шансов останется у Польши и Румынии выбраться из нее независимыми государствами (для Москвы же быстрый разгром поляков и румын означал бы выход германских войск к границам СССР и большая вероятность немедленного вступления в войну в крайне неблагоприятной обстановке. — С. Л.);

— если начнется война, поляки и румыны окажутся припертыми к стенке, они сразу же будут рады получить помощь откуда угодно. До тех пор пока поляки и румыны не поймут этой истины, помощь, которую они могут получить, будет значительно менее эффективной, нежели в том случае, когда приготовления и планы будут разработаны заранее;

— мы считаем, что сейчас необходимо сообщить об этом как полякам, так и румынам. Полякам особенно следует указать, что они имеют обязательства по отношению к нам, как и мы к ним, и что им нет оснований ожидать от нас слепого выполнения наших гарантий, если они в то же время не будут сотрудничать в принятии мер, направленных на достижение общей цели (это положение доклада в полной мере проявится в сентябре 1939-го — во время т.н. «странной войны»: полякам позволят гордо умереть, не оказав практически никакой помощи, «слепого выполнения... гарантий» со стороны англичан и французов действительно не будет. — С. Л.);

— заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами...

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, в случае необходимости должно быть оказано сильнейшее давление на Польшу и Румынию с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами территории в случае нападения Германии» (17).

Таким образом, британские военные, во-первых, подтверждали справедливость советских требований относительно пропуска РККА через территорию Польши — это не было какой-то прихотью Москвы; во-вторых, рассматривали англо-франко-совет-

ское соглашение как средство предотвращения войны как таковой; в-третьих, констатировали, что трехстороннее соглашение (читай: предотвращение Второй мировой войны) зависело от Польши.

В аналогичной записке, составленной двумя днями позже уже военным министерством Франции, — тот же взгляд на вещи, что и у их британских коллег.

Полностью соглашаясь с советскими требованиями относительно пропуска советских войск по территории Польши — как необходимой мере военного характера, французское военное министерство также отмечало, что московские переговоры могут продолжаться «лишь в том случае, если будет достигнуто соглашение относительно условия для непосредственного сотрудничества, которое выдвинуто Советами и которое может быть принято лишь с согласия поляков». «Однако эти последние, несмотря на усилия французского посла в Варшаве и нашего военного атташе, упорно заявляют о своем отказе дать принципиальное согласие на вступление советских войск на их территорию», — с сожалением отмечалось в документе. Как было сказано в записке, полковник Бек и начальник штаба войска польского генерал Стахевич «проявили в этом отношении непримиримую враждебность».

В качестве итогового вывода военное министерство Франции подчеркивало: **«Советская поддержка в деле создания Восточного фронта остается необходимой, и разрыв московских переговоров мог бы лишь подтолкнуть Гитлера на то, чтобы ускорить ход событий»** (18). Иными словами, поляки своим упорством подталкивали Гитлера к развязыванию Второй мировой войны.

Раздражение французов поляками было так велико, что они даже перестали скрывать его в ходе дипломатических бесед с представителями стран, не вовлеченных в переговоры о создании единого фронта против агрессии. В частности, 18 августа посол США во Франции Буллит в телеграмме госсекретарю Хэллу опишет, как премьер-министр Франции, отбросив в сторону дипломатический этикет, в беседе с ним покрывал поляков едва ли не бранью.

Даладьё очень «сердит на польского посла в Париже», «считает величайшей глупостью со стороны поляков отвергать русское предложение о действенной военной помощи», а вот советскую позицию назвал «благоразумной» — излагал Буллит точку зрения французского премьера.

«В заключение Даладьё сказал, что, если поляки отвергнут это предложение русской помощи, он не пошлет ни одного французского крестьянина защищать Польшу», — телеграфировал американский

посол в Париже, прибавив, что Даладьё повторил эту фразу «три раза» (19). И, добавив, через две недели Даладьё сдержал слово — не послал французские войска на помощь Польше. По сути, как мы уже отмечали ранее, поляки сами организовали «странную войну» на Западе осенью 1939-го.

На этом фоне 18 августа был получен еще один отказ Польши — соответствующую телеграмму прислали в Париж французские посол и военный атташе в Варшаве Ноэль и Мюс. Все их усилия склонить Варшаву к сотрудничеству с Москвой оказались безуспешными. Ответ Бека — категорический отказ (20).

Сами же поляки испытывали чувство полного удовлетворения оттого, что московские переговоры срываются. Лукасевич, не на шутку рассердивший Даладьё, в своей телеграмме на имя Бека от 18 августа не скрывал радости: из-за непреклонной позиции Польши, отказывающейся обеспечить пропуск РККА по своей территории, в Москве «имеют место формальные заседания, бессодержательные и несущественные» (21).

Польская пресса занималась диффамацией московских переговоров. При этом с подачи польских властей были инспирированы лживые слухи со ссылкой на «осведомленные источники», что переговоры тормозятся из-за якобы советских требований к Англии и Франции оказать помощь СССР против Японии. По этому поводу было даже распространено специальное опровержение ТАСС: «В последние дни польские газеты «Польска збройна», «Экспресс поранны», «Курьер варшавски» опубликовали сообщение о разногласиях, возникших в ходе переговоров в Москве между советской военной делегацией, с одной стороны, и французской и английской военными миссиями — с другой, в связи с тем, что СССР якобы требует военной помощи Англии и Франции на случай войны на Дальнем Востоке. ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение является сплошным вымыслом от начала до конца, а существующие на самом деле разногласия касаются совсем другого вопроса и не имеют никакого отношения к вопросу о Дальнем Востоке» (22). Уж в Варшаве-то прекрасно знали причину даже не разногласий (ибо, как мы отмечали, в Лондоне и Париже признавали справедливость советских требований), а трудностей, которые возникли на пути заключения трехсторонней военной конвенции!

Маршал Рыдз-Смиглы раздает самоуверенные интервью — мол, «Польша готова обойтись и без союзников!» (23).

Да что там — вместо того чтобы подумать о спасении себя самой и привлечении для этого как можно большего числа участ-

ников, Польша другим готова была давать военные гарантии! Официоз разглагольствовал «о недопустимости принятия гарантий для Прибалтики» (имеется в виду — гарантий со стороны Англии, Франции и СССР). Одновременно послов прибалтийских государств в Варшаве обрабатывали на предмет «недопустимости появления Красной Армии на территории Восточной Европы».

Польша сама бралась «курировать» этот регион, в связи с чем в те тревожные дни в Варшаве не придумали ничего лучше, как вернуться к обсуждению старой идеи антисоветского блока от Балтики до Черного моря. Вопрос ставился «об объединении Эстонии, Латвии и Литвы под высокой рукой самого сильного славянского государства — Польши, единственно могущей защищать интересы остальных как от Германии, так и от СССР» (24).

Как видим, витавшие в облаках поляки совершенно утратили чувство реальности. В Варшаве, судя по всему, вообще не понимали, что происходит. Польское руководство даже не поняло, что и Англия с Францией, несмотря на то что дали Польше гарантии, начали мало-помалу списывать своего «союзника» со счетов.

Так, советский полпред в Польше Шаронов вполне резонно обратил внимание на то, что Англия и Франция не спешат давать Польше займы на вооружение. Так, англо-польские переговоры «о

1. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, т. 2, с. 204—205.
2. Там же, с. 231—239.
3. Ржешевский О. Москва, Спиридоновка, 17. «Военно-исторический журнал», №7, 1989.
4. Там же.
5. Там же.
6. Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». — М.: АПН, с. 97.
7. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, с. 242.
8. Ржешевский. Указ. соч.
9. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, с. 264—265.
10. Там же, с. 253—255.
11. Там же, с. 252—253.
12. Там же, с. 301—302.
13. Там же, с. 305.
14. Там же, с. 307.
15. Там же, с. 306—307.
16. Безыменский. Указ. соч.
17. Ржешевский. Указ. соч.
18. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны, с. 622—623.
19. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, с. 308—309.
20. Ржешевский. Указ. соч.
21. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, с. 308.
22. «Известия», 20 августа 1939.
23. ДВП СССР, т. 22, кн. 1, с. 637—638.
24. Там же, с. 638—639.
25. Там же, с. 637—638.

финансовой помощи скандально провалились, и восьмимиллионный заем был дан, чтобы не продемонстрировать взаимное недоверие, алчность поляков и сдержанность покупателей. Польская пресса почти не скрывала своего недовольства, и правительство должно было опубликовать специальное коммюнике и инспирированные статьи с целью хотя бы отчасти ослабить тяжелое впечатление от этой неудачи».

Французы дали еще меньше — 60 млн. злотых, т. е. примерно \$1,25 млн. (по курсу того времени). Как прокомментировал Шаронов, эта цифра «показывает только символическую, но не действительную помощь союзнику» (25). Т.е. Англия и Франция не хотели попусту тратить деньги на такое безнадежное предприятие, как Польша.

Но и из этого Варшава никаких выводов не сделала.

«Последний шанс спасти мир...»

19 августа 1939-го подписано Кредитное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией — явный сигнал о том, что бесплодные переговоры с Западом ведут Москву к договоренностям с Берлином.

В Польше, конечно, из этого факта не сделали никаких выводов. Впрочем, данный сигнал не сразу расшифровали даже англичане. Так, временный поверенный в делах Франции в Великобритании Камбон будет телеграфировать Бонне, что, по мнению Стрэнга, советско-германское кредитное соглашение не следует рассматривать «как изменение советской позиции по отношению к нам» (т. е. к Западу). Стрэнг, сообщал французский дипломат, «расценивает подписание скорее как маневр с целью произвести впечатление на Францию и Великобританию и заставить их принять все условия СССР» (1). Однако на следующий день после этой телеграммы последовало сообщение в советской печати о советско-германских отношениях: «После заключения советско-германского торгово-кредитного соглашения встал вопрос об улучшении политических отношений между Германией и СССР» (2).

Однако мы несколько забежали вперед. 19 августа Франция и Англия еще предпринимают последние попытки сломить польское упорство и остановить войну, которая к тому времени уже, можно сказать, была на пороге.

Ноэль и Мюс проводят в Варшаве интенсивные переговоры с

Бек и Стахевичем о пропуске советских войск через территорию Польши. Мюс на пару с британским военным аташе в Польше три часа убеждали генштаб войска польского в этом.

Но, как укажет Мюс в телеграмме в военное министерство Франции от 19 августа, англо-французы и поляки «тщетно искали формулу для компромисса». Польские представители заявили, что «завещанная Пилсудским догма, основанная на соображениях исторического и географического порядка, запрещает даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию» (3).

То же самое Бек заявил Ноэлю: «Для нас это принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь... Мы не допустим, чтобы в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками» (4).

По итогам этих так ни к чему и не приведших переговоров с поляками была придумана незамысловатая формула, что, дескать, вопрос о пропуске советских войск перед руководством Польши пока не ставился. Англо-французы рассматривали такую формулировку в качестве своей последней соломинки, чтобы не утопить окончательно московские переговоры.

Имелось в виду, что если Польша даст официальный ответ относительно коридоров для РККА, то этот ответ будет отрицательный, и тогда англо-франко-советские переговоры прекратятся автоматически. А так вроде бы вопрос еще не решен, и есть время дополнительно уговаривать поляков. Но совершенно очевидно, что провести Москву на подобной мякине было нереально.

Тем временем Бек в прежнем духе инструктирует посла Польши в Париже Лукасевича. 20 августа в его адрес из Варшавы уходит телеграмма, в которой сообщается, что «французский и английский послы обратились ко мне в результате переговоров франко-англо-советских штабов, во время которых Советы потребовали предоставления возможности вступления в контакт с германской армией в Поморье, на Сувалщине и в восточной Малой Польше. Эта позиция поддержана английским и французским демаршем».

Но, информирует Бек, он стойко выдержал это англо-французское давление и позиции Польши т.с. защитил: «Я ответил, что недопустимо, чтобы эти государства обсуждали вопрос о военном использовании территории другого суверенного государства. Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается» (5).

В тот же день Наджияр шлет в МИД Франции очередную телеграмму с предупреждением о неизбежности провала переговоров с СССР, если поляки будут настаивать на своем отрицательном ответе по вопросу пропуска советских войск. Он удивляется, что «французское правительство не считает возможным разговаривать в Варшаве как гарант с достаточной авторитетностью, чтобы заставить поляков изменить их позицию». Он даже предлагает дать Москве «в принципе утвердительный ответ» вообще без согласия поляков (6).

Галифакс посылает послу Великобритании в Польше Кеннарду телеграмму. В ней он предельно откровенно обрисовывает суть происходящего, а кроме того — чрезвычайную значимость того решения, которое должна принять (или не принять) Польша. Только от нее теперь зависело — удастся ли удержать Гитлера от войны или нет. Приведем этот документ полностью, он того стоит.

В телеграмме от 20 августа Галифакс писал: «1. Если окончательный ответ польского правительства будет неблагоприятным, создастся очень серьезное положение. Советское правительство считает, что бесполезно продолжать военные переговоры, пока не будет получен ответ, и совещание в Москве соответственно отложено на несколько дней. Если ответ будет отрицательный, переговоры, по всей вероятности, совсем сорвутся, а попытка Великобритании и Франции достичь соглашения с Советским Союзом окончится неудачей. **Я убежден, что такая неудача воодушевит Гитлера начать войну, в которой Польша будет нести главную тяжесть первого нападения. С другой стороны, я полностью убежден, что заключение военно-политического соглашения с Советским Союзом будет иметь цель удержать его от войны.**

2. Г-н Бек, видимо, не согласен с этим мнением и считает, что согласие Польши на советское предложение привело бы к немедленному объявлению войны Германией. Я смотрю на создавшееся положение в несколько ином свете. **Мы, возможно, находимся на грани войны, в которой в течение ближайших нескольких недель или даже в течение ближайших нескольких дней Польша может стать жертвой сокрушительного нападения. Если г-н Бек думает, что он может предотвратить или уменьшить вероятность такого нападения просто тем, что он воздержится от согласия принять помощь от Советского Союза, я думаю, что он заблуждается.** А когда он говорит, что если война в самом деле начнется, то положение, возможно, будет другим, и польская позиция, возможно, изменится, я думаю, что он противоречит сам себе. Если Польша сможет позволить себе принять советскую помощь, если начнется война, то неясно, почему она не может согласиться подумать о принятии такой помощи, когда война близка.

3. Я полностью понимаю все отрицательные стороны и риск разрешения советским войскам вступить на польскую землю; но, казалось бы, что такой риск можно предпочесть риску уничтожения польской независимости при отсутствии их помощи, как бы нежелательна она ни была; и лучший путь избежать необходимости принять такую помощь, по существу, заключается в том, чтобы содействовать заключению англо-франко-советского союза, согласившись на выработку планов такой помощи, которая будет оказываться в случае необходимости.

4. За последние несколько дней польское правительство настаивало на желательности скорейшего заключения формального англо-польского договора на основании того, что это повело бы к укреплению доверия в Европе; но **правительство Его Величества считает, что положительный эффект заключения англо-польского договора вряд ли явится противовесом отрицательному эффекту, действительно катастрофическому, окончательного провала англо-франко-советских переговоров в Москве.** Правительство Его Величества приложило самые серьезные усилия во время недавних критических месяцев по созданию так называемого мирного фронта, одной из целей которого является сохранение польской независимости. Эти усилия будут поставлены под угрозу и вполне могут быть сведены к нулю, если Польша на сегодняшнем весьма важном этапе не внесет свой вклад, несмотря на все трудности, которые я полностью понимаю; для того чтобы сохранить независимость Польши, она должна сделать все, что может, чтобы облегчить и сделать полностью эффективной ту помощь, которая ей предлагается.

5. Я буду рад, если **Вы с полной серьезностью изложите эти соображения г-ну Беку. Мы переживаем очень критический момент, когда его решение может быть решающим фактором**» (выделено мной. — С. Л.) (7).

Как показали дальнейшие события, в данной телеграмме акценты были расставлены абсолютно верно.

Кеннард в точности исполнил распоряжение Галифакса — изложил полковнику Беку обстановку. А что Бек? Ничего. «Г-н Бек вручил мне сегодня вечером ответ польского правительства, который, как я и ожидал, был отрицательным», — телеграфировал поздно вечером 20 августа Кеннард Галифаксу. Дескать, он (Бек) проконсультировался с маршалом Рыдз-Смиглы, и «точка зрения военных властей в целом совпадала с той, которую он уже изложил».

Поэтому, ответил Бек, позиция Варшавы неизменна: «прави-

тельство Польши возражает против прохода русских войск через ее территорию» (8).

Польша, таким образом, связала руки Англии и Франции, не позволив подписать трехстороннюю военную конвенцию с Советским Союзом.

21 августа в Берлин из Москвы поступила телеграмма, в которой выражалось согласие на приезд в советскую столицу Риббентропа для подписания пакта о ненападении.

В тот же день на седьмом (и последнем) заседании военных миссий Англии, Франции и СССР Ворошилов заявил, что продолжать беспредметные разговоры более не имеет смысла. Англо-французы, желавшие тянуть время и удержать Москву в переговорном процессе, предложили было взять перерыв на 3—4 дня. Но глава советской миссии ответил, что паузу следует увеличить «на более продолжительный срок».

Поскольку нет согласия Польши на пропуск РККА по своей территории в случае войны — то и переговариваться не о чем. Создавать видимость переговоров советская сторона более не желала. О чем и было сказано в заявлении советской миссии англо-французам.

Не имея общей границы с Германией, в который раз указали на очевидные вещи советские представители, СССР может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии только при условии пропуска РККА через польскую и румынскую территории, «ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора».

Для пущей убедительности была приведена историческая аналогия: «Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и Советские Вооруженные Силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это военная аксиома» (9).

Впрочем, все это и так было понятно англо-французам, которые, как мы писали выше, со всеми указанными доводами советской миссии полностью соглашались. Не понимали этих очевидных вещей только в Польше. Или не хотели понимать. Или понимали, но игнорировали угрозы, предпочитая национальную катастрофу сотрудничеству с СССР. Главное в том, что Польша — и никто иной — стала виновницей срыва московских переговоров.

22 августа публикуется упоминавшееся сообщение в советской печати о советско-германских отношениях, в котором, кроме указания на то, что ввиду улучшения экономических отношений между СССР и Германией встал вопрос о налаживании отношений политических, говорилось о предстоящем визите в Москву Риббентропа (10).

В то же время французское агентство «Гавас» получило от Москвы разрешение опубликовать сообщение следующего содержания: «Переговоры о договоре о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры. Речь идет о содействии делу мира: одно направлено на уменьшение международной напряженности, другое — на подготовку путей и средств в целях борьбы с агрессией, если она произойдет» (11). Что «Гавас» и сделало 22 августа. Возможно, Москва оставляла англо-французам последний шанс вырвать польское согласие на пропуск советских войск.

Именно так напишет в своей телеграмме Ноэлю Бонне: «Ввиду новой перспективы, созданной объявлением о предстоящем подписании германо-советского пакта о ненападении, мне кажется необходимым попробовать предпринять в самом срочном порядке новые усилия перед маршалом Рыдз-Смиглы с целью устранить, пока еще есть время, единственное препятствие, которое вместе с тем мешает заключению трехсторонних соглашений в Москве.

Единственно возможным ответом на русско-германский маневр было бы немедленное предоставление польским правительством, по крайней мере молчаливого, права подписи, позволяющего генералу Думенку занять от имени Польши твердую позицию, имея в виду уникальную эвентуальность войны, при которой Россия пришла бы последней на помощь...

Соблаговолите особо настаивать на этом, подчеркивая самым решительным образом, что Польша ни морально, ни политически не может отказаться испытать **этот последний шанс спасти мир**.

В заключение твердо напомните, что Франция, которая постоянно проявляла дружбу в отношении Польши, предоставляла ей значительные кредиты, направляла военную технику, оказывала самую разнообразную помощь, сегодня имеет право требовать от нее взвесить всю серьезность отказа» (12).

Последний шанс спасти мир был в тех же безответственных польских руках. И Польша этим шансом, конечно же, не воспользовалась. Ничто не могло поколебать ее фобии и предубеждения в отношении Советской России — ни моральные, политические и военные обязательства перед Францией, ни, в конце концов, элементарное

чувство благодарности за все то, что французы сделали для межвоенной Польши (по логике, в Польше должны были испытывать такие же чувства обязанностям французам за само существование польского государства). Но шляхетский гонор перевесил все резоны.

Бонне обратился к британским коллегам поддержать французские усилия в Варшаве. Даладье вышел на британский кабинет с просьбой направить соответствующие инструкции своим дипломатам в Польше (13).

Но все, что смогут вырвать у поляков англо-французы, это следующую невнятную формулировку, на которую «великодушно» согласился полковник Бек: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно)».

Указанный тезис было дозволено (поляками) генералу Думенку заявить советской военной миссии в качестве официального ответа на вопрос о пропуске советских войск по территории Польши. Телеграмму с этой формулировкой Нозль отправит на имя Бонне 23 августа (в Париже ее получают в 15 часов 20 минут) (14). То есть, во-первых, слишком поздно, а во-вторых и в-главных — такая формулировка ничего не меняла по сути.

О чем прямо заявит и Наджияр в телеграмме на имя Бонне от 23 августа: «эта уступка происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку она не позволяет сослаться на решение самого польского правительства» (15).

На самом деле это была не «уступка», а уловка. Поляки, по своей старой привычке, думали всех перехитрить. 23 августа Бек разошлет телеграмму дипломатическим представительствам Польши, в которой будет рассказывать, как ловко он обхитрил Москву: «Учитывая сложившуюся в результате приезда Риббентропа в Москву новую ситуацию, французский и английский послы в повторном демарше выразили пожелание своих правительств, заключающееся в том, чтобы, начав вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского договора, можно было в тактическом плане изменить ситуацию. В связи с этим к нам вновь обращаются с просьбой о «тихом согласии» на выражение военными делегациями в Москве уверенности в том, что в случае войны польско-советское военное сотрудничество не исключается».

И хотя, писал он, была выработана определенная формулировка (которую мы цитировали выше), «я повторил не для разглашения наши оговорки, касающиеся прохода войск». «Используя возмож-

ность, я еще раз сделал категорическое заявление, что я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений» (16).

Т. е. Варшава хотела обмануть Москву — в «тактическом плане» разрешила англо-французам заявить о ее «тихом согласии», но в реальности своей позиции не изменила и советские войска через свою территорию пропускать не собиралась. Но этот дешевый шулерский трюк не прошел: в тот же день был подписан советско-германский договор о ненападении и достигнуты секретные договоренности о разделе этого действительно «уродливого детища Версаля».

Французский посол в Польше Ноэль 23 августа в телеграмме на имя Бонне скажет по поводу этого «согласия» Варшавы: «Давая нам в конечном счете согласие, министр (Бек. — С. Л.) счел должным повторить, что польскому правительству тем не менее по-прежнему претит ввод русских войск на его территорию» (17).

Претит ввод русских войск для защиты Польши? Ну тогда войдут германские — для ее (Польши) порабощения. Как говорится, хозяин — барин.

К слову — а как в Польше отреагировали на подписание советско-германского договора о ненападении? Как обычно, неадекватно!

Писали о «дешевой сенсации»(!), об «отсутствии практического значения» советско-германского договора (!), о «неизменении положения в Европе и, в частности, для Польши» (!!!). А, к примеру, латвийский посланник рассказал Шаронову, что в польском МИДе ему заявили, что «они такого договора ждали и он в международное положение Польши ничего нового не вносит, тем более что Польша никогда бы не согласилась видеть Красную Армию на ее территории» (18).

Официальные лица раздавали прессе комментарии следующего содержания: «договор квалифицировался как отход СССР от европейских дел в связи с положением на востоке и внутренними затруднениями» (без указания их характера), причем подчеркивалось, что «этот договор не меняет расстановки сил в Европе и положение Польши он совершенно не изменит». Поучали Гитлера дипломатии — дескать, тот от советско-германского договора «ничего не получил», что «договор — новый блеф Гитлера» и вообще, мол, «договор — клочок бумаги», а еще — свидетельство, что «антикоминтерновский пакт разваливается или уже развалился».

Правительство же сформулировало свою позицию так: «Мы первые заключили с СССР пакт о неагрессии, первые подписали соглашение об определении агрессии, мы имеем нормальные отно-

шения с СССР и большего не хотим, причем СССР нашу позицию понимает. Берлин получил от СССР только то, что мы уже имеем давно, т. е. пакт о ненападении, а что касается участия СССР в игре в Европе, то мы неоднократно предупреждали западных друзей, что созидательной роли СССР играть не может», — сообщал Шаронов в письме на имя Молотова 26 августа (19).

Через неделю поляки осознают — что изменилось в Европе и в положении их страны в связи с подписанием данного договора, и насколько серьезно.

Ворошилов 27 августа в который раз объяснит, из-за чего переговоры не достигли желаемого результата: «Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию...» Но этот вопрос так и не был разрешен.

Пришлось Москве обеспечивать свою безопасность (хотя бы на время) другим путем: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий» (20).

Мы знаем, кто стал причиной этих «разногласий» — Польша. Она, не допустив заключения трехсторонней англо-франко-советской военной конвенции, и толкнула СССР к пакту о ненападении с Германией.

О том же скажет и Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. (на которой был ратифицирован советско-германский договор о ненападении). Председатель Совнаркома был даже более конкретен — назвал источник «разногласий»: «Заключение пакта взаимопомощи против агрессии имело смысл только в том случае, если бы Англия, Франция и Советский Союз договорились об определенных военных мерах против нападения агрессора. Поэтому в течение определенного срока в Москве происходили не только политические, но и военные переговоры с представителями английской и французской армий. Однако из военных переговоров ничего не вышло. Эти переговоры натолкнулись на то, что Польша, которую должны были совместно гарантировать Англия, Франция и СССР, отказалась от военной помощи со стороны Советского Союза. Преодолеть эти возражения Польши так и не удалось» (выделено мной. — С. Л.) (21).

Наконец, и Наджияр, который был в курсе переговорной эпопеи и среди западных дипломатов являлся одним из самых осведомленных лиц по этой части, в телеграмме от 25 августа на имя Ноэля отметит: «Действительно, трудно представить, как можно было надеяться добиться от СССР, чтобы он принял обязательства против Германии, столь обходительно обращавшейся с ним, если гарантированные нами поляки и румыны по-прежнему не желали ничего слышать о русской помощи.

Гитлер не колеблясь решился на поступок, который Бек, обеспеченный нашей гарантией, отказывался совершить. Он примирился со Сталиным, несмотря на все то, что он говорил или делал против СССР, и на основе реальных фактов давних отношений между двумя странами повел разговор с новой Россией как держава с державой, отбрасывая, таким образом, Польшу на ее место, столь уязвимое между объединенными немцами и русскими» (22).

25 августа 1939-го глава британского МИД Галифакс и польский посол в Лондоне Рачинский подпишут Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей.

Прочитую первую статью и пункт 1 второй статьи:

«Статья 1. Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с *европейской державой* в результате агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, всю поддержку и помощь, которая в ее силах.

Статья 2. 1. Положения статьи 1 будут применяться также в случае любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, *независимость* одной из Договаривающихся Сторон, и имеет такой характер, что сторона, которой это касается, сочтет жизненно важным оказать сопротивление своими вооруженными силами».

К этому соглашению прилагался секретный протокол, в пункте первом которого говорилось: «1. а) *Под выражением «европейская держава», используемым в соглашении, понимается Германия.*

б) В случае если будет иметь место действие, соответствующее смыслу статей 1 или 2, со стороны европейской державы, иной, нежели Германия, Договаривающиеся Стороны вместе обсудят меры, которые будут совместно приняты» (23).

Обращает на себя внимание, что в документе идет речь о гарантии *независимости* Польши, но нет ни слова о гарантиях ее территориальной целостности. Очевидно, англичане допускали,

что данный вопрос носит дискуссионный характер. При иных обстоятельствах они были готовы обсуждать с Гитлером принадлежность Данцига. А впоследствии, как известно, признают за СССР территории Западных Украины и Белоруссии, присоединенные к Советскому Союзу в сентябре 1939-го.

Кроме того, Великобритания обещала оказать Польше помощь только против Германии. Судя по всему, в Лондоне либо были осведомлены о советско-германских договоренностях о разделе Польши, либо предполагали их наличие — и при этом не собирались ввязываться в войну с Советским Союзом.

В Лондоне исходили из военно-стратегических соображений. В частности, военно-морской министр Уинстон Черчилль 1 октября 1939-го в выступлении по радио одобрил действия РККА по занятию территорий Западных Украины и Белоруссии, отметив, что это «совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы» (24).

Благодаря тому что СССР вернул в сентябре 1939-го те земли, которые поляки отторгли двумя десятилетиями ранее, его стратегические позиции значительно упрочились.

До 17 сентября 1939-го в Белоруссии польско-советская граница проходила в 40 км от Минска, в 140 км от Витебска, в 120 км от Мозыря. После территориального переустройства в 1939-м расстояние от Минска до границы стало 360 км (ее отодвинули на 320 км), от Витебска — 450 км (310), от Мозыря — 400 км (280).

В Виленской области граница проходила в 30 км от Полоцка. После переустройства стало 500 км (470 км).

На Украине польская граница проходила в 30 км от Каменец-Подольского, в 40 км — от Новограда-Волынского, в 100 км — от Коростеня, в 50 км — от Проскурова, в 150 км — от Житомира. После переустройства граница от Каменец-Подольского прошла в 300 км (270), от Новограда-Волынского — в 240 км (200), от Коростеня — в 280 км (180), от Проскурова — в 320 км (270), от Житомира — в 400 км (250) (25).

Летом 1941-го немцам пришлось с боями преодолевать эти дополнительные сотни километров — теряя технику, людей и, что самое главное, — драгоценное время. Последнее было использовано для мобилизации, эвакуации населения и заводов, подготовки новых оборонительных рубежей.

Сейчас известно о катастрофе первых месяцев войны и стремительном продвижении немцев. Можно только представить, куда могли пойти фашисты и чем бы вообще могла закончиться Великая

Отечественная война (а следовательно, и Вторая мировая в целом), если б не было «буфера» из указанных экс-польских (а точнее — возвращенных украинских и белорусских) территорий.

А так Минск немцы взяли через неделю, Полоцк — на 24-й день войны, Витебск — на 18-й, Мозырь — на 51-й. На Украине на линию Новоград-Волинский — Проскуров — Каменец-Подольский фашисты вышли на 17-й — 18-й день войны. Бои под Коростенем длились 53 дня.

1. Год кризиса. 1938—1939. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в Великобритании Р. Камбона министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, 21 августа 1939-го.
2. «Известия», 22 августа 1939 г.
3. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны, 1971, с. 621.
4. Год кризиса. 1938—1939. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, 19 августа 1939 г.
5. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, т. 2, с. 314.
6. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны, с. 621—622.
7. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, с. 316—317.
8. Там же, с. 317—318.
9. Там же, с. 322—325.
10. «Известия», 22 августа 1939-го.
11. Год кризиса. 1938—1939. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджияра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, 22 августа 1939 г.
12. Там же, телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю, 22 августа 1939 г.
13. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны, с. 630—631.
14. Год кризиса. 1938—1939. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, Варшава, 23 августа 1939 г.
15. Там же, телеграмма посла Франции в СССР П. Наджияра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, 23 августа 1939 г.
16. Там же, телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека дипломатическим представителям Польши, 23 августа 1939 г.
17. Там же, телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, 23 августа 1939 г.
18. ДВП СССР, 1992, т. 22, кн. 1, с. 635—636.
19. Там же, с. 657—658.
20. «Известия», 27 августа 1939-го.
21. «Известия», 1 сентября 1939-го.
22. Год кризиса. 1938—1939. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджияра послу Франции в Польше Л. Ноэлю, 25 августа 1939 г.
23. Там же. Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей (25 августа 1939 г.).
24. История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.). — М.: Госполитиздат, 1957, с. 533.
25. «2000», 26.08.2005, «Была ли Польша невинной жертвой?»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Итак, подведем итоги.

Воссоздание польского государства после Первой мировой войны было предпосылкой к новой войне. О чем тогда же, в конце 10-х — начале 20-х гг. XX ст., предупреждали многие политики и эксперты, правота которых впоследствии подтвердилась ходом исторических событий.

Вильсоновские принципы, на которых должен был базироваться послевоенный мир — справедливый мир для стран и народов Европы, — были грубо попорчены. Конечно, не одной только Польшей. Негативную роль в этом сыграли и великие державы-победительницы. Но из числа т.н. новых государств (созданных/воссозданных после Первой мировой войны) именно Польша стала самым главным их (вильсоновских принципов) нарушителем.

Право народов на самоопределение должно было стать прочным фундаментом справедливого послевоенного мира, гарантией неповторения мировой войны. Никто не пограл этот принцип столь цинично и в таких масштабах, как грезившая воссозданием Речи Посполитой в границах 1772 г. Польша, захватившая под шумок послевоенной неразберихи немецкие, литовские, украинские и белорусские земли.

Ни одно из вновь созданных (воссозданных) государств не нарушало в таких масштабах решений Парижской мирной конференции, как Польша. Так что даже в тех случаях, когда союзники (безусловно, далеко не всегда действовавшие непоследовательно с точки зрения провозглашенных ими принципов) и пытались хоть в какой-то мере реализовать принципы справедливого мироустройства в Европе — Польша срывала их намерения.

Не было другого такого государства в Европе после Первой мировой войны, находившегося в конфликте практически со всеми

своими соседями. Причем инициатором и виновником распри являлась именно Польша, воспользовавшаяся временной слабостью соседей, чтобы «обокрасть» их территориально, — Германию, Советскую Россию, Литву. Кроме указанных государств, Польша конфликтовала еще и с Чехословакией.

По объективным причинам, в частности ввиду необходимости обеспечить экономическую состоятельность новых государств, Парижская мирная конференция принимала решения о включении тех или иных территорий в состав новосоздающихся государств в нарушение принципа самоопределения (хотя в польском случае иноэтнические территории нередко оказывались в составе Польши против воли Парижской мирной конференции, в результате польских актов агрессии). При этом предпринимались попытки добиться гарантий для свободного развития нацменьшинств (еще одно ключевое условие предотвращения новой мировой войны), оказавшихся в составе «чужих» государств.

Ни одно другое государство в Европе так грубо не нарушило своих обязательств в отношении прав нацменьшинств, как Польша.

Польша, прихватившая германские земли вопреки всем принципам и представлениям о справедливости, ставшая причиной страданий для миллионов немцев (которым довелось либо стать беженцами, либо жить под властью шовинистов-поляков) — один из важных факторов, породивших германский реваншизм. А последний, в свою очередь, стал питательной средой для германского нацизма и главной движущей силой, приведшей к власти Гитлера.

После Первой мировой войны Польша воссоздавалась по лекалам французского генштаба, исходя из военно-стратегических соображений. В лице Польши Франция создавала восточный противовес Германии, который в случае обострения ситуации в Европе должен был сыграть роль антигерманского второго фронта.

В то же время воссоздание Польши использовалось французами как инструмент ослабления мощи Германии. Поэтому французы пытались передать в состав Польши как можно больше германских территорий. Логика французских стратегов была проста: чем больше германских земель отойдет Польше — а вместе с ними заводы, фабрики, шахты, население — тем меньше будет промышленный и мобилизационный потенциал Германии.

Польша с этой предложенной Францией ролью согласилась. Добровольно выступив в качестве инструмента французской стратегии, она рассчитывала как минимум воссоздать Речь Посполитую в том виде, в каком она существовала до разделов XVIII в.

Будь в руководстве в Варшаве более адекватные и менее авантюрные политики, они бы задумались о последствиях — к чему может привести такое воссоздание Польши, которое порождает территориальные конфликты с соседними государствами, в т. ч. с такими мощными, как Германия и Россия.

Но уж если Польша приняла на себя роль инструмента французской стратегии, более того — своими территориальными захватами усилила как конфликтный потенциал с соседями, а равно и свою зависимость от французских гарантий, то и внешнюю политику в межвоенные годы она должна была проводить соответствующую.

Альфой и омегой польской политики должно было стать укрепление позиций Франции в Европе, усиление системы французских военных союзов. Ибо, как сказано, Польша при своем создании была «заточена» под французские военно-стратегические интересы. Франция была жизненно заинтересована в сильной Польше, являясь естественным и при этом ключевым гарантом польского суверенитета, независимости и территориальной целостности.

Вторым постулатом польской внешней политики должно было стать сохранение версальской системы — ведь межвоенная Польша сама была одним из ее детищ.

Польша должна была проводить курс, направленный на недопущение возрождения немецкой мощи и усиление стратегических позиций Германии в Европе (тем более против Франции — польского союзника).

Польша должна была проводить курс, исключаящий пересмотр европейских границ, особенно силовыми средствами. Соответственно — поддерживать авторитет и дееспособность Лиги Наций, способствовать созданию коллективных систем защиты от агрессии в Европе.

Будучи внутренне уязвимой из-за большого количества непопольского населения, Польша должна была всячески противодействовать попыткам разыгрывания национальной карты, тем более если эту карту пускала в ход Германия. Ибо проблема немецкого меньшинства имела прямое отношение к национальной безопасности самой Польши.

Но Польша сделала все с точностью до наоборот! Причем в тот момент, когда к власти в Германии пришли силы куда более решительно настроенные на слом версальской системы, на германский реванш, чем их предшественники из Веймарской республики.

Польша стала первым государством, которое зажгло Гитлеру «зеленый свет» на его большой дороге международного разбоя.

Были все возможности «сбить» Гитлера «на взлете». И к тому шло, когда в октябре 1933 г. Берлин объявил о выходе Германии из Лиги Наций и конференции по разоружению. Нацистской Германии гро-

зила как минимум международная изоляция. Но Польша протянула Гитлеру руку! Вместо того чтоб стать изгоем на внешней арене — благодаря Польше Гитлер стал героем!

Если Франция отреагировала на выходку Гитлера предложением СССР заключить пакт о взаимопомощи (кроме того, Париж предложил Советскому Союзу вступить в Лигу Наций), начать обсуждение проекта «восточного пакта» — то Польша именно в этот момент опубликовала коммюнике Гитлера—Липского (15 ноября 1933-го), в котором стороны заверили друг друга, что в отношениях между ними тишь, да гладь, да божья благодать!

Варшава отказалась от советского предложения подписать Балтийскую декларацию — о гарантиях суверенитета и независимости странам Балтии. Но подписала с Гитлером — на фоне выхода Германии из Лиги Наций и конференции по разоружению — польско-германский пакт о ненападении (в виде декларации о неагрессии) от 26 января 1934-го. В документе будет отсутствовать стандартная для такого рода пактов того периода клаузула о прекращении действия документа в том случае, если один из участников договора выступит в роли агрессора.

Польша выписала Гитлеру карт-бланш: делай что хочешь, вооружайся, развивай свои экспансионистские планы — с востока тебе ничего не угрожает!

Польско-германский пакт от 26 января 1934-го создал прецедент для билатеральных договоров — это один из основных инструментов, с помощью которых Гитлер будет реализовывать свои захватнические планы. «Разделяй и властвуй!» — старый незамысловатый прием, который сполна использует Гитлер, громя европейские страны поодиночке.

Билатеральные договоры позволили Гитлеру иметь дело не с коллективной стеной, стоящей на пути его агрессивных замыслов, а с каждым кирпичиком по отдельности. Билатеральные договоры стали тем тараном, с помощью которого он выбивал эти кирпичики один за другим из общеевропейской системы безопасности. Двусторонние соглашения позволили Гитлеру манипулировать европейскими странами, крутя-вертя ими, как цыган солнцем.

В тот момент Польша решила, что союз с Гитлером отвечает ее внешнеполитическим целям и задачам. Потому что последние не имели ничего общего ни с сохранением европейского мира, ни с недопущением агрессии и территориальных захватов. Польша сама вынашивала агрессивные захватнические планы! Среди объектов своей экспансии она рассматривала Чехословакию, Литву, Советский Союз. А удовлетворить свои аппетиты она рассчитывала благодаря Гитлеру.

Именно с агрессивной политики Гитлера Варшава собиралась поиметь пользу. Поэтому вооружение Германии и усиление ее позиций в Европе, как полагали в Польше, играет ей (Польше) на руку. Равно и разрушение Лиги Наций, всех других (существовавших либо планировавшихся) коллективных механизмов защиты от агрессии — ведь они препятствовали в т. ч. экспансионистским устремлениям Польши. Третий рейх, как уверовали в Варшаве, выступит тараном, крушащим сложившийся миропорядок в Европе, а Польша, как и после Первой мировой, приберет кое-что из обломков (что ей отчасти и удалось).

Трезвомыслящие политики довольно оперативно отреагировали на первый же вызов Гитлера, брошенный, как уже отмечалось, осенью 1933-го. Ни у кого из серьезных европейских государственных деятелей не вызывало сомнений, что выход Германии из Лиги Наций и переговоров по разоружению на фоне общей риторики нацистов разорвать «оковы Версаля» — это курс на реванш, а следовательно, на войну.

В связи с чем и родилась идея дополнить европейскую систему коллективной безопасности — вдобавок к профранцузским Малой и Балканской Антантам — «восточным пактом». Варианты предлагались разные — без Германии, с Германией (чтобы развеять подозрения насчет «окружения» Германии), но все они были конкретны и недвусмысленны: связать агрессору (в качестве которого подразумевали прежде всего Гитлера) руки, и не только в восточном направлении, но и в любом другом.

Так, весной 1934-го Франция предлагала заключить договор между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией и странами Прибалтики и советско-французский о взаимопомощи, связанный с «восточным пактом» и Локарнскими соглашениями. Предполагалось, что Франция оказала бы СССР помощь в случае нападения на него кого-либо из участников «восточного пакта», а советская помощь Франции осуществлялась бы в случае нападения на нее кого-либо из участников Локарнских соглашений.

В силу своей географической расположенности ключевым элементом «восточного пакта» была Польша. Без нее идея теряла всякий смысл и не могла быть реализована.

Достаточно было поддержки Польшей проекта системы коллективной безопасности, предложенной ее же создателем — Францией, чтобы отбить у Гитлера охоту пересмотреть послевоенные (после Первой мировой) границы. Коллективный фронт против агрессии стал бы мощнейшим фактором давления на Германию и в плане выхода из версальских ограничений по вооружениям.

Подключение Польши к указанному проекту, скорей всего, поставило бы Германию перед необходимостью самой присоединиться к «восточному пакту» — чтобы не оказаться в изоляции и не противостоять в одиночку мощному военному союзу. Создание «восточного пакта» повлияло бы на политику Гитлера, на позицию других государств Европы — Италии, Венгрии, Болгарии и др., на их отношения с нацистской Германией.

Но действовавшее в стоворе с Гитлером польское руководство под разными предлогами блокировало «восточный пакт». Так называемый французский союзник Польша сделала все, чтобы не дать Франции усилить свои стратегические позиции против Гитлера «восточным пактом» и подключением к единому антигерманскому фронту Советского Союза.

Имея в восточном тылу союзную Польшу, торпедировав ее руками идею «восточного пакта», Гитлер приступил к реализации полномасштабной программы вооружений. В марте 1935-го он заявил, что Германия более не считает себя связанной военными ограничениями, установленными Версальским договором. Польша, предупрежденная об этом шаге заранее, поддержала Германию на внешней арене.

В ответ на очередной вызов Гитлера в виде ремилитаризации Германии Франция и СССР подписали договор о взаимопомощи (аналогичный договор был подписан между СССР и Чехословакией). А французский союзник Польша уведомила Францию, чтобы та не рассчитывала на ее содействие в реализации советско-французского договора о взаимопомощи. Имелся в виду коридор для прохода советских войск в Европу — на помощь Франции и Чехословакии в случае войны с Германией. Тогда же, в мае 1935-го, Варшава жестко предупредила и Румынию, чтобы та ни при каких обстоятельствах не предоставляла свою территорию для РККА. Польша надежно прикрывала тыл агрессору Гитлеру!

7 марта 1936 г., имея обеспеченный восточный тыл в виде Польши, Гитлер ввел войска в демилитаризованную Рейнскую область, похоронив тем самым Локарнские соглашения. Последние, заключенные в 1925 г., представляли собой систему договоров, главным из которых был Рейнский гарантийный пакт (между Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией), предусматривавший сохранение территориального статус-кво — неприкосновенность франко- и бельгийско-германской границ, а также соблюдение Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны.

Локарнские договоры, включавшие, кроме Рейнского пакта, еще и германо-чехословацкий договор об арбитраже, и франко-че-

чехословацкий гарантийный договор, рассматривались Варшавой как помеха в ее агрессивных планах по отторжению части территории Чехословакии. А потому поляки ничего не имели против, чтобы Гитлер разрушил локарную систему договоров.

Ввод германских войск на левый берег Рейна проходил под прикрытием и при дипломатическом содействии Польши. Глава польского МИД Юзеф Бек лично ездил в Брюссель уговаривать бельгийское руководство не противодействовать Германии, подталкивая Бельгию — тогдашнюю союзницу Франции, к политике нейтралитета (сей нейтралитет впоследствии дорого обойдется как Бельгии, так и Польше), т. е. работал на разрушение единого фронта против агрессии, на этот раз уже на западе. Польские представители в Лиге Наций срывали дипломатические усилия, направленные на выработку адекватной международной реакции на ввод германских войск в Рейнскую зону.

Ремилитаризовав левый берег Рейна, Германия приступила к возведению т.н. Западного вала («линии Зигфрида») — системы укреплений на западе. Занятием Рейнской зоны Гитлер создавал стратегические предпосылки к аншлюсу Австрии и уничтожению Чехословакии, да, собственно, и самой Польши тоже. Когда впоследствии Германия нападет на Польшу, то ее военные планы будут основываться на том, что она успеет разгромить польскую армию раньше, чем французы и англичане смогут взять укрепления «линии Зигфрида».

Сорвав заключение «восточного пакта», блокировав коллективные усилия (в той части, где они зависели от Польши) по организации единого фронта против агрессии Гитлера, Польша с энтузиазмом подключилась к Германии в разрушении французской системы военных союзов — Малой и Балканской Антант. Польша из кожи вон лезла, чтобы ослабить Францию, — государство, способное остановить агрессию Гитлера, являвшееся военным союзником и гарантом самой же Польши! Бек будет лично развезать по ряду столиц государств Малой и Балканской Антант, агитируя их присоединиться к Гитлеру и Муссолини (например, прямо заявит об этом в Белграде).

Но особенно преуспели поляки в Румынии — одной из ключевых стран в системе французских военных союзов, состоявшей в обеих, Малой и Балканской, Антантах, рассматривавшейся в качестве возможного коридора для прохода советских войск на случай войны в Европе. Манипулируя польско-румынским военным договором 1921-го, Варшава нейтрализовала Румынию, не позволив ей стать мостом между СССР и Малой Антантой.

Лишь формально (так принято считать) Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. На самом деле она полным ходом шла задолго до этой даты. И, к примеру, китайская историография относит начало Второй мировой войны к 7 июля 1937-го, когда японские солдаты обстреляли китайских пограничников, охранявших мост Марко Поло через реку Юнь-дин в 12 км западнее Пекина. Китайская сторона открыла ответный огонь. Это событие стало удобным предлогом для японских военных начать широкомасштабные действия в Китае. А перед тем была агрессия Италии в Эфиопии.

Вторая мировая начиналась как империалистическая по своему характеру. За полгода до нападения немцев на Польшу, 10 марта 1939-го, Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) неоднократно будет повторять словосочетание «вторая империалистическая война», «новая империалистическая война» и т. п.

А межвоенная Польша как раз и поддерживала империалистическую войну! Ведь поляки и себя видели империалистами! Не то что о Литве, Украине и Белоруссии — об африканских колониях мечтали! «Жизненного пространства» для «великой Польши» требовали! Подливая, таким образом, и со своей стороны масла в огонь большой мировой войны.

При этом дружба Польши с Японией была не менее крепкой, чем с гитлеровской Германией. И не только из-за совпадения взглядов по колониальному вопросу. Но и по причине общего объекта для экспансии — Советского Союза. Польша надеялась, что столкновение интересов СССР и Японии на Дальнем Востоке выльется в войну между этими государствами, а поляки соответственно получат возможность ударить с запада.

Польша была главным европейским адвокатом агрессоров и захватчиков в Лиге Наций. С трибуны этой организации представители Польши оправдывали аннексию Абиссинии фашистской Италией, защищали хищнические действия Японии в Китае, поддерживали нацистскую Германию во всех ее шагах — будь то упомянутая ремилитаризация Рейнской зоны или, скажем, аншлюс Австрии.

Включение Австрии в состав третьего рейха увеличило германскую территорию на 17%, а людские (читай — мобилизационные) ресурсы Гитлера на 10% (на 6,7 млн. чел.), усилило немецкий промышленный потенциал. Значительно укрепилось стратегическое положение Германии, словно клещами теперь охватывавшей Чехословакию, кроме того, была установлена итало-германская граница, что, естественно, усиливало их союз. Добавим, Германия

получила общую границу с Венгрией, а это еще более загоняло Будапешт в орбиту Берлина. Наконец, немцы заполучили и границу с Югославией, а значит, они теперь могли оказывать влияние на политику последней.

Именно Польша оказала в этот момент важную услугу Германии — отвлекла внимание Европы своими действиями на польско-литовской границе. Германия и Польша разыграли эту партию в две руки: Гитлер 11—12 марта 1938-го включал Австрию в состав рейха, а Польша устроила разборки с «польской Австрией» — Литвой. Только благодаря вмешательству СССР да негативной реакции Франции и Англии Варшаве не удалось собственный аншлюс. Хотя она заставила Литву восстановить с ней дипломатические отношения, расторгнутые после захвата Вильно и Виленской области, а также признать последние частью польского государства.

Далее пришла очередь Чехословакии. И опять европейские агрессоры, один покрупнее, другой помельче — Германия и Польша — действуют сообща.

Мюнхенский договор — не в последнюю очередь «заслуга» Польши, не только отказавшей в военной помощи своему союзнику Франции в защите другого французского союзника (Чехословакии), но помешавшей оказанию такой помощи со стороны СССР. Более того, Польша сама поучаствовала в агрессии.

Достаточно было заявления Варшавы о верности польско-французскому союзу, чтобы утвердить Францию в решимости защищать Чехословакию силой оружия. Польша могла занять нейтральную позицию, не препятствуя проходу в Европу РККА (если не через свою территорию, то через румынскую) — и события развивались бы совсем по иному сценарию. Но Польша не сделала ни первого ни второго. Наоборот, она еще и пригрозила Парижу, что будет рассматривать в качестве «агрессора» Францию, если та придет на помощь Чехословакии. А уж о пропуске Советской Армии через свою или румынскую территорию в Польшу и слышать не желали, пообещав встретить ту огнем и сбивать советские самолеты.

Эта «жадная гиена» в который раз не позволила остановить Гитлера, рассчитывая, что с барского нацистского стола и ей перепадут кое-какие крохи (и таки перепали).

Передача Германии Судет предопределила полное уничтожение Чехословакии, а вместе с этим — еще большее укрепление третьего рейха, которому достались новые территории, людские ресурсы, первоклассный чешский военно-промышленный потенциал.

Затем настал черед и Польши расплачиваться за свою неадек-

ватную политику. Хотя, к сожалению, расплачиваться пришлось не только Польше, а всему миру.

Из всех государств Европы Польша в наименьшей степени заслуживала того, чтобы брать ее под защиту. Не говоря уж о том, что требования Германии в отношении Данцига и «польского коридора» для связи Восточной Пруссии с третьим рейхом не были ни чрезмерными, ни несправедливыми. Если уж Германии позволили присовокупить Австрию, отдали ей Судеты (и все это активно поддержала Польша!) — то вернуть Данциг, как говорится, сам бог велел.

Но интересы большой стратегии требовали не допустить ее захвата нацистами либо превращения в полного и окончательного вассала Германии, что могло произойти, оставь тогда Запад Польшу один на один с Гитлером.

Это была последняя попытка предотвратить большую войну, объединив коллективные усилия против агрессии, организовав мощную антигитлеровскую коалицию. Увы. Все усилия с самого начала натолкнулись на глухую стену — Польшу, не желавшую сотрудничать с СССР и состоять с ним в одной коалиции. Даже если речь шла о существовании самой Польши!

Казалось бы — над Польшей занесен германский меч, ей бы обхаживать всех, чтобы оказали поддержку. Но бегать пришлось за Польшей с ее безответственным руководством. Варшаву едва не умоляли, чтобы та позволила себя защитить.

СССР, по меткому выражению Черчилля, был «ключом» к созданию союза, способного остановить Гитлера. Военный союз Англии, Франции, СССР и Польши заставил бы Гитлера десять раз подумать, прежде чем решиться на войну. Скорее всего, он бы вынужден был отказаться от своих планов. Или получить большую войну на два фронта с неизбежным финалом в виде поражения Германии.

С середины марта и вплоть до 20-х чисел августа 1939-го Польшу уговаривали согласиться принять советскую помощь по отражению гитлеровской агрессии. Но все без толку.

Непримиримая антисоветская позиция Польши сорвала и московские переговоры военных миссий Англии, Франции и СССР в августе 1939-го — последние усилия сформировать единый антигитлеровский фронт разбились именно о вопрос пропуска советских войск через польскую территорию. А это, в свою очередь, вынудило Москву пойти на заключение советско-германского пакта о ненападении. Таким образом, Польша сама распахнула Гитлеру двери для вторжения на ее территорию, а также открыла шлагбаум и для большой войны в Европе.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр II 14
Александр III 16
Александровский Сергей Сергеевич 217,
244, 306, 308, 332
Альфан Шарль 141, 142, 168–170, 202,
210
Антонеску Ион Виктор 252, 254, 261
Антонов-Овсенко Владимир
Александрович 138, 150, 181, 208
Араки Садао 182
Артузов Артур Христианович 132
Асквит Герберт 20
Астахов Георгий Александрович 270, 285,
291, 292, 314, 319, 353, 386
Бабарин Е. И., 383
Бальфур Артур Джеймс 106
Бандера Степан Андреевич 18
Баржетон 208
Барту Луи 132, 154, 155, 168, 170, 203, 204,
206–209, 211–213
Бауэр Отто 104
Бек Людвиг 297, 298
Бек Юзеф 42, 129, 130, 132, 133, 141, 142,
148–151, 155, 156, 158–162, 168, 187,
188, 193–199, 208–211, 213, 214, 216,
217, 226–229, 236, 240–242, 246, 248,
249, 251, 255–260, 262, 265, 268, 269,
271, 272, 276, 277, 279–281, 283, 285,
288–290, 293, 295, 305, 309, 310, 312,
314, 315, 317, 320–327, 329–332, 337,
339, 341–347, 349–351, 353, 354, 359,
363, 377, 378, 386, 390, 396, 397, 401,
402, 405–407, 410, 411, 413, 422
Бем-Теттельбах Ханс 297
Бенеш Эдвард 104, 156, 163, 164, 210, 218,
243, 283, 306, 319, 320
Березов Лазарь Эммануилович 231
Бетман-Гольвег Теобальд фон 16, 17
Бломберг Вернер фон 225, 269, 283, 284
Блюм Леон 243, 244, 246, 251, 311
Бок Федор фон 9
Бонне Жорж 156, 274, 275–278, 302, 304–
306, 308–310, 312–314, 359, 382, 387, 396,
397, 404, 409–411
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 29
Бортновский Владислав 327
Боффер 398
Браухич Вальтер фон 298
Брокдорф-Ранцау Ульрих 95, 96
Буллит Уильям 182, 240, 346, 401
Вайцзеккер Эрнст фон 297, 330
Ван-Зееланд Поль ван 228
Ванситтарт Роберт 359, 360
Вацетис Иоаким Иоакимович 44
Вейган Максим 220
Венцковский Александр 37, 50, 51
Вечоркевич Павел 351, 352
Вжесинская Елизавета Федоровна 31
Вильгельм II 19
Вильсон Гораций 300
Вильсон Томас Вудро 23, 34, 40, 85–89, 94,
95, 97, 100, 106, 107, 222
Виноградов 248, 249, 262, 263, 269
Витос Винченцы 131
Войцеховский Станислав 131
Вольф 273, 274

- Ворошилов Климент Ефремович 315, 316, 385, 390, 394, 397, 408, 412
Врангель Петр Николаевич 32, 63, 64, 66
Галифакс Эдуард Фредерик Линдли Вуд 195, 287, 300, 314, 360, 372, 373, 382, 406, 407, 413
Галлер Юзеф 19, 75, 86, 87, 171
Гальдер Франц 298, 299
Гамелен Морис Гюстав 243, 308–311, 315, 316, 396
Геббельс Йозеф 7, 380
Гендерсон Невилл 380
Генлейн Конрад 265–268, 273, 274, 296
Геринг Герман 129, 145, 165, 187, 188, 216, 217, 226, 227, 240, 246–248, 250, 281, 285, 309, 311, 312, 321, 326, 331, 335, 352, 353, 380
Гертлинг Георг фон 19
Гессе Павел Августович 36
Гжибовский Вацлав 210, 286–288, 290, 291, 334, 337–340, 342, 347, 362, 363, 376, 377, 389, 390
Гирсу Вацлав 148, 185
Гитлер Адольф 5, 6, 30, 46, 48, 74, 84, 94, 96, 99, 111, 122, 128, 132, 134–139, 143–146, 148, 151–154, 156, 158, 160–164, 166–170, 172–179, 187, 190, 193–197, 201, 203, 205–211, 213, 215–220, 224–231, 233–237, 239–242, 244–246, 248–251, 253, 255, 258, 261, 262, 264–272, 275–279, 281–290, 293, 296–301, 303–309, 312, 314–331, 333–337, 339–345, 347–354, 356–363, 365–367, 369–372, 374, 376, 379–381, 385, 387–389, 394–396, 401, 406, 411, 413, 414, 417, 419–426
Глуховский Казимир 191
Грабский Станислав 120
Гэфенку 176, 177
Давтян Яков Христофорович 185, 193, 208, 210, 211, 256, 386
Далальс Эдуард 146, 274, 303, 304, 306, 307, 310, 362, 366, 395, 401, 402, 410
Дараньи Кальман 270
Дебеней Мари-Эжен 168, 169
Де ла Варр Гербранд Саквилл 300, 314, 315
Дельбос Ивон 193, 194, 248, 249, 257, 263
Де ля Рок Франсуа 132, 133
Деникин Антон Иванович 13, 19, 31, 49
Дирксен Герберт фон 17, 18, 98, 101, 102, 107, 110, 119, 206
Дмовский Роман 24, 41, 92, 93, 124, 132, 140
Довгалецкий Валериан Савельевич 204
Додд Вильям 185
Дольфус Энгельберт 165, 166
Домбский Ян 70, 76
Дракс 389, 391, 395, 399
Думенк Жозеф Эдуард Айтеме 394, 395, 397, 398, 409, 410
Дэвис Джозеф Эдвард 311
Желиговский Люциан 75, 76, 77, 78, 97, 101, 200, 285
Замойский Анджей 15
Заруский Мариуш 191
Зейсс-Инкварт Артур 274, 284, 285
Зотов Иван Степанович 291
Иден Антони 130
Имреди ди Оморавица Бела 325, 328
Йодль Альфред 335
Ионеску 308
Каден-Бандровский Юлиуш 215
Кадере 148
Кадоган Александр Джордж Монтэгю 362–364
Каменев Сергей Сергеевич 62
Канья Кальман 270, 328
Каршо-Седлевский Я. 347
Кейтель Вильгельм 296, 305, 333
Керзон Джордж Натаниэл 63–65, 74, 75, 157
Кернан Джордж 34
Клайв Роберт 195
Клеманс Жорж 54, 79, 80, 90, 94, 97, 116, 159, 204, 220, 222, 223, 234
Кляйст-Шменцин 297
Кобылянский Тадеуш 236, 241, 262
Ковалевский Ян 256, 259
Козловский Леон 386
Коллонтай Александра Михайловна 258
Комнен (Петреску-Комнен) Николае 307, 310, 311, 314
Коноз Фумимаро 182, 183
Кордт Теодор 393
Косцялковский (Зындрам-Косцялковский) Мариан 227, 241
Коц Адам 255, 256
Крапивинцев 291
Крестинский Николай Николаевич 147, 232–234, 242
Крестя Мирон 308
Крофта Камил 244, 245, 271, 286, 302, 308, 328, 330, 332
Кулик Григорий Иванович 302
Кулондр Роберт 311, 313, 315, 359

- Лаваль Пьер 166, 212, 213
 Лансинг Роберт 95
 Левицкий Андрей 52
 Леб Вильгельм Йозеф Франц фон 9
 Леже Алексис 206, 207, 236
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 9, 29, 44, 53, 261, 316, 389
 Леопольд III 229
 Лешинский Юлиан Марьянович 29
 Липский Юзеф 145, 148, 150, 154, 158, 162, 196, 279–281, 305, 311, 312, 314, 317, 321, 322, 324–328, 330–332, 336, 337, 345, 349, 351, 353, 354, 419
 Листопад П. П. 291, 340, 358, 359
 Литвинов Максим Максимович 136, 141, 146, 148–150, 153, 158, 160, 161, 163, 168, 170, 181, 186, 193, 198, 201, 202, 204, 208, 209, 212–219, 227, 231, 235, 246, 252, 256, 257, 259, 286–291, 300–302, 306, 308, 311, 313, 314, 320, 334, 335, 339–343, 360, 361, 363, 369, 373
 Ллойд Джордж Дэвид 20, 23, 32–34, 39, 40, 66, 73, 74, 78, 80, 81, 83–88, 90, 91, 94–96, 100, 104–107, 109, 110, 112, 113, 117, 118, 122, 124, 125, 156, 221–223, 367, 377
 Лукасевич Юзеф 136, 147–150, 156, 168, 199–201, 214, 275–278, 288, 290, 305, 307–310, 332, 346, 387, 405, 402
 Луначарский Анатолий Васильевич 29, 30
 Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм 13
 Лямуре Люсьен 172
 Лярош 148, 207, 210, 211, 216, 228
 Майский Иван Михайлович 120, 165, 204, 287, 297, 300, 313, 359–364, 369
 Макдональд Джеймс Рамсей 166, 373
 Малиновский 259
 Мальом 386
 Марек 187
 Мархлевский Юлиан 28, 61, 68
 Масарик Томаш Гарриг 110
 Масарик Ян 165
 Матушевский Игнатий 148
 Медзинский 148, 151, 152
 Медзинский Богуслав 256
 Мишкевич Адам 14
 Молотов Вячеслав Михайлович 10, 69, 103, 175–178, 186, 226, 234, 293, 373, 375–378, 412
 Мосцицкий Игнаци 131, 194, 268
 Муссолини Бенито 131, 132, 159, 164–167, 214, 227, 242, 251, 323, 326, 329, 335, 423
 Мюс 398, 402, 404, 405
 Мюссе 398
 Наджияр 381, 394, 397, 398, 406, 410, 413
 Нейрат Константин фон 150, 205, 207–209, 226, 229, 239, 240, 269, 357
 Никитин Кузьма Николаевич 291
 Николай II Романов 13, 23, 220
 Николай Николаевич Романов (младший) 14
 Ноэль Леон 263, 288, 305, 358, 396, 397, 402, 404, 405, 409–411, 413
 Орlando Витторио 94
 Остер Ханс 297
 Островский Моисей Семенович 217, 242, 254, 260
 Ота 181, 186
 Павел, принц (Карагеоргиевич) 242
 Падеревский Игнацы Ян 41, 42, 43, 50, 84, 87, 100, 101, 114, 156
 Пайяр Жан 312, 313
 Папэ Казимеж 305, 329–331
 Патек Станислав 54–56
 Петлора Симон Васильевич 52, 57, 58, 68
 Петровский Григорий Иванович 29
 Пилсудский Юзеф 6, 11, 16, 17–19, 31–33, 39, 43, 44, 46, 50, 52, 57, 58, 61, 67–69, 76, 77, 86, 90, 103, 110, 111, 130–132, 136, 137, 140, 148, 154, 160, 165, 169–172, 174, 176, 178, 182, 184, 188, 216, 237, 242, 255, 259, 327, 332, 350, 405
 Подольский Борис Григорьевич 183, 236
 Поль-Бонкур Жозеф 143, 146, 203, 204, 287, 288
 Порембский Казимеж 191
 Потемкин Владимир Петрович 165, 209, 216, 237, 243, 257, 258, 260–262, 272, 291, 293, 301, 312, 313, 315, 328, 329, 337, 338, 362
 Проце Р. 174
 Прудон Пьер Жозеф 170
 Пуанкаре Раймон 80, 204
 Радзивилл Януш 181
 Райле Оскар 119, 120, 191, 192
 Райский 147
 Раушинг Герман 240, 241
 Рачинский Эдвард Бернард 377, 378, 413
 Риббентроп Иоахим 10, 18, 69, 175–178, 196, 216, 278, 279–281, 293, 295, 331, 332, 336, 337, 345, 347, 349–351, 353, 354, 380, 387, 408–410

- Розенберг Альфред 145, 165, 187
Розенберг Марсель Израилевич 158, 170, 208
Россо Аугусто 389, 390
Рушгедт Герд фон 9
Рыдз-Смиглы Эдвард 194, 242, 243, 244, 246–248, 268, 305, 307, 310, 311, 352, 355, 387, 398, 402, 407, 409
Самсонович 253
Сапега 162
Сапега Адам Стефан 259
Сарро Альбер-Пьер 230, 237
Сидс Уильям 360, 361, 372–374, 393, 399
Сикорский Владислав 78, 120, 171
Синклер Арчибальд Генри Макдональд 377
Скоропадский Павел Петрович 57
Скржинский Александр Юзеф 51
Сляжевичус Микола 200
Сметона Антанас 293
Смэтс Ян Христиан 104, 106
Соснковский Казимир 188, 194, 195
Сталин Иосиф Виссарионович 6, 107, 146, 158, 171, 174, 175, 182, 184, 187, 188, 190, 293, 352, 369–371, 413, 423
Стажевич Вацлав 259, 260, 401, 405
Стомоняков Борис Спиридонович 137, 138, 141, 152, 159, 169, 182, 183, 185, 199, 210, 215, 226, 229
Стоядинович Милан 242
Стояи Деме (Димитрие Стоякович) 321, 325
Стичинский 148
Стрэнг Уильям 378, 382, 404
Студницкий Владислав 226
Суриц Яков Захарович 163, 227, 287, 303, 306, 307, 310, 333, 341, 343, 361, 362, 366, 369, 373
Сухоцкая Ханна 72
Танака Гийти 179, 180
Тарлье Андре 222
Титулеску Николае 158, 218, 231, 242, 243, 252, 254, 258, 261, 262
Тихменев Николай Сергеевич 182, 258
Троцкий Лев Давидович 53, 67
Тухачевский Михаил Николаевич 147
Тютюнник Григорий Осипович 52
Ульманис Карлис 210, 211
Ульянов Александр Ильич 16
Филипович 72
Фиппе Эрик 185, 195
Фирлингер Зденек 272, 301, 311
Фланден Пьер-Этьен 212, 214, 230, 231
Фоллик Монт 99
Форстер Альберт 268
Фош Фердинанд 53, 68, 82, 94, 95, 97, 204, 220–223, 234, 237
Франк Ганс 226
Франко Франсиско 293
Франсуа-Понсе Андре 280, 285, 289, 312, 314, 323
Фукидид 24
Фуллер Джон Фредерик Чарлз 99, 366
Харута Такашира 183
Хауз Эдвард Мандел 97
Хор Самюэль 216
Хэлл Корделл 182, 401
Циеленс Феликс 138
Чаки Иштван 324, 325
Чан Кайши 64
Чемберлен Невилл 280, 300, 325, 331, 356, 357, 360, 362–364, 367, 372
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер 53, 54, 88, 89, 220, 230, 231, 300, 314, 332–335, 353, 357, 359, 367, 371, 374, 377, 414, 426
Чичерин Георгий Васильевич 26, 27, 28, 35, 37, 43, 72, 75, 78, 200–202
Чув Феликс Иванович 176
Шапошников Борис Михайлович 383, 394
Шаронов Николай Иванович 403, 411, 412
Шастенэ Жак 232–234
Швальбе 148
Шеба Ян 253, 254
Шейдеман Филипп Генрих 95
Шелия Рудольф фон 346, 347
Шембек Ян 188, 227, 246, 311, 347
Ширер Уильям 299, 366
Шмидт Пауль 380
Шнурре Карл 378, 383
Штрассер Отто 187
Штреземан Густав 160, 164, 310
Шуленбург Вернер фон 177, 378, 390
Шушник Курт фон 166, 284, 288, 353
Юнгерт-Арноти Михай 217
Юренев Константин Константинович 163, 260
Якубович Игнатий Моисеевич 258
Янковский 231, 232, 328, 329
Янсон 273–275

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Вместо предисловия	
Без двойных стандартов	5
Войну за историю — на территорию противника!	7
На «большой дороге» независимости	
Польского джинна выпускают из бутылки	12
Советская Россия мечет бисер перед Пилсудским	25
Польша выходит на большую дорогу	39
Советская Россия мечет бисер перед Варшавой	49
К мифу о «большевистской угрозе»	61
Польский топор в спину Лиги Наций	73
Французские эмоции и американская благосклонность на пользу польской алчности	79
Польские корни германского реваншизма	87
Аппетит приходит во время еды	97
«Чудовище Франкенштейна»	103
Польша — хозяин своего слова: хочет — дает, хочет — забирает обратно	109
Предтеча третьего рейха	119
Плечом к плечу с Гитлером	
«Рыбак рыбака видит издалека», или Как Польша спелась с третьим рейхом.	130
Польша спасает Гитлера от внешнеполитической изоляции	143

Польша предает Францию	154
Пакт Гитлера—Пилсудского (секретный протокол к германо-польской декларации от 26 января 1934 г.)	168
Польская ставка на японскую агрессию	179
Колонии для «Великой Польши», и за что поляки обещали поставить памятник Гитлеру	189
Как Москва загоняла Варшаву в угол.	198
Польша не позволяет связать руки Гитлеру.	203
Польша — союзник Гитлера: ремилитаризация Рейнской зоны	219
Поляки берут уроки дипломатии у Гитлера.	239
Порт-пароль Гитлера в Европе.	251
Польша подыгрывает Гитлеру, копая себе яму	264
Поляки «с револьвером со снятым предохранителем»	282

«Гиена Европы»

Мюнхенского сговора могло не быть.	296
Восточный вал Гитлера	303
«Гитлерее Гитлера»	319
«С жадностью гиены»	327
«Гиене» прижимают хвост.	336
«Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск...»	344

Польша дает сигнал Второй мировой войне

Как застраховали «завод, полный сумасшедших»	356
Польша не позволяет себя защищать.	369
«Одетые в сталь и броню, ведомые Рыдз-Смиглы, мы маршем пойдем на Рейн...»	379
Польша срывает подписание англо-франко-советской военной конвенции	389
«Последний шанс спасти мир...»	404

Вместо эпилога	416
---------------------------------	-----

Именной указатель	426
------------------------------------	-----

Громадсько-політичне видання
ЛОЗУНЬКО Сергій Валерійович
«ПОТВОРНЕ ДІТИЩЕ ВЕРСАЛЯ»,
ЩО СТАЛО ПРИЧИНОЮ
ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ
(Рос. мовою)

Художній редактор *В. П. Мариняк*
Коректори *Г. Г. Германенко, Л. О. Ващенко,*
Н. П. Степенко, Л. П. Караваєва
Комп'ютерна верстка *В. В. Ждан-Пушкіна*
Комп'ютерна обробка фото *Є. В. Рафалюк*

Формат 60x 84 1/16. Ум. друк. арк. 25,2.
Наклад 2000 прим. Замовлення 11-065.

Видавництво «Довіра», Тижневик «2000»
вул. Кіквідзе, 2/34, Київ-103, 01103

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців
серія ДК № 669 від 14.11.2001

Віддруковано у ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф»
вул. Віскозна, 8, Київ-660, 02660.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру виготівників
серія ДК № 2715 від 07.12.2006 р.

Лозунько С. В.

Л72 «Уродливое детище Версаля», из-за которого произошла Вторая мировая война / Сергей Лозунько. — К. : Еженедельник «2000» : Довіра, 2011. — 431 с.

ISBN 978-966-507-279-9

Вторая мировая война — как принято считать — началась с агрессии Гитлера против Польши. В сентябре 1939-го Польское государство фактически перестало существовать, а его территория была «переустроена» — перераспределена между Германией, СССР и Литвой. Одним из результатов войны стали миллионы жертв среди поляков. Однако то, что Польша пострадала, не снимает с нее значительной доли вины за произошедшее, в частности — за Вторую мировую войну, стоившую человечеству 60 миллионов жизней. Ибо война — продолжение политики иными средствами. Мировая война — продолжение мировой политики. Предпосылки к войне были заложены гораздо раньше, при самом непосредственном и активном участии Польши...

ББК 63.3(0)62+63.3(4ПОЛ)